

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
СОГЛАСИЯ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА

ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

по итогам X международного научного форума

Москва
2025

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

К90

Издаётся по решению Учёного совета Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Редакционная коллегия:

Горлова И. И., доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (ответственный редактор);

Коваленко Т. В., кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Гуцалов А. А., кандидат философских наук, руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Еремеева А. Н., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Рецензенты:

Хватова С. И., доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыковедения, композиции и методики музыкального образования Краснодарского государственного института культуры;

Швецова А. В., доктор философских наук, профессор, декан факультета социокультурной деятельности Крымского университета культуры, искусств и туризма

К90

Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия :

сб. науч. ст. по итогам X междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. А. Гуцалов, А. Н. Еремеева [Электронное сетевое издание]. — Москва : Институт Наследия, 2025. — 436 с. — DOI: 10.34685/НИ.2025.66.98.007. — ISBN 978-5-86443-523-6.

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов и сообщений Десятого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», состоявшегося 26–29 сентября 2024 г.

В опубликованных статьях рассмотрены проблемы реализации государственной культурной политики, сохранения культурного наследия народов России в аспекте укрепления российской государственности, специфические черты этнических культур Северного Кавказа и механизмы межнационального взаимодействия, художественная жизнь в контексте диалога культур. Особое внимание уделяется анализу опыта актуализации и репрезентации культурного наследия Северного Кавказа в современном обществе.

Сборник подготовлен в рамках государственного задания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-523-6

DOI 10.34685/НИ.2025.66.98.007

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать на сайте Института Наследия — www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»

ISBN 978-5-86443-523-6

9 785864 435236

© Коллектив авторов, 2025

© Южный филиал

Института Наследия, 2025

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL
AND NATURAL HERITAGE

SOUTHERN BRANCH

**CULTURAL HERITAGE
OF THE NORTH CAUCASUS AS A RESOURCE
OF INTERETHNIC CONCORD**

**Proceedings
of the 10-th International Scientific Forum**

Moscow
2025

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

K90

Editorial Board:

Irina I. Gorlova, Dr. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Prof., Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Editor-in-Chief);

Timofey V. Kovalenko, Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Deputy Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Aleksandr A. Gutsalov, Cand. Sci. (History of Philosophy), Head, Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Anna N. Ereemeeva, Dr. Sci. (National History), Prof., Chef Researcher, Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Reviewers:

Svetlana I. Khvatova, Dr. Sci. (History of Art (Musical Art)), Assoc. Prof., Prof., Department of Musicology, Composition, and Methods of Music Education, Krasnodar State Institute of Culture;

Antonina V. Shvetsova, Dr. Sci. (Social and Political Philosophy), Prof., Dean of the Faculty of Sociocultural Activities, Crimean University of Culture, Arts, and Tourism

K90

Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya

(The Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Interethnic Concord) : Proceedings of the 10-th International Scientific Forum / Ed.-in-Chief I. I. Gorlova; Editorial Board : T. V. Kovalenko, A. A. Gutsalov, A. N. Ereemeeva [Online network publication]. — Moscow : Institut Naslediya, 2025. — 436 p. — DOI 10.34685/HI.2025.66.98.007. — ISBN 978-5-86443-523-6.

The book includes materials based on the reports and messages of the 9-th International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Inter-Ethnic Concord”, held on September 26–29, 2024.

The published articles consider the problems of implementing state cultural policy, preserving the cultural heritage of the peoples of Russia in the aspect of strengthening Russian statehood, specific features of ethnic cultures of the North Caucasus and mechanisms of interethnic interaction, artistic life in the context of a dialogue of cultures. Special attention is paid to the analysis of the experience of actualization and representation of the cultural heritage of the North Caucasus in modern society.

The book was prepared within the framework of the state task of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-523-6

DOI 10.34685/HI.2025.66.98.007

ISBN 978-5-86443-523-6

9 785864 435236

© By Composite authors, 2025

© Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Горлова, Т. В. Коваленко

Юбилей как точка сборки: итоги и перспективы изучения культурного наследия (Вместо предисловия) 15

РАЗДЕЛ 1.

Государственная культурная политика: стратегические задачи и региональные особенности их реализации

А. А. Гуцалов

Культурная деятельность: определение, содержание и оценка эффективности 27

А. С. Коренной

Формы и методы социокультурной реабилитации участников СВО как направление государственной культурной политики 38

К. Г. Шилов

Университетское образование как культурная форма: типология функций 45

А. А. Нагой

Событийность в государственной программе Республики Адыгея «Развитие культуры»: контент-анализ и его культурологическая атрибуция 57

Е. А. Давиденко

Корпоративная культура: миф о глобальной конвергенции и реальность национальной самобытности 70

С. Н. Орлов

Классификация альтметрических инструментов
и их культурологическая оценка 74

РАЗДЕЛ 2.

Сохранение культурного наследия: проблемы, поиски, решения

Н. Г. Соловьёва

Образ традиционной семьи
в культурном наследии кубанского казачества 83

И. Г. Кухтина, А. Е. Кухтина

Белорусский национальный бренд «Недараскручаны павук пад
столлю»: преемственность и сохранение семейных ценностей 91

И. А. Колобкова

Этнокультурные связи центров традиционной керамики
русско-украинского пограничья: Суджа, Опошня 101

А. В. Угольников

Иконографический строй и стилистические особенности
мозаичного панно Г. А. Даумана на здании Краснодарского
государственного цирка 119

Ю. В. Буланая

Духовный путь Русского Донбасса: православие
как культурное наследие 135

РАЗДЕЛ 3.

Художественная жизнь в контексте диалога культур

А. Н. Соколова

Культурные и музыкальные взаимодействия
как проблема культурной антропологии 141

Э. А. Соловьёва, П. В. Назаретян

Аутопсия в контексте культурно-религиозных трансформаций
(на примере европейской живописи) 152

Е. С. Лаптев

Советская опера в контексте концепций культурной динамики 171

В. Ш. Жачемук

Радио в культурно-историческом контексте XX–XXI веков:
типология научных подходов 179

С. В. Бошук

Сравнительный анализ художественных образов творческого
деятеля в советском и голливудском кино (1945–1990 годы) 190

К. М. Магомедов, Т. И. Янгайкина

Выставочная деятельность Союза художников
Республики Дагестан и ее роль в формировании
профессионального искусства 200

РАЗДЕЛ 4.

Межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры

С. А. Кропачев

Языковые особенности многонациональных регионов РСФСР
(по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года) 208

Л. В. Кубанова

Современное состояние и региональные аспекты языковой
политики (прикладной аспект) 225

Л. Ю. Козлова

О проблемах взаимоотношений языка и культуры
в полиэтническом пространстве Карачаево-Черкесской
Республики 233

Л. Н. Тугова

Национальные истоки и культурная идентичность народа
в творчестве абазинских писателей 240

Ф. М. Хубиева

Коммуникативно-лингвистические игры как необходимое
условие интенсификации учебного процесса
студентов-билингвов 249

РАЗДЕЛ 5.

Этнические культуры Юга России: история и современность

Р. И. Пшеничникова

Этнокультуры России в контексте проблем формирования
позитивного ноосферного мышления: модульный подход 259

Е. М. Сурова

Традиционное срубное жилище карачаевцев:
история формирования, конструктивные особенности 268

А. М. Суюхова

Миф и утопии в контексте реализации культурного кода
адыгов в эпосе «Нарты» 276

Н. Г. Денисов, Ю. С. Сайфиева

Мода в контексте этносоциальной идентичности народов
Северного Кавказа: к постановке вопроса 283

М. З. Магомедова

Шейх Хасан-афанди из Кахиба: путь духовного становления 289

РАЗДЕЛ 6.

Современное общество и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации

И. М. Карбанова

Художественный музей в современной России:
специфика работы с семейной аудиторией 294

В. С. Коренная

Основные направления работы учреждений культуры
с учащейся молодежью в области исторического просвещения 305

А. Р. Токова

Участие СМИ в межкультурном диалоге народов
Карачаево-Черкесской Республики 312

Е. Ю. Третьякова, О. Р. Булатова

Поэзия Юрия Кузнецова в музыке современных композиторов 320

А. Н. Еремеева

Музейные комплексы научно-исследовательских учреждений
как ресурс развития культурно-познавательного туризма 328

Э. М. Чачи

Сохранение исторической памяти в деятельности молодежных
туристических организаций Республики Крым 337

РАЗДЕЛ 7.

История и культуры Северного Кавказа: опыт изучения

Р. З. Сагов

История Ингушетии в кавказоведческом дискурсе XX века:
тенденции и проблемы 345

М. И. Кругликова

Поэтическое, историческое и культурное пространство Кавказа
в творчестве Велимира Хлебникова 355

Н. В. Ламосова, О. А. Леусян

Екатеринодарский педагог Ф. В. Андерсон и его
университетский наставник профессор А. П. Павлов 361

О. В. Спачиль

Материалы к биографии Д. Т. Савельева, земского врача
и друга А. П. Чехова 373

Н. Л. Шурик

Альбом «Ейск в 1918 году» как отправная точка
в реконструкции биографии русского художника-педагога
Сергея Николаевича Гросицкого 394

К. Г. Ачмиз

История аграрного образования на Кубани в трудах академика
А. Х. Шеуджена 406

МЕМУАРНАЯ ЭССЕИСТИКА

В. Г. Кукуян (Тер Даниэл)

Дворы моего детства (Краснодар 1950–1960-х годов) 414

CONTENTS

Irina I. Gorlova and Timofey V. Kovalenko

An Anniversary as a Gathering Point: Results and Prospects
for Cultural Heritage Studies (Instead of a Foreword)15

SECTION 1.

State Cultural Policy:

Strategic Objectives and Regional Specifics of Their Implementation

Alexander A. Gutsalov

Cultural Activities: Definition, Content
and Evaluation of Effectiveness27

Alexander S. Korennoy

Forms and Methods of Sociocultural Rehabilitation of Participants
of the Special Military Operation in Ukraine as a Direction
of State Cultural Policy38

Kirill G. Shilov

University Education as a Cultural Form: A Typology of Functions45

Angela A. Nagoy

Eventfulness in the Republic of Adygea's "Cultural Development"
State Program: Content Analysis and Its Cultural Attribution57

Elena A. Davidenko

Corporate Culture: The Myth of Global Convergence
and the Reality of National Identity70

Sergey N. Orlov

Classification of Altmetric Tools and Their Cultural Assessment74

SECTION 2.

Preserving Cultural Heritage: Problems, Research, and Solutions

Natalia G. Solovyova

The Image of a Traditional Family in the Cultural Heritage
of the Kuban Cossacks 83

Irina G. Kukhtina and Alexandra Ev. Kukhtina

Belarusian National Brand «Untwisted Spider under the Ceiling»:
Continuity and Preservation of Family Values 91

Irina A. Kolobkova

Ethnocultural Relations of the Centers of Traditional Ceramics
of the Russian-Ukrainian Borderland: Sudzha, Oposhnya 101

Alexey V. Ugolnikov

Iconographic Structure and Stylistic Features of the Mosaic Panel
by Grigory A. Dauman on the Building of the Krasnodar State Circus 119

Yulia V. Bulanaya

The Spiritual Path of the Russian Donbass:
Orthodoxy as a Cultural Heritage 135

SECTION 3.

Artistic Life in the Context of Cultural Dialogue

Alla N. Sokolova

Cultural and Musical Interactions as a Problem
of Cultural Anthropology 141

Emila A. Solovyova and Petr V. Nazaretyan

Reflection of the Historical Development of Religious
and Philosophical Attitudes Towards Anatomical Autopsies
on the Example of Paintings from Different Eras 152

Yelisey S. Laptev

Soviet Opera in the Context of Concepts of Cultural Dynamics 171

Vyacheslav Sh. Zhachemuk

Radio in the Cultural and Historical Context
of the 20th and 21st Centuries: A Typology of Scientific Approaches 179

Sergei V. Boshuk

A Comparative Analysis of Artistic Portrayals of the Creative Figure
in Soviet and Hollywood Cinema (1945–1990) 190

Kurbanali M. Magomedov and Tatyana I. Yangaikina

Exhibition Activities of the Union of Artists of the Republic
of Dagestan and Its Role in the Development of Professional Art 200

SECTION 4.

Interethnic Interaction: Language, Society, Cultures

Sergey A. Kropachev

Native Languages and Languages of Interethnic Communication
in Russia in the 1920s (according to the All-Union
Population Census of 1926) 208

Liana V. Kubanova

Current Status and Regional Aspects of Language Policy
(Applied Aspect) 225

Lyudmila Yu. Kozlova

The Problems of Relationships between Language and Culture
in the Polyethnic Space of the Karachay-Cherkess Republic 233

Lelya N. Tugova

National Origins and Cultural Identity
of the People in the Works of Abaza Writers 240

Fariza M. Khubieva

Communicative and Linguistic Games
as a Necessary Condition for the Intensification
of the Educational Process of Bilingual Students 249

SECTION 5.

Ethnic Cultures of Southern Russia: History and Modernity

Raisa I. Pshenichnikova

Ethnocultures of Russia in the Context of the Problems
of Developing Positive Noospheric Thinking: A Modular Approach 259

Elena M. Surova

The Traditional Karachay Log Dwelling: History of Formation,
Design Features 268

Aminet M. Siyukhova

Myth and Utopias in the Context of the Implementation
of the Cultural Code of the Adygs in the Epic “Narts” 276

Nikolay G. Denisov, Yulia S. Saifieva

Fashion in the Context of the Ethnosocial Identity of the Peoples
of the North Caucasus: to Raise the Question 283

Madina Z. Magomedova

Sheikh Hasan-Afandi of Kahib: The Path of Spiritual Growth 289

SECTION 6.

**Modern Society and Cultural Heritage:
An Experience of Actualization and Representation**

Irina M. Karabanova

Art Museums in Modern Russia: The Specifics
of Working with Family Audiences 294

Valentina S. Korennaya

The Main Areas of Work of Cultural Institutions
with Young Students in the Field of Historical Education 305

Astanda R. Tokova

Media Participation in Intercultural Dialogue
of the Peoples of the Karachay-Cherkess Republic 312

Elena Yu. Tretyakova, Olga R. Bulatova

The Poetry by Yuri Kuznetsov in the Music of Modern Composers 320

Anna N. Ereemeeva

Museum Complexes of Research Institutions as a Resource
for the Development of Cultural and Educational Tourism 328

Ebazer M. Chachi

Preserving Historical Memory in the Activities
of Youth Tourism Organizations in the Republic of Crimea 337

SECTION 7. History and Cultures of the North Caucasus: A Study

Ruslan Z. Sagov

The History of Ingushetia in 20th-Century Caucasus
Studies Discourse: Trends and Problems 345

Maria I. Kruglikova

The Poetic, Historical and Cultural Space of the Caucasus
in the Works written by Velimir Khlebnikov 355

Nataliya V. Lamosova, Olga A. Leusyan

Yekaterinodar Teacher Feodor V. Anderson
and his University Mentor Professor Alexey P. Pavlov 361

Olga V. Spachil

Materials for the Biography of Dmitriy T. Savelyev,
Zemstvo Doctor, Friend of Anton P. Chekhov 373

Natalya L. Shchurik

An Album “Yeysk in 1918” as a Starting Point in Reconstructing
the Russian Artist and Teacher Sergey N. Grositsky` Biography 394

Kazbek G. ACHMIZ

History of Agrarian Education in Kuban Region
in the Works written by Academician Ackhad Kh. Sheudzhen 406

MEMOIR ESSAY

Vardan G. Kukuyan (Ter Daniel)

The Yards of My Childhood (Krasnodar, 1950s–1960s) 414

Юбилей как точка сборки: итоги и перспективы изучения культурного наследия (Вместо предисловия)

Представлен обзор работы международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» за десять лет (2015–2024 гг.). Авторы описывают историю становления и развития форума начиная с предпосылок его создания до проведения юбилейного мероприятия, состоявшегося 26–29 сентября 2024 г. Дан подробный анализ эволюции научной программы и проблематики форума, акцентирована его связь с актуальными направлениями государственной культурной политики. Определена роль форума как авторитетной площадки консолидации научного и экспертного сообщества и формирования единого культурного пространства, выявлены перспективы его дальнейшего развития в контексте популяризации культурного наследия и укрепления межнационального согласия на Северном Кавказе.

Ключевые слова: международный научный форум, Северный Кавказ, культура, культурное наследие, государственная политика, межнациональное согласие, диалог культур, единое культурное пространство.

Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» отметил свой первый большой юбилей — в 2024 г. ему исполнилось десять лет.

Форум стартовал в 2015 г. и проводится ежегодно Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва силами его Южного филиала при неизменной финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации. За прошедшие годы он превратился в авторитетную на Северном Кавказе межрегиональную платформу обмена опытом, идеями, инициативами, площадку конструктивного диалога представителей науки, образования, учреждений социально-культурной сферы, туризма, органов исполни-

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, ii.gorlova@gmail.com.

** КОВАЛЕНКО Тимофей Викторович, кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, timofey.kovalenko@gmail.com.

тельной и законодательной власти, общественных организаций и институтов гражданского общества.

Форум объединяет и направляет в созидательное русло усилия представителей российского и зарубежного кавказоведения, специалистов в области изучения культурного наследия, межнациональных отношений и культурной политики, служит стратегическим целям формирования государственной культурной политики, научно-методического обеспечения вопросов межнационального взаимодействия, охраны и использования культурного наследия. Ставшие традиционными ежегодные встречи представителей научной общественности вносят серьезный вклад в достижение консенсуса, формирование единого культурного пространства, изучение проблем диалога культур и перспектив использования культурного наследия как ресурса устойчивого развития региона.

Пройденный десятилетний рубеж позволяет осмыслить, обобщить, подытожить сделанное, чтобы отчетливо видеть контуры новых вызовов, определяющих горизонты нашей текущей работы. Ненаписанная еще история международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» опирается на ряд ключевых событий жизни регионального научного сообщества, связанных с деятельностью Южного филиала Института Наследия. О них, конечно, следует сказать подробнее.

Сам Южный филиал появился на карте академических научных учреждений страны в 2012 г. Тогда небольшая группа краснодарских ученых предложила Российскому институту культурологии образовать на Юге России структурное подразделение, исследовательским профилем которого стали бы проблемы культурологически ориентированного кавказоведения: культурная политика, художественная жизнь, материальное культурное наследие, туризм и региональное развитие [1]. Южный филиал Российского института культурологии был создан 30 января 2012 г. [3], а уже в конце года как презентация нового научного подразделения была организована серия конференций: «Культура и образование в современном обществе: стратегии развития и сохранения» (9–10 сентября 2012 г.) [7] и «Культура народов Юга России: политика, институты, практики» (11–12 сентября 2012 г.). Эти сравнительно небольшие мероприятия памятливы тем, что наметили тематику и векторы будущих научно-организационных проектов. Тогда проблемы культурной политики и проблемы кавказоведения еще не были слиты воедино, как теперь.

В 2014 г. состоялась административная реформа деятельности научно-исследовательских учреждений Министерства культуры Российской Федерации; Российский институт культурологии был объединен с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия. Именно тогда вместе с наименованием Южный филиал Института Наследия был осуществлен переход к работе над проблематикой, органично совместившей аспекты культурной политики и культурного наследия. В том же году филиалу поручили организацию сложного и ответственного мероприятия, проведение которого имело непосредственное отношение к появлению нашего форума. Речь идет о конференции «Кавказская война: символы, образы, стереотипы» (28 февраля — 2 марта 2014 г.), приуроченной к 150-летию окончания Кавказской войны. Дискуссии о событиях этой войны, порожденные ее перипетиями «волны памяти», до сих пор оказывают косвенное воздействие на формирование гармоничного поля межнационального и межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе, что порой негативно отражается на социокультурной ситуации в регионе. Результаты проведения этой сложной и дискуссионной конференции во многом способствовали формированию качественно иной историографической ситуации в социально-политическом и историко-культурном научном дискурсе [6]. Присутствовавшие на конференции ученые — представители ведущих научных школ Юга России в итоговом документе отметили необходимость считать оконченной «Кавказскую войну историографий», поддержать и принять Хартию историков-кавказоведов, разработанную участниками Первого международного форума 15 октября 2013 г. в Ростове-на-Дону. Это было принципиально важно — договориться, что при изучении наиболее драматических страниц формирования единого этнокультурного пространства России мы будем уделять большее внимание сюжетам, которые сближают народы: изучая причины и предпосылки негативных стереотипов и предубеждений, формировать позитивные образы этносов и культур региона. «Давайте больше говорить о том, что нас объединяет, а не разъединяет», — призывал участников конференции Президент Академии наук Чеченской Республики Ш. А. Гапуров, завершая заключительную дискуссию.

Осмысливая этот опыт и анализируя результаты проведения конференции по Кавказской войне, мы в итоге пришли к идее большого научного мероприятия, которым и стал форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», впервые

состоявшийся 3–5 апреля 2015 г. Основу его концепции составили представления об общем культурном наследии, которое нас объединяет и проявляется через взаимосвязь этнически разнообразных самобытных феноменов. Таких, как памятники истории и культуры, образ жизни, фольклор, литература, театр, изобразительные искусства, системы коллективных представлений и ценностей [4]. Казалось бы, это так очевидно и естественно: именно культурное наследие всех народов Северного Кавказа необходимо считать базисом трансляции социокультурного опыта и системы ценностей, опорой межэтнического диалога [2].

Пленарные доклады, подготовленные ведущими представителями региональных научных школ по просьбе программного комитета, сформировали понятийный круг и концептуальный аппарат, подчеркивая тенденцию к расширению проблематики.

Они были сгруппированы вокруг двух больших тематических комплексов:

- *политика наследия*: «Русская культура как фактор консолидации народов России (на примере Северного Кавказа)» (Ш. А. Гапуров, Академия наук Чеченской Республики), «Война с культурно-историческим наследием как фактор политического роста» (А. В. Атаев, Российский институт стратегических исследований), «Российское кавказоведение: потенциал в укреплении межнационального согласия» (В. А. Черноус, Южный федеральный университет);
- *специфика материального и нематериального наследия*: «Памятники историко-культурного наследия и проблемы формирования национальной политики и гражданского общества на Северном Кавказе» (А. А. Кудрявцев, Северо-Кавказский федеральный университет), «Эпическая традиция и сказительское искусство калмыков в современных условиях» (Е. Э. Хабунова, Калмыцкий государственный университет).

В целом направленность на осмысление культурного наследия Северного Кавказа как фундаментальной основы укрепления гражданского мира, формирования широкого межкультурного диалога оказалась актуальной и имеющей ярко выраженное практическое значение.

Спустя десять лет очевидно, намеченные тогда критерии эффективности дали подлинные точки роста. Только полноценно представленная палитра культур может сопровождать успешное формирование идентичности — и региональной, и общегосударственной. Ключевые

аспекты дискуссионной повестки были удачно объединены вокруг проблем сохранения, популяризации, актуализации и репрезентации культурного наследия в контексте диалога культур и формирования гражданской идентичности. Так заданная междисциплинарной установкой проблематика форума стала залогом успеха, подкрепленного затем всей серией последующих мероприятий, проводившихся в течение десяти лет.

Архитектоника научной программы форума сочетала как основополагающие два фактора: актуализацию локальных научных проблем в общественном сознании и соответствие тематики его основных мероприятий государственной культурной политике. Тесная связь с культурной и общественной жизнью страны обеспечивалась за счет интеграции в программу проблематики «тематического» года, объявляемого указами Президента Российской Федерации. Поскольку 2015 г. был Годом литературы, центральным научным мероприятием первого форума стал круглый стол «Литературное наследие Северного Кавказа в контексте диалога культур». В дальнейшем именно эта идея была использована при подготовке каждого следующего форума. В 2017 г. в России проходил Год экологии, и участники Третьего форума обсуждали его наиболее актуальные проблемы и тенденции в рамках круглого стола «Культурные и естественные ландшафты как ресурс территориального развития». В 2018 г., в Год добровольца (волонтера), была организована специальная сессия, ориентированная на целевую аудиторию, — «Актуализация культурного наследия: молодежные инициативы». Отдельные научные мероприятия отметили в 2020 г. Год Памяти и Славы (круглый стол «Монументальная политика как инструмент сохранения исторической памяти» на Шестом научном форуме); в 2021 г. — Год науки и технологий (круглый стол «Научно-техническое наследие России: практики актуализации» на Седьмом форуме); в 2022 г. — Год культурного наследия (круглый стол «Историко-культурные исследования как инструмент сохранения культурного наследия: проблемы теории и практики» на Восьмом); в 2023 г. — Год педагога и наставника (специальная сессия «Научно-педагогические школы и развитие социогуманитарного знания» на Девятом). Наконец, в 2024 г. в рамках реализации мероприятий Года семьи в программе Десятого научного форума был представлен круглый стол «Семья в системе культурных традиций: наследие, преемственность, память».

Ориентир на текущую культурную политику обогащал научную программу форума новыми актуальными аспектами. Ответом на вызовы времени были: круглый стол «Культурное наследие Северного

Кавказа как фактор противостояния распространению экстремистских идеологий» (проведенный в 2016 г. в рамках Второго научного форума); панельная дискуссия «Цифровое наследие: пути формирования государственной стратегии сохранения» (в 2019 г. — Пятого форума); специальная сессия «Освоение и популяризация научно-технического наследия как фактор повышения престижа научных знаний» (в 2022 г. — Седьмого форума). Нередко в основу разработки научной программы были положены юбилеи крупных исторических событий (круглый стол «Революция 1917 года и судьбы культурного наследия народов Юга России», Третий научный форум); порой — исследовательские приоритеты Южного филиала Института Наследия (круглый стол «Потенциал культурного наследия в контексте брендинга территорий Юга России», Четвертый форум). То, что предлагаемые к обсуждению вопросы всегда отличали актуальность, многоаспектность и своевременность постановки, обусловило серьезную поддержку выдвинутых на форуме инициатив и в региональном научном сообществе, и со стороны государственных органов исполнительной власти.

Сохраняя устойчивость, сконцентрированную на оси основной проблематики, структура мероприятий научной программы международного научного форума при этом менялась и по содержанию, и количественно.

Особое место в программе научных мероприятий с 2021 г. заняла Всероссийская научная конференция, посвященная декоративно-прикладному искусству и художественным промыслам: «Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России» (2021); «Народная художественная культура России: проблемы регионального взаимодействия» (2022–2024). Она объединяет не только специалистов-исследователей, но и художников, народных мастеров, организаторов креативных производств в сфере народных промыслов. В 2023 г. в законодательство о народных художественных промыслах были включены важные изменения, о необходимости которых говорилось, в том числе, и участниками конференций. Так, Указом Президента Российской Федерации «Основы государственной культурной политики» в части задач государственной политики в области культурного наследия дополнены принципиально важным разделом — «сохранение народных художественных промыслов как основы этнокультурной самобытности и источника творческого потенциала народов Российской Федерации».

Комплекс научных мероприятий Десятого, юбилейного, форума пополнила еще одна замечательная новация — молодежная научная конференция «Культурное пространство региона глазами молодых ученых», которая, возможно, тоже станет доброй традицией, так как работа с молодежью — один из наших приоритетов. Это расширяет горизонты, открывает новые перспективы развития. И увеличивает здоровую конкуренцию. Программный комитет всегда поддерживал заявки участников волонтерского движения, организаторов культурных инициатив, а также молодой генерации ученых, но теперь это отдельное мероприятие с максимально широкой тематикой для молодежи.

Помимо молодежной научной конференции и Всероссийской научной конференции «Народная художественная культура России: проблемы регионального взаимодействия», повестку научных мероприятий Десятого научного форума составили:

- круглый стол «Государственная культурная политика: стратегические задачи и региональные особенности их реализации»;
- круглый стол «Историко-культурные территории и исторические поселения: актуализация социокультурных функций»;
- круглый стол «Созидательный потенциал межъязыковых взаимодействий и взаимообогащения культур»;
- круглый стол «Религиозное наследие в современном обществе: история, традиции, практики освоения»;
- специальная сессия «Семья в системе культурных традиций: наследие, преемственность, память (к Году семьи в Российской Федерации)»;
- специальная сессия «История и культура Северного Кавказа: опыт исследования (к 300-летию Российской академии наук)».

Динамично развивается и образовательная программа форума. В 2021 г. впервые было организовано обучение по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации «Современные исследовательские программы и практики в социокультурной сфере». В рамках Десятого форума реализована программа «Использование искусственного интеллекта в деятельности научных работников и преподавателей гуманитарного профиля». Эта работа ведется по инициативе руководителя отдела аспирантуры Института Наследия Е. Д. Дерябиной при активном участии Г. И. Зверевой, ведущего отечественного культуролога, заведующего кафедрой истории и теории культуры Российско-

го государственного гуманитарного университета и М. М. Ларионцева, ученого секретаря Института Наследия.

Из года в год растет число участников, растет качество докладов, «прирастает» и география: если на первых форумах были представлены в основном исследователи и научные организации Северного Кавказа, то сегодня это практически все регионы нашей страны — от Якутии до Крыма. Нас неизменно поддерживают крупнейшие научно-образовательные центры страны, ведущие музеи, библиотеки, архивы.

Примечательно, что с самого начала была заложена традиция ежегодного издания материалов наиболее значимых докладов, представленных участниками форума (см.: [8] [9] [10] [11] [12] [13] [14] [16] [18]). В общей сложности в сборниках по итогам мероприятий 2015–2023 гг. опубликовано более 500 статей. Третий год подряд к моменту начала форума в новом формате издается его программа, включающая тезисы докладов всех участников (см.: [15] [17] [19]).

Суммируя достижения форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» за десять лет с целью выявления его роли и места в культурной политике и общественной жизни, можно сформулировать несколько тезисов, позволяющих утверждать, что он состоялся как:

- *дискуссионная площадка*, в рамках которой осуществляется обсуждение приоритетных направлений государственной политики в сфере межнационального взаимодействия и использования культурного наследия, вопросов сохранения и развития литературного, историко-архитектурного, монументального, нематериального наследия, гармонизации межнациональных, межкультурных и межконфессиональных отношений;
- *коммуникационная площадка*, где в рамках мероприятий научной программы осуществляется непосредственное взаимодействие и диалог между исследователями, практическими работниками сферы культуры и охраны культурного наследия, представителями административных органов и общественных организаций;
- *выставочная площадка*, позволяющая презентовать инновационные и перспективные проекты в сфере межнационального взаимодействия и сохранения культурного наследия. В рамках просветительской программы форума были представлены

не только научные, но и творческие достижения субъектов Юга России, ведущие концертные коллективы, состоялась презентация ряда произведений визуальных искусств и кинофестивалей;

- *партнерская площадка*, способствующая новым и укреплению прежних партнерских связей, появлению совместных исследовательских проектов и публикаций участников форума;
- *площадка формального и неформального повышения компетенций*, поскольку участие в работе конференций, круглых столов и дискуссионных площадок способствует обмену опытом наиболее эффективных практик межнационального взаимодействия, охраны и использования культурного наследия.

Сочетание знаний, технологий, компетенций с атмосферой благожелательного диалога — вот достаточно полный и яркий портрет форума. Его роль в инфраструктуре региональной научной жизни непосредственно связана с поддержкой деятельности научных коллективов, с культурной дипломатией, поднимающей эту деятельность на уровень межрегионального сотрудничества. Форум и впредь будет служить платформой единства, поскольку культура — самая прочная связующая нить, которая объединяет людей, вдохновляет их на действия, формирует конструктивный настрой в обществе как реальную основу достижения победы, мира, межнационального согласия.

* * *

Предлагаемый читателю сборник статей содержит доклады участников Десятого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», исправленные, дополненные, переработанные специально для настоящего издания.

Его разделы отражают грани проблематики научного диалога, состоявшегося 26–29 сентября 2024 г.:

- государственная культурная политика: стратегические задачи и региональные особенности их реализации;
- сохранение культурного наследия: проблемы, поиски, решения;
- художественная жизнь страны и регионов в контексте диалога культур;
- межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры;

- этнические культуры Юга России: история и современность;
- современное общество и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации;
- история и культуры Северного Кавказа: опыт изучения.

Сборник материалов юбилейного форума — своего рода «карта координат», фиксирующая текущее положение. Статьи, вошедшие в него, не только подводят итоги, но и обозначают точки роста, задают направления для новых исследовательских программ и инициатив. И эта двойственная задача — осмысление пройденного и проектирование будущего — делает настоящее издание по-настоящему значимым, поскольку оно знаменует собой переход от юности нашего форума, полной энтузиазма, к зрелости, для которой характерны ответственность, системный подход и стратегическое видение.

Использованная литература:

1. Горлова И. И., Коваленко Т. В. Южный филиал Института Наследия: страницы истории // Культурологический журнал. 2022. № 3. С. 2. DOI : 10.34685/НИ.2022.89.91.009.
2. Еремеева А. Н., Крюков А. В. История и культура Юга России в изданиях Южного филиала Института Наследия // Наследие веков. 2022. № 4. С. 15–27. DOI : 10.36343/SB.2022.32.4.001.
3. Коваленко Т. В. О создании Южного филиала Российского института культурологии // Культурологический журнал. 2012. № 1. С. 18.
4. Коваленко Т. В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» // Наследие веков. 2015. № 4. С. 149–153.
5. Крюков А. В. Научные издания Южного филиала Института Наследия // Наследие веков. 2016. № 1. С. 121–124.
6. Кавказская война: символы, образы, стереотипы : сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. (Краснодар, 28 февраля — 02 марта 2014 г.) / отв. ред. Т. В. Коваленко. Краснодар : Экоинвест, 2015. 328 с.
7. Культура и образование в современном обществе: стратегии развития и сохранения : сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. с междунар. участ. (Краснодар, 09–12 сентября 2012 г.) / отв. ред. Т. В. Коваленко. Краснодар : Экоинвест, 2013. 352 с.
8. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко,

- Н. А. Костина, А. В. Крюков. М.; Краснодар : Принт сервис групп, 2015. 624 с.
9. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. Краснодар : Родные традиции, 2017. 429 с.
 10. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. Краснодар : Экоинвест, 2018. 746 с.
 11. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. Н. Еремеева, А. В. Крюков, Н. А. Костина. Краснодар : Ин-т Наследия, 2019. 438 с. DOI : 10.34685/НИ.2019.98.73.001.
 12. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. М. : Ин-т Наследия, 2021. 426 с. DOI : 10.34685/НИ.2021.87.21.003.
 13. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VI междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. М. : Ин-т Наследия, 2021. 376 с. DOI : 10.34685/НИ.2021.95.54.020.
 14. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VII междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. А. Гуцалов, Н. А. Костина, Е. Г. Саркисова. М. : Институт Наследия, 2023. 422 с. DOI : 10.34685/НИ.2022.85.64.001.
 15. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. VIII междунар. науч. форума (Краснодар, 22–25 сентября 2022 г.). М. : Институт Наследия, 2022. 220 с. DOI : 10.34685/НИ.2022.78.26.001.
 16. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VIII междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. А. Гуцалов, Н. А. Костина, Е. Г. Саркисова. М. : Институт Наследия, 2023. 372 с. DOI : 10.34685/НИ.2023.31.10.001.
 17. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. IX междунар. науч. форума

(Краснодар, 21–24 сентября 2023 г.). М. : Институт Наследия, 2023. 246 с. DOI : 10.34685/НИ.2023.41.85.006.

18. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам IX междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. А. Гуцалов, А. Н. Еремеева. М. : Институт Наследия, 2024. 482 с. DOI : 10.34685/НИ.2024.51.35.003.
19. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. xliv + 290 с. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

Irina I. GORLOVA,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Prof., Director,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, ii.gorlova@gmail.com

Timofey V. KOVALENKO,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Deputy Director,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, timofey.kovalenko@gmail.com

**An Anniversary as a Gathering Point:
Results and Prospects for Cultural Heritage Studies
(Instead of a Foreword)**

This article presents an overview of the work of the international scientific forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource of Interethnic Concord” over ten years (2015–2024). The authors describe the history of the forum’s formation and development, from the prerequisites for its establishment to the anniversary event held September 26–29, 2024. A detailed analysis of the evolution of the forum’s scientific program and topics is provided, emphasizing its connection with current trends in state cultural policy. The forum’s role as an authoritative platform for consolidating the scientific and expert community and forming a unified cultural space is defined, and prospects for its further development in the context of promoting cultural heritage and strengthening interethnic harmony in the North Caucasus are identified.

Keywords: *international scientific forum, North Caucasus, culture, cultural heritage, state policy, interethnic harmony, dialogue of cultures, unified cultural space.*

РАЗДЕЛ 1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

*А. А. Гуцалов**

Культурная деятельность: определение, содержание и оценка эффективности**

В статье анализируется понятие культурной деятельности; автор предлагает понимать его как совокупный объем понятий практик культурной жизни и культурных индустрий. Проводится принципиальное различие понятий «культурные практики» и «практики культурной жизни», мотивированное устойчивой связью первого с ря-

* ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник — руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, gutsalov_alex@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

дом научных подходов (новая культуральная история, микроистория, школа Анналов и в ее рамках новая историческая наука), в которых делается акцент на чрезмерную детализацию, локализацию и раздробление истории, что приводит к размытию понимания общего исторического процесса, единства общенациональной и общемировой истории и культуры. Понятие культурной деятельности акцентирует внимание на целостном образе культуре, ее основополагающих ценностях, нормах и идеалах. Практики культурной жизни раскрываются в четырех измерениях: институциональном, формальном, социальном и духовном. Предложена система критериев оценки эффективности практик культурной жизни в рамках общегосударственной культурной деятельности. Данные оценки условно можно разделить на формальные, качественные и количественные.

Ключевые слова: культурные практики, практики культурной жизни, культурные индустрии, культурная деятельность, сбережение народа России, школа Анналов, микроисторики, новая культуральная история.

Роль культуры в современном мире переоценить невозможно. Именно она формирует как единое целое общество, нацию, задает основы для гармоничного межнационального и межконфессионального согласия и мира. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, «сохранение культурного и исторического наследия народа России», «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей» заявлены в числе восьми базисных национальных интересов [7]. «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» выступает в качестве одного из стратегических национальных приоритетов [7].

Основополагающим принципом настоящей исследовательской работы и всех оценок многочисленных практик культурной жизни в полиэтничных регионах Юга России выступает совокупность стратегических целей актуальной российской государственной политики в сфере национальной безопасности: «сбережение народа России», «единство и сплоченность российского общества», «повышение качества жизни и благосостояния граждан», «развитие человеческого потенциала», «повышение конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации» [7].

Культура реализует себя в теоретическом осмыслении, в научной, экспертной работе, в многообразных культурных практиках (или практиках культурной жизни) и индустриях. Культурные индустрии, кроме принадлежности к сфере культуры, предполагают постановку и достижение специфических экономических, имиджевых, инвестиционных и иных выгод.

В. П. Большаков проводит принципиальное различие между культурными практиками и культурными индустриями, которое в определенной степени соответствует различию культуры и цивилизации, парадигму которого задал в XX в. О. Шпенглер, а до него эту тему поднимали Ж.-Ж. Руссо, Н. Я. Данилевский. Он пишет о трансформации культурных практик в культурные индустрии. Вопрос как раз и заключается в том, «насколько эти индустрии (образования, питания, досуга и т. д.) культурны» [1, с. 22]. Вопрос, надо сказать, несправедливый: он сродни различию искусства и ремесла, неповторимого и повторяющегося, невозпроизводимого и легко воспроизводимого, уникального и тиражируемого, творческого и технического, духовно-ценного и обездушенного.

Термины «практики культурной жизни» и «культурные практики» выглядят синонимичными, но мы будем их различать. За первым в культурологическом дискурсе сложилась устойчивая традиция его теоретико-методологического освоения и использования. В этой связи мы обращаем внимание на направление новой культуральной истории и имеющих внутреннюю содержательную связь с ним исторической школы Анналов (четыре поколения этой школы, среди которых можно назвать Л. Февра, М. Блока, Ж. Ревеля, Б. Лепти, Р. Шартье и мн. др.), теоретических подходов, развиваемых так называемыми микроисториками (К. Гинзбург, Дж. Леви, Э. Гренди, Х. Медик). Отдельно можно выделить и направление новой исторической науки, сформировавшееся как третий этап развития школы Анналов, в котором особенно подчеркивалась необходимость междисциплинарности исторических исследований, которая должна быть обогащена методами практически всех гуманитарных наук (психологии, лингвистики, социологии, антропологии, этнологии и др.).

В рамках этих концепций понимание тотальной (всеобщей) истории в корне изменилось — вместо общего, часто довольно схематичного представления глобальных исторических процессов и причин, их порождающих, предлагается принципиальное детализированное охватывание всех сфер общественной и частной жизни в локальном социальном пространстве (так называемые региональные истории). В процессе такого описания происходит множественное раздробление, чрезмерная фрагментация общей истории, превращение ее, по образному выражению Гренди, в «историю в осколках» [3]. Целостность всеобщей и национальной истории в таком представлении, к сожалению, нарушается, да и вообще не ставится целью исторического и культурологического познания.

Основной посыл данных направлений — перевод определяющего внимания с описания глобальных исторических процессов, с представления общих социально-экономических и социально-политических схем, в которых теряется конкретный индивид, на формы мыследеятельности людей, на живого человека, на так называемые повседневные практики человека, понятие которых закрепилось в отечественном научном дискурсе как «культурные практики». Они символизируют собой чрезмерно индивидуалистический, локализирующий крен в исследованиях. В представлении истории культуры при таком подходе исторический процесс лишается целостности, которая была заявлена в формационных, цивилизационных и мир-системных концепциях, страдавших чрезмерным схематизмом и игнорированием значения практик повседневности большинства простых людей. И в этом основной недостаток этих концепций: за бесконечными деталями описания практически невозможно разглядеть целостное, общее. Для того чтобы избежать объективно сформировавшейся устойчивой коннотации с данными научными направлениями, мною предлагается использовать вместо термина «культурные практики» иной термин — «практики культурной жизни», внешне синонимичный, но внутренне уже лишенный устойчивой ассоциации с вышеозначенными подходами.

Тем не менее следует подчеркнуть, что в отечественном культурологическом дискурсе термин «культурные практики» активно используется в самых разнообразных смыслах. В этой связи можно обратить внимание на работы таких исследователей, как А. О. Разинкина, М. В. Дудцев, В. А. Романова, Н. В. Тищенко, Ю. А. Бледных, Л. М. Гайдукевич, Л. Г. Скульмовская, А. М. Аймазян, Е. В. Бакшутова, А. Г. Смирнова, В. Д. Вожжанникова, Н. Г. Федотова и мн. др. Более того, это понятие некоторыми исследователями переосмысливается даже в качестве нового поля культурной жизни, в котором исчезают традиционные искусства в их привычном понимании. Они при этом трансформируются именно в культурные практики, под которыми имеются в виду шоу-бизнес, цифровое искусство и создание культурной среды обитания человеческого общества (В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская) [2].

Понятие «практики культурной жизни», с нашей точки зрения, может быть раскрыто как минимум в четырех измерениях: институциональном, формальном, социальном и духовном.

В институциональном смысле практики культурной жизни объемлют собой всю совокупность деятельности учреждений культуры — му-

зеев, домов культуры, клубов, школ искусств, учебных заведений в сфере культуры и искусств, библиотек, театров, кинотеатров, кинематографических студий, образовательных и музейных комплексов с концертными залами, выставочными площадками, модельными библиотеками, школами-студиями театрального, музыкально-хореографического, художественного профиля и т. д. Сюда же необходимо отнести и многочисленные самодеятельные творческие коллективы, независимые творческие личности, институционализированные структуры гражданского общества.

Многообразие учреждений культуры открывает широкое пространство для реализации самых разнообразных форм практик культурной жизни (формальный аспект): театральных постановок, производства и показа кинофильмов, библиотечной деятельности с выставками, лекциями, встречами с интересными людьми, квестами, конкурсами и проч., различных фестивалей, творческих встреч, выступлений творческих коллективов, самодеятельных артистов и т. д.

Основные формы социально-культурной деятельности различаются по их типу: индивидуальные, групповые и массовые, а также могут быть простыми (задействующими какое-то одно средство или какой-либо один метод) и комплексными (с разнообразием применения средств и методов).

Можно различать формы практик культурной жизни и по технологиям, которые используются для их осуществления: традиционные, цифровые и симбиотические, сочетающие возможности первых и вторых (например, технологии дополненной реальности).

Можно назвать такие формы проведения социально значимых культурных мероприятий, как агитбригада, культурные акции, арт-встреча, литературный бал, лекция, беседа-диалог, беседа-игра, викторина, библиотечный вечер, видеосалон, встреча-интервью, выставка, литературно-музыкальная гостиная и многие другие [4].

В социальном смысле практики культурной жизни различаются по охвату целевой аудитории и по решаемым задачам. Содержательно они определены запросами целевой аудитории, ее возрастными, гендерными, профессиональными, психологическими, культурными особенностями, региональной, местной этнокультурной спецификой, обычаями, традициями, отличительными чертами менталитета, знаковыми событиями в стране и за рубежом, знаменательными датами локального, регионального и федерального уровней значимостей, государственными и народными праздниками и многими другими факторами.

Основное назначение социально ориентированных мероприятий, с точки зрения целей государственной культурной политики, — максимальный охват целевой аудитории, формирование, определение и удовлетворение культурных запросов граждан, повышение культурного уровня людей, вовлечение их в пространство высоких образцов отечественной и мировой культуры.

Рассматриваемые с духовного ракурса практики культурной жизни являются средством трансляции глубоких смыслов, нацеленных на созидание нравственного, интеллектуально развитого, интуитивно тонко чувствующего, ответственного за судьбы страны и мира человека. Практики культурной жизни в этом срезе проблемы рассматриваются как формы духовно-нравственной работы с населением, целенаправленной деятельности по формированию ответственного гражданина, любящего малую и большую родину, готового на жертвенное служение обществу, крепко стоящего на почве высокодуховных образцов национальной и мировой культуры, а также обеспечивающие должную культурную межпоколенческую преемственность, сохранение традиций, ценностей.

Можно согласиться с наиболее общим определением, данным В. П. Большаковым: «Культурные практики — это и есть реализация культуры в ее непосредственной действенности» [1, с. 17]. Он различает культурные практики повседневности и неповседневности: «...Культура повседневности — это реализация (воплощение) культуры, ее ценностей, ценностных смыслов в каждодневном бытии человека или сообщества людей. Те или иные ценностные смыслы в каждую историческую эпоху, в каждой из культур воплощаются в определенных формах, способах проведения повседневных занятий и досуга» [1, с. 17]. «...Не повседневны культурные практики социальных институтов культуры в деятельности музеев, библиотек, домов и дворцов культуры и т. д.» [1, с. 17]. Сюда же относятся и ритуальные, обрядовые практики, выступления самодеятельных и профессиональных артистов и коллективов, любые массовые зрелищные практики. Только при таком определении нужно иметь четкое понимание: что же такое суть сама культура?

Понятию «практики культурной жизни» отчасти коррелирует понятие «культурная деятельность». Определение последнего дано в «Основах государственной культурной политики»: «Деятельность по созданию, распространению, сохранению, освоению и популяризации культурных ценностей и предоставлению культурных благ в области культурного наследия, литературы, театрального, музыкального, изобразительного,

циркового искусства, архитектуры, градостроительства, садово-паркового искусства, дизайна, кинематографии, фотоискусства, средств массовой информации, культурных (творческих) индустрий, народных художественных промыслов и ремесел, культурного досуга, народного художественного творчества, фольклора, нематериального культурного наследия, музейного, архивного, библиотечного дела, эстетического воспитания, художественного образования, педагогической деятельности в сфере культуры, международного культурного сотрудничества» [5].

Это определение в общем соответствует тому, что мы понимаем в плане ее реализации под практиками культурной жизни и под культурными индустриями. Поэтому понятие культурной деятельности мы определяем в качестве реализации культуры в многочисленных взаимосвязанных практиках культурной деятельности и разнообразных формах культурных индустрий.

В рамках определяющего нашу работу интереса мы понимаем практики культурной жизни и культурные индустрии как формы государственной и общественной культурной деятельности, фундаментальной целью которых в соответствии с принятыми в последние годы государственными документами должно быть повышение культурного уровня населения, формирование основ общенационального согласия, сохранение традиционных ценностей, формирование общего культурного пространства наряду и со второстепенными сопутствующими целями по обретению коммерческих, имиджевых выгод, иных социальных и политических позитивных результатов. При таком подходе мы не теряем целостность культуры, ее основополагающие ценности, нормы и идеалы, призванные объединять общее культурное пространство в единое целое. Эта целостность является фундаментальным основанием для представления, описания и изучения любых форм культурных индустрий и практик культурной жизни. В этой связи оценка государственной и общественной культурной деятельности должна включать соответствующие показатели обеих сфер.

Согласно «Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», реализация стратегического национального приоритета «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» предполагает решение 13 основных задач, первой из которых выступает «укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли

традиционных ценностей». Кроме них фундаментальными задачами являются «сохранение исторической памяти», «сохранение, укрепление и продвижение традиционных ценностей (в том числе и семейных)», «поддержка общественных проектов и институтов гражданского общества в области патриотического воспитания и сохранения историко-культурного наследия народов России», «защита и поддержка русского языка как языка государствообразующего народа», «повышение роли России в мире за счет продвижения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, основанных на исконных общечеловеческих ценностях» [6] и др.

Предполагается, что «реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей будет способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, укреплению законности и правопорядка, формированию безопасного информационного пространства, защите российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижению национальных целей развития, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации» [6].

Достижению этих целей служат планы мероприятий всех ветвей исполнительной власти. Этому как раз и служит практическая работа в сфере культуры и искусств с точки зрения реализации вышеназванных задач. Здесь важны не только сами по себе практики культурной жизни как формы работы с населением и формы творческой реализации людей, но их содержательное наполнение и вовлечение самих граждан, институтов гражданского общества, в том числе и религиозных, духовно-образовательных организаций, в эту многосложную разностороннюю работу.

Уже при первом подходе к изучению данной проблематики перед нами возникает сложная проблема оценки культурных практик с точки зрения достижения ими целей сохранения и укрепления традиционных российских ценностей, формирования полноценно развитого патриотично настроенного гражданина страны. Каким образом можно оценить, выполняют ли эти практики эту роль или нет, а если выполняют, то в какой мере? До сих пор не выработаны строгие критерии оценки выполнения и соответствия высоким целям создания сплоченного общенационального единства госпрограмм. Так, вице-спикер Государственной Думы А. Ю. Кузнецова в своем телеграмм-канале высказалась о риске их формального исполнения: «За каждой строчкой, цифрой в государ-

ственных основополагающих документах — конкретные люди, семьи, жизненные обстоятельства миллионов людей». Одной из задач нашего исследования является выработка соответствующих критериев вышеозначенной оценки культурной деятельности по достижению целей построения гармоничного и сплоченного общества.

С нашей точки зрения, отмеченная сложность оценки многообразных практик культурной деятельности, деятельности различных учреждений культуры вызвана чрезмерной прямолинейностью. Действительно, каким образом можно выполнить замер уровня общенационального единения в какой-то конкретной практике? Выйти из этой апории поможет нам более гибкий непрямой подход: на основе учета необходимых составляющих формирования общегражданского самосознания, а также количественных данных. Сказанное в данном разделе позволяет нам сформулировать некоторые такие критерии оценки, которые в процессе практического мониторинга будут корректироваться и дополняться.

Показатели (критерии) этой оценки условно можно разделить на формальные, качественные и количественные.

Формальные показатели фиксируют наше внимание на следующем:

- наличие государственных и целевых программ федерального и регионального уровней или соответствующих разделов и подразделов в них, направленных на формирование общероссийского гражданского самосознания;
- наличие разделов или подразделов в госпрограммах по развитию соответствующих направлений культурной индустрии с вышеозначенной целью;
- целевая аудитория (локальная, сугубо этническая, межрегиональная, общенациональная, международная);
- целевая аудитория (по возрастным, профессиональным и иным критериям);
- степень развитости культурной индустрии, направленной на цели общегражданского единства;
- наиболее интересные формы работы с населением, удачные проекты.

Качественные показатели включают в себя следующие:

- наличие фактора преемственности культурной традиции в исследуемых практиках;
- сочетание традиционного и новаторского;

- аутентичность традиции, проявленной в практиках культурной жизни;
- достоверность и валидность сведений, предлагаемых в рамках той или иной практики;
- тематика практик культурной жизни (наличие тем, прямо или косвенно связанных с формированием общенационального единства);
- характер целей практик культурной жизни, которые ставятся организаторами и исполнителями;
- на удовлетворение каких запросов граждан направлена культурная индустрия.

Количественные критерии могут быть определены следующими показателями:

- количество мероприятий общегражданской направленности (по их типу, по учреждениям культуры) согласно годовым планам и отчетам о проделанной работе учреждений культуры;
- объем охватываемой целевой аудитории (количество слушателей, зрителей, участников) и ее разнообразие;
- количество форм практик культурной жизни, вовлеченных в тему общенационального единения;
- количество мероприятий, планируемых федеральными и региональными целевыми программами;
- доля товара, имеющего цели общероссийского единства, в общем производстве культурной индустрии;
- объем финансирования мероприятий, нацеленных на формирование общегражданского единства, в рамках федеральных и региональных госпрограмм, целевых программ, грантов.

Таким образом, полноценная реализация исследовательской программы по изучению культурной деятельности, направленной на формирование и укрепление общероссийской гражданской идентичности, предполагает прояснение теоретических вопросов природы многочисленных практик культурной жизни и разнообразных форм культурной индустрии, многосторонний мониторинг практической работы учреждений культуры регионов, анализ соответствующих государственных документов стратегического планирования, подготовку рекомендаций учреждениям исполнительной и законодательной власти, уполномоченным в деле формирования и укрепления общенациональной идентичности.

Использованная литература:

1. *Большаков В. П.* Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2016. № 2. С. 16–22.
2. *Бычков В. В., Маньковская Н. Б.* Искусство техногенной цивилизации в зеркале эстетики // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 62–72.
3. *Гренди Э.* Еще раз о микроистории // ORBIS MEDIEVALIS. Сайт медиевистов ИВИ РАН. URL : <https://www.orbis-medievalis.ru/library/grendi.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).
4. Основные формы социально-культурной деятельности // SLADKOVART.RU. Портал культуры, спорта и работы с молодежью Сладковского муниципального района [Сайт]. URL : <https://sladkovoart.ru/assets/files/MAYKOvation/MK/Basic-form-social-cultural-activities.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).
5. Основы государственной культурной политики. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35) // Правительство России [Сайт]. URL : <http://government.ru/docs/all/94274/> (дата обращения: 24.05.2025).
6. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Президент России [Сайт]. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 08.05.2025).
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Президент России [Сайт]. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.05.2025).

Alexander A. GUTSALOV,

Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Head, Department for Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, gutsalov_alex@mail.ru

Cultural Activities:

Definition, Content and Evaluation of Effectiveness

The paper analyzes the concept of cultural activity; the author suggests understanding it as a combination of the concepts of practices of cultural life and

cultural industries. A fundamental difference is drawn between the concepts of “cultural practices” and “practices of cultural life”. It is motivated by the stable connection of the former with a number of scientific approaches (new cultural history, microhistory, the school of Annals and, within its framework, the new historical science), which emphasize excessive detail, localization and fragmentation of history, leading to a blurred understanding of the general historical process, the unity of national and global history and culture. The concept of cultural activity focuses on the holistic image of culture, its fundamental values, norms and ideals. The practices of cultural life are revealed in four dimensions: institutional, formal, social, and spiritual. A system of criteria for evaluating the effectiveness of cultural life practices within the framework of national cultural activities is proposed, which can be conditionally divided into formal, qualitative and quantitative.

Keywords: *cultural practices, cultural life practices, cultural industries, cultural activities, saving the people of Russia, school of Annals, microhistories, new cultural history.*

А. С. Коренной*

Формы и методы социокультурной реабилитации участников СВО как направление государственной культурной политики**

Рассмотрена проблема социокультурной реабилитации участников СВО в контексте реализации государственной культурной политики, предполагающая снятие напряжения через творческую самореализацию и коррекцию отношения к себе и окружающему миру. Автор выделяет два ее основных направления: аккультурацию и активное творчество. Систематизированы инициативы культурной политики, связанные с социокультурной реабилитацией, проанализированы основные формы работы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, выявлен их реабилитационный

* КОРЕННОЙ Александр Сергеевич, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского государственного научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, akorennoy@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Научно-методические основы культурной политики в системе современного российского образования», номер государственной регистрации: 124012800529–8.

потенциал. Утверждается, что активное вовлечение участников СВО в социокультурные практики является эффективным методом помощи в возвращении к мирной жизни.

Ключевые слова: государственная культурная политика, участники СВО, реабилитация средствами культуры, учреждения культуры, формы и методы работы, самодеятельное творчество.

Выполнение боевых задач в условиях СВО для бойцов сопряжено с огромными, часто запредельными умственными, физическими и психологическими нагрузками. Смертельный риск, перенапряжение сил вместе с плохими бытовыми и погодными условиями не могут не сказаться на самочувствии человека, побывавшего на линии боевого соприкосновения. Но проблемы психологического характера, как правило, настигают бойца позже. По возвращении домой негативные эмоции у него проявляются более ярко, чем на поле боя: вспоминая боевые действия, неудачи, потерю товарищей, он испытывает ярость и злость. По ночам ему снятся кошмарные сны, а днем он подавлен, уходит в себя и свои мысли. Такое постоянное нахождение в умственном и физическом напряжении, невозможность полноценно расслабиться при недостатке положительных эмоций постепенно погружают его в тоску и апатию, он не интересуется происходящим, не может найти свое место в жизни.

Военные психологи отмечают, что этот посттравматический синдром присутствует почти у всех бойцов, побывавших на поле боя. В дальнейшем для них велик риск негативного развития событий, потери трудоспособности, развития депрессии, алкогольной зависимости. Им необходима комплексная реабилитация, без чего невозможен переход к мирной жизни, к освоению новой профессии, созданию семьи, достижению внутреннего психологического комфорта. С нашим уверенным движением вперед на поле боя эта проблема становится все более актуальной.

Одним из механизмов, позволяющих переработать травмирующий опыт, выступает культурная реабилитация. Это одно из трудоемких, финансово затратных, длительных по времени, но очень эффективных средств, хорошо себя зарекомендовавших на этом поприще. Как известно, практика концертов и выступлений артистов на передовой сложилась еще во времена Первой мировой войны. А к началу Великой Отечественной уже и на государственном уровне признали, что сила искусства необходима для укрепления морального духа солдат.

Для того чтобы осуществлять реабилитацию средствами культуры, нужны организационные структуры, которые бы взяли на себя эту

обязанность и учитывали потребности участников СВО. Правительство Российской Федерации весьма озабочено вопросом предстоящего в скором времени включения участников СВО в мирную жизнь. Это поле деятельности для совместной работы нескольких субъектов: органов власти, учреждений разной ведомственной подчиненности, а также институтов гражданского общества (добровольческих, волонтерских, общественных и ветеранских организаций, советов, объединений по различным направлениям). Уже создана рабочая группа по вопросам СВО, разработана концепция комплексной реабилитации. Реабилитационные центры для военнослужащих — участников СВО должны появиться в каждом регионе России, их предлагается назвать «ZOV» [1].

Министерство культуры РФ активно подключилось к этой работе. Проведено совещание по вопросу интеграции ветеранов и участников СВО в сферу культуры, принято решение о создании проектного офиса, который будет работать на базе Департамента воспитательной работы, просветительских проектов и специальных образовательных программ в сфере культуры [3]. В числе задач проектного офиса будут стоять вопросы увековечивания памяти героев, защитников Отечества, сопровождение тематических культурных проектов, а также продолжение совместной работы с арт-кластером «Таврида» по реализации цикла программ #СВОё на базе Академии творческих индустрий «Меганом», работа которого направлена на социализацию и профессиональную адаптацию участников СВО. Им и членам их семей помогут войти в мирную жизнь посредством приобщения к культурным ценностям, разнообразным досуговым, учебным и развивающим практикам.

В отличие от медицинской и социальной форм реабилитации, центральным пунктом культурной реабилитации выступают такие виды деятельности, которые направлены на снятие напряжения, достижение большей свободы творческого самовыражения, прояснение и коррекцию отношения человека к себе и к другим, прошлому, настоящему и будущему. По мнению В. В. Туева [5], многообразные формы социокультурной деятельности способны в этом плане на многое. Они могут содействовать развитию самоконтроля и саморегуляции поведения, дают возможность реализовать потребности человека в общении. Освоение культурных ценностей представляет собой наиважнейший элемент процесса социализации личности, творческие практики тесно связаны с развитием духовных сил и способностей, а развлекательные,

игровые, досуговые программы повышают настроение и жизненный тонус.

Согласно разработкам А. И. Копытина [2], с помощью социокультурных практик накопившиеся негативные эмоции возможно сублимировать в социально приемлемые действия, уйти от назойливых воспоминаний путем переключения внимания на другие объекты, что в итоге поможет обрести состояние внутреннего равновесия.

Отчетливо просматриваются два направления культурной реабилитации: это получение эмоционального опыта от профессионально подготовленной культурной продукции и активное самостоятельное участие в производстве культурных ценностей, в создании авторских произведений и репродуцировании лучших, испытанных временем образцов.

Первое направление развивают театры, концертные организации, музеи, библиотеки. Решение задач по реабилитации участников СВО для них заключается в корректировке репертуарной политики, выборе соответствующей тематики экспозиций и мероприятий, поиске новых авторов, сюжетов и героев. На федеральном уровне важным инструментом такой репертуарной политики является госзаказ на создание произведений литературы и искусства, а также продукция СМИ, которые бы содержательно отражали эту проблематику. Министерством культуры РФ уже принято решение о поддержке в части производства и проката национальных фильмов, направленных на нравственное и гражданско-патриотическое развитие, определены приоритетные темы, которые должны быть раскрыты средствами кино.

На портале «Культура.РФ» создан специальный проект «Культура РФ — участникам СВО и их семьям». Разработана «Памятка участникам СВО и членам их семей при посещении мероприятий в сфере культуры», в которой в режиме реального времени выставляется информация о мероприятиях учреждений культуры, которые могут посетить участники СВО и члены их семей бесплатно, а также рекомендации по оформлению на них электронных билетов.

Дополнительно Министерством культуры России разрабатывается концепция отдельной интернет-площадки, на которой все желающие могут публиковать свои творческие разработки: видеоролики, фото, стихи и иные аудиовизуальные либо текстовые произведения по тематике защиты Родины. Пока наполнение этого ресурса скудное. Так, в разделе «Изобразительное искусство» представлены 34 карандашных рисунка Петра Скляра с портретами бойцов-участников СВО. В разделе «Кино»

представлен один небольшой анимационный ролик «Солнцек». В разделе «Литература» — одно стихотворение Дмитрия Филиппова. Разделы «Музыка» и «Спектакли» — пустые. Считаем, что инициатива разработчиков весьма нужная и своевременная, но, кроме предоставления площадки, необходима широкая реклама этих возможностей как для авторов, так и для популяризации самого выставляемого контента среди населения.

Испытанной и проверенной формой социокультурной деятельности издавна было участие в художественной самодеятельности. Ценность самодеятельного творчества многомерна. Во-первых, оно способствует выявлению талантов людей, обладающих природными данными. Иногда это участие в самодеятельности дает им путевку в профессиональную сферу. Но даже если и не получится, все равно это позволяет ему самореализоваться, благодаря чему интересы человека становятся более разнообразными. А соприкосновение с высокими образцами творчества дает возможность получить навыки распознавания истинно ценного, воспитывает художественный вкус.

Во-вторых, самодеятельное творчество реализуется в коллективе, в котором выстраиваются специфические взаимозависимые отношения. Пребывание в коллективе воспитывает чувство ответственности перед другими, «чувство локтя», дает ощущение собственной важности и необходимости. Кроме того, любое творчество требует собранности, организованности, дисциплины, трудолюбия — качеств, которые важны для взрослого человека.

В-третьих, подобные занятия, заполняя свободное время, выводят из стрессового состояния. Публичное выступление, участие коллективов в различных смотрах, конкурсах — это значимое событие, направляющее эмоциональную сферу участников в позитивное русло. В рамках культурного волонтерства со своими программами участники таких образований могли бы выступать в реабилитационных центрах, хосписах, принимать участие в городских праздниках.

В качестве примера можно привести проект «Время правды» группы «123 полк» [4], который стал победителем конкурса Президентского фонда культурных инициатив. Все участники группы были солистами Луганской филармонии. С момента начала СВО они ушли на фронт. Все они защищали Родину, свободу и независимость будучи рядовыми пехотинцами, освободившими город Мариуполь, и удостоились боевых наград. Название группы выбрано неслучайно — ее солисты прошли

службу в 123-м полку Народной милиции. Эта группа гастролирует по городам и поселкам страны, причем, помимо исполнения песен, во время концерта зрителям демонстрируется документальный фильм о группе и ее участии в боевых событиях.

Обобщая все вышесказанное, можно рекомендовать региональным и муниципальным учреждениям культуры ввести следующие формы социокультурной работы с участниками боевых действий и членами их семей:

1. Творческие встречи, на которых участники СВО реализуют свои творческие способности, знания и умения. В программе могут быть выступления участников боевых действий со стихами, песнями, рассказами собственного и чужого сочинения. Желательно привлечение на данные встречи профессиональных поэтов, писателей, певцов, которые смогут оценить потенциал и дать мотивацию на дальнейшее развитие творческих навыков. Данная форма деятельности способствует росту и раскрытию потенциала личности, укреплению позиции в обществе, в семье, среди близкого окружения, в кругу боевых товарищей и повышению самооценки.

2. Концертные и праздничные программы с участием творческих коллективов города, приуроченные к праздникам и памятным датам, где участники СВО представляют свои творческие номера для боевых товарищей и членов семей.

3. Организация выездных мероприятий — познавательных, обучающих, расширяющих кругозор. Это проведение экскурсий, посещение музеев, театров, концертных программ.

4. Развлекательные игровые мероприятия для семей участников боевых действий, где они вместе со своими детьми и другими членами семьи принимают участие в конкурсах и играх. Объединенные общим делом и соревновательным духом, взаимодействуя, они сплачиваются, что гармонизирует обстановку в семье.

5. Кружки и коллективы самодеятельного художественного творчества. Итоги работы клубного объединения воплощаются в выставках, в организации творческих вечеров, конкурсов, фестивалей и концертов художественной самодеятельности.

Таким образом, потенциал культуры может стать одним из самых эффективных методов реабилитации для участников СВО, а активное вовлечение в социокультурные практики поможет им легче интегрироваться в мирную жизнь.

Использованная литература:

1. Анна Кузнецова: Центры комплексной реабилитации военнослужащих должны появиться в каждом регионе страны // Единая Россия [Сайт]. URL : <https://er.ru/activity/news/anna-kuznecova-centry-kompleksnoj-reabilitacii-voennosluzhashih-dolzheny-poyavitsya-v-kazhdom-regione-strany> (дата обращения: 31.03.2025).
2. Арт-терапия — новые горизонты / под ред. А. И. Копытина. М. : Когито-центр, 2006. 336 с.
3. В Минкультуры России сформируют проектный офис по интеграции участников СВО в сферу культуры // Министерство культуры Российской Федерации [Сайт]. URL : <https://culture.gov.ru/about/departments/department-cinema-digital-development/news/v-minkultury-rossii-sformiruyut-proektnyy-ofis-po-integratsii-uchastnikov-svo-v-sferu-kultury/> (дата обращения: 31.03.2025).
4. Проект «Время правды» // Любимый город [Сайт]. URL : <https://lubgorod.com/vremya-pervyh> (дата обращения: 31.03.2025).
5. Туев В. В. Социально-культурная деятельность в таблицах и схемах : учеб. пособ. Барнаул : Изд-во Алтайской гос. академии культуры и искусств, 2006. 87 с.

Alexander S. KORENNOY,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Leading Researcher,
Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch,
Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia, akorennoy@mail.ru

Forms and Methods of Sociocultural Rehabilitation of Participants of the Special Military Operation in Ukraine as a Direction of State Cultural Policy

This article examines the sociocultural rehabilitation of participants in the voluntary rehabilitation program Special military operation in Ukraine within the context of state cultural policy, which seeks to relieve stress through creative self-realization and a change in attitudes toward oneself and the world around them. The author identifies two main areas: acculturation and active creativity. Cultural policy initiatives related to sociocultural rehabilitation are systematized, the main forms of work at the federal, regional, and municipal levels are analyzed, and their

rehabilitation potential is identified. It is argued that the active involvement of Special military operation in Ukraine participants in sociocultural practices is an effective method of assisting in their return to civilian life.

Keywords: *state cultural policy, Special military operation in Ukraine participants, rehabilitation through culture, cultural institutions, forms and methods of work, amateur creativity.*

К. Г. Шилов*

Университетское образование как культурная форма: типология функций

Осуществлена культурологическая типологизация и атрибуция социокультурных функций высшего образования как культурной формы. Цель исследования состоит в уточнении системной целостности культурной формы высшего образования для выявления неочевидных связей базовой и эволюционно приобретенных ее социокультурных функций. В качестве предмета исследования рассмотрена совокупность социокультурных функций высшего образования. Объект исследования — культурная форма высшего образования, которая рассматривается в логике ее исторического культурогенеза. Проведенный анализ позволил уточнить базовую неизменную социокультурную функцию высшего образования и установить тесную с ней связь исторически приобретенных в ходе эволюционного развития культурной формы возобновляющих, энциклопедирующих и институализирующих функций. Кроме того, становится очевидной необходимость гармоничного сочетания в рамках университетского образования всех типов социокультурных функций, включая инновационные функции, предполагающие очередной эволюционный скачок культурогенеза высшего образования.

Ключевые слова: культурная форма, высшее образование, аксиология образования, культурогенез высшего образования, культурологическая типологизация, культурологическая атрибуция, системно-ценностный подход.

Актуальность культурологической типологизации и атрибуции социокультурных функций культурной формы высшего образования обусловлена необходимостью уточнения их системной распределенности и взаимосвязи в современной культуре. Особенность культурологической оценки культурной формы высшего образования как важнейшего

* ШИЛОВ Кирилл Геннадиевич, аспирант кафедры культурологии Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия, shilov@mail.ru.

элемента механизма воспроизводства культурной системы состоит в том, что она выполняет функции генератора и институциональной базы разработки, и апробации методических идей и гуманитарных технологий, управляющих этим механизмом [8, с. 48]. Сложность современного этапа развития российского высшего образования определена скоростью происходящих социокультурных изменений. Качество управляющих функций университетского образования в механизме воспроизводства культуры находится в прямой зависимости от степени концентрации теоретического, научно-методического и социокультурного опыта в образовательной институциональной среде, от накопления, производства и освоения там естественно-научного и гуманитарного знания с учетом меняющихся требований времени (см.: [15, с. 12–14] [14, с. 10–12]).

Цель представляемого исследования состоит в уточнении посредством культурологической типологизации и атрибуции системной целостности культурной формы высшего образования для выявления неочевидных связей базовой и эволюционно приобретенных ее социокультурных функций.

В качестве объекта исследования рассматривается культурная форма высшего образования в логике ее исторического культурогенеза. Предмет исследования — совокупность социокультурных функций высшего образования.

Историческая типологизация университетского образования является распространенным аргументом в дискуссиях российских (см.: [5, с. 15] [10, с. 104–105] [16, с. 10–12], и зарубежных (см.: [6, с. 12–18] [7, с. 174] [11, с. 46–48] [12, с. 130–135] [18] [22]) ученых. Эвристический же потенциал культурологической типологизации и атрибуции, выделенных А. Я. Флиером в качестве специально-культурологических методов (см.: [19] [20] [21]) и постепенно обретающих в работах отечественных культурологов конкретно-научный отрефлексируемый характер (см.: [1] [3] [4, с. 20–25] [2, с. 127–128] [13]), в рамках культурологии образования пока слабо реализован. По мнению В. С. Слепокурова, «культурологическая атрибуция позволяет устанавливать неочевидные связи элементов культурной системы, а следовательно, <...> интерпретировать причинно-следственную логику происходящих изменений» [15, с. 8]. В условиях скорости происходящих в современной культуре России изменений расширение эвристического потенциала культурологической типологизации и атрибуции за счет экспликации методов в культурологию образования представляется своевременным.

Говоря о культурологической типологизации и атрибуции социокультурных функций культурной формы высшего образования, следует установить ее культурно-исторические типы в рамках культурогенеза — эволюционного исторического процесса расширения и усложнения культурной формы со свойственными ей социокультурными функциями.

Европейские ученые отстаивают известную позицию исключительно светского характера университетского образования, основанного на передовых достижениях науки и организованного вокруг научных школ (см.: [8] [6] [7] [11] [12] [18] [22]). Однако становление европейского университета происходило не на пустом месте, а путем секуляризации института христианского церковного просвещения европейской аристократии, где в рамках католического монастыря сложились библиотечные фонды и схоластические методики классического образования. Причем европейское Просвещение не уничтожает католический университет, а придает ему новый импульс к развитию в конце XIX — начале XX в. Примерами может служить Католический университет Святого Сердца (итал. *Università Cattolica del Sacro Cuore*, UCSC), крупнейший частный университет Европы и один из самых влиятельных католических университетов мира (основан в 1921 г. с благословения Папы Бенедикта XV), или Католический университет Америки (англ. *The Catholic University of America*, CUA), крупнейший частный исследовательский католический университет в США (основан в 1887 г. с одобрения Папы Льва XIII). Известна также сеть Бенедиктинских колледжей и университетов, старейший из которых Папский Атенеум Святого Ансельма в Ватикане, основанный в 1687 г.

Реформация в Европе обусловила становление института англиканского университета, существенно повлиявшего на современную систему университетского образования в мире, обслуживая интересы британской колониальной политики (английский Университет Крайст-Черч в Кентербери, Университет Британской Колумбии, Макмастерский университет и Университет Западного Онтарио в Канаде, Университет Св. Иоанна в Шанхае и Западно-Китайский союзный университет, Университет Св. Иоанна в Танзании, Университет Западного Анколе в Уганде, Университет английского и иностранных языков в Хайдарабаде, Индия и др.). Кроме того, известны религиозно-просветительские формы исламского (крупнейший Исламский университет Медины основан в 1961 г. по Указу короля Саудовской Аравии) и буддийского универси-

тетов (например, крупнейший буддистский университет и монастырский комплекс V–XII вв. Наланда на севере Индии, Буддийский университет им. Дзанабадзара в Улан-Баторе, Монголия, основан в 1970 г.). Учитывая, что секуляризация европейского университета связана с идеей возрождения платоновской академии, нельзя не упомянуть влияние на Платона философско-религиозной школы пифагорейцев и афинской школы риторов, включая диалогическую риторику Сократа, а также влияние его выдающегося ученика Аристотеля на энциклопедические интересы Александра Македонского, основателя Александрийского музея (Александрийской библиотеки, III–II вв. до н. э.). Не следует не учитывать и школы, возникшие вокруг имен китайских мудрецов (легендарного Лао-Цзы VI в. до н. э. и Конфуция ок. 551–479 гг. до н. э.), и синагогу, возникновение которой связывают с вавилонским пленением иудеев.

Собственно, археологические источники свидетельствуют, в том числе, и о существовании образовательных институций уже в Древнем Египте и Древней Месопотамии (ок. 8–6 тыс. лет до н. э.), что позволяет атрибутировать идею высшего образования как воспитания вне семьи адепта сакрального знания об Универсуме мироздания с древнейшими этапами становления цивилизации. Связь древнейших образовательных институций с религиозными практиками неразрывна, но, по свидетельству Б. Малиновского, нет оснований прямо отождествлять такие культурно-цивилизационные универсалии, как магию, религию и науку [9], а соответственно, культурная форма высшего образования, подразумевающая освоение адептом некоторого предела знания, близка по своей сути культурной универсалии, возникающей на определенном этапе цивилизационного развития общества, — культурной форме, базовой социокультурной функцией которой является не исправление религиозного или магического обряда, а постижение, хранение, воспроизводство, трансляция и освоение некоторого сложного комплекса знаний о природе и сущности окружающей действительности. Причем для устойчивости этой культурной формы распространения письменности недостаточно, важно оформление письменности в книгу, в источник атрибуции умопостижения (созерцания) действительности с уже описанным в форме некоторой мировоззренческой концепции опытом. Если мифология как система представлений о действительности закрепляется в устном бытовании, то культурная форма высшего образования связана с книгой, т. е. является феноменом книжной культуры.

Культурная форма высшего образования эволюционирует как обрастающая образовательными практиками идея освоения не только навыков чтения и письма, наблюдения, математических измерений и вычислений, философских размышлений и пр., но и достижения определенного (высшего) уровня интеллектуального развития индивида (личности), позволяющего в полной мере освоить книжный опыт, научиться применять его в жизни, а также запечатлеть в книге/книгах освоенный на протяжении жизни новый опыт.

Книга, содержанием которой становится универсальная концепция бытия, становится эталоном интеллектуального развития индивида и устанавливает высший уровень образованности своей эпохи и культурной ойкумены. Соответственно, наличие подобной книги является маркером культуры, располагающей эталоном высшего образования. Древнейшими известными примерами таких книг являются древнеиндийские Веды и древнеегипетская Книга мертвых (ок. XVI в. до н. э.); к подобным книгам следует отнести священные писания иудаизма, христианства, ислама и др. Вероятно, и у древних шумер существовали подобные свидетельства систематизации высшего образования, но до нашего времени дошли лишь разрозненные археологические источники.

Культурная форма высшего образования как целостная структура формирования и репрезентации надбиологических программ жизнедеятельности складывается из нескольких исторически развивающихся на протяжении длительного времени форм сохранения и передачи культурного опыта: обряды перехода, различные образовательно-воспитательные социальные практики, мифология, магия, письменность, наука (включая опытную протонауку), религия, летописание, наставничество и пр. Древнейшие книги писались и переписывались тысячелетиями, дублируя мифологический способ интерпретации знания об окружающей действительности. Культурная форма высшего образования складывается вокруг устойчивой практики сохранения книжного эталона интеллектуального развития, требующей коллективных усилий многих поколений. Базовая социальная функция культурной формы высшего образования с течением времени остается неизменной: постижение, сохранение, воспроизводство, трансляция и освоение сложного комплекса знаний о природе и сущности окружающей действительности на основе изобретенного книжного эталона. Ту же функцию выполняет и современная научно-педагогическая школа высшего образования, являясь

базовым элементом университетской кафедры. С течением времени меняются формы и средства репрезентации комплекса знаний, изменяются критерии и свойства самих знаний, но обозначенная неизменная социокультурная функция культурной формы позволяет рассматривать эволюцию высшего образования с древнейших времен до сегодняшнего дня как исторический процесс расширения объема транслируемых знаний и, соответственно, усложнения структуры их организации.

Социокультурная функция культурной формы высшего образования востребована только в обществе определенного уровня сложности. Основопологающим критерием сложной организации общества, позволяющим идентифицировать его как отдельную цивилизацию, по мысли А. Тойнби, является сложная система уникальных религиозных представлений [17]. Религиозные представления, как и любая форма знания, являются продуктом нематериального производства. В обозримой исторической ретроспективе мы можем наблюдать, как в различных обжитых ойкуменах общества добивались высокого уровня сложности, выделяя и материально обеспечивая отрасль нематериального производства, включая и воспроизводство культурной формы высшего образования. Уровень системной сложности организации общества определяется способностью этого общества концентрировать усилия для коллективной деятельности. Соответственно, религия или форма высшего образования ценны не сами по себе, а только в том случае, если систематизируют продукты нематериального производства таким образом, что они усиливают способность общества к коллективной деятельности. В любом другом случае нематериальные ценности девальвируются и утрачиваются. Технологии организации коллективной деятельности, таким образом, становятся основным содержанием образовательных практик, включая реализацию культурной формы высшего образования, обеспечивающего не только воспроизводство известных технологий, но и их адаптацию к меняющимся условиям коллективной жизнедеятельности, включая изобретение новых и совершенствование прежних.

Если устно бытующие нематериальные ценности в результате девальвации могут быть утрачены безвозвратно со смертью их носителя, то книжная систематизация предполагает возможность повторного воспроизводства традиции, ресакрализацию утраченных ценностей на новом этапе цивилизационного развития, включая обновление, интерпретацию и репрезентацию знаний в актуальном контексте коллектив-

ной жизнедеятельности. Книга, таким образом, стала средством возобновления воспроизводства культурной формы высшего образования, существенно усилив системную организацию общества. Таким образом, первичный тип реализации культурной формы высшего образования можно идентифицировать как *возобновляющий*. Он, в частности, присущ древнейшим цивилизациям, многократно переживавшим взлеты и падения, и сущностно (содержательно) характеризуется единством с доминирующей религиозно-мифологической картиной мира, воспроизводящей культурную форму высшего образования цивилизации. Возобновляющий тип реализации культурной формы высшего образования предполагает консервацию единственно верной картины мира и консервативность в сохранении традиций образования, ведущую к догматизации знания. Маркером этого типа высшего образования является исключение из орбиты внимания роли персоны в формировании картины мира: отсутствие персонализированного авторства книг и ценности персонального вклада в постижение закономерностей мироздания. Сам мир — окружающая действительность — полагается непосредственным источником знания, а его закономерности интерпретируются в качестве божественных сверхмогущественных персоналий, обладающих индивидуальной волей к целеполаганию бытия. Неперсонализированные летописи, которые являются результатом труда поколений летописцев, опираются на такой тип высшего образования и маркируют уровень культурно-цивилизационного развития общества вне зависимости от периода исторического времени.

Пример Александрийского музея демонстрирует иной тип реализации культурной формы высшего образования, основанный на библиотечном коллекционировании книг. Ценность книги переосмысливается: каждая книга становится источником уникального знания, и высшее образование требует уже не исповедования единственно правильного учения, а обобщения накопленных энциклопедических знаний. На этом основании такой тип реализации культурной формы высшего образования можно идентифицировать как *энциклопедический*.

Не следует считать, что энциклопедический тип высшего образования исключает или полностью вытесняет первичный. Он генетически вытекает из возобновляющего образования, представляя собой более сложную структуру знаний. Особенность энциклопедического типа реализации культурной формы высшего образования состоит в фор-

мировании предпосылок для преодоления отживших догм и обновления традиций при сохранении знаний о неизменных закономерностях бытия. Не возобновление единственно верной системы знаний полагается в качестве высшей ценности образования, а аккумуляция нового знания для обогащения и дальнейшей систематизации картины мира. Маркером этого типа высшего образования становится персонализация нового знания: персонализированное авторство книг и ценность персонального вклада в постижение-собрание закономерностей мироздания. Появляются персоналии реальных и легендарных учителей, внесших значимый вклад в систему представлений об окружающей действительности. Совершенно изменяется образовательная практика восхождения к высшему знанию: не возобновление прежнего (сформированного богами при сотворении мира) объема знаний становится целью образования, а собрание накопленного людьми опыта. Отсюда, собственно, стремление к коллекционированию книг и артефактов древности, интерес к путешествиям, географии и этнографии, к произведениям искусства, архитектуре, изобретениям и технологиям, к историческим персонам царей, завоевателей, мыслителей и пр. Культура Древнего Рима — классический пример энциклопедирующего типа высшего образования, приобретающего количественные измерения накопленного богатства знаний (прочитанных и написанных книг, скопленных сокровищ, завоеванных земель и народов). Не проникновение в существующую и возобновляемую систему знаний становится способом достижения высшей ступени индивидуального интеллектуального развития (образования), а накопление знаний.

Логика культурогенеза формы высшего образования раскрывается как поэтапное ее усложнение. Освоение обществом энциклопедирующего высшего образования, которое, как и предыдущий (возобновляющий) тип, не предполагало обязательной социальной институционализации образовательной системы достижения индивидом определенного эталона образованности, постепенно приводит к выработке нормы высшего образования, отвечающей целям общественного развития. Именно идеи европейского Просвещения основаны на установлении общественной нормы высшего образования, призванной существенным образом изменить жизнь общества. О связи образования с качеством организации социальной жизни говорили и предшественники европейских просветителей (Конфуций, Платон, Аристотель, Цицерон и др.), но проект *институализирующего* высшего образования, создающего общественный

институт высшего образования и обеспечивающего постоянное производство соответствующего уровня специалистов, был впервые провозглашен и реализован именно в Европе.

Институализирующий тип реализации культурной формы высшего образования институализирует не только систему высшего образования, т. е. направлен не только на самовоспроизводство как возобновляющий тип и не только энциклопедирует знания как энциклопедирующий тип, а производит и воспроизводит практически все социальные институты, нормируя интеллектуальный уровень руководящей элиты. Этот тип высшего образования преобладает на сегодняшний момент в развитых странах, поскольку там наиболее востребована именно институализирующая роль постижения, сохранения, воспроизводства, трансляции и освоения сложного комплекса знаний о природе и сущности окружающей действительности. Основная неизменная функция культурной формы высшего образования используется руководящей элитой как инструмент управления социальным развитием. В том числе, к примеру, просветительская идея построения общества знания включается в приоритеты государственной политики, оттесняя на второй план такие функции, как возобновление практик высшего образования и энциклопедирование знаний.

Крайне важно подчеркнуть, что культурогенез культурной формы высшего образования представляет собой эволюционный процесс, в котором каждый последующий функциональный тип не заменяет собой предыдущий, а на нем основывается. Поэтому если обществом наиболее востребованы в настоящий момент институализирующие его функции, это не означает, что реализация иных социокультурных функций не нужна. Напротив, эффективность реализации институализирующих функций прямо зависит от качества реализации высшим образованием своих возобновляющих и энциклопедирующих функций: убери первичное звено — рассыпется вся эволюционно сложившаяся пирамида. Кроме того, именно гармоничное сочетание базовой функции высшего образования (постигание, сохранение, воспроизводство, трансляция и освоение сложного комплекса знаний о природе и сущности окружающей действительности) с приобретенными в ходе эволюционного развития культурной формы возобновляющими, энциклопедирующими и институализирующими функциями является условием институализации университетского образования и его повсеместного распространения.

Кроме атрибутированных базовой и приобретенных функций, в XX в. в ряде развитых стран сформировался запрос на инновационную функцию высшего образования, акцентирующий внимание на способности университета или его специализированного подразделения (научно-исследовательского института или лаборатории) производить новое фундаментальное знание и основанные на нем наукоемкие технологии. Этот запрос коренным образом изменяет ценностные соотношения базовых и приобретенных функций, выдвигает на первый план ценность производства инновационных технологий, призванного в кратчайшие сроки окупить затраты на развитие всей системы функций высшего образования. Вероятно, на наших глазах формируется новый тип культурной формы высшего образования — инновационный, ориентированный на постоянное производство новых знаний и технологий. Если это так, то это очередной эволюционный скачок культурогенеза высшего образования, не вытесняющий все предшествующие исторически сложившиеся типы, а базирующийся на них. Следовательно, предполагаемая в результате формирования нового типа культурной формы коммодификация системы высшего образования возможна исключительно при условии комплексной реализации всех ее функций: игнорирование одних в пользу других — недальновидная спекулятивная тактика, способная привести лишь к снижению эффективности высшего образования и технологическому отставанию общества.

Таким образом, осуществленная нами культурологическая типологизация и атрибуция социокультурных функций культурной формы высшего образования позволяют иначе представить ее системную целостность и наметить пути интенсификации реализации ею наиболее востребованных современным обществом функций.

Использованная литература:

1. Бакуменко Г. В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ : матер. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2021 г.). М. : Московский гос. пед. ун-т, 2022. С. 50–61.
2. Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г., Бакланова О. А. Эсхатология сингулярности: “Deus ex machina” в построении кинообразов будущего // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6, № 3. С. 119–167.

3. Бакуменко Г. В. Метатеоретический аспект культурологии // Культурное наследие — от прошлого к будущему : программа и тезисы докладов. М., СПб.: Институт Наследия, 2021. С. 39.
4. Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М. : Сам Полиграфист, 2021. 276 с.
5. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Университет и философия: «университет разума» и «исследовательский университет» // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 14–25.
6. Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетское управление: практика и анализ. 1998. № 3. С. 1–28.
7. Деррида Ж. Университет глазами питомцев // Отечественные записки. 2003. № 6. С. 173–200.
8. Кант И. Спор факультетов / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканяна, И. Д. Копцева, М. И. Левиной; ред. Л. А. Калининков. Калининград : Изд-во Калининградского гос. ун-та, 2002. 286 с.
9. Малиновский Б. Магия, наука и религия / пер. с англ. А. П. Хомика. М. : Академический проект, 2015. 298 с.
10. Муравьев А. Н. Борьба за логос, настоящую философию и образование // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, № 3. С. 103–111.
11. Ньюмен Дж. Г. Идея Университета / пер. с англ. С. Б. Бенедиктова; ред. М. А. Гусаковского. Минск : Белорусский гос. ун-т, 2006. 208 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М. Голубевой, А. Корбуга. М. : Изд. дом ВШЭ, 2010. 140 с.
13. Сазыка Г. С. Парадигмы студенческой жизни университета: методологические аспекты исследования // Здоровый образ жизни как условие устойчивого развития государства : матер. всерос. науч.-практ. конф. (Нефтекамск, 14 декабря 2017 г.). Уфа : Башкирский государственный университет, 2017. С. 447–451.
14. Слепокуров В. С. Образовательные стратегии вузов культуры в контексте задач государственной культурной политики России // Культура и образование. 2022. № 3. С. 5–13.
15. Слепокуров В. С. Поиск новых ориентиров // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 4. С. 8–12.
16. Слепокуров В. С. Социокультурные функции высшей школы в пространстве диалога культур // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 1. С. 8–14.

17. Тойнби А. Дж., Хантингтон С. Ф. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М. : Алгоритм, 2016. 288 с.
18. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута; ред. М. А. Гусаковского. Минск : Белорусский гос. ун-т, 2010. 304 с.
19. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6. С. 24–30.
20. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.
21. Флиер А. Я. Системный характер нормативной теории культуры // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 147–156.
22. Ясперс К. Идея университета / пер. с нем. Т. В. Тягуновой; ред. М. А. Гусаковского. Минск : Белорусский гос. ун-т, 2006. 159 с.

Kirill G. SHILOV,

Postgraduate Student, Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia, shilov@mail.ru

University Education as a Cultural Form: A Typology of Functions

A cultural typology and attribution of the sociocultural functions of higher education as a cultural form was conducted. The aim of the study is to clarify the systemic integrity of the cultural form of higher education in order to identify non-obvious connections between its basic and evolutionarily acquired sociocultural functions. The subject of the study is the totality of the sociocultural functions of higher education. The object of the study is the cultural form of higher education, which is examined within the logic of its historical cultural genesis. The conducted analysis allowed us to clarify the basic, unchanging sociocultural function of higher education and establish a close connection with it and the historically acquired regenerative, encyclopedic, and institutionalizing functions during the evolutionary development of the cultural form. Furthermore, the need for a harmonious combination of all types of sociocultural functions within university education becomes evident, including innovative functions that presuppose the next evolutionary leap in the cultural genesis of higher education.

Keywords: cultural form, higher education, axiology of education, cultural genesis of higher education, cultural typology, cultural attribution, system-value approach.

А. А. Нагой*

Событийность в государственной программе Республики Адыгея «Развитие культуры»: контент-анализ и его культурологическая атрибуция**

Статья посвящена исследованию новостной ленты официального сообщества Министерства культуры Республики Адыгея в социальной сети «ВКонтакте». Предметом исследования является отражение в новостной ленте официального сообщества культурных событий, связанных с реализацией мероприятий государственной программы Республики Адыгея «Развитие культуры» в 2024 г. Цель исследования состоит в определении количественных и качественных коррелятов значимости культурного события, которое выражено количеством просмотров сообщения о нем в новостной ленте официального сообщества. Для обзора содержания сообщений в новостной ленте предпринят их контент-анализ и установлена корреляция между количественными показателями просмотров сообщений в Сети с объемом затраченных на их обеспечение бюджетных средств. Культурологическая атрибуция полученных данных в рамках типологизации сообщений по осуществляемым в 2024 г. мероприятиям региональной программы, предпринятый анализ позволяет констатировать, что событийность региональной программы «Развитие культуры» освещалась в новостной ленте официального сообщества «ВКонтакте» на протяжении 2024 г. крайне несбалансированно. Помимо мониторинга общественной значимости культурных событий, указаны направления совершенствования системы взаимодействия Министерства культуры Адыгеи с жителями региона посредством новых медиа.

Ключевые слова: региональная культура, государственная культурная политика, новые медиа, программа культурного развития, учреждения культуры, культурная событийность, культурные практики, управление в сфере культуры, Адыгея.

Культурную жизнь региона наполняет событийность совокупности культурных событий, являющихся результатами культурной деятельности в различных сферах (художественное творчество, досуг,

* НАГОЙ Анжела Аслановна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, likabohema@gmail.com.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 180. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

социокультурная деятельность и пр.). Между тем управление развитием культуры, ориентированное на выработанные общественно значимые приоритеты, состоит из планируемых и реализуемых мероприятий, подкрепленных бюджетным финансированием затрат на их реализацию. Мероприятия государственных программ развития культуры не тождественны культурным событиям [1], но предполагают поддержку и расширение культурной событийности [5].

Исходя из Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, запланированные в рамках целевой программы развития культуры мероприятия могут формироваться по инерционному, базовому или инновационному сценариям. По критерию событийности инерционный сценарий развития сориентирован на сохранение некоторого объема культурных событий или незначительное их снижение, не влияющее критически на качество культурной жизни. Базовый же и инновационный сценарии развития культуры предполагают прирост культурных событий: незначительный, но повышающий качество культурной жизни (базовый), или же прорывного характера, существенно увеличивающий участие населения в культурной жизни, что значительно повышает ее качество (инновационный).

В этой связи понятен повышенный интерес теоретиков и практиков социокультурной деятельности к инновационному потенциалу культурной событийности в контексте ее медиатизации, связи культурных индустрий со СМИ и PR-технологиями (см.: [2] [3] [10] [11] [14] [16] [19]). Особое внимание уделяется теоретиками значимости культурной событийности и ее освещению в интенсивно развивающихся новых медиа (new media) в плане научно-методического обеспечения региональной культурной политики (см.: [6] [7] [9]).

Учитывая острую актуальность проблемы участия новых медиа в реализации стратегических задач государственной культурной политики, в данной статье акцентируется внимание на событийности государственной программы Республики Адыгея «Развитие культуры», отраженной в новостной ленте официального сообщества Министерства культуры Республики Адыгея (далее — Минкультуры РА) в социальной сети «ВКонтакте» [13].

Объектом исследования является новостная лента официального сообщества Минкультуры РА в социальной сети «ВКонтакте» (на момент уточнения данных 12 декабря 2024 г. она составляла 1 865 подписчиков). Предмет исследования — отражение в новостной ленте официального

сообщества Минкультуры РА в соцсети «ВКонтакте» культурных событий, связанных с реализацией мероприятий государственной программы Республики Адыгея «Развитие культуры» в 2024 г.

Материалами исследования послужили приказ Минкультуры РА от 25 декабря 2023 г. № 324-п «Об утверждении Плана расходов на реализацию основных мероприятий государственной программы Республики Адыгея “Развитие культуры” на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» (актуальная версия на декабрь 2024 г.), включая приложение к нему [15], а также сообщения в новостной ленте официального сообщества Минкультуры РА в соцсети «ВКонтакте».

Методологические принципы исследования опираются на фундаментальное положение М. М. Бахтина о взаимопроникновении материальной и нематериальной составляющих культуры непосредственно в событии, являющемся фактом совершения поступка [4, с. 30–35]. Методический комплекс сбора и обработки статистических данных сложился из сочетания качественных и количественных методик контент-анализа [12] и культурологической атрибуции (см.: [17] [18]).

Цель исследования состоит в определении количественных и качественных коррелятов значимости культурного события, которое выражено количеством просмотров сообщения о нем в новостной ленте официального сообщества Минкультуры РА в соцсети «ВКонтакте». Анализ мероприятий госпрограммы «Развитие культуры» РА, включая текущие корректировки на плановый период 2024 и 2025 гг., показывает, что в управлении региональной культурой запланирован переход от базового сценария развития к инновационному. В частности, при запланированном снижении затрат бюджета на 6 % в 2024 г. и на 34,8 % в 2025 г. по сравнению с предыдущими годами предусмотрено увеличение культурных событий и существенное усиление вовлеченности в них жителей региона, т. е. запланировано усиление значимости запланированных в рамках мероприятий региональной программы культурных событий.

Гипотетически, опираясь на закономерности аксиологического маркирования событий и формирования ценностных установок в культурном медиадискурсе (см.: [1] [6] [8] [19]), следует предполагать зависимость степени вовлеченности жителей региона в событие от качества его организации, которое подразумевает, среди прочего, освещение события в СМИ, включая и новостную ленту официального сообщества Минкультуры РА «ВКонтакте». Вполне очевидным количественным корреля-

том степени вовлеченности жителей в культурное событие, освещенное в новостной ленте, является количество просмотров сообщения о нем (см. табл. 1, стлб. 7)*.

В рамках контент-анализа сообщений и представленной на официальной странице Минкультуры РА «ВКонтакте» статистики по ним можно отследить, есть ли зависимость количества просмотров от количества материалов, освещающих событие (см. табл. 1, стлб. 6), а также распределить сообщения о событиях по запланированным в 2024 г. мероприятиям региональной госпрограммы «Развитие культуры» (см. табл. 1, стлб. 2) с учетом количества учреждений-исполнителей, задействованных в реализации мероприятия (см. табл. 1, стлб. 3), объемов финансирования мероприятия (см. табл. 1, стлб. 4) и количества сообщений о событиях, содержащих семантическое ядро названий, запланированных в рамках региональной программы «Развитие культуры» мероприятий (см. табл. 1, стлб. 4).

Если методика контент-анализа, применяемая для обзора содержания сообщений в СМИ, позволила собрать статистические данные в сводную таблицу (см. табл. 1) и установить наличие либо отсутствие корреляции между различными количественными показателями, то культурологическая атрибуция полученных данных в рамках типологизации сообщений по осуществляемым в 2024 г. мероприятиям региональной программы «Развитие культуры» позволяет установить иерархию значимости освещенных культурных событий в их распределенности по финансируемым из бюджета мероприятиям и количеству задействованных в их реализации учреждений-исполнителей.

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов, следует оговориться, что не все мероприятия госпрограммы «Развитие культуры» РА, запланированные на 2024 г., предполагают публичное освещение их событийности. Такие мероприятия, как «Обеспечение функций Минкультуры РА», «Обеспечение деятельности подведомственных Минкультуры РА гос. казенных учреждений РА», «Обеспечение деятельности подведомственных Минкультуры РА государственных бюджетных учреждений культуры РА» и «Обеспечение деятельно-

* В таблицах 1 и 2 используются сокращения: столбец — ст.; просмотр — про-см.; материалы — мат.; п. запрос — поисковый запрос; учреждения-исполнители — исп.; сообщения — сооб.; народное — нар.; международный — междунар.; дополнительный — доп.; художественный — худ.; государственный — гос.

сти Управления по охране и использованию объектов культурного наследия РА», предполагают обязательное материально-финансовое и организационное обеспечение деятельности ведомства и подведомственных учреждений Минкультуры РА вне зависимости от календаря культурных событий. Объемы финансирования этих мероприятий прямо не коррелируют с количеством и качеством культурных событий, освещаемых в СМИ, хотя соотношение количества культурных событий в общей их совокупности, как освещенных в СМИ, так и неосвещенных, может говорить об эффективности затрат на обеспечение деятельности и функций системы управления культурой в регионе. Но вопросы эффективности системы управления Минкультуры РА в данной статье не рассматриваются, поэтому указанная выше совокупность мероприятий региональной госпрограммы не входит в орбиту наших интересов.

Таблица 1

Сводная таблица количества сообщений о культурных событиях, им посвященных материалов и их просмотров в новостной ленте официального сообщества Минкультуры РА в соцсети «ВКонтакте»

№	Мероприятия / п. запрос	исп.	тыс. руб.	сооб.	мат.	просм.	руб.
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Сохранение и развитие культурного наследия / «культурное наследие»	15	3380,00	49	152	12 501	270,38
2	Поддержка проф. искусства, нар. творчества, развитие международных культурных связей / «профессиональное искусство»	64	12 139,80	39	170	13 168	921,92
3	Модернизация организаций, подведомственных Минкультуры РА / «модернизация»	28	14 579,90	23	79	6434	2266,07
4	Поддержка муниципальных учреждений культуры и детских школ искусств по видам искусств / «поддержка учреждений»	20	8965,90	27	109	7177	1249,25

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
5	Поддержка молодых дарований, системы худ. образования, доп. образования в сфере культуры, укрепление кадрового потенциала / «поддержка молодых дарований»	23	9247,40	2	11	1906	4851,73
6	Сохранение и развитие нар. худ. промыслов и ремесел РА / «худ. промыслы»	1	1000,00	49	277	15439	64,77
7	Рп «Обеспечение качественно нового уровня развития инфраструктуры культуры (“Культурная среда”) (РА (Адыгея))» / «культурная среда»	27	707 500,00	18	65	3648	193 941,89
8	Рп «Создание условий для реализации творческого потенциала нации (“Творческие люди”) (РА (Адыгея))» / «творческие люди»	18	2966,00	54	196	14 301	207,40
9	Развитие гос. образовательных учреждений в сфере культуры / «развитие учреждений»	17	366 074,00	28	128	8918	41 048,89
10	Сохранение объектов культ. наследия, расположенных на территории РА / «объекты культурного наследия»	1	10 000,00	11	18	2217	4510,60
11	Итого	214	1 135 853	300	1203	85 709	13 553,85

В сводной таблице (см. табл. 1) представлены результаты контент-анализа приложения к приказу Министерства культуры Республики Адыгея от 25 декабря 2023 г. № 324-п «Об утверждении Плана расходов

на реализацию основных мероприятий государственной программы Республики Адыгея “Развитие культуры” на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» [15] и новостной ленты на официальной странице Минкультуры РА «ВКонтакте» [13].

1. Проанализированы мероприятия региональной программы «Развитие культуры» РА, запланированные на 2024 г. (см. приложение к приказу Министерства... [15]), и из них сделана выборка мероприятий, предполагающих их реализацию в конкретной культурной событийности региона (см. табл. 1, стлб. 2), в наименовании которых выделено семантическое (смысловое) ядро для релевантного поискового запроса и отбора сообщений соответствующей тематики в новостной ленте официальной страницы Минкультуры РА «ВКонтакте» (сообщения отбирались из общей их совокупности с 1 января по 10 декабря 2024 г. включительно) [13].

Из 14 запланированных госпрограммой мероприятий 10 предполагают свою реализацию непосредственно в культурных событиях.

2. Осуществлен подсчет количества ответственных учреждений-исполнителей мероприятий региональной программы 2024 г. (см. приложение к приказу Министерства... [15]), суммарное число которых представлено в таблице (см. табл. 1, стлб. 3), а также указана выделенная на реализацию данного мероприятия сумма бюджетных средств (см. табл. 1, стлб. 4).

Максимальное количество учреждений-исполнителей (64) (см. табл. 1, стлб. 3) задействовано в реализации основного мероприятия госпрограммы «Поддержка профессионального искусства, народного творчества, развитие международных культурных связей» (см. табл. 1, стлб. 2), на которое выделено всего 12 139,80 тыс. руб. (см. табл. 1, стлб. 4), всего 39 сообщений обнаружено в новостной ленте Минкультуры РА «ВКонтакте» (см. табл. 1, стлб. 5), посвященных событиям в рамках этого мероприятия, в которых всего 170 материалов (включая текстовые, фото- и видеоматериалы, в том числе комментарии при наличии) (см. табл. 1, стлб. 6), просмотренных 13 168 раз (см. табл. 1, стлб. 7).

К примеру, наибольший объем финансирования выделен на реализацию Регионального проекта «Обеспечение качественно нового уровня развития инфраструктуры культуры (“Культурная среда”) (РА (Адыгея))» — 707 500,00 тыс. руб. (см. табл. 1, стлб. 4), в котором задействовано 27 учреждений-исполнителей (см. табл. 1, стлб. 3), о кото-

ром в новостной ленте представлено 18 сообщений (см. табл. 1, стлб. 5) с общим совокупным объемом материалов 65 (см. табл. 1, стлб. 6), просмотренных посетителями страницы Минкультуры РА «ВКонтакте» 3648 раз (см. табл. 1, стлб. 7). Наименьший объем финансирования (1000,00 тыс. руб.) выделен на основное мероприятие госпрограммы «Сохранение и развитие народных художественных промыслов и ремесел РА», единственным исполнителем которого является Минкультуры РА: мероприятие нашло отражение в 49 сообщениях с 277 материалами, привлечшими в общей сложности 15 439 просмотров.

3. Осуществлен подсчет количества сообщений в новостной ленте на официальной странице Минкультуры РА «ВКонтакте» по поисковым запросам на основе семантического ядра профинансированных в 2024 г. мероприятий.

Наибольшее число сообщений (54) за 2024 г. включает семантическое ядро Регионального проекта «Создание условий для реализации творческого потенциала нации (“Творческие люди”) (РА (Адыгея))», выраженное словосочетанием «творческие люди». Наименьшее число сообщений (2) обнаружено по поисковому запросу «поддержка молодых дарований», соответствующему семантическому ядру основного мероприятия госпрограммы «Поддержка молодых дарований, системы художественного образования, дополнительного образования в сфере культуры, укрепление кадрового потенциала».

4. В обнаруженных сообщениях подсчитано количество материалов (включая текстовые, фото- и видеоматериалы, в том числе комментарии) (см. табл. 1, стлб. 6) и совокупное количество их просмотров (см. табл. 1, стлб. 7).

Таким образом, в 10 запланированных региональной госпрограммой мероприятиях всего задействовано 214 учреждений-исполнителей, деятельность которых обеспечена в общей сложности финансированием в объеме 1 135 853 тыс. руб. и привела к 298 сообщениям в новостной ленте Минкультуры РА «ВКонтакте», содержащих 1194 материала, просмотренных всего 83 803 раза на протяжении 2024 г. (с 1 января по 10 декабря) (см. табл. 1, строка 12).

Учитывая объемы финансирования мероприятий госпрограммы, можно маркировать условную стоимость одного просмотра сообщения о культурном событии (1 135 853 тыс. руб. / 85 709 просмотров = 13 252 руб. 45 коп.) (см. табл. 1, строка 12, стлб. 8). Подчеркнем, речь идет о затратах на мероприятия госпрограммы, которые привели к некоторо-

му числу событий, далеко не в полном объеме освещенных в новостной ленте Минкультуры РА «ВКонтакте». И именно недостаточная освещенность в СМИ большинства событий, профинансированных в рамках мероприятий госпрограммы, приводит к существенному росту стоимости одного просмотра — это не себестоимость одного просмотра, а общий объем затрат на обеспечение всех условий, обуславливающих появление возможности этого просмотра. Отдельно, вне нашей модели культурологической атрибуции просмотра как показателя вовлеченности населения региона в культурное событие, этот показатель может говорить об эффективности работы пресс-службы Минкультуры РА (чем ниже этот показатель, тем эффективнее работа подразделения) при условии регулярных (допустим, ежегодных) замеров. В нашей же модели культурологической атрибуции значимости культурных событий этот показатель является среднестатистическим, с которым сравниваются аналогичные показатели всех 11 мероприятий региональной госпрограммы: чем ниже «себестоимость» просмотра сообщения о событии, тем выше значимость событийности осуществленного мероприятия; если же «себестоимость» просмотра выше среднестатистического показателя, это означает, что мероприятие или связанные с ним события крайне слабо интересуют официальное сообщество Минкультуры РА «ВКонтакте», в 2024 г. произошло мало культурных событий, обеспеченных этими мероприятиями, или они слабо освещены в новостной ленте (см. табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг общественной значимости событийности мероприятий региональной госпрограммы «Развитие культуры» РА

№	Мероприятия / п. запрос	исп.	тыс. руб.	сооб.	мат.	просм.	руб.
1	Сохранение и развитие нар. худ. промыслов и ремесел РА	1	1000,00	49	277	15 439	64,77
2	Создание условий для реализации творческого потенциала нации	18	2966,00	4	196	14 301	207,40
3	Сохранение и развитие культурного наследия	15	3380,00	9	152	12 501	270,38
4	Поддержка проф. искусства, нар. творчества, развитие междунар. культурных связей	64	12 139,80	9	170	13 168	921,92

Окончание табл. 2

№	Мероприятия / п. запрос	исп.	тыс. руб.	сооб.	мат.	просм.	руб.
5	Поддержка муниципальных учреждений культуры и детских школ искусств по видам искусств	20	8965,90	7	109	7177	1249,25
6	Модернизация организаций, подведомств. Минкультуры РА	28	14 579,90	3	79	6434	2266,07
7	Сохранение объектов культ. наследия, расположенных на территории РА	1	10 000,00	1	18	2217	4510,60
8	Поддержка молодых дарований, системы худ. образования, доп. образования в сфере культуры, укрепление кадрового потенциала	23	9247,40	2	11	1906	4851,73
Среднестатистический показатель							13 252,45
9	Развитие гос. образовательных учреждений в сфере культуры	17	366 074,00	8	28	8918	41 048,89
10	Обеспечение качественно нового уровня развития инфраструктуры культуры	27	707 500,00	18	5	3648	193 941,89

Предпринятый анализ позволяет констатировать, что событийность региональной программы «Развитие культуры» РА освещалась в новостной ленте официального сообщества Минкультуры РА «ВКонтакте» на протяжении 2024 г. крайне несбалансированно. Например, наиболее значимые для населения региона события, связанные с реализацией основного мероприятия программы «Сохранение и развитие народных художественных промыслов и ремесел РА», предполагают в среднем 315 просмотров одного сообщения о событии (15 439 / 49 = 315,08), в то время как событийность мероприятия «Поддержка молодых дарований, системы художественного образования, дополнительного образования в сфере культуры, укрепление кадрового потенциала» предполагает в среднем 953 просмотра, т. е. более чем в 3 раза большим показателем популярности темы, что прямо указывает на необходимость чаще освещать события этого мероприятия для снижения среднестатистического показателя себестоимости одного просмотра сообщений о культурных событиях, обеспеченных бюджетным финансированием.

Культурологическая атрибуция общественной значимости событийности государственной программы Республики Адыгея «Развитие культуры» позволяет установить, что жители Адыгеи наибольший интерес проявляют к сохранению и развитию народных художественных промыслов и ремесел РА, затем интересуются созданием условий для реализации творческого потенциала нации. Третье место в рейтинге общественной значимости занимают события по сохранению и развитию культурного наследия, за ними следуют поддержка профессионального искусства, народного творчества и развитие международных культурных связей. Выше среднестатистического показателя мероприятий «Поддержка муниципальных учреждений культуры и детских школ искусств по видам искусств», «Модернизация организаций, подведомственных Минкультуры РА», «Сохранение объектов культурного наследия, расположенных на территории РА» и «Поддержка молодых дарований, системы художественного образования, дополнительного образования в сфере культуры, укрепление кадрового потенциала». Мероприятия же по развитию государственных образовательных учреждений в сфере культуры и обеспечению качественно нового уровня развития инфраструктуры культуры, несмотря на то, что на них выделяются значительные бюджетные средства, слабо интересуют официальное сообщество Минкультуры РА «ВКонтакте»: либо в 2024 г. произошло мало связанных с ними культурных событий, либо они слабо освещены в новостной ленте.

Отдельно необходимо подчеркнуть, что предлагаемая модель анализа событийности в государственной программе РА «Развитие культуры», помимо мониторинга их общественной значимости, указывает на направления совершенствования системы взаимодействия Минкультуры РА с жителями региона посредством новых медиа, которые в условиях интенсивной цифровизации социальной жизни приобретают все большее значение.

Использованная литература:

1. *Антропова В. В.* Аксиомаркирование событий и формирование ценностных установок в культурном медиадискурсе переходного периода // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. № 1. С. 79–87.
2. *Бакуменко Г. В.* Проблемы коммеморации и коммодификации научно-технического наследия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам

- VIII междунар. науч. форума (с. Кабардинка, г. Геленджик, 21–25 сентября 2022 г.). М. : Институт Наследия, 2023. С. 144–159.
3. *Барвенко В. И.* Современное искусство и дизайн в рамках культурных событий // *Личность. Коммуникации. Практика* : сб. науч. ст. по итогам науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 15–18 декабря 2019 г.). Ростов-н/Д. : Наука-Спектр, 2020. С. 6–15.
 4. *Бахтин М. М.* К философии поступка // *Собрание сочинений*. М. : ЯСК, 2003. Т. 1. С. 7–264.
 5. *Бурина А. Ю., Хорева Л. В.* Инновационный потенциал событийной активности: Акция «Ночь музеев» // *Актуальные проблемы развития сферы услуг* : сб. науч. тр. Вып. XIII. СПб. : Санкт-Петербургский гос. экон. ун-т, 2019. С. 79–87.
 6. *Горлова И. И., Зиновьева Н. Б.* Медиаактивность в социальных сетях как показатель успешности государственного управления в сфере культуры регионов // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2023. № 5. С. 41–52.
 7. *Горлова И. И., Костина Н. А.* Научно-методические основы культурной политики в системе современного российского образования // *Культурное наследие России*. 2024. № 2. С. 4–13.
 8. *Зиновьева Н. Б., Резник О. В., Данильченко Т. Ю.* Медиаактивность в сфере культуры: поиск специфики // *Наследие веков*. 2023. № 4. С. 54–68.
 9. *Коваленко Т. В., Зиновьева Н. Б., Саркисова Е. Г.* Культурная политика регионов Юга России на современном этапе: опыт комплексного исследования региональных стратегий // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2023. № 6. С. 24–36.
 10. *Коваленко Т. В., Саркисова Е. Г.* Цифровая инфраструктура учреждений культуры и задачи культурной политики в современной России: этапы и специфика формирования // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30, № 4. С. 151–163.
 11. *Корнилова К. С.* Медиатизация культурных событий как технология продвижения территорий // *Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы* : матер. IX всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 9 ноября 2018 г.). М. : Российский ун-т дружбы народов, 2018. С. 60–65.
 12. *Методологические и методические проблемы контент-анализа* / ред., сост. А. Н. Алексеев. Вып. 1. М.; Л. : [Б. и.], 1973. 130 с.
 13. Министерство культуры Республики Адыгея // ВКонтakte. URL : <https://vk.com/public202274405> (дата обращения: 11.12.2024).

14. Плотникова Г. Г., Подольская И. Н. Особенности организации корпоративной культуры в проектировании социально-культурных событий // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 9. С. 207–215.
15. Приказ Министерства культуры Республики Адыгея от 25.12.2023 № 324-п «Об утверждении Плана расходов на реализацию основных мероприятий государственной программы Республики Адыгея “Развитие культуры” на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ. URL : <https://base.garant.ru/408290091/> (дата обращения: 11.12.2024).
16. Разина О. Г. Гражданско-патриотическое воспитание обучающихся на основе культурно-исторических событий на территории Волгоградского региона // XI Сталинградские исторические чтения : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Сталинградской Победы (Волгоград, 24 ноября 2023 г.). М. : Планета, 2024. С. 126–130.
17. Флиер А. Я. Институт культурный // Прикладная культурология: энциклопедия / ред. И. М. Быховская. М. : Согласие, 2019. С. 425–428.
18. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6. С. 24–30.
19. Bakumenko G. V., Biryukov I. L., Scherbak N. F., Luginina A. G. Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Т. 5, № 2. С. 15–45.

Angela A. NAGOY,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Assoc. Prof.,
Department of Philosophy and Sociology, Adygea State University,
Maikop, Republic of Adygea, Russia, likaboHEMA@gmail.com

Eventfulness in the Republic of Adygea’s “Cultural Development” State Program: Content Analysis and Its Cultural Attribution

The paper is devoted to the study of the news feed of the official community of the Ministry of Culture of the Republic of Adygea in the social network “VKontakte”. The subject of the study is the reflection in the news feed of the official community of cultural events related to the implementation of the activities of the state program of the Republic of Adygea “Development of Culture” in 2024. The purpose of the study is to determine the quantitative and qualitative correlates of the significance of a cultural

event, which is expressed by the number of views of a message about it in the news feed of the official community. To review the content of messages in the news feed, their content analysis was undertaken, and a correlation was established between the quantitative indicators of views of messages on the network with the amount of budgetary funds spent on their provision. Culturological attribution of the obtained data within the framework of the typology of messages on the events of the regional program carried out in 2024. The undertaken analysis allows us to state that the events of the regional program “Development of Culture” were covered in the news feed of the official VKontakte community in 2024 in an extremely unbalanced manner. In addition to monitoring the social significance of cultural events, areas for improving the system of interaction between the Ministry of Culture of Adygea and residents of the region through new media are indicated.

Keywords: regional culture, state cultural policy, new media, cultural development program, cultural institutions, cultural events, cultural practices, cultural management, Adygea.

*Е. А. Давиденко**

Корпоративная культура: миф о глобальной конвергенции и реальность национальной самобытности

Статья посвящена особенностям проблемы соотнесения национальной и корпоративной культур. В связи с тем, что концепция конвергенции национальных и корпоративных культур не нашла своего детального подтверждения, для транснациональных компаний особое значение приобрел кросс-культурный менеджмент, который сводился к различным формам управления коммуникацией. В итоге выявлено, что выбор стратегии взаимодействия национальной и корпоративной культуры определяется спецификой, существующей в культуре конкретной организации.

Ключевые слова: рационально-прагматический подход, феноменологический подход, теории деятельности, национальная культура, корпоративная культура.

Исследование корпоративной культуры, начавшееся во второй половине XX в., разделилось на два, казалось бы, противоположных, но на самом деле взаимодополняющих направления. Первое — раци-

* ДАВИДЕНКО Елена Анатольевна, соискатель Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, david.sch@yandex.ru.

онально-прагматическое — рассматривало культуру как внешнюю по отношению к организации переменную подсистему социокультурной среды, поддающуюся управлению и оптимизации. Второе — феноменологическое — сосредоточилось на внутренней сущности культуры, определяющей саму организацию, ее идентичность, ее характер и поведение.

Рационально-прагматический подход, доминировавший в ранних исследованиях, стремился найти универсальные инструменты управления культурой. Фокус изучения корпоративной культуры был направлен на создание и внедрение ценностных концепций менеджмента, разработку методик оценки и изменения организационного климата. Многие компании пытались сконструировать желаемую культуру, вводя кодексы поведения, корпоративные миссии и ценности, часто без учета специфики самой организации и ее сотрудников. Результаты таких попыток были неоднозначными: формальное внедрение часто не приводило к реальным изменениям в поведении и мышлении сотрудников.

В противовес рациональному подходу феноменологическое направление сосредоточилось на понимании корпоративной культуры как живого, постоянно развивающегося организма, формирующегося через взаимодействие людей и их общий смыслообразовательный процесс. Этот подход признает, что культура не может быть просто сконструирована, а формируется естественным путем, отражая взаимоотношения, традиции и ценности внутри организации. Ключевым стало понимание, что изменение культуры возможно только через изменение ее практик.

Единство практики и коммуникации, необходимое для изменения и закрепления новых норм и ценностей, получило наиболее полное выражение в теории деятельности Ю. Энгestrёма. Данная теория, анализируя систему деятельности и используя дискурс-анализ, показывает, как формируется взаимосвязь между национальными особенностями воздействия на корпоративную культуру организаций практиками, коммуникацией и внутренними представлениями сотрудников.

Со временем рост многонациональных компаний создал риски эффективного функционирования их филиалов в условиях работы в разных странах с разными культурами. Взаимозависимость между национальной и корпоративной культурами таких компаний привела к необходимости учета данных обстоятельств в изучении проблем формирования корпоративной культуры.

В контексте глобализации и формирования транснациональных компаний вопрос взаимодействия национальной и корпоративной культур стал особенно актуальным. Концепция конвергенции культур, предполагающая сближение национальных и корпоративных ценностей, оказалась слишком упрощенной. Поэтому внимание переключилось на кросс-культурный менеджмент, акцент в котором сделан на управление коммуникацией и понимание культурных особенностей различных стран и регионов. Исследователями был сделан вывод о том, что эффективная стратегия взаимодействия национальной и корпоративной культур определяется уникальными особенностями конкретной организации.

Влияние национальной культуры на корпоративную среду — вопрос сложный и многогранный, не имеющий однозначного ответа. Огромное количество исследований корпоративной культуры, около 80 % из которых, по оценкам экспертов, проведено в США, создает искаженную картину глобальной действительности (см.: [1, р. 140] [2, р. 115] [3, р. 130]). Американские модели, основанные на специфических ценностях индивидуализма, конкуренции и быстрого достижения результатов, зачастую неприменимы к другим культурам, особенно в Азиатском регионе, где коллективизм, долгосрочное планирование и гармония в отношениях играют первостепенную роль. Проблема усугубляется тем, что многие исследования, проводимые за пределами США, основаны на американских методологиях и теоретических рамках. Это приводит к тому, что существенные культурные нюансы остаются незамеченными, а выводы оказываются упрощенными и неадекватными. Например, понимание лидерства, стиля управления конфликтами, коммуникативных стратегий значительно варьируется в зависимости от культурного контекста. В высококонтекстных культурах (например, японской) невербальная коммуникация и взаимопонимание имеют решающее значение, в то время как в низкоконтекстных культурах (например, немецкой) важна ясная и прямая вербализация. Влияние национальной культуры особенно сильно проявляется в теократических обществах, где религия, политика и культура тесно переплетены. В таких странах корпоративная культура неизбежно отражает религиозные и идеологические нормы, влияющие на организационную структуру, стиль управления и отношения между сотрудниками. В светских же обществах, где религия отделена от государства и других сфер жизни, влияние национальной культуры на корпоративную культуру

менее выражено, хотя и не исчезает полностью. Гипотеза о конвергенции культур, предполагающая унификацию корпоративных культур под влиянием глобализации и внедрения современных технологий, является достаточно спорной. Действительно, глобализация способствует распространению определенных управленческих практик и технологий, приводя к схожести организационных структур. Однако, как показал анализ работ Д. Чайлда, это не означает полного стирания национальных культурных различий [4, р. 354]. Организации могут становиться похожими внешне, но внутренняя культура, ценностные ориентиры и поведенческие паттерны сотрудников остаются глубоко укорененными в национальной традиции.

Итак, на рубеже веков в организациях появляется новый феномен — формирование в организациях специфической корпоративной идеологии, часто искусственно создаваемой и транслируемой сверху вниз. Эта идеология определяет ценности, этические нормы и желаемые модели поведения, стремясь влиять не только на рабочую жизнь сотрудников, но и на их личную жизнь, создавая своеобразный корпоративный культ. Такой подход, игнорирующий национальную специфику, может привести к конфликтам и неэффективности. Несмотря на тенденции к глобализации и стандартизации, национальная культура остается важным фактором, формирующим корпоративную культуру. Успешное управление в международной среде требует глубокого понимания и учета культурных особенностей разных стран, а не наивного ожидания универсальной модели корпоративного поведения. Только учет культурного контекста позволит создать эффективную и гармоничную корпоративную среду.

Использованная литература:

1. *Child J.* Culture, Contingency and Capitalism in the Cross-National Study of Organizations // *Research in Organizational Behavior*. CT : SAI Press, 1981. P. 303–356.
2. *Dumaine B.* Times Are Good? Create a Crisis // *Fortune*. 1993. June 28. P. 386.
3. *Francesco A. M., Gold B. A.* International Organizational Behavior. New Jersey : Prentice Hall, 1998. 654 p.
4. *Robbins S. P.* Organizational Behavior. Concepts, Controversies, Applications. Englewood Cliffs : Prentice Hall, 1998. 675 p.

Elena A. DAVIDENKO,

Applicant for an Academic Degree, Likhachev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia,
david.sch@yandex.ru

Corporate Culture: The Myth of Global Convergence and the Reality of National Identity

The article is devoted to the peculiarities of the problem of correlating national and corporate cultures. Due to the fact that the concept of convergence of national and corporate cultures has not found its detailed confirmation, cross-cultural management, which was reduced to various forms of communication management, has acquired special significance for transnational companies. As a result, it was revealed that the choice of the strategy for interaction between national and corporate culture is determined by the specifics existing in the culture of a particular organization.

Keywords: *rational-pragmatic approach, phenomenological approach, activity theories, national culture, corporate culture.*

С. Н. Орлов*

Классификация альтметрических инструментов и их культурологическая оценка

В статье рассмотрена совокупность альтметрических инструментов, применяемых для количественной и качественной оценки электронного контента. Приведена многомерная классификация альтметрических инструментов по шести основаниям: объекту анализа, характеру значений, аналитическому потенциалу, сферам применения, времени возникновения и выполняемым функциям; описаны их функции и управленческий потенциал. Выявлено, что ряд альтметрических инструментов в результате их анализа характеризуется неоднозначной культурологической оценкой, а их бесконтрольное применение может спровоцировать дисфункциональный эффект в социуме. В связи с этим альтметрические инструменты могут использоваться лишь как вспомогательное средство работы с текстовыми массивами в цифровой среде.

* ОРЛОВ Сергей Николаевич, аспирант Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, Россия, orlovs_n_99@mail.ru.

Ключевые слова: электронный контент, альтметрические инструменты, информационная культурология, социокультурные последствия применения альтметрических инструментов.

Одним из главных артефактов культуры выступают текстовые источники. Появившись на заре цивилизации, сегодня разнообразные тексты пронизывают все процессы человеческой жизнедеятельности. Благодаря текстовой форме фиксации результатов размышлений и обмена опытом многих людей появились классические науки и литература, письменные законы и управленческая документация, стали фиксироваться исторические события и технологические приемы деятельности. Будучи обусловлены уровнем организации социума, они являются его фундаментом, представляют собой отражение современного состояния, выступают результатом и маркером социального и культурного развития, а также в определенной степени платформой для будущего.

Но их хаотическое и бесконтрольное распространение нередко вступает в противоречие с целями общественного развития, с доминирующими идеологическими и религиозными установками. С момента появления письменных, а потом печатных текстов они подвергались селекции. Какие-то тексты активно продвигались, какие-то запрещались, а некоторые и физически уничтожались в зависимости от текущей ситуации. История показала, что абсолютный запрет на что-либо или слишком активная протекционистская политика способны нанести не меньший вред, чем абсолютное бездействие в информационной сфере. Высокая текстовая культура предполагает в первую очередь качество и достоверность текстов (см.: [1] [2]). Но как отобрать качественные тексты среди множества посредственных, а то и откровенно лживых?

Эта важная задача всегда решалась с помощью интеллектуальных усилий людей. В отношении множества печатных изданий используемые методы были весьма трудоемки и по времени затратны. Появившиеся компьютерные технологии позволили автоматизировать этот процесс. Не отрицая традиционные технологии, сохраняя сущность текста как такового, электронное текстовое производство предоставляет качественно новые возможности для работы, позволяет использовать инструменты, невиданные ранее. Речь идет о вспомогательных сетевых инструментах, объединенных в отдельное направление под названием альтметрия (или вебометрия) [3]. Сегодня это объединение включает в свой состав целый

ряд расчетных методик, позволяющих дать количественную и качественную оценку электронному контенту. Их можно классифицировать по ряду оснований деления.

1. По объекту — на текстологические и пользовательские. Текстологические ориентированы на глубокий анализ и характеристику текстов на основе статистических параметров их структурных элементов. Позволяют производить различные манипуляции с текстами: проверку на оригинальность, водность, тошнотность, осуществлять копирайтинг, рерайтинг, редактирование, пересказ, текст-майнинг и т. д. Пользовательские инструменты предоставляют статистику просмотров текстов, их копирование, скачивание, количество оставленных комментариев, лайков и т. д.

2. По характеру расчетных значений — на базовые и расчетные. Базовые предоставляют статистические данные в абсолютных значениях. Например, количество знаков, ключевых слов, просмотров, комментариев и т. д. Сами по себе они особого значения не имеют. На их основе рассчитываются относительные показатели, которые наряду с количественной дают определенную качественную оценку. Например, показатель — средняя продолжительность чтения статьи — рассчитывается с учетом физиологических возможностей и навыков чтения среднего человека.

3. По аналитическому потенциалу они могут быть сравниваемые и нормативные. Например, сравниваемые: один текст набирает больше просмотров, чем другой. Соответственно, можно сделать предварительный вывод, что первый вызывает больший интерес у аудитории. Но в результате интенсивной практики использования за параметром закрепляется некоторое нормативное значение, свидетельствующее о его приемлемом состоянии. Выражается в колебании показателей в определенной амплитуде. Например, процентное значение оригинальных и заимствованных фрагментов в тексте в рамках определенной амплитуды нормативных значений позволяет сделать общий вывод о качестве текста.

4. По сферам применения. Альтметрические инструменты сегодня представляют собой неотъемлемую часть цифровой среды, но наиболее активно используются в научной и образовательной деятельности, в журналистике и блогосфере, редакционной работе, маркетинге и рекламе, госуправлении, киберпространстве. В каждой из перечисленных сфер они трансформируются в зависимости от решаемых

мых задач, для них рассчитываются нормативные значения. В научной и образовательной деятельности в первую очередь они ставят заслон неправомерным заимствованиям, а также по факту цитирований высчитывается рейтинг научных журналов и определяется положение отдельных ученых в соответствии с их научным потенциалом (индекс цитирования, индекс Хирша и т. д.). В журналистике и блогосфере большее значение имеют пользовательские инструменты, показывающие масштаб охвата читательской аудитории, а также используются для сбора социологических данных. В редакционной работе более активно используются текстологические инструменты. В маркетинге и рекламе с помощью текстологических инструментов проверяются рекламные тексты (копирайтинг) на соответствие заданным параметрам, а с помощью пользовательских определяется их результативность. В госуправлении эти инструменты стали использоваться недавно, поэтому пока их применение ограничено анализом активности обратной связи с подписчиками в социальных сетях. В киберпространстве альтметрические инструменты используются многосторонне, в том числе в позитивных целях — для анализа производителей контента и пользовательской аудитории, а также в негативных — для шпионажа и компьютерной слежки за деятельностью граждан.

5. По времени возникновения все альтметрические инструменты могут быть подразделены на соответствие технологиям Web-2.0 (SEO-оптимизация, просмотры, скачивания, репосты, лайки и комментарии), Web-3.0 (большие данные), Web-4.0 (искусственный интеллект, текст-майнинг).

6. По выполняемым функциям. Все альтметрические инструменты создавались с целью упорядочения контента в цифровой среде, но каждый из них более детально ориентирован на выполнение своей функции. Каждая функция нацелена на выправление некоторого создавшегося дисбаланса в цифровой среде, соответственно это предполагает у того или иного инструмента наличие управленческого потенциала. Но решая одну проблему, одновременно как следствие возникает дисбаланс в другой сфере, что оказывает на общество дисфункциональный эффект. Отсюда следует в большинстве случаев неоднозначная культурологическая оценка.

Альтметрические инструменты вкуче с их функциями, управленческим потенциалом и культурологической оценкой сгруппированы в таблице 1.

Таблица 1

Альтметрические инструменты упорядочения контента в цифровой среде

№ п/п	Альтметрический инструмент	Функция	Управленческий потенциал	Культурологическая оценка
1	Число прочтений: — пользовательский; — базовый; — используется в журналистике и блогосфере, маркетинге и рекламе, госуправлении; — Web-2.0	Знакомство с текстом, косвенно подтверждает интерес к теме	Тексты, выстроенные в рейтинг по числу прочтений, организуют и упорядочивают поток. Лидирующие в рейтинге тексты могут использоваться для рекомендации читателям и для размещения рекламы	Оценка неоднозначная. Рейтинг текстов по числу прочтений демонстрирует доминирующие интересы и настроения в обществе. Это может оцениваться положительно, в воспитательных целях. Но рейтинги также используются и для манипуляции общественным мнением
2	Средняя продолжительность чтения: — пользовательский; — расчетный; — используется в журналистике и блогосфере, маркетинге и рекламе, редакционной работе; — Web-2.0	Ориентирует читателя по затратам времени	Потенциал пока неясен. В перспективе в результате сравнения со средним числом прочтений будет определен предпочтительный объем текста, что позволит унифицировать тексты по затратам времени на прочтение	Оценка неоднозначная. Унификация текстов по затратам времени может стимулировать авторов к использованию определенного объема, что снизит степень разнообразия и оттолкнет какую-то часть аудитории
3	Перечисление структурных частей текста и его пересказ, в том числе устный: — текстологический; — в СМИ, в редакционной работе; — Web-4.0	Ориентирует читателя в содержании и структуре текста	Элемент упорядочения самих текстов и их места в потоке	Оценка неоднозначная. Упрощает и ускоряет процесс знакомства с текстом. Дает возможность ознакомиться без глубокого погружения. При пересказе возможна потеря тонких нюансов, иронии, сарказма, не распознаваемых по ключевым словам. Чтение — более трудоемкий процесс, нежели прослушивание, в перспективе при широком распространении может привести к утрате навыков чтения и структурного разбора больших текстов

Продолжение табл. 1

№ п/п	Альтернативный инструмент	Функция	Управленческий потенциал	Культурологическая оценка
4	Число скачиваний: — пользовательский; — базовый; — в СМИ; — Web-2.0	Повторное прочтение, косвенно подтверждает ценность текста для читающего	Как такового потенциала для управления потоком не имеет	Оценка положительная. Формирование собственной электронной коллекции нужных текстов
5	Репост: — пользовательский; — базовый; — в СМИ; — Web-2.0	Неформальный канал распространения текстов	Как такового потенциала для управления потоком не имеет	Оценка неоднозначная. Образование некоего клуба по интересам. Возможно навязывание текста к прочтению со стороны
6	Определение % доли заимствований: — текстологический; — расчетный; — в научной и образовательной сферах, редакционной работе, рекламе; — Web-2.0	Показатель качества, определяющий оригинальность текста	Исключение из оборота неоригинальных текстов, преграда в борьбе с плагиатом	Оценка неоднозначная. Воспитание уважения к авторскому тексту, культуры цитирования. Но, с другой стороны, нарушается главный принцип культурного развития — преемственность
7	Определение водности текста: — текстологический; — расчетный; — в редакционной работе, рекламе; — Web-2.0	Показатель качества, определяющий точность и компактность изложения смысла текста	Упорядочение внутренней структуры текстов за счет повышения плотности	Оценка положительная. Помощь автору в редакционной работе над текстом
8	Рейтинг: — текстологический; — расчетный; — в СМИ, редакционной работе, рекламе; — Web-2.0	Редакция текста с целью повышения оригинальности и устранения водности	С одной стороны, помогает наполнять поток оригинальными текстами, но, с другой стороны, их оригинальность — это фикция	Оценка неоднозначная. Устраняет необходимость собственных усилий автора над повышением оригинальности текста. В перспективе может снизить интеллектуальный уровень авторов, понизить их квалификацию

Продолжение табл. 1

№ п/п	Альтернативный инструмент	Функция	Управленческий потенциал	Культурологическая оценка
9	Число цитирований: — текстологический; — базовый; — в научной и образовательной сферах, в редакционной работе; — Web-2.0	Определенные рейтинга статьи, ее автора и места в системе научных журналов	Ранжирование научных журналов с целью отбраковки «мусорных», неавторитетных	Оценка неоднозначная. Повышается степень доверия к излагаемому материалу благодаря авторитету автора и месту журнала в системе иерархии. Но возможна «накрутка» показателей
10	Куки: — пользовательский; — базовый; — в киберпространстве, СМИ, маркетинге и рекламе; — Web-3.0	Сбор данных об IP-адресах, обращающихся к ресурсам, выставленным на сайте в Сети	Массив собранных данных позволяет структурировать пользователей Сети по интересам	Оценка неоднозначная. С одной стороны, позволяет адресно обслуживать пользователей информацией, более соответствующей их интересам, но, с другой стороны, навязывает им таргетированную рекламу
11	DOI (Digital Object Identifier) — цифровой идентификатор, присваиваемый научным статьям: — текстологический; — базовый; — в научной сфере; — Web-3.0	Поисковый признак для идентификации научных статей	Упорядочивает поток научных статей. Позволяет по присвоенному цифровому коду найти статью в Сети	Оценка положительная. В перспективе может заменить другие поисковые признаки
12	ORCID (Open Researcher and Contributor Identifier) — идентификатор авторов научных статей: — текстологический; — базовый; — в научной сфере; — Web-3.0	Поисковый признак для идентификации авторов научных статей	Упорядочивает поток научных статей. Позволяет по присвоенному цифровому коду найти все статьи автора в Сети	Оценка неоднозначная. С одной стороны, идентификатор способствует упорядочению потока. С другой стороны, позволяет собрать информацию заинтересованным лицам о направленности научной деятельности ученого
13	Большие данные (Big Data) — пользовательский; — расчетный; — в маркетинге, киберпространстве, рекламе; — Web-3.0	Интегрирует данные о пользователях Сети, собранные из разных источников, включая куки	Массив собранных данных позволяет структурировать пользователей Сети по разным параметрам: возрасту, образованию, интересам, социальной позиции, финансовому положению, законопослушности и т. д.	Оценка неоднозначная. С одной стороны, позволяет адресно обслуживать информацией, соответствующей его положению и интересам, а с другой стороны, манипулировать, использовать эти данные в противоправной деятельности

Окончание табл. 1'

№ п/п	Альтметрический инструмент	Функция	Управленческий потенциал	Культурологическая оценка
14	Искусственный интеллект — текстологический; — расчетный; — теоретически — во всех сферах; — Web-4.0	Пока все функции не определены. Синтезирует в себе множество возможностей, в том числе создание оригинальных текстов, редакцию, систематизацию, упорядочение потоков и т. д.	Способен заменить человеческое участие в управлении информационными потоками	Оценка неоднозначная. С одной стороны, освобождает человека от трудоемких действий, в том числе в области интеллектуального труда, но, с другой стороны, таит в себе опасность полного управления социумом. Возможны манипуляции, подтасовки, действия, направленные во вред отдельным людям и всему обществу в целом

Цифровая среда интенсивно развивается, но ее развитие осуществляется спонтанно, хаотично, с перекосами и дисбалансами [4]. На каждое действие в цифровой среде находится противодействие. При этом работа с большими массивами информации в сетевом пространстве без альтметрических инструментов уже невозможна. Они выступают как непосредственный регулятор, устанавливающий некоторый порядок в хаотизированной информационной среде. Цифровой среде, поскольку она находится в точке полной неопределенности, в условиях которой невозможно предсказать, как события и технологии будут развиваться дальше, присуща внутренняя турбулентность [5]. Человечество еще не осознало всех последствий применения информационно-аналитических инструментов. Но, учитывая указанные тревожные примеры, механизм машинного отбора и оценки цифровых объектов не должен рассматриваться в качестве основного, а возможен лишь как вспомогательный и дополнительный.

Использованная литература:

1. Данилова Л. Н. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 5–11.

2. Зайцева С. А., Смирнов В. А. Аксиологический подход к понятию цифрового следа // Ноосферные исследования. 2021. № 3. С. 79–87.
3. Зиновьева Н. Б., Мельникова А. В. Библиометрические и текстологические показатели качества научного текста и направления их трансформации в современной научной среде // Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере : сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 19 марта 2020 г.). Краснодар : Краснодарский гос. ин-т культуры, 2020. С. 12–16.
4. Кузнецов Н. В. Всеобщая цифровизация и социальные риски // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 10. С. 42–47.
5. Листвина Е. В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. 2020. № 7–8. С. 14–18.

Sergey N. ORLOV,

Postgraduate Student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia,
orlovsn_99@mail.ru

Classification of Altmetric Tools and Their Cultural Assessment

This article examines a set of altmetric tools used for the quantitative and qualitative assessment of digital content. A multidimensional classification of altmetric tools is presented based on six criteria: object of analysis, nature of meanings, analytical potential, areas of application, time of origin, and functions performed. Their functions and managerial potential are described. It is revealed that a number of altmetric tools, as a result of their analysis, are characterized by an ambiguous cultural assessment, and their uncontrolled use can provoke a dysfunctional effect in society. Therefore, altmetric tools can only be used as an auxiliary tool for working with text arrays in the digital environment.

Keywords: digital content, altmetric tools, information cultural studies, sociocultural consequences of using altmetric tools.

РАЗДЕЛ 2

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

*Н. Г. Соловьёва**

Образ традиционной семьи в культурном наследии кубанского казачества**

В статье рассматривается образ традиционной семьи кубанских казаков как один из главных атрибутов их культурного наследия. Обладая как типичными для всего общества дореволюционной России характеристиками — традиционностью и консерватизмом, казачья семья имела и целый ряд неповторимых черт, которые относили ее в разряд самостоятельных социокультурных образований, маркирующих своих облада-

* СОЛОВЬЁВА Наталья Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологии народов Карачаево-Черкесской Республики Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсирокова, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, soloviova_n31@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 235–236. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

телей — кубанских казаков. Входя в культурное наследие кубанского казачества, традиционная семья являлась составной частью и культурного наследия всего российского казачества. Этнокультурные маркеры традиционной казачьей семьи — неотъемлемые, важные, специфичные, практически воплотившиеся в быту отношения — и по сей день являются знаковыми элементами внутреннего и внешнего содержания казачьей культуры, богатого и культурно насыщенного русского мира.

Ключевые слова: традиционная семья, культурное наследие, кубанские казаки, этнокультурный маркер, идентичность, народная мудрость.

Культурное наследие России богато и разнообразно. Этносы и субэтносы, делящиеся в свою очередь на многочисленные подгруппы, насыщают его потоками неповторимых внешних, практических повседневно-бытовых проявлений и внутренних, духовно наполненных уникальных традиций. Семья как традиционная ячейка в сотах «российского улья» — общества, сосредоточила в себе всю полноту знаний, навыков и нематериальных ценностей, которые составили культурное наследие России.

Исследованию традиционных ценностей народов нашей страны посвящено немало работ. При этом нельзя не указать на то, что немаловажной компонентой, занимающей центральное место в системе ценностных ориентиров и являющейся своеобразным ядром, духовным и практическим первоначалом, исконно выступала и продолжает таковой быть традиционная семья. Формирование культурных ценностей и последующая их межпоколенная передача, напрямую содействующая их сохранению, происходили исключительно в ее «орбите». Поэтому, на наш взгляд, изучению традиционной семьи, исследованию «классического» ее устройства, в том числе выявлению ее основных этнокультурных характеристик, следует уделять достаточное внимание. Сегодня, в век поглощения цивилизационным процессом общечеловеческих норм, стоящих на страже не только уникального многокомпонентного мира, но и человечества в целом, исследование форм и закономерностей семейных ценностей и отношений является приоритетным. Как научная проблема большинства гуманитарных дисциплин, обозначенная тема поднималась и поднимается на протяжении всего существования человеческого общества, мыслящего и радеющего за свое последующее процветание в рамках установленных общепринятых правил бытия, то есть в рамках «апробированной системы»: семьи — основополагающего значимого социального института. Образ традиционной семьи, так называемый паттерн, имеется у каждого этноса и субэтноса. В определенной степени

он идеализирован, представляется некоей моделью, характеристики которой снабжены отличительными свойствами на уровне идентификационных маркеров одной из социокультурных групп. Исследование образа традиционной семьи в качестве культурного наследия, то есть носителя не только многовековой информации морально-нравственного и иного содержания, но и практического, прикладного опыта воспроизведения наработанных навыков и умений представителями многонациональной России, важно в деле сохранения ее многообразия и существования русского мира в период современных вызовов, кризиса цивилизаций.

Разработку такой сложной всеобъемлющей проблемы стоит начинать с малого — с рассмотрения образа традиционной семьи кубанских казаков в рамках их культурного наследия. Данный подход хоть и ограничен самой постановкой вопроса, но является в определенной степени инновацией, так как ранее не выделялся из общего этнографического поля исследований в самостоятельное направление, что позволит нам выявить и обозначить основные проявления и характеристики образа традиционной семьи.

Под образом традиционной семьи в рамках культурного наследия кубанского казачества подразумевается вся совокупность элементов, правил и тесно связанных с этим отношений, которые одновременно с формированием паттерна формировали идентичность, маркировали ее. Типичность определенных семейных «ингредиентов» именно для указанной группы российского казачества свидетельствует об этнокультурной локализации основ религиозного мировоззрения — православного, которое особым образом сказалось на устоях и проявлениях как среди членов отдельно взятой казачьей семьи, так и казачьего общества в целом. Главным критерием при этом выступала сплоченность: этническая, духовная, а также экономическая, заключающаяся в заинтересованности всех участников данного процесса в эффективности совместного общинного существования, возможная именно в рамках указанной культурной традиции и со временем переродившаяся в культурное наследие кубанских казаков.

Как показала история, традиционность и патриархальность, обладая стагнацией, все же не преминули сказаться и на общей динамике развития исследуемого субэтнуса, подтвердив тем самым положительную сторону образа традиционной казачьей семьи — ее адаптивные свойства с одновременным соблюдением вековых норм бытия. Отмирание внутрисемейных «архаических» правил казачьего бытия не происходило,

что, как ни странно, не мешало воспринимать новые приемы хозяйствования, выразившиеся, в том числе, и в задействовании более усовершенствованных технических средств конца XIX в. (веялок, сеялок и др.). Они, в свою очередь, в рамках реализации подвергались типичной для кубанского казачества гендерной классификации — межролевому распределению обязанностей среди членов большой традиционной семьи. Такая противоречивость функционирования традиционной казачьей семьи характеризовала в целом кубанское казачество. Отличаясь специфическим разнообразием своего проявления, она являлась этнокультурным маркером исследуемой социальной группы российского общества.

Образ традиционной семьи в культурном наследии кубанского казачества можно разделить на две большие части: материальную и духовную. Первичность каждой из указанных частей сегодня четко не определена. Что важнее: «духовность или материальная сторона жизни», «яйцо или курица» — риторические вопросы, которые носят философско-парадоксальный характер и тем самым не позволяют с уверенностью решить их, но содействуют поиску разных путей достижения обозначенной проблемы. В культурной традиции кубанского казачества как части русского мира первичность духовных начал более очевидна, чем вторая — материальная основа бытия. Не умаляя значимости обеих ипостасей и учитывая ментальность и этнокультурную специфику казачества в целом, образ традиционной семьи предстает в ином свете, более возвышенном значимом контексте, приобретает определенные символы и смыслы. Потребность духовная, являясь основой казачьего бытия, заставляла всех членов многочисленной большой казачьей семьи экономически создавать предпосылки для ее прочного, успешного и долгого существования. Ментальные установки диктовали правила общежития, указывали на негласные нормы, обязательные и неукоснительные для исполнения каждого, кулуарные в рамках семейных отношений, зеркально отраженных в построении общинного устройства большой казачьей общины и самой жизни в ней.

Образ традиционной семьи кубанского казачества оформился посредством этикета, который также входит в его культурное наследие. Казачий этикет регламентировал внутрисемейные отношения, выражающиеся в соподчиненности и подчеркнутом уважении одних членов казачьей семьи другим. «Сам факт создания семьи — заключение брака, затем последующее продолжение рода — беременность и появление на свет мальчика-казака, взросление, воспитание, а значит и подготовка

к взрослой жизни казачат (мальчиков и девочек — их общее и раздельное воспитание), вступление в нее: казак — военная служба, непосредственное участие в военных действиях, а затем выход в отставку и участие в общественной жизни одновременно с воспитанием подрастающего поколения; казачки — замужество, рождение детей, их воспитание вплоть до старости — этапы, которые находили свое отражение в казачьем этикете» [6, с. 108].

Каждый период казачьей жизни имел элементы обучения и воспитания, закладывал основу образа традиционной казачьей семьи в этнопедагогике кубанских казаков. «Семейную педагогику Кубанского казачества отличают, с одной стороны, позитивный авторитаризм, а с другой, дифференцированный гуманный подход к воспитанию детей, учитывающий формирование и развитие всех сторон личности, возрастные, индивидуальные, гендерные особенности ребенка; разнообразие методов и форм воспитательного воздействия; приоритет старших, строгая дисциплина и внутрисемейная иерархия; глубоко традиционный характер воспитания, что выражается в заповедях, кодексе чести и заветах казачества. Именно данные специфические особенности, на наш взгляд, помогли кубанскому казачеству даже в тяжелые годы лишений и изгнания сохранить сплоченность и самоидентичность своего сообщества», — отмечала Я. В. Реутова [3].

В контексте современного воспитания человека общероссийской культуры рассматриваются различные модели воспитательного процесса, опирающиеся, в том числе, и на культурное наследие народов России. «Одной из региональных модификаций цивилизационной модели реформирования российского образования выступает социально-педагогическая модель воспитания человека российской культуры — преемника и продолжателя российской цивилизации на основе воспитательного потенциала культуры казачества» [1, с. 118]. Немаловажную роль в этом может сыграть и сам образ традиционной казачьей семьи, анализ его основных характеристик, которые свидетельствуют о богатом опыте этнопедагогических практик, актуальных в современных условиях нивелирования традиционных ценностей в общемировую парадигму многополярного мира.

Образ традиционной семьи в культурном наследии кубанского казачества, являясь одним из главных его символов, выступает своеобразным смысловым акцентом в его определении, понятийным эквивалентом в целом. Во-первых, «казачество» как образ «казака» невозможно

воспринимать вне контекста понятия «коллектива», то есть «семьи» — своего обыкновенного повседневного мира, не ограниченного пространственно-временными рамками общежития. В него входили и исторически сложившиеся устои военно-экономического бытия, и нормы морали, которые, в свою очередь, оформили менталитет — главный компонент этногенотипа российского казачества, а также специфику отдельно взятых его групп. Во-вторых, образ казака — воина, земледельца и скотовода, «рачитого» («рационального», «успешного» — кубанский говор, местный диалект казаков Карачаево-Черкесии) хозяина, поддерживался образом Родины («малой» и «большой»). Под последним изначально подразумевалась конкретная семья — род, казачество. Практически это было проявление казаком заботы о ней через достойное гордое несение казачьего бремени — «судьбы» — этнокультурной сути самостоятельной эксклюзивной ячейки российского общества. Воспитание казака-воина начиналось в традиционной казачьей семье, происходило с самых ранних лет. «С трех-пяти лет казачонка уже приучали к верховой езде, рукопашному бою. Стрелять учили с семи лет, рубить шашкой — с десяти» [5].

Образ традиционной казачьей семьи складывался и из того, что она была многочисленной ячейкой казачьего общества, то есть в нее входили непосредственно члены семьи из нескольких поколений одного рода. Казачьи семьи жили на территории одной казачьей усадьбы в нескольких, чаще двух, многоквартирных хатах. Разрастаясь, близкородственные казачьи семьи селились по соседству, занимая зачастую целый квартал в традиционном населенном пункте казаков — станице. Совместное экономическое и культурное бытие формировало образ казачьей семьи, наделяло его типичными региональными характеристиками.

Следует отметить, что образ казачьей семьи воспринимался через ее традиционное устройство. Процессы, протекающие в ней соответственно культурным традициям, формировали определенные социальные связи и отношения. В структуру традиционной казачьей семьи входили ее члены, главными из которых являлись отец и мать. При этом родоначальником казачьей семьи традиционно считался мужчина, из чего следует, что устройство семьи зиждилось на патриархальных принципах, где паритет отдавался гендерному разграничению ролей и отношений. Соподчинение, присутствовавшее в семейных отношениях, было нерушимым правилом существования традиционного общества казаков.

По воспоминаниям Н. Б. Ласковой, несмотря на то, что главой казачьей семьи был мужчина, часто роль женщины в ней была ведущей: «В семье прадедушки всем заправляла бабушка. Но при народе она всегда подчеркивала, что только выполняет решение мужа, которое он сам единолично принял. Она всегда уважительно относилась к мужу — главе семьи и так же воспитывала детей, которые ставили отца выше всех, уважали и почитали его и его слово. Так было заведено в традиционных казачьих семьях» [2]. Нельзя не согласиться и с Т. Н. Саркисян, что «в дуализме мужчины и женщины в казачьей культуре активную роль первопроходца, безусловно, выполняет мужчина, однако женщина, традиционно обеспечивая тылы, также является соучастником пограничной казачьей жизни. Ментальные черты характера казачек Кубани обычно выражались в таких качествах, как выносливость, работоспособность, домовитость, упорство в достижении поставленной цели. Агональность женской казачьей субкультуры как бы скрыта и не занимает доминирующего положения, но она способна проявляться в определенных жизненных обстоятельствах» [4, с. 9]. Также следует указать на то, что взаимоотношения между членами казачьей семьи опирались на жесткую дисциплину и сдержанность поведенческих проявлений, полагающихся на стереотипы традиционного событийного ряда жизненного цикла. Они служили верным признаком, маркирующим как казачью семью, так и кубанское казачество в целом, обозначающим, в том числе, специфику и эксклюзивность культурного наследия российского казачества в целом.

Народная мудрость, хранящаяся в культурном наследии кубанских казаков — пословицах, гласит: «По главному казаку и семья ценилась» [7, с. 113]. Именно традиционность его образа служила основой образа всего родового сообщества — традиционной казачьей семьи, залогом ее процветания. «Жизнь сладка, где семья крепка» [7, с. 113], — были убеждены казаки и стремились к этому, передавая последующим поколениям бережное ответственное отношение к семье как главному образу их идентичности и основе культурного наследия.

Таким образом, традиционная семья как образ, являясь одним из главных символов казачьей культуры, входила в культурное наследие всех групп казачества, в том числе и кубанского. Она обладала сакральными смыслами и тем самым обогащала и разъясняла многое, относящееся к нему, что позволяет и сегодня говорить о казачестве как о явлении российской истории, истории патриархальной, зиждущейся на традиционных семейных ценностях, — сути русского мира.

Использованная литература:

1. Лукаш С. Н., Зуев В. А., Эпоева К. В. Российская идентичность: созидательный потенциал культуры казачества. Армавир : РИО Армавирского гос. пед. ун-та, 2020. 228 с.
2. Полевой материал автора. Ласкова Наталья Борисовна. 1956 г. р. Полевая запись Соловьевой Н. Г., 2024 г. Город Черкесск. Карачаево-Черкесская Республика.
3. Реутова Я. В. Воспитание подрастающего поколения в традициях кубанского казачества // Кубанское казачье войско [Сайт]. URL : https://slavakubani.ru/p-service/public-service/?ELEMENT_ID=5363 (дата обращения: 21.10.2024).
4. Саркисьян Т. Н. Духовное наследие кубанского казачества: культурологическое исследование : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Краснодар, 2009. 23 с.
5. Семейный уклад в кубанской семье // Павловский историко-краеведческий музей [Сайт]. URL : <https://pavikm.pavkult.ru/item/938504> (дата обращения: 16.10.2024).
6. Соловьёва Н. Г. Традиционная духовная культура казачества Карачаево-Черкесии. Пятигорск : РИА на Кавказских Минеральных Водах, 2024. 376 с.
7. Чурилова Т. Ю. Культурное наследие кубанского казачества : метод. пособие для педагогов дошкольных учрежд. Армавир : [Б. и.], 2021. 114 с.

Natalia G. SOLOVYOVA,

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof., Leading Researcher,
Department for Ethnology of the Peoples of the Karachay-Cherkess
Republic, Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies,
Cherkessk, Russia, soloviova_n31@mail.ru

The Image of a Traditional Family in the Cultural Heritage of the Kuban Cossacks

The paper examines the image of the traditional family of the Kuban Cossacks as one of the main attributes of their cultural heritage. Possessing characteristics typical of the entire society of pre-revolutionary Russia — traditionalism and conservatism, the Cossack family also had a number of unique features that placed it in the category of independent socio-cultural formations marking their owners — the Kuban Cossacks. Being part of the cultural heritage of the Kuban Cossacks, the traditional family was an

integral part of the cultural heritage of the entire Russian Cossacks. The ethnocultural markers of the traditional Cossack family are integral, important, specific, practically embodied in everyday life relationships and to this day are iconic elements of the internal and external content of the Cossack culture, the rich and culturally saturated Russian world.

Keywords: *traditional family, cultural heritage, Kuban Cossacks, ethnocultural marker, identity, folk wisdom.*

И. Г. Кухтина^{*}, А. Е. Кухтина^{}**

Белорусский национальный бренд «Недараскручаны паук пад столлю»^{*}: премственность и сохранение семейных ценностей**

В статье определено фундаментальное значение формирования традиционных семейных ценностей в основе народной культуры Республики Беларусь. За основу практического анализа взята деятельность ГУО «Детская школа художественных ремесел и искусств г. Быхова». Авторы представляют опыт государственного учреждения образования и его результаты разноплановой деятельности по изучению и сохранению объекта нематериального культурного наследия «Традиция изготовления соломенного паука в Быховском районе». Подчеркивается важность присоединения к традиции молодого поколения, придающего новую жизнь оригинальному, но практически забытому виду национального ремесла. Приобщение детей к традициям народной культуры — гарантия того, что древний вид ремесла будет жить, развиваться, находить свое место в современных культурных процессах. Основу общества формируют семейные ценности и традиции, определяя межличностные отношения, принципы воспитания, передачу знаний и опыта, переходящие из поколений в поколение. В условиях стремительного развития технологий, изменений в социокультурной среде и экономических сложностей сохранение этих ценностей становится все более актуальной проблемой.

Ключевые слова: Беларусь, Быховский район, традиция, обычай, оберег, популяризация, мастер, брендинг, соломенный паук.

^{*} КУХТИНА Ирина Геннадьевна, директор государственного учреждения образования «Детская школа художественных ремесел и искусств», Быхов, Могилёвская область, Республика Беларусь, kukhtina.64@mail.ru.

^{**} КУХТИНА Александра Евгеньевна, преподаватель Минского государственного профессионального колледжа декоративно-прикладного искусства имени Н. А. Кедышко, Минск, Республика Беларусь, a_kukhtina@list.ru.

^{***} Недораскрученный паук под потолком (перевод авторов).

Республика Беларусь имеет уникальную историю, многовековые традиции и духовные ценности. Преемственность и сохранение национальных традиций важны для белорусского народа. В нашем понимании преемственность как связующая нить, объединяющая прошлое, настоящее и будущее, опирается на элементы прошлого опыта, сохраняет их и передает в настоящее. Семейные традиции в белорусской семье испокон веков сплачивали семью и делали ее исключительной.

Сохранение культурных традиций и их передача подрастающему поколению неизменно были и остаются важным аспектом государственной политики страны. Неоднократно Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подчеркивал это в своих посланиях: «В нашей национальной культуре заключены колоссальные духовные богатства. Это наш нравственный стержень. Он помогает сохранить самобытность. Мы должны сделать все для того, чтобы сберечь и приумножить наше культурное наследие, воспитать на нем новые поколения» [5]. Единого мнения придерживается и духовенство страны. «Важность включения в Концепцию национальной безопасности вопросов, связанных с национальными интересами в сфере духовно-нравственной жизни нашего общества, защитой и развитием веками формировавшейся системы ценностей белорусского народа, что позволит выявить возможные угрозы и пути их преодоления в таких сферах, как мораль, культура, искусство, укрепить традиционные для нашего народа семейные ценности», отмечает Вениамин, митрополит Минский и Заславский, Патриарший экзарх всея Беларуси [6].

Традиция не существует сама по себе как некая абстрактная категория. Она находится в реальных людях, которые непосредственно передают эстафету культуры от одного поколения к другому. Суть традиции во многом определяется в ее значимости для конкретного народа, культуры в целом, именно в ее ценности [8]. Действительно, ценность показывает значимость того или иного явления или предмета. «Ценность — понятие, используемое в разных сферах общественной жизни для обозначения явлений, объектов, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе идеалы должного для отдельного человека или совокупности людей. Она формирует представление о пользе человеческой деятельности как в материальном, так и духовном смысле, а также степень того, чем человек мог бы пожертвовать ради сохранения того явления или предмета, который обладает для него ценностью (например, для сохранения ценности

свободы отечества, ценности неразрушимости брака, ценности культурной традиции)» [2, с. 147].

Несомненно, республика имеет богатое культурное и духовное наследие, которое формировалось на протяжении веков и передавалось из поколения в поколение. В 2008 г. в рамках реализации мероприятий по сохранению и развитию культуры Республики Беларусь в Год ремесла Могилёвской области открылась ГУО «Детская школа художественных ремесел и искусств г. Быхова».

Одним из путей формирования сохранения семейных ценностей является творческий потенциал школы. У истоков зарождения детской организации стояли основатель и бессменный руководитель И. Г. Кухтина и ее творческие соратники Юлия Желобкевич и Валентин Черствый. «...Сложностей было много, удастся ли набрать 53 ребенка? Как “обрасти” достойной базой для занятий? Эти вопросы не давали покоя. Уверенность вселяли молодые специалисты, которые стояли с момента зарождения школы, с ними плодотворно работаем и по сей день» [7]. Все страхи остались позади, школа вышла на высший пилотаж в своем развитии.

Творческая деятельность школы осуществляется двумя направлениями: «Изобразительное» и «Народное декоративно-прикладное». Более 16 лет стабильно ведется работа по пяти направлениям традиционных народных ремесел: художественные изделия из соломки; художественные изделия из текстиля (батик); художественная роспись «дыवानоў»; художественная роспись по стеклу; основы художественной керамики и гончарство.

Из всех распространенных видов декоративно-прикладного искусства в Могилёвской области является соломоплетение. Плетение из соломки — одно из древнейших ремесел, которое, как утверждают историки, появилось задолго до ткацкого и гончарного ремесла на рубеже II–I вв. до н. э. В современном соломоплетении выражены два направления: сюжетно-тематическая пластика и декоративная анималистическая скульптура. Одним из основателей возрождения соломоплетения на Могилёвщине была Екатерина Гавриловна Артеменко (1925–1998). Она обучалась у потомственного народного мастера С. Галаченко.

«Солнечный свет, синие васильки в колосящейся ржи, улыбающиеся облака... И еще море положительных эмоций, близких и до боли родных сердцу ассоциаций возникает, когда смотришь, как рождается в руках мастера из обычной соломы модель мира» [3], — именно так описывает журналист Сергей Кулягин изделие из соломы, и в этом он

определенно прав, поэтому неслучайно в детской школе художественных ремесел под сенью соломенных пауков и паучков пирамидальной конструкции царят особый покой и умиротворение, а если прислушаться, то можно услышать воздушную лирическую музыку спелых нив.

Первое знакомство И. Г. Кухтиной с изделиями из соломки произошло в раннем детстве, когда с бабушкой делали маленьких незамысловатых кукол, затем с мамой шили им разнообразную традиционную одежду. С тех пор простое любопытство переросло в особое желание изучить историю соломоплетения, освоить это ремесло и сделать практичнее произведение, придать особый шарм изделию из природного материала. После она пробовала себя в различных техниках: от инкрустации соломкой до создания масштабных объемных композиций. Несомненный интерес, художественный «азарт» вызвали легкие подвесные конструкции, так называемые пауки. «Пауком» называют подвесную легкую конструкцию размером с большую люстру, сделанную из соломы. Точнее говоря, из природного материала выполнены отдельные ромбовидные элементы, из которых и состоит изделие. Это стало мотивом и стимулом к изучению истории их появления на Быховщине, тщательному обучению технологии изготовления и использования соломенных пауков в регионе, поиску оригинальных мастеров района. Большая работа дала свои плоды: директор школы возродила на Могилёвщине старинное ремесло — изготовление соломенных пауков, и является носителем традиции их сбора. «Традиция изготовления соломенных пауков в Быховском районе» внесена в Государственный список объектов нематериальной историко-культурной ценности Республики Беларусь.

При школе художественных ремесел действует «образцовая» детская творческая студия декоративно-прикладного искусства «ДАР» (детские авторские работы), в которой 16 талантливых детей под руководством Ирины Кухтиной осваивают азы плетения из соломки, в том числе и технологию изготовления соломенных «пауков». Для многих бывших ее учащихся позже декоративно-прикладное искусство стало профессией, а некоторые из них после обучения вернулись в родной город и работают при школе педагогами.

У каждого профессионального мастера-воспитателя в школе свой уникальный почерк и неординарный подход к творчеству. Особой гордостью является сбор и систематизация картотеки мастеров, самородков этого вида ремесла, индивидуальные произведения авторов также вошли в этот фонд. У И. Г. Кухтиной около сотни традиционных соломенных

оберегов — больших, средних и маленьких, простых и составных, непохожих друг на друга. Некоторые из них объединены в коллекции: «Праздничные пауки», «Большие и маленькие», «Хранители деревенских домов» и др. По легендам наших родителей, в доме, где под потолком кружится золотистый соломенный «паук», всегда будет царить согласие, лад и благополучие. Поэтому в школе счастливый талисман висит по всему потолку. «Когда заходишь в детскую школу художественных ремесел, попадаешь в царство соломенных “ловцов снов”, подвешенных к потолку, удивляет не только сама хрупкая красота, но и то, что пауки произвольно начинают... кружиться», — так описывает первое впечатление О. Кисляк в своей публикации приход в школу искусств Быхова [2].

Исходя из вышесказанного, подчеркнем следующее: инструкцию по изготовлению подвесной соломенной конструкции «паук» в старых книгах не найдешь. Умение передавать от матери к дочери являлось основной задачей сохранения традиции. Основная задача мастеров — возродить мастерство предков и не дать ему уйти в прошлое. Однозначно сделано немало в этом направлении. Земляки-умельцы передают секреты своего мастерства учителям детской школы художественных ремесел, детям. Благодаря этому ребята уже не только видят соломенных «пауков» на картинках и в музеях, но и делают их собственными руками. Например, мастерица из д. Годылево Галина Панкратова, пауки которой поселились не только в хатах ее земляков, но и в домах Шотландии, о «ловцах снов» впервые услышала лет 35 назад, когда из Якутии переехала на Быховщину:

— Местные старожилы их показали. И приоткрыли несколько секретов. Вешать паука надо в красном углу, справа от иконы. А после святых вечеров, которые наступают после Рождества, оберег, который целый год охранял дом владельца, надо было сжечь.

Наверное, этим и объясняется тот факт, что старинные паучки и даже их фото не сохранились. Но главный хранитель фондов Быховского районного историко-краеведческого музея Ирина Михайлова аутентичных «ловцов снов» в местных селах видела:

— Есть у нас деревня Латколония. По легенде, латыши заселили Быховщину по приглашению графини Толстой, чье поместье сохранилось в деревне Грудиновка. Селились на хуторах, вели хозяйство, а позже, в 1920-е гг., объединились в одно село. Так вот у них паучки были. Не такие, как у современных мастеров, а простенькие. И они их действительно сжигали.

В Быховском районе технология изготовления соломенного «паука» сохранилась и живет. Элемент активно практикуется не только в сельской местности — деревнях Быховского района, но и в районном центре. Соломенный «паук» по традиции являлся оберегом, который должен был охранять дом, приносить счастье и обеспечивать благосостояние семьи, однако сегодня он все больше приобретает декоративную функцию.

Традиция изготовления «паука» в Быховском районе известна с конца XIX в. и встречалась раньше повсеместно в каждом населенном пункте региона. В военный период практика элемента прервалась и была возрождена только в конце 50-х гг. XX в. Быховские подвесные конструкции из соломки относятся к разновидностям художественного соломоплетения.

Носителями технологии являются жительницы деревень Быховского района — Т. А. Андреева и Т. В. Кухаренко, которые переняли мастерство от своих матерей, бабушек, старших сестер и других родственников. Носители делятся секретами мастерства изготовления соломенной конструкции с учащимися местных школ, со своими детьми и внуками, жителями и гостями г. Быхов через мастер-классы, семинары-практикумы и фестивали. Технология изготовления полностью перенята от носителей и усовершенствована на сегодняшний день педагогами детской школы художественных ремесел при помощи методических разработок и научной литературы. В настоящее время мастера продолжают глубже изучать историю и технологию элемента.

Быховские «пауки» собираются по двум типам — пирамидальный (д. Грудиновка, Рыжковка, Годылево) и ромбовидный (д. Неряж, Кузьковичи, Баркалабово). В основе ромбовидного «паука» лежит центральный ромб, к которому прикрепляются все остальные ромбы. Пирамидальный «паук» собирается из заранее собранных пирамидальных ромбов, которые состоят из соломин одинаковой длины. Для его сбора требуется около 30 ромбов. Для изготовления соломенной конструкции используются довольно простые инструменты — нитки (для связывания элементов конструкции «паука»), иглки, ножницы.

Отрадно то, что И. Г. Кухтина является не только преемником традиции. Ее заслуга заключается и в том, что она передает технологию изготовления соломенного «паука» на занятиях, где учащиеся знакомятся с историей возникновения соломоплетения, видами и технологией изготовления конструкций из соломки. В то же время быховский «паук» имеет отличие от других соломенных конструкций своими украшениями,

которых было очень много: например, к Калядам вешались ангелочки, звездочки как символ возрождения; на «Зазывание Весны» — соломенные птички как символ окончания зимы и весеннего пробуждения; на Вялікдзень (Пасху) — яйцо как символ жизни; на Юрьев день — пучок овса как символ уверенности и силы; на Троицу (Зяленыя святкі) — пучки трав, в этот день растения наделялись волшебной силой; на Купалье — цветы для любви и счастья в доме; на Зажинки — колоски жита как символ богатства и плодородия.

В современном мире соломенный паук все больше приобретает декоративно-оформительскую функцию и широко используется даже в городском интерьере, а в недавнем прошлом являлся украшением интерьера крестьянской избы на Рождество или Пасху, когда актуализировались мотивы сотворения мира, а сам паук представлялся своеобразным календарем. Недавно эти необычные создания, или, как их еще называют, «ловцы снов» [2], получили статус нематериальной историко-культурной ценности страны. Мастера, возродившие старинное ремесло, уверяют в том, что такие буквально произведения искусства больше нигде не встретишь. Как наименование насекомого, так и его плетение символически напоминают основание мира. Паука подвешивали в красном углу, над праздничным столом либо над колыбелью младенца. В основе конструкции изделия — центральный ромб, который собирается из отдельных соломинок, нанизанных на нитку, к которому присоединяются все остальные ромбы.

Особой гордостью является то, что быховские мастера свой вклад внесли и в изготовление самого большого соломенного оберега Могилёвской области, который украшает лестничный пролет Могилёвского областного методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы. Быховчанами выполнена финальная часть длиной примерно в семь метров.

«О царстве соломенных пауков в Быхове я слышал от коллег давно, как и о том, что здесь возродили традиционную технологию плетения, — пишет о детской школе художественных ремесел Сергей Кулягин. — Но когда впервые переступил порог этого золотого соломенного храма, то был сражен их геометрически строгими изящными формами, простотой и в то же время разноплановостью и оригинальностью украшений» [3].

В Быховском районе собрана самая большая в Могилёвской области коллекция пауков-оберегов, которая постоянно пополняется но-

выми экспонатами. Только в детской школе художественных ремесел насчитывается более 150 образцов этого декоративно-прикладного творчества. Их размер варьируется от 25 до 130 сантиметров в высоту. Соломенные изделия имеют различную форму и обрядовое предназначение.

Следует отметить, быховские соломенные пауки Беларуси были представлены и в Дубае. «Песчаные дюны, ласковые волны Персидского залива, уходящие в облака небоскребы и ... соломенные пауки» [4]. Именно эти легкие подвесные конструкции, благополучно преодолев расстояние в несколько тысяч километров, сменили привычный умеренно-континентальный климат на пустынные тропики. Масштабное мероприятие, своеобразный карнавал национальностей в городе «в облаках» собрал представителей из 17 стран мира.

Один раз в два года в последние дни масленичной недели проводится в Быхове фестиваль-конкурс «Саламяны павук». Мероприятие направлено на возрождение и популяризацию в районе традиционных технологий изготовления соломенных пауков, приобщение широкого круга людей к искусству соломоплетения, совершенствование профессионализма мастеров и умельцев декоративно-прикладного творчества.

Между прочим, соломоплетение тесно связано с древнейшими обрядами, в основе которых лежит культ хлеба и соломы. Наши прадеды наделяли зерно и солому, которые, по их мнению, содержали в своих недрах живую энергию природы-матушки, волшебной силой. А затем зерно и солома, в свою очередь, наделяли силой не только колосья и стебли нового урожая, но и все, что каким-либо образом с ними соприкасается. Вот почему наши бабушки с таким уважением относились к соломе.

Соломенные «пауки» вешались над головой молодоженов во время свадьбы, над колыбелью новорожденного, в «красном углу» дома и охраняли всех живущих в доме, да и сам дом, от всего плохого и негативного. «Паука» сменяли на важные праздники — Коляды, Пасху, Троицу.

«Позолоченные» соломенные пуки требуют качественного материала. Для мастеров Быховщины солому для них они заготавливают загодя и разных сортов: более раннюю, «зеленую», позднюю — чтобы паучки отличались по цвету. До того как солома превратится в произведение искусства и оберег, ее нужно перебрать, отсортировать, нарезать на «трубочки». Верх стебельков идет для плетения конструкции, середина — для аппликаций, низ — для мелких деталей. Пересохшая солома часто трескается, поэтому ее обдают теплой водой. Чтобы конструкция была прочнее, мастерицы предварительно нанизывают одну соломинку на

другую. В основу изделий нередко добавляют лен, придающий оберегам силу и яркость. Чтобы наполнить его глубоким сакральным смыслом, вплетают символы, издавна почитаемые предками: солнце, улыбающиеся облака, снопы с колосьями. Соломенные произведения искусства, сделанные на Быховщине, удостоены дипломов республиканских, всероссийских и международных выставок.

Культура предков очень интересна тем, что она самобытная, национальная, многообразная и непохожая ни на одну другую. Для современного поколения это очень важная часть самоопределения, именно поэтому ее нельзя утрачивать. Учебное издание для 3-го класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения под общим авторством Н. А. Юрченкова, А. Ф. Журбы «Трудовое обучение» [1, с. 64] является неотъемлемой частью для сохранения изготовления «ловца снов». Дети смогут на фоне данной методики научиться мастерить этот оберег, сохранить для будущего поколения.

В настоящее время мастер продолжает глубже изучать историю и технологию элемента и считает «паука» нематериальной ценностью региона и своеобразным сувенирным брендом Быхова. Благодаря сохранению семейных ценностей в семье Кухтиных Александра Евгеньевна с ранних лет была приобщена творчеству Ирины Геннадьевны. После окончания детской школы художественных ремесел осознанно поступила в Могилёвский государственный колледж искусств по специализации «декоративно-прикладное искусство», ныне студентка Белорусского государственного университета культуры и искусств, факультета художественной культуры.

Приобщение человека к семейным традициям начинается с момента его рождения, что позволяет в дальнейшем развить его творческий потенциал, нравственность, передать опыт семейных и социальных отношений от предыдущих поколений. Именно семейные и культурные традиции способствуют сохранению ценностей социализации каждого нового поколения, определяют духовный мир личности, формы общения и поведения, служат укреплению института семьи, общества в целом.

Использованная литература:

1. Журба А. Ф., Юрченков Н. А. Трудовое обучение : учеб. пособие для 3-го класса учреждений общего среднего образования. 2-е изд., пересмотр. и доп. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. 88 с.

2. Кисляк О. Ловцы снов // Беларусь сегодня. 2017. 15 июля.
3. Кулягин С. Сила соломенного паука // Увлечения. 2015. № 24. 11 июля.
4. Паучьи похождения в Дубае // Маяк Приднестро́я. 2017. 02 декабря.
5. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию 31 марта 2023 г. // Pravo.by. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P023p0001> (дата обращения: 11.12.2024).
6. Симфония в движении: в Белоруссии Церковь привлечена к обновлению Концепции национальной безопасности // Русская народная линия [Сайт]. URL : https://ruskline.ru/news_rl/2023/10/02/simfoniya_v_dvizhenii_v_belorussii_cerkov_privlechena_k_obnovleniyu_koncepcii_nacionalnoi_bezопасности (дата обращения: 12.12.2024).
7. Там, где творчество переплетается с талантом // Маяк Приднестро́я. 2017. 27 декабря.
8. Традиция // Большая психологическая энциклопедия. URL : <http://psycho.lo.gy.academic.ru/2680> (дата обращения: 12.12.2024).

Irina G. KUKHTINA,

Director, State Educational Institution “Children’s School of Artistic Crafts and Arts of Bykhov”, Bykhov, Mogilev Region, Republic of Belarus, Kukhtina.64@mail.ru

Alexandra Ev. KUKHTINA,

Teacher, Minsk State Vocational College of Decorative and Applied Arts, Minsk, Republic of Belarus, a_kukhtina@list.ru

**Belarusian National Brand «Untwisted Spider under the Ceiling»:
Continuity and Preservation of Family Values**

This article defines the fundamental importance of the formation of traditional family values at the heart of the folk culture of the Republic of Belarus. The practical analysis is based on the activities of the State Educational Institution “Children’s School of Arts and Crafts in Bykhov”. The authors present the experience of the state educational institution and its results of diverse activities to study and preserve the intangible cultural heritage site “The tradition of making a straw spider in Bykhovsky district”. The importance of joining the tradition of the younger generation, which gives new life to an original but almost forgotten kind of national craft, is emphasized. Introducing children

to the traditions of folk culture is a guarantee that the ancient craft will live, develop, and find its place in modern cultural processes. Family values and traditions form the basis of society, defining interpersonal relationships, principles of education, and the transfer of knowledge and experience from generation to generation. In the context of the rapid development of technology, changes in the socio-cultural environment and economic difficulties, the preservation of these values is becoming an increasingly urgent problem.

Keywords: Belarus, Bykhovsky district, tradition, custom, amulet, popularization, craftsman, branding, straw spider.

И. А. Колобкова*

Этнокультурные связи центров традиционной керамики русско-украинского пограничья: Суджа, Опошня**

В собрании Государственного Русского музея присутствуют коллекции из двух известных центров традиционной керамики — города Суджи Курской области России и поселка Опошня Полтавской области Украины. Керамика обоих центров обнаруживает как собственную специфику, так и заметное родство (ассортимент, формы, декор и образный строй изделий). Исторически два очага старинного ремесла тесно связаны своей географической принадлежностью к двум крупным соседствующим областям — Гетманщине и Слобожанщине. Культурная общность этих земель, пребывавших с середины XVII в. в составе Российского государства, определялась их схожим административным устройством. В отличие от Польши, Россия сохранила внутреннее (полковое) устройство казачества на подвластной ей территории. Сохранность казачьей культурной специфики, быта, обычаев и обрядов создала особый внутренний строй образов народного искусства, керамики в частности. Огромное значение для обеих областей имели ярмарки. Анализ конкретных материалов разных видов народного искусства на смежных территориях, получив свою дальнейшую разработку, может приблизить разрешение давне-

* КОЛОБКОВА Ирина Андреевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела народного искусства Государственного Русского музея, Санкт-Петербург, Россия, charki35@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 120. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

го остродискуссионного вопроса исторической и культурной общности земель южной черноземной полосы России и Левобережья Украины, принадлежности их к единому этнокультурному пространству.

Ключевые слова: Суджа, Опошня, Курская область России, Полтавская область Украины, центры традиционной керамики, формы и декор керамических изделий, казачья культура, историческая и культурная общность России и Украины.

Заявленная тема относится к сложной проблематике изучения этноконтактных зон в культурном пространстве России. Сегодня возникающие внутри этого смыслового поля проблемы приобретают не только узконаучное прикладное значение, но и политическое. Дискутируется вопрос об исторической принадлежности традиционной культуры юго-западных земель России и Левобережных районов современной Украины украинскому или русскому этносам. Изучение конкретных видов народного искусства двух этнических групп — потомков древнерусской народности, населявшей некогда земли Киевской Руси, доказывает общность их исторической судьбы, родственность материальной и духовной культуры. Одним из таких видов представляется при внимательном рассмотрении область традиционной керамики. Два ее крупных центра — лучшее тому подтверждение. Опошня и Суджа имеют давние исторические корни и связи, отразившиеся в керамике как одном из наиболее развитых местных промыслов.

Промысел Суджи принадлежит району так называемой Слобожанщины, охватывавшему в прошлом северо-восток современной Украины и юго-запад Центрально-Черноземной области России. В регион входили отдельные части современных Харьковской, Сумской, Луганской, Донецкой, Курской, Белгородской и Воронежской областей. До XVII в. эти земли были «диким полем», южной окраиной Русского государства. В целях защиты внутренних областей от набегов крымских и ногайских татар московское правительство начало планомерно заселять земли своей «польской» Украины русскими служилыми людьми, сведенцами из центральных областей России. Военная колонизация дополнялась крестьянской, земледельческой. Ее основную часть составили переселенцы с правого и левого берегов Днепра, бежавшие от религиозного и экономического гнета польской шляхты.

Переселение малороссиян началось при Иване IV и продолжалось до Петра I. Московское правительство не препятствовало колонизационному потоку, заметно усилившемуся во время «Руины» — эпохи внутрисобных войн и разорения Украины, длившейся с 1657 по 1687 г.

Прибывавшие под «высокую царскую руку» украинские казаки получали от правительства льготы на промыслы и торговлю, освобождение от налогового тягла, их села назывались слободами [22, с. 4]. Отсюда название всей зоны — Слободская.

В культурном отношении регион Слобожанщины сохранял свою казачью специфику. В административном разделялся на пять военно-административных округов, по традиции казаков Приднепровья называвшихся Слободскими полками [10]. Острогожский, Харьковский, Изюмский, Ахтырский и Сумской полки управлялись казачьими полковниками и полковым старшиной. Вместе с тем в общегосударственном масштабе Слободские полки, сохраняя внутреннее казачье самоуправление, входили в Белгородский разряд и подчинялись Белгородскому воеводе. Москва сохраняла за собой основные рычаги управления краем. В составе единого Московского государства эти земли пребывали со второй половины XVII до конца XX в. В истории края отразились вековые связи русского и украинского этносов.

Заметный вклад в изучение истории Слобожанщины внес видный историк, профессор Харьковского университета Дмитрий Иванович Багалея (1857–1932) (см.: [3] [4] [5]). В своем основном труде «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства» он точно определил сущность исторического процесса, развивавшегося в этноконтактной зоне Юго-Запада России. Задачей исследования он поставил «изучение творческой силы государства и народного начала, образования в степи гражданского общества и превращения незаселенных степных окраин в государственный организм» [4, с. 9]. Он писал: «Эта местность, представляющая в настоящее время одну из центральных областей России, должна иметь свою историю. Специальный интерес ее состоит в том, что здесь для одной и той же культурной цели сошлись две отрасли русского племени — великорусского и малорусского» [4, с. 1].

Казаки Слобожанщины вместе с казачеством перешедшей в состав Московского государства Гетманщины встали на защиту южных границ России от турецко-татарской агрессии, позднее в составе русских войск принимали участие в событиях последующих оборонительных войн. К началу XIX в. население края возросло с 80 тысяч до одного миллиона человек. Было создано значительное местное хозяйство, включающее развитые промыслы. Торговля стала частью сложившегося всероссийского рынка [22, с. 455–456]. История и промыслы Опошны и Суджи

были неотъемлемой составляющей частью общего для двух этносов исторического процесса.

Суджа, расположенная в юго-западной части Курской области, является органичной частью зоны русско-украинского пограничья. Отстроенная в 1664 г., она числилась в составе Сумского полка. В то время край представлял собой театр постоянных военных действий. Город был сильно укрепленной крепостью. Значительную часть его населения образовали переселенцы из Малороссии. Описание Суджи, составленное в 1665 г. Герасимом Рагозиным, включает список украинцев-переселенцев (по тогдашней терминологии «черкас») с указанием места их выхода на новое поселение из Левобережной Украины. Большой процент составили пришельцы из Полтавщины: Прилук (228 чел.), Ични (156 чел.), Нежина (152 чел.), Конотопа (77 чел.), Глухова (18 чел.), Кролевца (17 чел.); из Черниговщины: Ромен (56 чел.), Гадяча (30 чел.) и Гоголева (21 чел.) [9, с. 17]. Древний документ с точностью отметил местоположение будущей гончарной слободы Суджи: «За городом же против Сумской башни у самой татарской сакмы (дороги) церковь во имя Вознесения Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа стоит середь слободы, а та слобода построена середь татарской сакмы промеж речки Олешинке и Гусинова болота, а в той слободе сто дворов и двор шинковой» [9, с. 47]. За тяжелую казацкую службу в местности, открытой нападениям, казаки получали от московского правительства льготы, подтвержденные царскими грамотами. Грамоты составлялись в ответ на обращенные к царю просьбы («челобитья») казаков пожаловать их освобождением от налогов «за их службы, за кровь, за раны и за осадное сидение, и за полонное терпение отцев и родственников их» [28, с. 37].

В новое место обитания малороссийскими казаками была перенесена их бытовая культура, военное устройство, ремесленные традиции с уже укоренившейся в то время в местечках Левобережной Украины цеховой организацией ремесленников. В суровых условиях борьбы со степняками ковался казачий характер. Героическими образами насыщались фольклор и художественный строй предметов материальной культуры. Исторические условия формирования города, казацкий быт и культурные связи населения с родовыми территориями украинских земель существенно повлияли на характер дальнейшего ремесленного развития Суджи.

На протяжении XVIII в. черта южнорусских пограничных городов отодвигается на юг. Суджа превращается в ремесленно-купеческий

центр. В 1780-х гг. были ликвидированы Слободские полки. Рядовое казачество включено в состав войсковых обывателей, а казацкий старшина — в дворянское сословие [17, с. 303].

Первые свидетельства о гончарах Суджи оставил в середине XIX в. курский краевед, член-корреспондент Императорского Русского географического общества А. И. Дмитриюков. Собранные им сведения о производствах, нравах, обычаях и образе жизни населения Суджанского уезда были переданы в архив Русского географического общества [16, с. 103–104, 112–115]. Часть рукописных материалов Дмитриюков опубликовал в статье «Ремесла в городах Судже и Рыльске» [13, с. 23–36]. В описании гончарного промысла, помимо простой гончарной посуды, было отмечено производство изразцов и фигурной керамики: «Кроме изразцов делают еще из глины помуравленные различные затейливые сосуды в виде медведей, орлов и других животных» [13, с. 34]. Ценнейшим материалом стало описание сохранившихся следов ремесленной цеховой организации мастеров: ковальского, горшечного и прочих цехов, обеспечивающих высокий уровень профессионализма. Устройство цеховой жизни Суджи оказалось чрезвычайно сходным с характером цеховой организации ремесленников в местечках (городах) Левобережной Украины в Черниговской, Харьковской и Полтавской губерниях [13, с. 23–25] [18, с. 202–213] [30, с. 458–669] [15, с. 118].

Многие стилистические черты и технические особенности, с которыми керамическая Суджа подошла к концу XIX в., обнаруживают ее родовую связь с керамикой Левобережной Украины. С ней, как и с соседними уездами Курской губернии, Суджу связывали тесные торговые связи. К началу XX в. Суджа становится важным пунктом в торговле гончарными изделиями. Сюда привозили свои изделия и полтавские гончары [23, с. 31].

Одной из главных тем, образно и стилистически структурирующих керамику Суджы, стала объединяющая все виды ее художественной продукции тема казачества, в которой отразились история, военные, духовные и художественные традиции казаков. На протяжении XVIII–XIX столетий суджанское казачество участвовало в военной жизни России. В 1659 г. в составе Сумского казачьего полка суджане выступили против Ивана Выговского. С 1668 г. после предательства Москвы гетманом Брюховецким Суджа на долгое время стала местом пребывания войск московских воевод. В 1695–1696 гг. суджанские казаки участвуют в Азовских походах Петра I. Во время войны со Швецией две суджан-

ские казачьи сотни приняли непосредственное участие в Полтавском сражении [25, с. 55–58].

Гончары также участвовали в военной жизни города, казачьих сборах, отправке на войну. В их семьях бытовали легенды о старых насельниках этих мест — суджанских казаках «пэрвертнях», несших сторожевую службу на Сагайдачном шляхе, ведущем в Москву [2, л. 23–24]. Память о героической истории города воплотилась в образах, составивших основу суджанской керамики. И первое место среди них принадлежит глиняной игрушке [25, с. 86–91].

Один из центральных любимых образов в игрушке казачьей Суджи — конь (рис. 1). Суджанские кони и всадники близки коникам старой опошнянской игрушки и изображениям всадников на полтавских изразцах (см.: [27, табл. X] [32]). С опошнянской игрушкой схожи и женские фигурки. Юбки барынь-казачек (или панночек) выполнялись

Рис. 1. Ю. С. Спесивцев. Глиняные игрушки: «Казак на коне», «Казачка», Суджа, 2008 г. Государственный Русский музей

на гончарном круге, лица оттискивались штампом. Сходство довершал костюм-пара. Тип женской фигуры воплотил яркий образ женщины-казачки, с детства воспитывавшейся в духе казацких традиций (рис. 1). Любовь казака к коню — глубоко местный сплав воинских и ремесленных традиций. Она нашла отражение в строе пословиц и поговорок, бытовавших в Судже: «Гончар без круга — что казак без коня» [26, с. 86].

Игрушка-конь играла сакральную роль в обрядах (рис. 2). По рассказам гончаров, в 1930-х гг. во время проведения зимней «скотской» ярмарки в Судже мужики, находящиеся на постое в домах гончаров, заказывали им по 40 игрушек-лошадок, считая, что это влияет на расплод скота [2, л. 22 об.].

От форм суджанских игрушек неотделима традиция изготовления упомянутых Дмитриуковым фигурных сосудов в виде птиц и животных. Это так называемые «лембики», сосуды, встречающиеся в гончарных центрах Юга России и широко распространенные на Украине, туда же проникшие в свою очередь из Западной Европы и Востока. Бронзовые фигурные водолеи в виде баранов, львов, оленей встречались вкладах древнерусских княжеств раннего Средневековья [11, табл. 5–6].

На Украине фигурный сосуд был очень популярен. В связи с керамикой Среднего Поднепровья этой проблематики касалась украинский исследователь Леся Данченко. «Пока невозможно с точностью сказать, как появились такие сосуды на наших землях. Наиболее вероятно, что гончары начали изготавливать их, подражая формам металлических водолеев (акваманил), которые в XII–XVI вв. изготавливали западно-европейские мастера. В XVIII в. они бытовали на территории Поднепровья достаточно широко, о чем свидетельствуют образцы фигурной посуды XIX — начала XX в.» [31, с. 76].

В Судже разнообразие форм фигурной керамики связано с культурой местного застолья. Суджанские гончары оставили целый набор глиняных питейных изделий. Это кружки,

Рис. 2. *Неизвестный автор. Глиняная игрушка «Всадник» («Кінь з москалем»), Опошня, начало XX в. Государственный Русский музей*

кухлики, чарки, получарки, штофы, бальзамки, куманцы. Но наиболее уникален среди них набор фигурных сосудов: «Бараны», «Козлы», «Быки», «Кабаны», «Львы», «Орлы», «Медведи», «Утки», «Гусаки», «Петухи» и др. [26, с. 136]. Мастерство изготовления таких сложных изделий восходит к традициям древнерусского гончарства. Так, И. Е. Забелин писал, что в общей государственной казне на Казенном дворе в XVI–XVII вв. хранилось много фигурных металлических сосудов в виде гор (замков), кораблей, орлов, петухов, барсов, львов, оленей и проч. [14, с. 243].

Историческая глубина традиций изготовления фигурных сосудов связывает Суджу с украинским гончарством. На общие с украинской керамикой признаки могут указывать: «карбование» — рельефное украшение венчиков сосудов вмятинами и загибами пальцев, лепные детали в виде птичек, зверей, фигурок казаков, размещаемых на сосудах и на их крышках. Из ближайших к Судже керамических центров подобные формы, приемы оформления сосудов зафиксированы в Опошне и Мисских Млинах Полтавщины, в Ичне Черниговской губернии (см.: [36, с. 20] [29, с. 52]).

В Судже существовало несколько основных типов фигурной керамики. Самым распространенным сосудом был водочный (или кричащий) баран (рис. 3).

Рис. 3. Ю. С. Спесивцев. Сосуд «Кричащий баран», Суджа, 1999 г.
Государственный Русский музей

Бытовые традиции суджанских казаков были причиной возникновения сосудов в форме гусака. Важной особенностью географического положения Суджи с момента постройки города оставались окружающие его «гусиные» болота. Они упомянуты в вышеприведенном описании Суджи 1665 г.: «А то гусиная болото топко и широко, лошадыми переехать и пешему пройти немочно, с трех сторон того города неприятелем воинским людем приступных мест нет» [3, с. 48]. Изобилие этой птицы в Судже стало причиной популярности у городских жителей гусиных боев, превратившихся в одно из любимых развлечений казаков. Образ птицы, победившей соперников, гончары воплощали в фигурном сосуде «Гусаке» — обязательном на праздничном застолье так называемых «гусиных» гулянок. К суджанским формам сосудов относятся также трехгорлая ваза «Троицкий петух», предназначенная для хранения троицких трав, и ритуальный сосуд «Водолей». Общей для Суджи и Опошны являлась редкая форма антропоморфного сосуда «Казак», составленного из тулова коня и фигурки казака, установленной на крышке сосуда.

Ярчайшие образы воинов донесли до нашего времени суджанские изразцы. Изготовление изразцов было существенной частью гончарного ремесла в Судже. Ко времени конца XVII — начала XVIII в. восходят красные неполивные изразцы с казачьей тематикой, воинские мотивы которой были особенно любимы в народе. Среди найденных фрагментов изразцов находятся самые ранние изображения суджан-казаков. На одном из них — всадник с трубой и пикой, возвещающий казачий сбор. Сбор, отправка и возвращение казаков из военных походов были большими событиями в городе. На изразце XVII в. из коллекции Суджанского краеведческого музея хорошо читается рельефное изображение двух пешеходных казаков в островерхих шапках.

Рис. 4. Ф. Н. Чирвено. Сосуд «Куманец», Опошня, конец XIX — начало XX вв. Государственный Русский музей

Один из них с саблей, в руках другого — хоругвь, на полотнище которой видна волчья голова. Изображения воинских сюжетов нередки среди фрагментов печных изразцов, найденных жителями на огородах Суджи и пригородных слобод [26, с. 30].

Тесную связь суджанской и опошнянской традиционной керамики демонстрирует простая, наиболее древняя по происхождению кухонная посуда Суджи (рис. 4). Ее конструкция, детали форм обнаруживают прямые аналоги с образцами посуды Опошни [28, табл. X]. Общими были миски различного профиля, горщики (горшки), глечики (кринки), макитры, рынки с трубчатой ручкой-«тулийкой», пасочницы, косые рынки «гусятницы», каганцы и др. Сосуды объединял и ряд характерных названий (см.: [8] [33, с. 115–127]).

Важным сохранившимся в Судже признаком обрядового предназначения молочного глечика были кресты, наносимые на горла сосудов (рис. 5). Глубинная связь суджанской посуды с родовой украинской территорией проявилась и в выделке на внутренней поверхности их

дна такого не встречающегося в областях России сакрального элемента, как «пуп». Его предназначением было оплодотворять содержимое, мистически влиять на увеличение количества сметаны в кринке. Такая особенность традиционной керамики имела широкое распространение на территории Украины [6, с. 120].

К концу XIX в. суджанские гончары владели основными видами обработки изделий: дымлением, лощением, декорированием штампами и гончарным ножом, ангобной росписью и свинцовыми поливами. Традиционная роспись ангобами обнаруживает заметные параллели с керамикой Опошни. В Судже она применялась как на посуде, так и на игрушке. Местные названия ее традиционных элементов: «хрестики», «кривульки», «шлях на поле», «дыв-

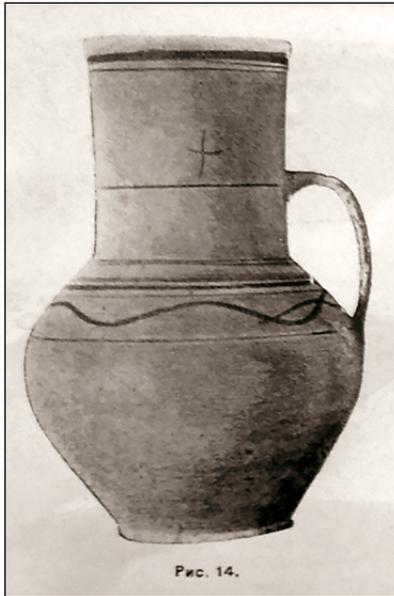

Рис. 5. Неизвестный автор. Глечик с крестом, Опошня, начало XX в. Альбом Кустарного склада Полтавского Земства

чины в поле», «виноград» свидетельствуют о родстве с росписями в украинской гончарной традиции. Исследовавший древние черты в народном искусстве Л. А. Диндес связывал подобные этим изобразительные мотивы с разрядом древнейших по происхождению [12, с. 23].

Общие черты Суджи и Опошни проявлялись и в использовании специального гончарного инструмента для изготовления свинцовых полив, имевшего вид железной ложки на длинной деревянной рукояти [15, с. 57].

К концу XIX в. оба промысла оказались сопоставимы по значимости для своих регионов. В сводке гончарных производств Курской губернии промысел Суджи числился первым среди «славящихся наиболее известными гончарами-кустарями» [21, с. 249].

Таким же крупным гончарным центром на территории современной Украины было местечко Опошня Зеньковского уезда Полтавской области. Опошня с предместьями Мисские Млыны, Поповка, хуторами Васьки, Пивни, Лукашевка — старинное казачье место, крупнейший на Украине центр гончарной и художественной керамики, образовавшийся на Полтавщине в XVII–XVIII вв. Он был известен далеко за пределами Полтавской губернии.

В административном отношении Опошня входила в состав Гадячского полка и считалась сотенным местечком [35, с. 6]. По описанию Полтавской губернии 1784 г. Опошня составляла три сотни с семьями казачьими и ста двенадцатью крестьянскими домами. В крупном поселении было восемь церквей, тридцать восемь лавок и два цеховых двора [7, с. 6].

История Опошни как казачьего поселения не менее значима, чем военная история Суджи. В 1709 г. накануне Полтавской битвы военные действия вокруг села продолжались несколько месяцев. За оказанную верность Опошня получила от Петра I на имя сотника Корицкого со всей сотенной старшиною и жителями похвальный лист [7, с. 3–5].

Как и суджане, гончары Опошни отразили в своих изделиях казачьи обычаи, склад жизни. В кольцеобразных сосудах-«куманцах» размещены стоящие фигуры казаков. Среди главных сюжетов детских игрушек — всадники на конях, гордые фигурки казачек.

Русский музей обладает крупной коллекцией опошнянской керамики. Основную ее часть составляют авторские работы. Их сложные формы, роскошная подполивленная полихромная роспись связаны с поздним периодом развития этого ремесленного центра, проходившим

под влиянием Земства. Работы известных мастеров Фёдора Чирвенко, Ивана Гладиревского, Ивана Бережного, Василия Поросного, Омеляна Карикова относятся к началу XX в. — времени экспонирования опошнянской керамики на крупных выставках, и носят выставочный характер, не вполне отражающий традиционный облик рядовых изделий опошнянских гончаров.

Наиболее древние традиции керамики Опошны сохранились в простой кухонной посуде и глиняной игрушке. Именно этот корневой слой традиций, уже упоминавшийся в связи с керамикой Суджи, роднит промыслы двух центров. Представление о нем может дать небольшая коллекция посуды, возможно только приобретенная в Лебединском уезде Харьковской губернии. Тонкостенные горшки, макитры, глечики для молока схожи единожды найденной выдержанной формой (рис. 6). Гончарная роспись, выполненная так называемой «опиской», состоит из простейших «смужек» и «кривулек». Примета этого безупречного стиля — узкие полоски цветной поливы на венчиках и ручках изделий. Это прием так называемого «крайкования» сосудов, характерный для Опошны.

Продукция неизвестных мастеров отлична техническим совершенством и безупречным вкусом, выработанным не одним поколением

Рис. 6. Неизвестный автор. Горшок без крышки, Опошня, конец XIX в.
Государственный Русский музей

мастеров. Об этой технически и художественно совершенной традиционной опошнянской посуде писал известный исследователь украинской керамики Ю. Ф. Лашук: «В прошлом здесь не знали поливы, но нас удивляет разнообразие тонкостенной, мастерски выполненной посуды, обломки которой находят в больших количествах на всех местах Опошни. Не меньшим мастерством отличается и роспись, которую накладывали перышком... Росписи выполнены из простейших элементов — прямых и волнистых линий, розеток, точек, дуг, плетешков. Их использование в руках мастеров-виртуозов породило неисчислимое разнообразие мотивов, композиций» (см.: [34, с. 18] [20]). Миски с подобной росписью были выделены Лашуком как «самые изысканные и тонкие по чувству ритма и колорита» [19, с. 36].

Особенности старых традиционных форм, их декора, специальная роль в комплексе народных обычаев и верований — многие из этих традиционных черт находят явные параллели в гончарстве двух центров.

К древнейшим типам традиционной посуды в Опошне относились горщики (горшки) и глечики для молока. С ними связано уже упоминавшееся сакральное понимание предметов — гравированные кресты и пуп на днищах сосудов. Согласно собранным этнографическим материалам: «В Левобережье обычным было, купив новый глечик, его не берут за верхний край, а опускают в середину руку и поднимают, нащупывая, есть ли на дне “пуп” (горбовина), поскольку наличие пупа обещает богатый сбор сметаны... На некоторой посуде еще рисовали углем на внешней поверхности донца крест, который толковался как оберег» [35, с. 29].

Гончарные изделия играли важную роль в комплексе народных обычаев и верований (рис. 7). Ритуалы древности в пережиточной форме сохранялись в календарной обрядности и фольклоре. Так, макитра с помещенными в нее зернами мака (пшеница, гороха) и макогоном (пестиком) входила в систему генитальной символики, служила символическим образом акта оплодотворения. Народные загадки про макитру связаны с образом семьи, где макитра — мать, макогоны — батенька, зерна — детки. В фольклорных материалах части сосудов уподоблялись человеку, реже — животным [35, с. 42]. С пережитками древних жертвоприношений связаны бытовавшие в Опошне и Судже косые ринки «гусятницы» с трубчатой ручкой-«тулийкой», используемые для целикового запекания птиц. На Полтавщине в состав свадебной посуды входили куманцы, барила, скульптурная посуда в виде баранов, львов, петухов, являющая еще одну яркую параллель с посудой Суджи. Напитки, которые влива-

Рис. 7. Неизвестный автор. Миска с ангобной росписью, Опольня, начало XX в. Государственный Русский музей

лись в сосуды, ассоциировались с кровью вылепленных изображений, их живой магической силой, что было пережитком древних языческих обрядов [35, с. 35]. О редкости сохранившихся образцов такого рода посуды Лашук писал: «Этот вид декоративной пластики, часто упоминающийся в описаниях казачьего быта XVIII в., но почти не сохранившийся в конкретных памятниках, был особенно популярен в пределах Левобережной Украины как отрасль, несущая четкие признаки украинского национального стиля XVII–XVIII вв., именуемого также “украинским барокко”» [20, с. 154].

Важную роль в развитии местного хозяйства и творческого обмена мастеров играли многочисленные ярмарки, которые стали собираться с середины XVII в. На Слобожанщине насчитывалось 2 тысячи торгов и 300 ярмарок. К концу XVIII в. торговля края стала важной составной частью сложившегося всероссийского рынка [22, с. 454–456]. Яркую характеристику украинских ярмарок середины XIX в. оставил Иван Сергеевич Аксаков: «Сельские ярмарки получили особую важность. Нигде их нет в таком множестве, как в Малороссии. Первые два места по числу ярмарок во всей России принадлежат Харьковской и Полтав-

ской губерниям, из которых в одной — 425, в другой — 372 городских и сельских ярмарок, тогда как во Владимирской губернии их только девять» [1, с. 5]. В непосредственной близости от Опошни находилась крупнейшая на Украине Полтавская ярмарка: «Если основываться на официальных данных, то Полтавской Ильинской ярмарке принадлежит третье место в России после Нижегородской и Ирбитской» [1, с. 116]. Важным центром торгового обмена для своего региона была и Суджа.

Уже начальный подход к анализу керамики двух центров (Суджи и Опошни) — одному из наиболее древних традиционных видов народного искусства, выявленные при этом художественные, технологические, историко-культурные параллели свидетельствуют о родстве присущих им наиболее глубинных гончарных традиций, о сходстве образного содержания сюжетной керамики, об общности их исторических судеб. Подобные исследования конкретных видов народного искусства на смежных территориях могут приблизить разрешение дискуссионных проблем исторической и культурной родственности земель Юго-Запада Центрально-Черноземной полосы России и Левобережья Украины, принадлежности их к единому этнокультурному пространству.

Использованная литература:

1. Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1858. 384 с.
2. Архив отдела народного искусства Государственного Русского музея. Материалы экспедиции в Курскую область. 2010 г. Тетрадь № 1. Город Суджа.
3. Багалея Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии. Харьков : изд. историко-филологического общества, состоящего при Императ. Харьковском университете, Тип. К. П. Счасни, 1886. Т. 1. 358 с.
4. Багалея Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI–XVIII столетиях. М. : Университетская тип. (М. Катков), 1887. 634 с.
5. Багалея Д. И. Очерки из русской истории. Монографии и статьи по истории Слободской Украины. Т. 2: Монографии и статьи из истории Слободской Украины. Харьков : Тип. М. Зильберберг и С-вья, 1913. 374 с.

6. *Бобринский А. А.* О двух символах плодородия на украинской керамике // Украинское гончарство. Национальний культурологічний щорічник. Київ : Молодь, 1993. С. 120–135.
7. *Василенко В. И.* Местечко Опошня Зеньковского уезда Полтавской губернии. Статистико-экономический очерк. Полтава : Полт. губ. стат. ком., 1889. 40 с.
8. *Василенко В. И.* Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губернии. Отд. I, II, III. Кустарные промыслы, сельское хозяйство и земледелие, народные поговорки и изречения. Харьков : Печ. дело кн. К. Н. Гагарина 1902. 80 с.
9. *Вержбицкий Т. И.* Исторические заметки о Судже и его уезде // Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. Отд. II (Материалы для описания Курской губ.). Курск : [Б. и.], 1894. С. 21–154.
10. *Головинский Петр.* Слободские казачьи полки. СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1864. 247 с.
11. *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). Сер.: Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–57. М. : Наука, 1966. 147 с.
12. *Динцес Л. А.* Историческая общность русского и украинского народного искусства // Советская этнография. 1941. № 5. С. 21–58.
13. *Дмитрюков А. И.* Ремесла в городах Судже и Рыльске // Вестник Русского географического общества. 1854. Кн. VI. СПб. : тип. Эдуарда Праца, 1855. С. 23–36.
14. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях: в 3 кн. Кн. первая: Государев двор или дворец. М. : Книга, 1990. 416 с.
15. *Зарецкий И. А.* Гончарный промысел в Полтавской губернии: Исслед. чл. Импер. Моск. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии и Моск. археол. о-ва И. А. Зарецкого. Полтава : Полт. губ. земство, 1894. 164 с.
16. *Зеленин Д. К.* Материалы для описания рукописей Курской губернии, хранящиеся в архиве Русского географического общества // Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города. Курск : Курск. губ. стат. комитет, 1912. Вып. VII. С. 103–125.
17. *Кабузан В. М.* Численность и расселение казаков Российской империи в XVIII — начале XIX веков // Труды Института российской истории. М. : Наука, 2008. Вып. 7. С. 302–326.
18. *Лазаревский А.* Цеховые акты Левобережной Малороссии (1622–1645 гг.) // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. XV. Вып. IV. Отд. 3. Киев : Тип. М. М. Фиха, 1902. С. 202–214.

19. *Лащук Ю. Ф.* Орнаменты украинских гончаров (XIV — нач. XX в.) // Декоративное искусство СССР. 1963. № 12. С. 33–36.
20. *Лащук Ю. Ф.* Стилистическая вариантность украинской народной керамики // Народное искусство. Исследования и материалы: сб. ст. ГРМ. [Б. м.] : Palace Editions, 1994. С. 146–155.
21. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 2 : Среднерусская черноземная область. СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1902. 717 с.
22. *Слюсарский А. Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков : Харьковское книжное изд-во, 1964. 460 с.
23. *Спесивцев Ю. С.* Краткое описание Суджанского гончарного промысла // Гончары России — 2000. Игрушка : матер. науч.-практ. конф. «Поленовские чтения» (Тверь, октябрь 2000 г. — январь 2001 г.). М. : САМПО ПРИНТ, 2001. С. 29–32
24. *Спесивцев Ю. С.* Суджанская традиционная глиняная игрушка. История сохранения промысла // Первые Бартрамовские чтения : сб. матер. науч.-практ. конф. (Сергиев Посад, 29–30 сентября 2003 г.). Сергиев Посад : НИИ семьи и воспитания РАО, 2004. С. 86–92.
25. *Спесивцев Ю. С.* Суджанское казачество от мифа к реальности. Суджа : Курск, 2000. 195 с.
26. *Спесивцев Ю. С.* Традиция, история, гончарство и народная культура Суджанской земли. Суджа : [Б. и.], 2018. 310 с.
27. Украинское народное творчество. Сер. VI. Вып. 1: Гончарные изделия. Полтава : Издание кустарного склада Полтавского Губернского Земства, 1913. 26 с. 215 рис.
28. *Филарет (Гумилевский Дмитрий Григорьевич, архиепископ).* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 1. М. : тип. В. Готье, 1852. С. 8–114.
29. *Фриде М.* Гончарство на юге Черниговщины // Материалы по этнографии. Издание Государственного Русского музея. Л. : Изд-во Государственного Русского музея, 1926. Т. III. Вып. 1. С. 45–58.
30. *Шафонский Аф.* Черниговского наместничества топографическое описание. Киев : М. Судиенко, 1851. 697 с.
31. *Данченко Леся.* Народна кераміка Середнього Придніпров'я. Київ : Мистецтво, 1974. 191 с.
32. *Колупаєва Агнія Віталіївна.* Українські кахлі XIV — початку XX ст. Львів : Інститут народознавства НАН України, 2006. 383 с.
33. *Кривчанська М. Ф.* Назви посуду гончарного промислу Полтавщини // Полтавсько-Київський діалект — основа української національ-

ної мови. Київ : Видавництво Академії наук Української РСР, 1954. С. 115–129

34. *Лащук Ю. Ф.* Українські гончарі. Київ : Т-во культ. зв'язків з українцями за кордоном, 1968. 40 с.
35. *Пошивайло О. М.* Етнографія українського гончарства: Лівобережна Україна : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07. Київ, 1994. 51 с.
36. *Сакович І. В.* Народна керамічна скульптура радянської України. Київ : Наукова думка, 1970. 83 с.

Irina A. KOLOBKOVA,

Cand. Sci. (History of Art (Fine Arts, Decorative Arts and Architecture)),
Senior Researcher, Department of Folk Art, The State Russian Museum,
St. Petersburg, Russia, chapki35@mail.ru

Ethnocultural Relations of the Centers of Traditional Ceramics of the Russian-Ukrainian Borderland: Sudzha, Oposhnya

The State Russian Museum has collections from two well-known centers of traditional ceramics — Sudzha (Kursk region of Russia) and Oposhnya (Poltava region of Ukraine). The ceramics of both centers reveal both their own specifics and a noticeable relationship (assortment, shapes, decor and figurative structure of items). Historically, the two centers of ancient craft are closely linked by their geographical affiliation to two large neighboring regions — Hetmanshchina and Slobozhanshchina. The cultural community of these lands, which had been part of the Russian state since the middle of the 17th century, was determined by their similar administrative structure. Unlike Poland, Russia has preserved the internal (regimental) structure of the Cossacks in the territory under its control. The preservation of Cossack cultural specifics, everyday life, customs and rituals created a special internal structure of images of folk art, ceramics in particular. Fairs were of great importance for both regions. The analysis of specific materials of various types of folk art in neighboring territories, having received its further development, can bring closer the resolution of the long-standing, highly controversial issue of the historical and cultural community of the lands of the Southern Chernozem strip of Russia and the Left Bank of Ukraine, their belonging to a single ethnocultural space.

Keywords: *Sudzha, Oposhnya, Kursk region of Russia, Poltava region of Ukraine, centers of traditional ceramics, shapes and decor of ceramic products, Cossack culture, historical and cultural community of Russia and Ukraine.*

А. В. Угольников*

Иконографический строй и стилистические особенности мозаичного панно Г. А. Даумана на здании Краснодарского государственного цирка**

Предметом рассмотрения статьи является оригинальная мозаика Г. А. Даумана на здании Краснодарского цирка. Художественная ценность панно обусловлена оригинальным авторским решением в выборе сюжета и формы — по-модернистски смелой трактовке достижений древнеегипетского, древнегреческого, древнерусского искусства, а также приемов художников Венского сецессиона через призму советского монументального искусства. В мозаике широко используются декоративные возможности различных материалов, включая смальту, натуральный камень и эрклёз, а также особенности мозаичной техники, такие как варьирование размеров тессер, ритмического рисунка кладки и ширины швов. Автор опирается на широкий круг научных исследований.

Ключевые слова: Краснодарский цирк, Г. А. Дауман, А. П. Кудрявцев, мозаика, монументально-декоративное искусство, советский модернизм, синтез искусств.

Мозаичное панно на здании Краснодарского государственного цирка (*рис. 1*) является одной из наиболее ранних монументально-декоративных работ в технике смальтовой мозаики, созданных в Краснодаре. Автором эскиза является Григорий Абрамович Дауман (1924–2006), наиболее известная работа которого (совместно с художником-нонконформистом М. М. Шварцманом) находится в НИЯУ МИФИ. Вероятно, Г. Дауман является и непосредственным исполнителем мозаики, о чем говорит следующая цитата из интервью с художником: «...Монументальную живопись от начала до конца я делаю только своими руками.

* УГОЛЬНИКОВ Алексей Владимирович, специалист отдела экспозиционно-выставочной деятельности Краснодарского краевого выставочного зала изобразительных искусств, Краснодар, Россия, alekseiuogolnikov@gmail.com.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 249–250. DOI : 10.34685/NI.2024.26.33.004.

Статья подготовлена под научным руководством Н. С. Кутейниковой, кандидата искусствоведения, профессора кафедры русского искусства Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина.

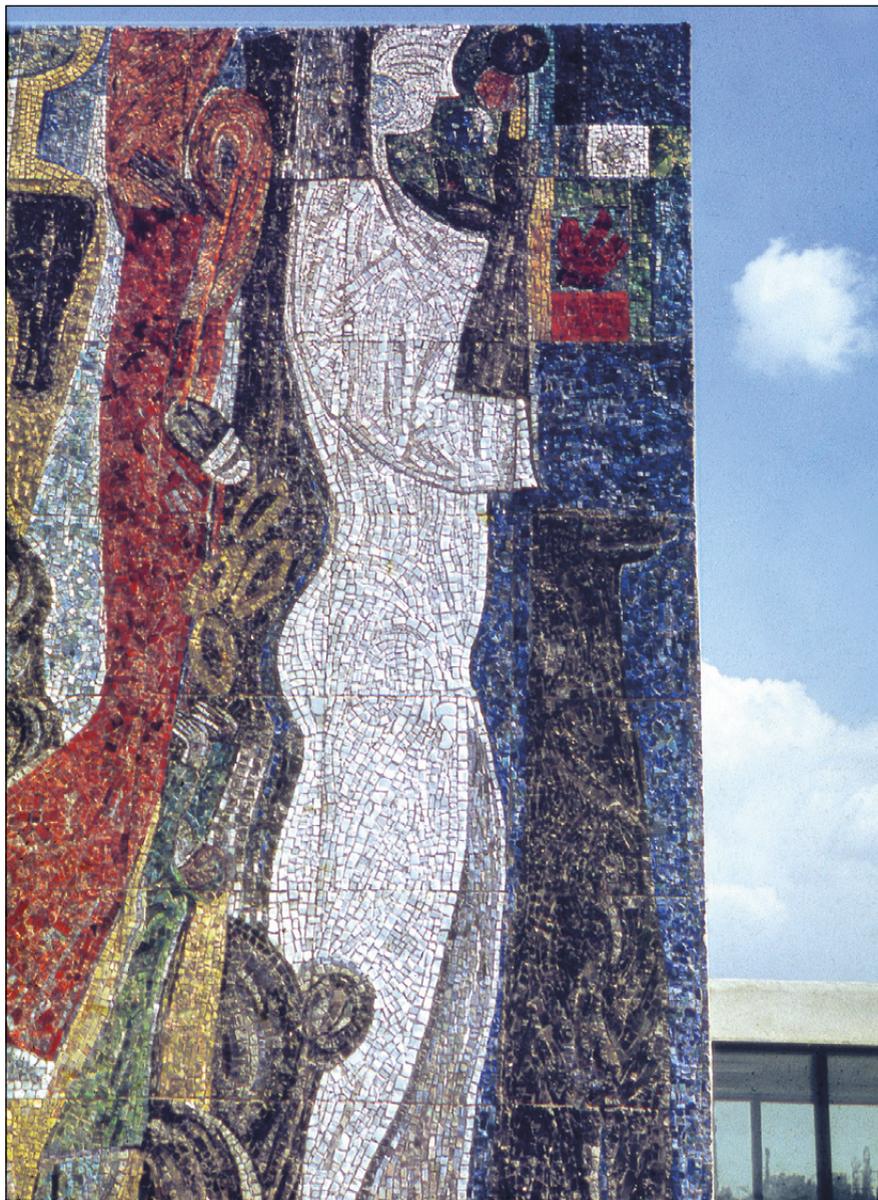

Рис. 1. Мозаика Г. А. Даумана на Краснодарском государственном цирке. Фото автора

Нельзя приравниваться к манере других» [3, с. 67]. Свою роль в создании архитектурного проекта мозаики также сыграл Александр Петрович Кудрявцев (р. 1937) [5, с. 693], народный архитектор Российской Федерации, президент РААСН (1998–2014).

На сегодняшний день в мозаике отсутствует ряд фрагментов, однако целостную картину отчасти позволяют восстановить фотографии из альбома-каталога «Григорий Дауман» [7] (рис. 2), а также архивные фотографии [8].

Говоря об уровне исследованности проблемы, необходимо упомянуть ряд научных трудов, в которых встречаются упоминания о панно. В процитированной выше работе С. С. Валериус «Монументальная живопись. Современные проблемы» наибольший интерес представляют фрагменты с прямой речью художника, позволяющие хотя бы отчасти заглянуть в процесс его работы над произведением. Описание мозаики в основном посвящено характеру ее взаимодействия с архитектурой, анализ сюжета дается довольно обобщенно: «Наращение динамики всех линий, объемов, цвета к центру подготавливает смысловую и живописную доминанту мозаики, каковой является фигура девушки-жонглерки. Художник и здесь остается верен своему принципу — утверждению образа человека» [3, с. 67].

*Рис. 2. Фрагмент мозаики Г. А. Даумана на Краснодарском государственном цирке.
Фото Г. А. Даумана*

Сходную ситуацию мы видим в монографии Г. В. Есаулова «Архитектура Юга России: от истории к современности» [6, с. 456–457]. Автор в первую очередь рассматривает объемно-планировочные решения, использованные в здании цирка, и ограничивается небольшой ремаркой касательно мозаики: «Панно из смальты и стекла, украшающее фасад, стало важным акцентом в цвето-пластической композиции здания» [6, с. 457].

Автор альбома-каталога «Григорий Дауман» Э. Э. Кошман высказывает ряд важных наблюдений в кратком описании мозаики: «Художник обогащает фактуру, чередуя крупные и мелкие куски смальты — прием, который встречается довольно редко. Композиция построена асимметрично и таким образом, что, имея законченный вид, в то же время кажется фрагментом чего-то большего, как будто изображение выходит за собственные границы» [7, с. 5]. Наиболее полный стилистический анализ мозаики мы встречаем в труде В. В. Лебедевой «Советское монументальное искусство шестидесятых годов» [8, с. 98–99]. Автор отмечает незаурядность художественного решения панно: «Мозаика энергична по рисунку, неожиданна, странна и поэтична по цвету». Она высказывает ряд точных суждений об архитектурно-живописном синтезе мозаики Г. Даумана и здания цирка. Однако что касается анализа сюжета, то, на наш взгляд, он передан несколько упрощенно: «Темой композиции служит цирковое представление. В центре полукруга арены зарождается ритм, который затем подхватывается, доводится до большой силы фигурами мчащихся по кругу лошадей, собак, диких животных» [9, с. 99]. Таким образом, научная новизна настоящей статьи заключается в том, что в ней впервые осуществляется попытка проанализировать иконографический строй мозаики, а также некоторые стилистические особенности, прежде неотмеченные авторами, в частности пластическую и композиционную связь с монументально-декоративными произведениями Густава Климта.

Площадь мозаики составляет приблизительно 40 м². Панно набрано из модулей смальты различного размера — от относительно небольших, площадь которых не превышает 1–2 см², до очень крупных, около 10 см², фрагментов, которые представляют собой расколотые надвое или натрое цельные блоки смальты. Помимо смальты, в панно использованы модули из натурального камня (гранит, известняк), а также эрклёз, представляющий собой стеклянные глыбы со многими колотыми гранями. По сути, это отходы производства, образующиеся в стекловаренных

печах при производстве цельного стекла. В советское время этот материал иногда использовался при создании витражей, например в работе А. Стошкус «Песнь жизни» [9, с. 152], однако в мозаике применялся крайне редко. Применение эрклёза в данном панно обосновано не только его декоративными светоносными качествами, но и тем, как эти качества обыграны сюжетно, о чем мы еще будем говорить в дальнейшем. Сочетание глухой монолитности камня, звучного колорита смальты и сияющих граней эрклёза, сопоставление различных по размеру модулей мозаики, а также варьирование ритмического рисунка укладки создают пластическое богатство и сложность поверхности панно.

Композиционная организация мозаики также не вполне обычна. Панно визуально разделено примерно на две равные части, при этом правая часть чрезвычайно насыщена персонажами, а в левой находится только один (колесница). Пространство вокруг колесницы является практически чистой абстракцией. За счет постепенного раскрытия цветowych полей, берущих начало в центре мозаики, к ее левому краю, а также благодаря вертикально ориентированному движению колесницы происходит как бы прорыв пространства мозаики во внешнюю среду, катарсическое высвобождение тех сложных импульсов, которые накапливались в правой части. Это ощущение катарсиса отмечает в своей работе и В. Лебедева [9, с. 98].

Первое прочтение мозаики оказывается достаточно сложным. Отделение одних персонажей от других требует внимания и сосредоточенности, долгого вдумчивого разглядывания панно. Такая герметичность, «непрозрачность» художественного языка нехарактерна для советской монументальной мозаики. Как известно, одна из основных идей так называемого «ленинского плана монументальной пропаганды», изложенного В. Лениным в беседе с наркомом просвещения А. Луначарским в 1918 г., состояла в общедоступности монументального искусства: «...Важно, чтобы они были доступны для масс, чтобы они бросались в глаза...» [12, с. 52]. Эта цитата относилась к скульптурным памятникам, однако позже идеи плана монументальной пропаганды распространились и на другие области монументально-декоративного искусства. Поэтому сюжеты-мифологемы типичной советской мозаики — революция, образы Ленина и Сталина, спорт, материнство, детство, космос, сельское хозяйство, культура, наука и т. д. — обычно транслировались в ясных понятных образах, часто тяготея к наглядности плаката.

Рис. 3. Икона «Чудо Георгия о змие», XVI в. Государственная Третьяковская галерея

В случае с панно Г. Даумана мы видим формальное сюжетное соответствие цирковой тематике. На нем изображены лошади, факир, жонглеры, но при этом стилистически оно чрезвычайно далеко от усредненного художественного языка советской мозаики, а иконографические источники образов можно найти в разных периодах мировой истории искусства, что мы рассмотрим в дальнейшем в статье.

При первом взгляде на мозаику внимание на себя обращают изображения коней — буланого с коричневой упряжью и лазурным седлом в нижней части мозаики и вороного с белой гривой, расположенного над ним. Ноги первого располагаются в горизонтальной плоскости, а второго — в вертикальной. В случае первого коня характерный «распластаный» разворот шеи, а также размещение обоих глаз во фронтальной плоскости, то есть результат суммирования нескольких точек зрения, напоминают о приемах древнерусской (или византийской) живописи, например знаменитой новгородской иконы XVI в. из собрания Государственной Третьяковской галереи «Чудо Георгия о змие» (рис. 3).

Короткие вертикальные и диагональные линии коричневой сбруи, сопряженные под различными углами, упругий изгиб шеи, отзывающийся визуальной рифмой завивающегося хвоста, а также разнонаправленность движения ног и головы лошади создают особое внутреннее

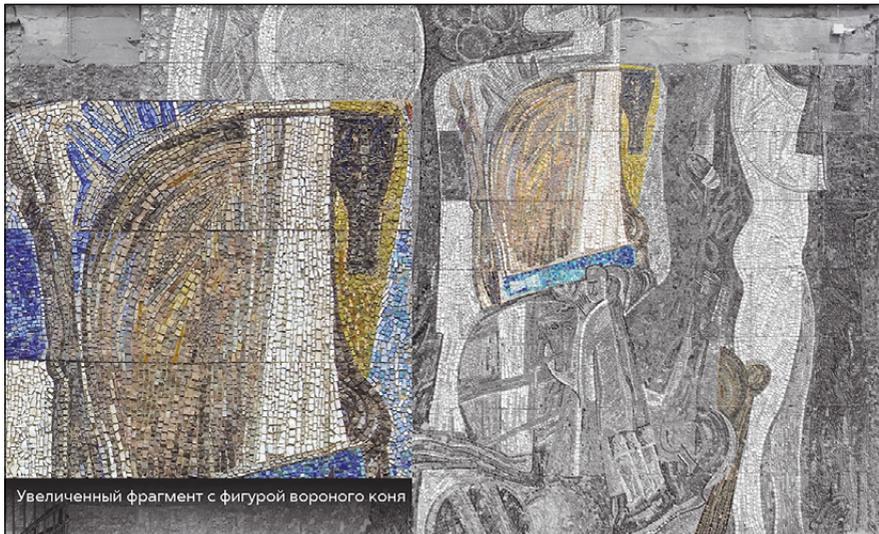

динамическое напряжение. На голове у коня находится некое подобие короны из кристаллов или лавровый венок.

Характер изображения второго коня в пластическом отношении ближе к модерну — в изломанной позе как бы вставшего на дыбы коня есть известная причудливость, манерность, не свойственная древнерусской иконописи. В темном силуэте его головы, выделяющемся на золотом фоне, усиливается стилизация и геометризация, присущая графическим работам художников модерна. Стоит отметить сложную палитру и необычный, как бы «сбитый» рисунок мозаичных контуров на шее вороной лошади, создающий вибрирующую зыбкую поверхность. Разномасштабность модулей смальты и натурального камня здесь также является мощным выразительным средством (рис. 4).

С изображениями лошадей пластически и сюжетно связан ряд других персонажей, они перекрывают друг друга отдельными фрагментами форм, буквально «сплавляясь» воедино. Так, обеих коней объединяет фигура бело-синего персонажа заднего плана, смотрящего в небо, наклонив голову (рис. 5).

На его голове надета некая коническая шапка, напоминающая войлочный головной убор «сикке». Его носят суфии из тариката (орде-

Увеличенный фрагмент с фигурой вороного коня

Рис. 4. Фрагмент мозаики Г. А. Даумана на Краснодарском государственном цирке.
Фото автора

Рис. 5. Ритуальный танец дервишей

на) Мевлеви, известные как «танцующие дервиши» [10]. Белый цвет их одежд символизирует духовное перерождение и готовность к постижению истины. А тот молитвенный транс, в который они впадают во время кружения в танце, так называемый ритуал «сама», является способом непосредственного общения с Богом. В мозаике настойчиво повторяется форма круга: три синие сферы возле лица «дервиша», три шарика в руках девушки-жонглерки, «румянец» на ее щеках, три колеса повозки, бело-сине-серый шар в центральной части мозаики и черный с зелеными полосами шар внизу. Форма круга имеет для суфизма особое значение: «Суфии ордена считали, что основой человеческого существования является вращение. Все в мире (от атомов до звезд) находится в постоянном вращении, которое идет по спирали, поэтому любая частичка постоянно возвращается в первоначальную точку, но уже в новом качестве. Однако, в отличие от других существ, человек обладает умом и знаниями, и они позволяют ему во время кружения в ритуальном танце постичь скрытый смысл других созданий» [10, с. 124].

Не совсем ясна иконография двух персонажей, изображенных рядом с буланой лошастью. Их головы облачены в некое подобие мафория, наплечного плата, который носили женщины в странах Ближнего Востока, традиционного иконографического атрибута Богоматери. Однако

фигуры больше напоминают мужские, а верхняя одежда нехарактерна для христианского мира. Более вероятной кажется версия, что это стилизованное изображение хирки, одежды из грубой шерстяной ткани наподобие халата, которую носили суфии-дервиши (рис. 6).

В поддержку этой гипотезы выступает также анализ иконографии двух персонажей с воздетыми к небу руками, сидящих на крупах лошадей. Персонаж в красной одежде, трактованной как единое цветочное пятно (отметим выразительность орнамента из звезд, выложенных из крупных кусков смальты), выдувает огненную струю, то есть является факиром, в современном понимании слова — цирковым артистом, выполняющим трюки с огнем. Однако в своем изначальном значении слово арабского происхождения «факир» было синонимом слова «дервиш» (с персидского «бедняк», «нуждающийся в милости божьей») [11, с. 299]. Оно относилось к нищенствующим монахам, целью которых было духовное, интуитивное, непосредственное познание божества [11, с. 4]. Будучи последователями суфизма, исламского учения, сформировавшегося в VIII–X вв., они практиковали различные виды аскезы и умерщвления плоти: отсутствие сна и пищи, стояние на одном месте (аналог христианского столпничества), тренировка своего тела к невосприимчивости тепла, холода, боли и т. д. Гораздо позже, уже в XIX в., в Европе начинают распространяться пред-

Рис. 6. Хирка, традиционная одежда дервишей

ставления с участием факиров, в которых они, впадая в экстатическое состояние духовного единения с божеством, демонстрировали свои способности владения телом. Элементы этих шоу вошли в цирковую практику, потеряв свое спиритуалистическое значение.

Иконографическое сходство образа факира с типом иконы «*Душа чистая*», где исходящая из уст чистой девы тонкая струя огня обозначает молитву, может показаться случайным совпадением (рис. 7).

Однако на семантическом уровне между ними есть определенное родство: и в том и в другом случае перед нами предстает образ общения с богом посредством пламенной молитвы. Более того, в исторической перспективе суфизм имел определенные связи с восточно-христианскими учениями мистического толка: «Суфизм развился внутри ислама, почти ничего не почерпнув из мусульманских источников, но зато вобрал в себя опыт аскетической и мистической практики и философии восточного христианства» [11, с. 16], что находит параллель в идейных истоках иконографического типа «*Душа чистая*». По словам О. Л. Дьяченко: «...это композиция, в которой незаметны какие-либо западные влияния (практически все ее элементы коренятся в византийско-русской традиции), а ее идейное содержание целиком и полностью лежит в области восточно-христианской мистики» [4, с. 291].

Рис. 7. Икона «*Душа чистая*». XVII–XVIII вв.

Рис. 8. Густав Климт. Бетховенский фриз, фрагмент, 1901–1902 гг.
Выставочный павильон Венского сецессиона

Персонаж в зеленом халате и коричневой чалме, согласно сюжету мозаики (если рассматривать ее как иллюстрацию темы цирка), является жонглером, однако и здесь мы видим определенное сходство с образом монаха-дервиша. Воздев руки в молитвенном экстазе, он погружен в золото фона. При этом подбрасываемые обручи напоминают какие-то золотые хлеба, ниспосланные ему с небес. Как и в случае с персонажем-факиром, это не столько элемент циркового представления, сколько спиритуалистический акт общения с богом.

Двигаясь далее в правую часть панно, мы встречаем белую фигуру женщины-жонглерки, изображенную в профиль. Ее указующий перст направлен вверх на одну из сфер. Такая поза совершенно нетипична для изображения жонглерской практики и больше напоминает символический жест. Вместе с бело-синим дервишем они фланкируют центральную группу персонажей. Абрис силуэта жонглерки напоминает женских персонажей «Бетховенского фриз» Густава Климта, который был создан в 1901–1902 гг. к XIV выставке Венского сецессиона. Сложное символическое значение фриз было изложено самим художником в журнале *Ver Sacrum* («Весна священная») (рис. 8).

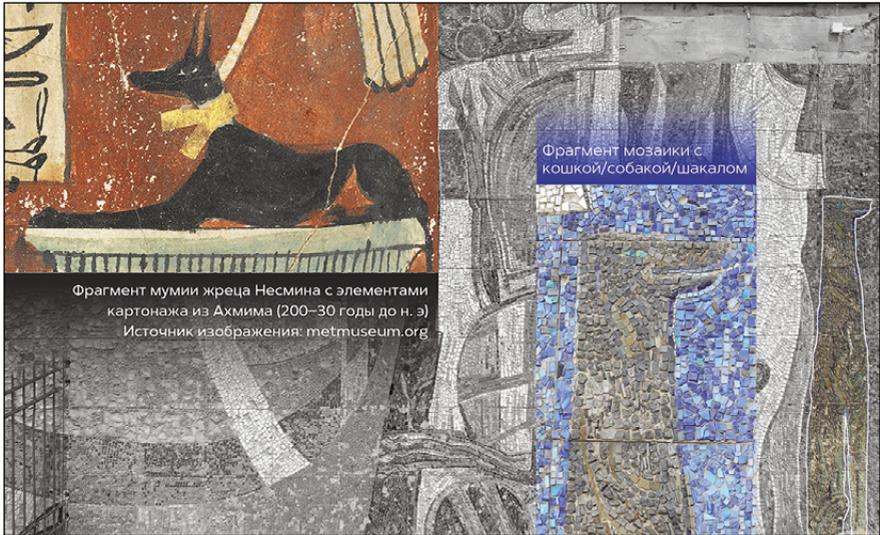

Рис. 9. Картонаж мумии жреца Несмина из Ахмима, фрагмент, 200–30 гг. до н. э. Метрополитен-музей

Персонаж жонглерка — не единственная связь мозаики с «Бетховенским фризом». Это и сама пластическая трактовка фигур, плоско-силуэтная, орнаментализированная, изысканно-декоративная, с характерными для модерна изгибающимися текучими линиями (вспомним знаменитый «удар бича» Германа Обриста и Виктора Орта), а также обильное использование золота. Стоит отметить, что и композиционная организация мозаики, где большая часть персонажей находится в одной половине изображения, а во второй — только один, напоминает центральную часть «Бетховенского фриза».

В правом нижнем углу находится фигура сидящей собаки/шакала или кошки, отсылающая к древнеегипетской живописи своей статичной позой и архаичным изображением глаза в анфас при общей профильности изображения (рис. 9).

Однако чрезмерная удлинённость пропорций характерна скорее для модерна с его стремлением к декадентской изысканности. Чуть выше нее располагается небольшое стилизованное изображение языков пламени в обрамлении цветных плоскостей.

Как мы уже говорили выше, левая часть мозаики представляет собой практически чистую абстракцию, за исключением изображения ко-

лесницы. Колесница мчится по отвесной белой дуге, символизирующей цирковую арену. Помимо этого, она образует архитектурно-живописную рифму с крытой стеклянной галереей на крыше цирка, что хорошо видно на фотографиях, снятых ближе к ул. Октябрьской (рис. 10).

Однако есть еще одна грань этого образа. Левая часть мозаики, заполненная золотом светящегося эрклёза, метафорически отождествляется с солнечным диском. Соответственно, колесница, бегущая по небосводу, вызывает ассоциации с многочисленными версиями солярных мифов: «Колесница — это дорогостоящий и престижный экипаж, ассоциирующийся с богами и героями» [1, с. 12]. Рисунок колесницы напоминает росписи древнегреческих чернофигурных ваз (ваза Франсуа, кратер Амфиарая), однако пластический момент движения еще более утрирован, гиперболизирован — тела скачущих лошадей вытягиваются в стрелу, они даже не касаются ногами земли (рис. 11).

Абстрактная часть мозаики состоит из нескольких форм-элементов. Узкие параболические линии, берущие свое начало практически из центра панно, раскрываются в широкие плоскости красного, синего и золотого цветов, как бы выходящие за грань изображенного. Возле колесницы находится бело-голубой шар, а также овал, разделенный

Рис. 10. Мозаика Г. А. Даумана на Краснодарском государственном цирке, общий вид.
Фото Г. А. Даумана

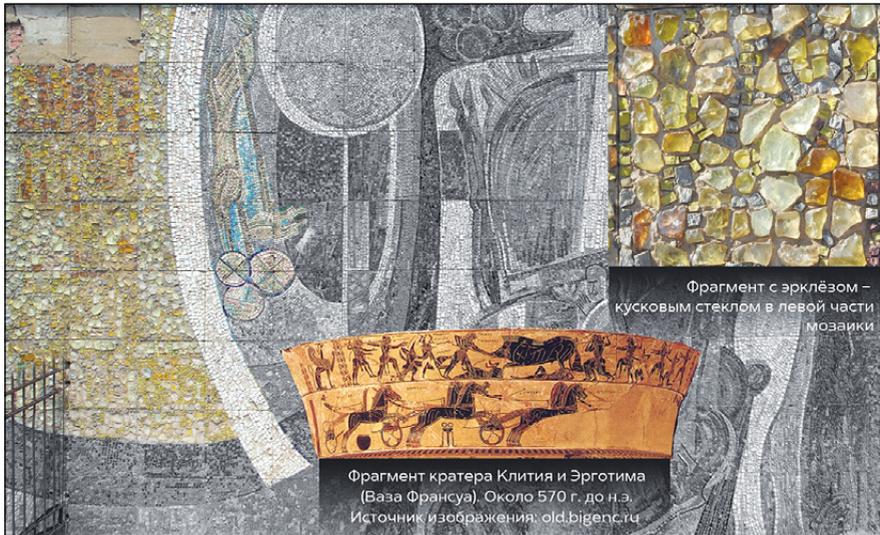

Рис. 11. Ваза Франсуа (Кратер Клития и Эрготима), фрагмент, около 570 г. до н. э.
Археологический национальный музей Флоренции

на ряд сегментов. В сегментах зеленого цвета применен интересный прием — в кладку вторгается тонкая черная линия, напоминающая карандашный росчерк, а в сегменте желто-оранжевого цвета в очередной раз использовано контрастное сочетание крупных и мелких модулей смальты.

Рассмотрев иконографические истоки и стилистические особенности мозаики Г. Даумана на здании Краснодарского государственного цирка, мы приходим к выводу, что данное панно выбивается из обширного ряда «типовой» монументально-декоративной продукции, создаваемой художниками творческо-производственных комбинатов разных регионов. Хотя некоторые авторы отмечают рост интереса к модерну в те годы: «...Всепопобедительность модерна — аберрация памяти, на самом деле всеобщий интерес к нему довольно быстро затих и в полной мере проявился уже только в конце 1960-х годов на фоне усталости от аскетического образа позднесоветского модернизма» [2, с. 54], — использование пластических мотивов венского модерна, в частности одного из главных его представителей — Густава Климта, встречалось в советской мозаике крайне редко. Парадоксально, но, с точки зрения современного наблюдателя, наиболее «советской» по духу является именно левая,

абстрактная («формалистическая», в терминологии советского искусствоведения) часть мозаики.

Создавая панно для цирка, художник смог преодолеть развлекательно-иллюстративную составляющую, характерную для других работ на подобную тему (мозаика на здании Сочинского цирка, художники Т. и Е. Козьмины [14], рельеф в здании Екатеринбургского цирка, художники А. Антонов, Г. Метелев [16]), и создать философско-символическое высказывание, в котором монументальная строгость и обобщенность форм сочетаются с изысканной поэтичностью цвета и изяществом линий. В этой работе в полной мере используются выразительные возможности материала и мозаичной техники: разный масштаб и дифференцированность рисунка укладки модулей, соположение смальты, стекла и натурального камня, обладающих различными декоративными характеристиками. При этом, несмотря на обилие пластических реминисценций и цитат из различных эпох истории искусства, от Древнего Египта и Античности до Древней Руси и Венского сецессиона, мозаика не выглядит эклектично. Преломляя эти отсылки сквозь призму советского монументального искусства и трансформируя их в собственной пластической системе, художник создает совершенно оригинальное произведение, носящее поистине вневременной характер.

Использованная литература:

1. Алмазова Н. А. Колесница в Греции VII–IV вв. до н. э.: некоторые наблюдения // *Philologia Classica*. 2014. № 9. С. 12–41.
2. Боровский А. Д. От монумента до граффити. Городская среда в мозаиках, росписях, рельефах и инсталляциях. Историко-художественный путеводитель. Петербург XX–XXI вв. М. : Центрполиграф, 2023. 415 с.
3. Валериус С. С. Монументальная живопись: Современные проблемы. М. : Искусство, 1979. 87 с.
4. Дьяченко О. А. К проблеме происхождения иконографии «Душа чистая» в искусстве XVI в. // *Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI в. : сб. ст. памяти Виктора Михайловича Сорокатого*. М. : Индрик, 2008. С. 284–294.
5. Екатеринодар — Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях [1793–1993]. Материалы к летописи. Краснодар : Кн. изд-во, 1993. 798 с.
6. Есаулов Г. В. Архитектура Юга России: от истории к современности. М. : Архитектура-С, 2016. 565 с.

7. Кошман Э. Э. Григорий Дауман: графика, монументальное искусство : альбом-каталог. Мытищи : Кодекс, 2021. 319 с.
8. Краснодар. Цирк, 1987 год // Мой Екатеринодар [Сайт]. URL : <http://myekaterinodar.ru/ekaterinodar/cards/krasnodar-csirk-1987-god/> (дата обращения: 18.07.2025).
9. Лебедева В. Е. Советское монументальное искусство шестидесятых годов. М. : Наука, 1973. 235 с.
10. Розина О. В. Суфийские ордена Бекташийя и Мевлевия: основатели и современное состояние обителей // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 3. С. 117–128.
11. Тримингэм Д. С. Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. под ред. и с предисл. О. Ф. Акимушкина. М. : Наука, 1989. 326 с.
12. Толстой В. П. У истоков советского монументального искусства, 1917–1923. М. : Изобразит. искусство, 1983. 239 с.
13. Тугушева О. В. Клитий // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL : https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2074073 (дата обращения: 16.08.2025).
14. Фёдорова В. Новый цирк в Сочи // Декоративное искусство СССР. 1973. № 9. С. 51–52.
15. Хирка: что символизирует плащ дервишей? // Исламосфера [Сайт]. URL : <http://islamofera.ru/xirka-что-символизирует-plashh-dervishej/> (дата обращения: 16.08.2024).
16. Холодовая Г. А. Антонов, Г. Метелев // Советское монументальное искусство. М. : Советский художник. 1982. Вып. 4. С. 146–150.
17. Чудо Георгия о змие, XVI век // Моя Третьяковка. Третьяковская галерея [Сайт]. URL : <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/8794> (дата обращения: 16.08.2025).
18. MacDougall's Russian Art Auctions 1 December 2011. No. 524. A Rare Icon of "The Rure Soul". URL : <https://macdougallauction.com/en/catalogue/view?id=5956> (дата обращения: 16.08.2024).
19. Stünkel I. Nesmin: A Man Who Lived and Died More Than 2,000 Years Ago // The Met. URL : <https://www.metmuseum.org/articles/nesmin> (дата обращения: 16.08.2025).
20. The Beethoven Frieze // Google Art & Culture. URL : <https://artsandculture.google.com/asset/the-beethoven-frieze-gustav-klimt/3AF30E85KM2IwQ> (дата обращения: 16.08.2025).
21. Whirling Dervish Ceremony in Pamukkale: A Traditional Sufi Muslim Experience // Peek. URL : <https://www.peek.com/pamukkale-denizli-trkiye/r0qg6zp/whirling-dervish-ceremony-in-pamukkale-a-traditional-sufi-muslim-experience/a0r4уen> (дата обращения: 16.08.2025).

Alexey V. UGOLNIKOV,
Specialist, Exhibition Department, Krasnodar Regional Exhibition Hall
of Fine Arts, Krasnodar, Russia, aleksejugolnikov@gmail.com

**Iconographic Structure and Stylistic Features of the Mosaic Panel
by Grigory A. Dauman on the Building of the Krasnodar State Circus**

The paper examines the original mosaic by Grigory A. Dauman on the building of the Krasnodar Circus. The artistic value of the panel is attributed to the unique authorial decisions in the choice of subject and form, and the boldly modernist interpretation of the achievements of ancient Egyptian, ancient Greek, and ancient Russian art, as well as the techniques of the Vienna Secession artists through the prism of Soviet monumental art. The mosaic extensively employs the decorative potential of various materials, including smalt, natural stone, and “erklez” (broken colored glass), as well as specific mosaic techniques such as varying the sizes of tesserae, the rhythmic pattern of the arrangement, and the width of the seams. The author relies on a wide range of scientific research.

Keywords: Krasnodar Circus, Grigory A. Dauman, Alexander P. Kudryavtsev, mosaic, monumental and decorative art, soviet modernism, synthesis of the arts.

Ю. В. Буланая*

**Духовный путь Русского Донбасса:
православие как культурное наследие**

В статье дана краткая характеристика основополагающей и объединяющей роли православия в духовной истории России, отмечена роль православной веры в формировании целостного мировоззрения; выявлены кризисные события, связанные с расколом Русской православной церкви на Украине и возникновением Украинской православной церкви Московского патриархата и самостоятельной Православной церкви Украины; рассмотрен духовный путь Донбасса и выявлена основа духовности народа Донбасса, ядро которой составляет православная вера; определена значимость личности основателя монастырей схииеромандрита Зосимы (Сокур) и его посмертного завещания. Автор отмечает, что в условиях Специальной военной операции основной задачей является сохранение культурного наследия православной церкви в Донецкой Народной Республике.

* БУЛАНАЯ Юлия Викторовна, старший преподаватель кафедры философии и психологии Донецкой академии управления и государственной службы, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, buv7777@gmail.com.

Ключевые слова: духовность, мировоззрение, православная вера, Русская православная церковь, Донбасс, Россия, Украинская православная церковь Московского патриархата, схииеромандрит Зосима (Сокур), украинская автокефалия, раскол, монастырь, храм.

Становление централизованного русского государства началось с Крещения Руси и принятия православия, выполнившего культурообразующую функцию. Выбор великого князя киевского Владимира Святославовича православного христианства с точки зрения современной науки вполне прагматичен. Он выбрал лучшее, что было в X в. — самую развитую религию самой развитой цивилизации мира. Владимир перенес византийскую культуру на почву восточного славянства и создал новое государство, новую самобытную культуру, новую цивилизацию. основополагающая и объединяющая роль церкви прослеживается на протяжении всей тысячелетней истории России.

Православная вера — это не просто идея, это вхождение в церковную организацию, существующую две тысячи лет, у которой есть свои традиции, каноны, мировоззрение, своя иерархия. Для восточных славян новая религия оказалась не отвлекающей, не умозрительной, не чужеродной их мировоззрению. Принимая традиции, мировоззрение, славяне входили в определенную культуру, предполагая повседневную жизнь внутри этой культуры.

В одном из интервью в 1990-е гг. академику Д. С. Лихачёву задали вопрос, почему люди позднего, да и раннего Средневековья имели четкое мировоззрение, в отличие от людей, живущих в XX в. На этот вопрос он ответил просто: человек с религиозным мировоззрением эпохи Средневековья мог объяснить, кто он, откуда он и куда он следует в своей жизни. В период СССР люди с высшим образованием имели фрагментарное обрывочное мировоззрение, человек не мог объяснить, откуда он взялся. В этом состоит отличие человека общества Средневековья от человека общества модерна. Это общечеловеческая проблема.

Многовековое единение русской церкви и государства разрушилось в январе 1918 г., когда большевистская Россия издала декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декрет уничтожил симфонию государства и церкви в православном мире, просуществовавшую более полутора тысячелетий, Россия перестала быть православной державой, начался новый период бытия церкви в России, длившийся вплоть до полного распада СССР.

В настоящее время Русская православная церковь переживает кризисные события, обострившиеся в последние десятилетия. В 1992 г. фактически произошел ее раскол на Украине, после чего возникла Украинская православная церковь Московского патриархата и самостоятельная Православная церковь Украины. Идея киевского патриархата является идеей униатской, ее истоки зародились сразу после революции 1917 г. Строилась она на либерально-обновленческих принципах. Этот факт во многом сближает автокефалистов с униатами. Ведется усиленное внешнее давление с целью принятия автокефалии Украинской православной церкви Московского патриархата и объединения ее с раскольниками с 90-х гг. XX в.

Украинская автокефалия — прямой путь к унии. Россия как мощный мировой центр православия на протяжении всей духовной истории удерживала Украину в каноническом православии. Самостоятельность Украинской православной церкви — это конец исторической России и невозможность реализации в будущем проекта воссоединения разделенного русского народа.

Униаты объединили гуманитарную элиту, провели униатский патриарший собор в Киеве, посвященный духовной колонизации Востока Украины.

Основой духовности народа Донбасса и всей Новороссии выступало и выступает православие, а авторитетами — святые отцы церкви, которые высказывались категорически против принятия автокефалии. История активного развития и расцвета духовности в столице Донбасса пришла на последнее десятилетие XX в., а самым авторитетным подвижником православия региона в это время стал схииерхимандрит Зосима (Сокур).

С 1986 г. началось служение отца Зосимы в Свято-Васильевском храме села Васильевка Волновахского района Донецкой области. Храм выглядел заброшенным, хотя когда-то его украшал великолепный майоликовый фарфоровый иконостас, сияющий всеми цветами радуги. Жители села Васильевки доставляли иконостас в огромных дубовых бочках, чтобы сохранить его целостность. Затем наступило богоборческое время, и эта красота была уничтожена.

Незадолго до своей кончины отец Зосима стал основателем двух монастырей на Донецкой земле: Успенского Свято-Васильевского и Успенского Свято-Николаевского. Это уникальное явление объединило на одной территории два монастыря — мужской и женский.

Сочетание двух монастырей есть в Англии у отца Софрония Сахарова, история создания монастыря аналогичная — вокруг духовного пастыря собирался народ. Примером социального служения стала монастырская богадельня, в которой находили приют и уход окруженные заботой и любовью многочисленные немощные пожилые и больные люди.

Для православного народа отец Зосима стал непререкаемым авторитетом, духовным символом православного Донбасса, он говорил, что «родство наше — духовная жизнь, Православная вера, Церковь святая Русская Православная — вот наше единство, вот наше родство, вот наша сила духовная, вот наша энергия духовная» [1, с. 147]. Многочисленные посетители были людьми разного возраста, социального положения, но все они нуждались в его совете, поддержке, духовном благословении.

Немного из их воспоминаний об отце Зосиме: «он был человеком высокой культуры, широкой эрудиции, глубокого интеллекта, ... умел по-разному разговаривать с людьми, мог говорить с губернатором, с генералом, с простым человеком, он для всех находил нужный тон, нужную тему. ... К нему подходило определение — мастер человеческих душ» [1, с. 116–120].

Отец Зосима был непримиримым противником украинского национализма, не позволил утвердиться автокефалии в Донецкой епархии, решительно отстаивал единство церкви и осуждал украинских раскольников. Он говорил о верности Русской православной церкви и сохранении единства славянских народов России, Украины и Белоруссии, русской самобытной культуры, русского языка, семьи и традиций. Именно об этом во множестве публичных выступлений сегодня говорят Президент России В. В. Путин и патриарх Кирилл.

Масштаб личности отца Зосимы выходил далеко за пределы Донбасса. В 1983 г. вместе с патриархом Пименом он, тогда еще отец Савватий, в разрушенном Даниловом монастыре молился о возрождении Руси, однако всемирно известным стал благодаря своим пророчествам. В завещании настоятель Свято-Успенского Николо-Васильевского монастыря оставил свою последнюю волю: «Строго держитесь Русской Православной Церкви и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. В случае отхода Украины от Москвы, какой бы ни была автокефалия — незаконная или “законная”, автоматически прерывается связь с митрополитом Киевским.

Из существующих монастырей образовать Дом милосердия, который будет выполнять святые законы милосердия — служение людям

до их погребения, и эту заповедь обители должны выполнять вечно. Никакие угрозы и проклятия не признавать, так как они неканоничные и незаконные.

Твердо стоять за каноны Русской Православной Церкви. В случае отпадения от единства Русской Православной Церкви — правящего архиерея не существует, монастыри переходят в ставропигиальное управление, под омофор Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

Если сие будет невозможно, то монастыри переходят под самостоятельное игуменское управление по подобию Валаамской обители начала XX столетия, находясь под видом светлых будущих времен единства Украины и России, которые, глубоко верю, неминуемо наступят, о чем и ухожу в вечность. Отходя в жизнь вечную, последнее слово глаголю вам, братья, сестры и все молящиеся в обители нашей: держитесь Русской Православной Церкви — в ней спасение.

Сие завещание прошу прочесть у моего гроба перед последним целованием и раздать всем» [1, с. 89–90].

Пророчества спустя десятилетия после смерти отца Зосимы исполнились. Начались трагические события на Донбассе, а затем Специальная военная операция.

В марте 2022 г. Свято-Успенский Николо-Васильевский монастырь оказался на первой линии фронта под прицельным обстрелом украинских националистов. Первый бой прошел у восточных ворот обители, в нескольких метрах от алтаря Успенского собора. К осени 2024 г. пришло долгожданное освобождение. К этому времени в монастыре осталось порядка сорока монашествующих, они жили и служили в нижнем храме Успенского собора, который одновременно стал убежищем. Монахи, ни на один день не прекращающие богослужения, стали символом духовного героизма, который выражается в человеческой стойкости, вере, взаимопомощи.

Наступило время возвращения к мирной жизни. Масштаб разрушений, причиненный украинскими националистами, большой, нет ни одного уцелевшего здания в полной мере, только часовня — место погребения старца Зосимы. Основная задача сегодняшнего дня — восстановление обители и сохранение культурного наследия православной церкви на Донецкой земле.

На протяжении всей истории Донбасса символами городов были и остаются металлург, шахтер, террикон и уголь, но в последнее время на первый план выходит храм как доминанта окружающей городской

среды, привлекающая своей красотой и величием. Сегодня на Донбассе удастся сочетать промышленный и религиозный дух, которые, на первый взгляд, противопоставлены друг другу. Это одна из его особенностей, выражающаяся в слиянии образов рабочего и верующего человека, осознавших духовное предназначение в этом мире.

Богатая сокровищница православной церкви с ее традициями храмового строительства, иконописи, церковных колокольных звонов, литургического пения, всем тем, что церковь накопила за свое тысячелетнее существование, стала особенностью, привлекательностью не только для местных жителей, но и для гостей и туристов Русского Донбасса.

Использованная литература:

1. *Карагодин В. Н.* Любовь превыше всего. Светлой памяти схииерарха Зосимы. [Б. м.] : Православный благовестник, 2004. 192 с.

Yulia V. BULANAYA,

Senior Lecturer, Department of Philosophy and Psychology,
Donetsk Academy of Administration and Public Service, Donetsk, Russia,
buv7777@gmail.com

The Spiritual Path of the Russian Donbass: Orthodoxy as a Cultural Heritage

This article briefly describes the fundamental and unifying role of Orthodoxy in the spiritual history of Russia, highlighting the role of the Orthodox faith in the formation of a holistic worldview. It also identifies the critical events associated with the schism of the Russian Orthodox Church in Ukraine and the emergence of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate and the independent Orthodox Church of Ukraine. It examines the spiritual path of the Donbass and identifies the foundation of the spirituality of its people, the core of which is the Orthodox faith. The significance of the founder of the monasteries, Schema-Archimandrite Zosima (Sokur), and his posthumous will are determined. The author notes that, in the context of the Special Military Operation, the primary objective is to preserve the cultural heritage of the Orthodox Church in the Donetsk People's Republic.

Keywords: spirituality, worldview, Orthodox faith, Russian Orthodox Church, Donbass, Russia, Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, Schema-Archimandrite Zosima (Sokur), Ukrainian autocephaly, schism, monastery, temple.

РАЗДЕЛ 3

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

*А. Н. Соколова**

Культурные и музыкальные взаимодействия как проблема культурной антропологии**

В статье исследуются сложные аспекты культурных и музыкальных взаимодействий в современном мире с позиции культурной антропологии. Рассматриваются различные типы взаимодействия культур, включая нейтральное, альтернативное и конкурентное, а также феномен «варяжского синдрома» — поверхностного заимствования чужой музыки без глубокого понимания ее смысла. Анализируется исторический опыт и современные примеры использования «чужой» музыки композиторами из Европы,

* СОКОЛОВА Алла Николаевна, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор кафедры музыкального и хореографического искусства Института искусств Адыгейского государственного университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, professor_sokolova@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

Азии и Советского Союза, подчеркивается роль музыки как средства политической пропаганды и социальной поляризации. Особое внимание уделяется этическим проблемам и методологическим трудностям изучения музыкальных традиций, а также значению музыки в формировании идентичности и межкультурного диалога. В заключение подчеркивается, что, несмотря на сложности, музыкальные взаимодействия способствуют развитию толерантности и культурной компетентности, играя важную роль в образовании и укреплении социальной сплоченности в мультикультурных обществах.

Ключевые слова: культурные и музыкальные взаимодействия, «чужая» музыка, варяжский синдром, идентичность, музыкальная вестернизация в Японии, Ван Юаньхао, мультикультурная музыкальная педагогика.

Проблемы и вызовы культурных и музыкальных взаимодействий. Культура и музыка всегда играли центральную роль в формировании человеческих обществ, отражая и выражая их уникальные мировоззрения, ценности и идентичности. В современном мире, где границы между культурами становятся все более размытыми, а глобализация и цифровые технологии способствуют интенсивному обмену идеями и традициями, культурные и музыкальные взаимодействия приобретают особую значимость. В свете этого культурная антропология сталкивается с рядом сложных проблем и вызовов, связанных с анализом и пониманием этих процессов. В данной статье мы рассмотрим, почему культурные и музыкальные взаимодействия являются проблемой культурной антропологии и как эта наука пытается подходить к их изучению.

Во-первых, культурные взаимодействия подразумевают обмен символами, ценностями, традициями между различными группами, что порождает множество вопросов об идентичности и изменении культурных практик. Музыка здесь выступает как один из самых очевидных и емких способов выражения культуры. Она одновременно является универсальным языком и глубоко локализованным феноменом, переплетенным с конкретным социальным, историческим и географическим контекстом. При взаимодействии различных культур музыкальные традиции начинают смешиваться, трансформироваться, а иногда и исчезать. Для культурной антропологии становится актуальным разобраться, какие механизмы лежат в основе таких трансформаций и каким образом они влияют на сохранение или изменение культурной идентичности.

Во-вторых, культурные взаимодействия могут быть рассмотрены как основания для конфликтов, размежевания, выработки определенных законов, деклараций и инструкций, направленных на запреты, угрозы или определенные репрессивные акции. В этом случае задачей культур-

ной антропологии становится недопущение таких видов взаимодействия или выработка механизмов, направленных на снижение возникающих конфликтов.

Одной из основных проблем, с которой сталкивается культурная антропология в этом контексте, является феномен культурной апроприации. Это явление, при котором элементы одной культуры заимствуются, зачастую без должного понимания и уважения, представителями другой культуры, что может приводить к искажению или коммерциализации исходного культурного значения. В музыкальной сфере примерами могут служить случаи использования народных мелодий, текстов или стилей в массовой популярной музыке крупными индустриями. Антропологи вынуждены анализировать, где проходит грань между конструктивным культурным обменом и эксплуатацией, а также искать этические нормы взаимодействия.

Кроме того, культурные и музыкальные взаимодействия часто сопровождаются борьбой за власть и признание. Музыкальные жанры, возникшие на пересечении культур, могут служить инструментом как угнетения, так и сопротивления. Например, музыкальные традиции афроамериканцев в США сыграли ключевую роль в формировании культурной и политической идентичности, противостоящей системному расизму. Здесь антропология сталкивается с задачей не просто описать культурные феномены, но и показать, как музыка функционирует в политическом и социальном поле, отражая и влияя на динамику власти в обществе.

Важным аспектом изучения культурных и музыкальных взаимодействий является учет процессов глобализации. С одной стороны, доступность цифровых технологий и Интернет позволяют людям из разных уголков мира знакомиться с музыкой друг друга, что способствует глобальному культурному обмену. С другой стороны, это ведет к гомогенизации культур и угрозе утраты локальных музыкальных традиций. Культурные антропологи пытаются понять, как сохранить разнообразие музыкальных культур в условиях глобального трансформирования и насколько возможна аутентичность в эпоху цифровых репродукций и «микширования» культур.

Проблема культурных и музыкальных взаимодействий в антропологии также связана с методологическими трудностями. Как можно объективно изучать музыкальные практики, учитывая их глубокую субъективную природу? Как понять значения звуков и ритмов в разных культурных контекстах? Ответы на эти вопросы требуют междисципли-

нарного подхода, объединяющего этнографию, музыку, лингвистику, историю и социологию. Важным становится прямое взаимодействие с носителями культуры, погружение в их повседневные музыкальные практики и понимание их символических значений изнутри.

Также необходимо отметить, что культурные и музыкальные взаимодействия выступают не только как объекты научного знания, но и как вопросы этики и социальной справедливости. Антропологи, работая с музыкальными традициями, должны учитывать права культурных сообществ на свои произведения и обычаи, обеспечивать уважение к их уникальности и участвовать в политике сохранения культурного наследия.

Культурные и музыкальные взаимодействия в европейской профессиональной музыке. Многие выдающиеся деятели музыки в периоды классицизма, романтизма и модернизма использовали элементы национальной или «чужой» музыки для обогащения своего музыкального языка. Этот процесс отражал стремление к расширению выразительных средств и поиску новых художественных форм. Как известно, именно романтики в своем большинстве обратили внимание на этническую музыку, в том числе и чужую. Это был интерес, связанный с желанием вывести родную музыку на мировую арену и с желанием обновления музыкального языка классической музыки. Это был способ проявления своеобразной технической эквилибристики в сочетании классических норм построения музыки с нормами специфических этнических конструкций и интонаций. В качестве примера можно привести известный Турецкий марш Моцарта.

Однако еще у Баха мы находим *Английские, Французские сюиты* и *Партиты*, которые исследователи иначе называют *Итальянскими сюитами*. Бах, как известно, никогда не выезжал за пределы Германии, и было бы наивно искать в *Английских сюитах* что-либо специфически английское, хотя исследователи отмечают присутствие в английских сюитах обязательных прелюдий. Бах был знаком с большими сюитами для клавира Генделя, изданными в Англии в 1720 г. Идея Генделя открыть каждый сюитный цикл большой прелюдией концертного характера могла повлиять на стиль *Английских сюит* Баха.

Взаимовлияние культур — естественный процесс, в принципе позволивший человеку стать человеком. Через взаимодействие людей, их языки и поведение сложилось общество разумных людей с членораздельной речью. Взаимодействие культур через искусство представляет собой важную и многогранную проблему, которая затрагивает вопросы идентичности, восприятия и обмена ценностями между различными народами.

Искусство как универсальный язык служит мостом между культурами, позволяя передавать идеи, эмоции и традиции, что делает его ключевым элементом в процессе культурного обмена. Искусство — это, как правило, самая сохранный часть наследия предыдущих поколений, доступная большим массам людей. Именно по искусству и через искусство люди познают культуру других народов, даже не контактируя с ними. Если же народы становятся ближайшими соседями, то взаимодействие культур нередко бывает глубоким и постоянным, «взаимопроникающим», образующим новый качественный культурный феномен. История знает Венскую композиторскую школу, феномен тбилисской культуры XIX в., так называемую «кавказскую» музыкально-танцевальную культуру и еще многие другие примеры «слияния» или тесного взаимодействия культур, которые определяются различными факторами, в том числе геоклиматическими, историческими, идеологическими, социально-политическими и др.

По классификации Х. Ортеги-и-Гассета, взаимодействие может быть нейтральным (культуры сосуществуют, не мешают друг другу и не смешиваются), альтернативным (культуры активно теснят друг друга, поскольку каждая стремится занять доминирующее положение и насадить в общности свои ценности и стандарты) и конкурентным (в процессе саморазвития культуры могут смещаться в область альтернативности и конфликтных отношений).

Практика показывает, что у современных композиторов интерес к «чужой» музыке возникает по нескольким причинам. Во-первых, этот интерес вызван обучающими программами, в которых изучение европейской и традиционной музыки мира (так называемой World music) является обязательным компонентом. Освоение композиторских стилей и техник порой приводит к их использованию и заимствованию. Во-вторых, история развития европейской профессиональной музыки показывает, что каждая западная страна отчасти становилась «донором» для близлежащих восточных соседей, «даруя» им человеческий ресурс (композиторов и музыкантов-исполнителей) и художественные ценности как образцы для создания собственных художественных продуктов. Достаточно вспомнить о французских, итальянских и немецких музыкантах, заложивших основу русской композиторской школы в XVIII — начале XIX в. В-третьих, практика показывает, что отношение автохтонов к использованию родной музыки «чужими» (этнически не принадлежавшими данному этносу) авторами может быть разным. Оно может быть нейтральным или незаинтересованным.

В середине XX в. в Советском Союзе развивался интерес к экзотическим культурам и искусству, которые воспринимались как альтернатива западному формализму. Япония с ее богатыми культурными традициями стала импульсом для поиска новых форм и идей в музыке. Вряд ли как-то реагировали японские композиторы на необычные сочинения советских авторов на стихи японских поэтов в русском переводе. Нам известны произведения Сергея Слонимского, Владимира Магдалаца, Бориса Целковникова, Валентина Сильверстова и др. Системного анализа таких сочинений не было. В основном подобные произведения воспринимались как любопытные культурные феномены и не более того. Кроме идеологических барьеров, подобное отношение в определенной степени могло быть связано с некоторым скепсисом относительно качества интерпретаций японской поэзии в советской музыкальной стилистике.

С другой стороны, ряд сочинений советских авторов с использованием адыгских (черкесских) тем и на черкесские сюжеты воспринимался негативно из-за так называемого «варяжского синдрома». Под этим выражением подразумевается использование чужой музыки в «европейской оболочке» без глубокого проникновения в ее художественное содержание и внутренние резервы и потенциалы развития. Такие композиторы, как правило, приезжали в тот или иной регион на короткий срок, собирали фольклор и понравившиеся темы включали в свои камерно-инструментальные или симфонические произведения. Однако история знает и другие примеры, когда композиторы нетитульного этноса настолько проникали в суть этнической музыки, что их произведения становились знаковыми и манифестировались в качестве этнической музыки. Известно, к примеру, что коронация монархов Великобритании до сих пор проходит под четыре гимна этнического немца Генделя. А опера Евгения Брусиловского «Кыз Жибек» считается первой казахской оперой, заложившей основы не только национального оперного, но и симфонического искусства. Она остается в репертуаре оперного театра Казахстана по сей день.

Что давало композиторам знание и использование «чужой» музыки? Интеграция элементов различных культурных традиций в музыку давала композиторам:

- расширение выразительных возможностей — новые ритмы, мелодики, инструменты;
- освежение музыкального языка и создание уникального стиля;
- общение с мировой культурой, позволявшее получать признание за пределами родной страны;

- развитие умения передавать сложные эмоциональные и культурные смыслы;
- вклад в формирование интеркультурного диалога через искусство.

Анализ мировой музыки показывает, что европейцев чаще всего интересовала музыка народов, проживающих восточнее от них. Однако в последние годы стали появляться примеры «обратного» направления. Во времена так называемой «культурной революции» в Китае (1966–1976) западные влияния, мягко говоря, не приветствовались властями. К композиторам предъявлялись «строгие идеологические требования: показ темы революции и иные политические задачи» (см.: [5, с. 13–14] [6, с. 21]). Экспансия зарубежного — и особенно европейского — строго порицалась, был введен «запрет на свободное использование современных композиторских техник или ограничение их количества» [5, с. 14]. Музыкальная вестернизация в Японии началась с эпохи Мэйдзи — Просвещенного правления (1868–1912) [1].

В XXI в. японские и китайские композиторы все активнее использовали музыку западных народов. Наиболее ярко в этом направлении показал себя композитор Ван Юаньхао, представивший в Москве в 2023 г. сюиту «Шёлковый путь» в исполнении российско-китайского симфонического оркестра. В произведении выразительно переплелись китайские, русские и арабские мотивы [4]. Всевозрастающий интерес азиатских авторов к западной музыке отмечают и китайские исследователи (см.: [3] [7]).

Музыка на пике идеологических конфликтов. Искусство очень часто оказывается на пике политических и военных конфликтов. Памятники религиозного искусства могут уничтожаться именно по идеологическим мотивам — принятым на вооружение политическим ценностям, которые становятся выше эстетических или исторических. По тем же причинам может быть «неудобная музыка», даже если она лишена вербального сопровождения. С другой стороны, среди разных этносов существуют конфликты на основе признания исключительных прав на ту или иную мелодию или сюжет. Достаточно вспомнить жесткие дискуссии в Союзе композиторов Кабардино-Балкарии по поводу использования кабардинских мелодий в балкарской симфонии Ахмата Малкандуева «Минги Тау» или бесконечные дебаты (особенно в интернет-пространстве) по поводу авторства знаменитой песни «Эльбрус-красавец» [2].

Власти и политические силы часто используют музыку как мощный инструмент пропаганды. Музыка способна эмоционально воздействовать на аудиторию, формируя определенные модели поведения и мышления. Однако при злоупотреблении музыкальное искусство теряет свое творческое и гуманитарное начало, превращаясь в рупор идеологических установок. В тоталитарных режимах музыка нередко принимает формы манипуляции коллективным сознанием.

Формами манипуляции становятся:

- использование официальных песен и гимнов, транслирующих идеологические лозунги и образы;
- заказные произведения, созданные специально для поддержки политических режимов или лидеров;
- ограничение доступа к альтернативной музыке и продвижение только «правильных» музыкальных форм;
- использование музыки в массовых мероприятиях и СМИ для эмоционального воздействия на население и укрепления массового единства в выгодном для власти ключе.

В нацистской Германии расцвело массовое использование маршей, патриотических песен и национал-социалистической музыки для укрепления идеологии режима. Песни и музыка часто сопровождали пропагандистские мероприятия и помогали формировать образ «чистоты» и «величия» нации. В Советском Союзе официальная песенная и музыкальная пропаганда воспевала труд, героизм, партию и Сталина. При этом официальный стиль часто подавлял альтернативное музыкальное творчество. Как известно, в послевоенные годы в музыкальных учебных заведениях СССР под запретом было творчество Рихарда Вагнера (любимого композитора Гитлера); очень сложно пробивали себе дорогу на советскую сцену и телевидение джаз, рок, альтернативная академическая музыка. В США во время «холодной войны» и позже использовали популярную музыку с патриотическим содержанием или в стиле «американской мечты», распространяя ее через радио и кино для укрепления национальной идентичности и противодействия советской пропаганде.

Еще одна критическая ситуация связана с упомянутым «варяжским синдромом». До настоящего времени встречаются примеры использования «чужой» музыки в контексте авторских сочинений. Если автор использует материал песни, с которой у автохтонов существует четкая образная привязанность с вербальным содержанием, но автор не знает или игнорирует этот известный образ, может возникнуть конфликтная

ситуация. Другими словами, использование мелодии трагической песни в контексте танцевального инструментального текста представляется не просто ошибкой, а преднамеренным фарсом или даже издевкой, что вызовет ожидаемую негативную реакцию автохтонов и грамотных критиков.

Музыкальное искусство способно выражать идеалы, настроения и воззрения различных социальных групп. Но когда музыка противопоставляется официальным или доминирующим культурным нормам и становится средством протеста или маргинализации, она может усиливать социальную поляризацию и даже провоцировать конфликты. Причинами возникновения конфликтов может служить так называемая «протестная» музыка, жанры, ассоциируемые с определенными субкультурами или этническими группами. Протестная музыка часто отражает недовольство политикой, несправедливостью, нарушением прав человека. Такие произведения в обществах с ограниченной свободой слова воспринимаются вызовом власти и статусу-кво. Музыкальные жанры, ассоциируемые с определенными субкультурами или этническими группами, могут стать символом отличия и даже конфронтации (например, рэп/хип-хоп с протестной тематикой, этническая музыка национальных меньшинств). Идеологический раскол внутри общества может находить отражение в музыкальных предпочтениях, что ведет к появлению музыкальных «баррикад» и взаимной неприязни. К примеру, этническая музыка и националистические песни на Балканах в 1990-х гг. использовались и как средство укрепления идентичности, и как инструмент пропаганды ненависти, что только обостряло межэтнические конфликты.

Музыка в контексте поликультурного образования и формирования общегражданской и региональной идентичности. Музыкальное искусство является одним из наиболее эффективных инструментов поликультурного образования, способствуя развитию толерантности, межкультурного диалога и творческого мышления. Исторический опыт показывает, что композиторы XVIII–XX вв. часто обращались к «чужой» музыке, что обогащало их творчество и способствовало формированию новых музыкальных стилей. В современном мире с его многообразием культур и активными коммуникациями включение музыкального искусства в образовательные программы является важным условием успешного воспитания граждан с поликультурной компетентностью.

В образовательных стандартах основного и среднего общего образования РФ (ФГОС) музыка рассматривается как средство развития духовно-нравственных и культурных ценностей, включая межкультур-

ное взаимодействие. В ряде региональных программ и школ с многонациональным составом учащихся внедряются курсы и проекты, ориентированные на поликультурное музыкальное воспитание. В Институте искусств Адыгейского государственного университета внедряются спецкурсы по изучению танцевальной культуры народов Кавказа, изучению творчества художников и композиторов Республики Адыгея. В США многие высшие музыкально-педагогические учреждения включают в свои программы курсы по мультикультурной музыкальной педагогике, например в Университете Индианы, Нью-Йоркском университете, Рутгерском университете. Национальная ассоциация музыкального образования (NAfME) разработала стандарты, ориентированные на развитие культурной компетентности через музыку. В Великобритании интеграция музыки и мультикультурного образования осуществляется через национальные программы CLPE (Centre for Literacy in Primary Education) и Music Education Hubs, где особенно акцентируется разнообразие музыкальных традиций. В Канаде и Австралии образовательные стандарты регулярно включают элементы поликультурной подготовки через музыку и искусство в целом.

Выводы. Искусство обладает удивительно мощной силой объединять людей и передавать им информацию о самых глубоких духовных ценностях того или иного народа. Композиторы, использующие музыку и стихи «чужих» культур, становятся пионерами межкультурного диалога, воспользовавшись для этого самой тонкой эмоциональной сферой человеческого восприятия. И даже тогда, когда их сочинения не получают общественного признания со стороны источника культурного заимствования, сам факт такого внимания к культуре-донору становится историческим фактом, последствия которого могут быть самыми позитивными.

Таким образом, культурные и музыкальные взаимодействия являются сложной и многогранной проблемой культурной антропологии. Они ставят перед наукой вопросы об идентичности, власти, глобализации, этике и методологии исследований. Музыка как форма культурного выражения обеспечивает особую площадку для понимания этих процессов, предлагая уникальный взгляд на то, как культуры встречаются, изменяются и взаимодействуют в современном мире. Культурная антропология, в свою очередь, стремится не только описать эти явления, но и способствовать уважительному, справедливому и осознанному культурному диалогу в эпоху многообразия и глобальных перемен.

Использованная литература:

1. Клобукова (Голубинская) Н. Ф. Западная музыка в Японии периода Мэйдзи (1862–1912): пути проникновения и ассимиляции // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 12-2. С. 212–229.
2. Ноты песни «Эльбрус-красавец» // Проза.ру [Сайт]. URL : <https://proza.ru/2020/12/03/1266> (дата обращения: 06.06.2025).
3. Пин Х. Влияние русского фортепианного искусства на формирование и развитие китайской пианистической школы : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02. СПб., 2008. 160 с.
4. Премьерное исполнение сюиты «Шёлковый путь» китайского композитора состоялось в Москве. 02.08.2023 // Orient. Наш ориентир то, что сближает людей [Сайт]. URL : <https://www.orient.tm/ru/post/57976/premernoie-ispolnenie-syuity-shelkovyj-put-kitajskogo-kompozitora-sostoyalos-v-moskve> (дата обращения: 06.06.2025).
5. Янь Цзянань. Национальные традиции в творчестве китайского композитора Сюй Чанцзюня : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02. М., 2020. 203 с.
6. Пэн Чэн. Китайские композиторы XX века (обзор) // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2012. № 4. С. 19–23.
7. Лу Шэнсинь. Подходы китайских композиторов Хуан Цзы и Хэ Лутина к проблеме синтеза западной и китайской музыкальных традиций // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 3. С. 537–542.

Alla N. SOKOLOVA,

Dr. Sci. (History of Art (Musical Art)), Prof., Southern Branch,
Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural
Heritage, Prof., Department of Music and Choreography, Institute
of Arts, Adyghe State University, Maykop, Republic of Adyghe,
Russia, professor_sokolova@mail.ru

Cultural and Musical Interactions as a Problem of Cultural Anthropology

The paper explores complex aspects of cultural and musical interactions in the modern world from the perspective of cultural anthropology. Various types of cultural interaction are considered, including neutral, alternative and competitive,

as well as the phenomenon of the “Varangian syndrome” — the superficial borrowing of someone else’s music without a deep understanding of its meaning. The historical experience and modern examples of the use of “foreign” music by composers from Europe, Asia and the Soviet Union are analyzed, and the role of music as a means of political propaganda and social polarization is emphasized. Special attention is paid to the ethical problems and methodological difficulties of studying musical traditions, as well as the importance of music in shaping identity and intercultural dialogue. In conclusion, it is emphasized that, despite the difficulties, musical interactions contribute to the development of tolerance and cultural competence, playing an important role in education and strengthening social cohesion in multicultural societies.

Keywords: cultural and musical interactions, “alien” music, Varangian syndrome, identity, musical westernization in Japan, Wang Yuanhao, multicultural music pedagogy.

Э. А. Соловьёва*, П. В. Назаретян**

Аутопсия в контексте культурно-религиозных трансформаций (на примере европейской живописи)

Статья посвящена развитию восприятия аутопсии в контексте культурных, религиозных и философских трансформаций XV–XX вв. Авторы в качестве эмпирического материала используют произведения живописи (в том числе крупнейших авторов), позволяющие получить наглядное представление об этом развитии. Исследуется преодоление детерминированной церковными догматами табуированности вскрытия, обеспеченное научным прогрессом, распространением гуманистических идей и секуляризацией; устанавливается значимость деятелей, чьи визуализации посмертного медицинского вмешательства способствовали преодолению многовековых социокультурных барьеров. Посредством анализа групповых портретов уроков анатомии демонстрируется функция искусства как посредника между наукой и обществом, отражавшего постепенный переход от абсолютной защиты сакральности человеческого тела к его эмпирической объективации. Несмотря на всеобъемлющий прогресс, как подчеркивается в статье, современное общество все еще сохраняет некоторые страхи и предрассудки о медицинском вскрытии.

* СОЛОВЬЁВА Эмилия Александровна, студентка Кубанского государственного медицинского университета, Краснодар, Россия, solovevaemilia66@gmail.com.

** НАЗАРЕТЯН Пётр Варзатович, кандидат культурологии, ассистент кафедры философии Кубанского государственного медицинского университета, Краснодар, Россия, krrmagnit@mail.ru.

Ключевые слова: аутопсия, патолого-анатомическое вскрытие, мертвое тело, история анатомии, анатомический театр, секуляризация науки, история медицины, десакрализация тела, общественное восприятие смерти.

В обыденном сознании медицинское вмешательство в мертвое человеческое тело во все времена было окружено мифами и предрассудками. Престижность и лояльность к профессии патологоанатома даже в прогрессивных странах XXI в. находятся в целом на невысоком уровне, а мировая культура продолжает поддерживать не востребованность (а в ряде случаев и табуирование) сопряженных с этой работой тем. Полагаем, такое восприятие архаично и тормозит социальный прогресс в угоду деструктивным психологическим стереотипам и постоянству низкой осведомленности людей о важности патолого-анатомических исследований. Для выявления взаимосвязей между определенными аспектами психической организации и поведенческими паттернами, направленными на избегание осознания конечности существования, обусловленными защитными механизмами бессознательного, российской психологической наукой даже разработана теория регуляции танатической тревоги. Она утверждает, что с целью снижения экзистенциальной тревоги индивиды демонстрируют склонность к активизации когнитивных структур, включающих социокультурные предубеждения и стереотипические конструкты, что интерпретируется как компенсаторная стратегия психологической адаптации [1].

При этом процесс вскрытия тела (аутопсия) абсолютно легален и обычно законодательно регламентируется (например, в нашей стране — законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). У врача есть право проведения процедуры, а у гражданина — право выразить отказ от посмертного вскрытия (за исключением указанных в законе случаев, затрагивающих общественные интересы).

Фундаментальное значение аутопсии для практической и теоретической медицины состоит в том, что она позволяет верифицировать прижизненные клинические диагнозы, идентифицировать недифференцированные патологии, а также оптимизировать алгоритмы лабораторной диагностики и терапевтических протоколов. В рамках же судебно-медицинской практики вскрытие и вовсе выступает обязательным элементом, обеспечивающим определение танатогенеза при насильственной смерти, летальных исходах неустановленной этиологии или криминально-правовых инцидентах.

В рамках нашего исследования совершена реконструкция историко-культурной динамики восприятия столь социально важного феномена, осуществленная через призму философских парадигм различных эпох и стран и объясненная на примерах произведений живописи, в которых ясно отражаются эти парадигмы.

История аутопсии представляет собой противоречивый путь, переплетенный с развитием науки, религии и права. С начала Средневековья вплоть до XIV в. процедура была запрещена и легитимировалась исключительно в экстраординарных эпидемиологических ситуациях (чтобы понять природу смертельной болезни). Институциональный контроль со стороны церкви сформировал вокруг вскрытия человеческого трупа многовековые канонические запреты.

В средневековой философии принято выделять два периода. В первом (патристике) тело человека понимается как часть творения Бога (вместе с превосходящей его душой оно образует единую человеческую природу), средство взаимодействия человека с миром и проявления веры. Здесь нередко свойственное античности противопоставление тела и души отвергается, хотя указывается на естественную подверженность тела страстям и необходимость его обуздания. Ключевое в контексте данной статьи: патристика мыслила тело участвующим в спасении души и воскресающим вместе с ней в конце времен, потому оно должно быть свободно от физического вмешательства и после смерти. В том числе так выражается надлежащее уважение и забота о теле как «храме Святого Духа» [4].

Схоластика же, сохранив многое в восприятии рассматриваемой проблемы, путем логических рассуждений акцентируется на взаимодействии души и тела, их гармонии, а процедуру вскрытия воспринимает как греховное нарушение этой гармонии, надругательство над усопшим.

В Средние века изображение вскрытия в искусстве, само собой, было невозможно, поэтому описание эмпирического материала (произведений живописи) к данному фрагменту нашей статьи отсутствует.

Эпоха Возрождения, охватывающая примерно XIV–XVI вв., ознаменована глубокими изменениями в мышлении и восприятии мира. В этот период общество начинает проявлять интерес к анатомии и физиологии человека, что выступает частью более широкой тенденции к становлению научного познания и гуманистических идей. Новая ориентация философии — антропоцентризм (основное внимание забирают

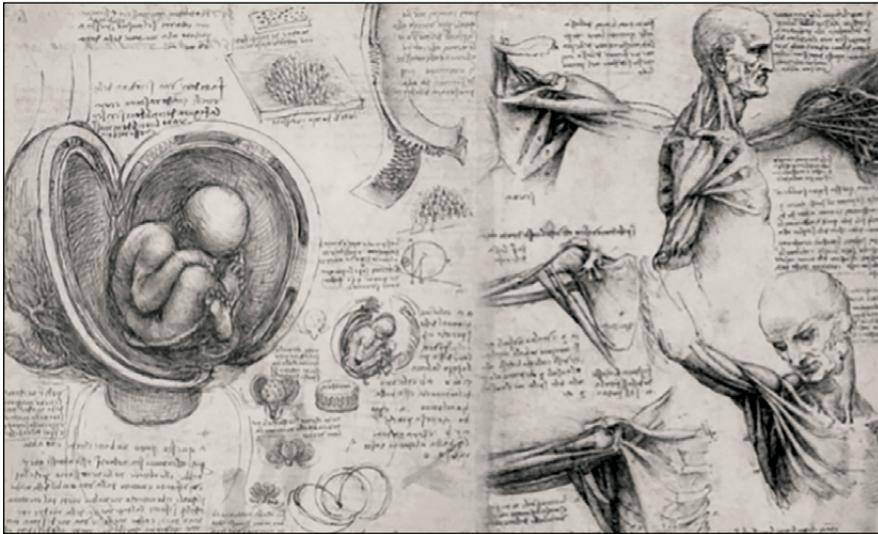

Рис. 1. Леонардо да Винчи. Наброски исследования плода в утробе матери, 1511 г.

на себя проблемы человека, его природа, достоинства, ценности и индивидуальность). Такое мировоззрение освобождает от религиозных догм, в результате чего как ученые, так и художники приступают к активному исследованию тела человека.

Леонардо да Винчи (1452–1519), ключевая фигура Возрождения, дал мощнейший толчок развитию анатомии как науки. Результатом его прорывных исследований стали аннотированные иллюстрации, беспрецедентно точно изображающие мышечный аппарат, остеологическую систему и висцеральные органы. Его рисунок плода в матке (рис. 1) показывает не только художественный талант мастера, но и глубокое понимание анатомических процессов.

Работы да Винчи остались неизвестны современникам, хоть и на полвека опередили исследования основоположника научной анатомии Андреаса Везалия (1514–1564). Набравший большой опыт препарирования тел нидерландский врач своей работой «О строении человеческого тела» (1543), дополненной детальными ксилографиями (рис. 2) Иоганна Стефана ван Калькара (1500–1546), не только устранил ряд многовековых заблуждений, но и систематизировал и терминологизировал анатомическое знание в соответствии с принципами наблюдательной науки [3]. Этот труд маркирует эпистемологический разрыв между схо-

Рис. 2. Иоганн Стефан ван Калькар. Титульный лист книги «О строении человеческого тела»

ластическим авторитаризмом Средневековья и зарождающимся научным методом эпохи Возрождения.

Итак, Возрождение стало ключевым этапом эпистемологической трансформации, а синтез художественного и научного знания сформировал предпосылки для развития современных биомедицинских дисциплин и визуальных искусств.

Научный курс Везалия продолжил Иероним Фабриций (1537–1619), создавший первый в мире стационарный анатомический театр (1595). Проект представлял собой не только технологический, но и социокультурный прорыв. Фабрициев театр, способный вместить около 400 зрителей, был специальным помещением с центральным диссекционным столом, оборудованным системой лифтовой подачи биоматериала из расположенной ниже трупной камеры. Такая организация процесса обеспечивала более эффективное и гигиеничное проведение препарирований. Лектор сидел на возвышении, а ассистенты проводили вскрытие. Многоярусные скамьи для аудитории символизировали иерархию академического знания.

Ксилография, выполненная Бартоломеусом Доledo (*рис. 3*) по оригинальному эскизу Яна Корнелиуса Водануса, документирует архитектуру и функционал основанного в 1597 г. Анатомического театра Лейденского университета — ключевого центра медицинского образования раннего Нового времени. Визуальный нарратив гравюры показывает специфику анатомических практик эпохи. Публичные секционные демонстрации проводились исключительно в зимний период из-за отсутствия технологий долгосрочной криоконсервации. Изначально театр был оборудован скелетами людей и животных, но постепенно коллекция пополнилась гравюрами и предметами, иллюстрирующими анатомию и отражающими кальвинистские взгляды на жизнь и смерть.

Появление и распространение анатомических театров отражает исторический сдвиг в общественном сознании. Публичные вскрытия, которые ранее могли вызывать отторжение и страх, стали частью образовательного процесса. В целом интерес к земному миру и решительность практического проявления этого интереса неуклонно росли. И человеческое тело (в том числе и мертвое) как особый материальный элемент все прочнее воспринимается в качестве объекта системного изучения, сочетающего механистические и гуманистические интерпретации. Анатомические театры эпохи Возрождения стали, по сути, не только ин-

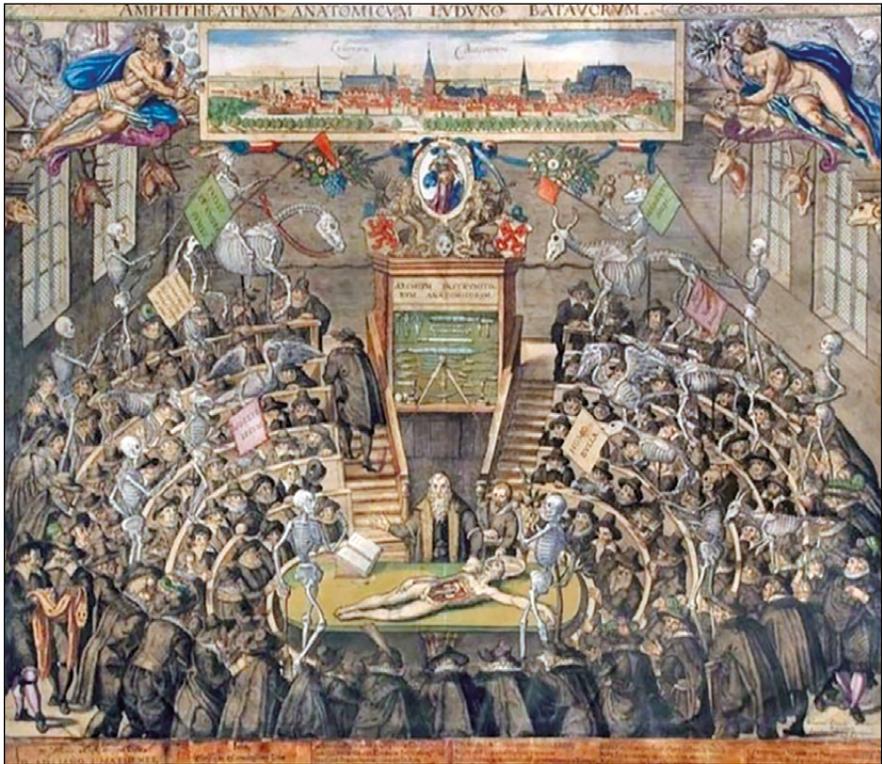

Рис. 3. Бартоломеус Додео. Цветная медная пластина Анатомического театра Лейденского университета, 1609 г.

струментом приращения знаний, но и социокультурным механизмом, отображающим переход к рационально-эмпирической методологии.

Следующий, XVII в. радикально изменил отношение к телесной организации человека: она уже не столько воплощает божественный замысел, сколько репрезентирует субъективность единства внешних черт, эмоциональных состояний и социально обусловленных поведенческих паттернов. Это стало благодатной почвой для расцвета портретного искусства. Художники, отказавшись от идеализированных образов Возрождения, стремились запечатлеть всю сложность и противоречивость человеческой природы. Искусство фокусируется уже не на стандартах красоты, а на индивидуальных особенностях, на всем, что позволяет передать неповторимую личность изображаемого.

В Нидерландах это столетие характеризуется формированием уникальной художественной системы, адаптировавшей палитру ценностей бюргерского общества к жанровой диверсификации живописи. Особое место в ней занимали групповые портреты, представлявшие собой сложные социально-политические заявления (среди расцвета гильдий и цехов они стали важным инструментом обозначения статуса человека). Наше же специальное внимание принадлежит голландским групповым портретам, демонстрирующим уроки анатомии. Препарирование тел хотя и вызывало некоторые этические дискуссии, не смущало художников, ведь они считали растущий интерес к анатомии естественным условием постижения человеческой природы и развития медицины. Эти картины — оригинальный синтез искусства и науки, служащий доказательством повсеместного проникновения исследовательского подхода в культуру и общество того времени. Иконографический анализ здесь позволяет увидеть трансформацию восприятия человеческого тела: от сакрализованного объекта к научному феномену.

Рис. 4. Михил Янс ван Миревелт. Урок анатомии доктора Уильяма Ван дер Меера, 1617 г.

Малоизвестным, но весьма значимым произведением на рассматриваемую в статье тему является картина Михила Янс ван Миревелта (1566–1641) под названием «Урок анатомии доктора Уильяма Ван дер Меера». Это произведение (рис. 4) ярко отражает дух времени и развитие медицинской науки. Предшествуя знаменитым «анатомическим урокам» Рембрандта, картина демонстрирует институционализацию медицинского знания.

Групп, расположенный в композиционном эпицентре со вскрытой брюшной полостью, трактуется как визуальная доминанта, акцентирующая переход от созерцательной натурфилософии к эмпирическому изучению внутреннего. Точность в изображении органов соответствует везалианским принципам анатомической иллюстрации. Фигуры медиков круговой композицией образуют ученое сообщество. Их взгляды, направленные на зрителя, символизируют диалог с обществом. Доминирование охристых тонов подчеркивает дидактическую функцию произведения, минимизируя эмоциональную нагрузку в пользу объективирующего повествования. Картина ван Миревелта представляет групповой портрет не только как жанр репрезентации, но и как инструмент социокультурной коммуникации, где искусство выступает медиатором между научной рациональностью и общественным сознанием.

Ключевая картина эпохи на тему вскрытий — «Урок анатомии доктора Тульпа», написанная Рембрандтом Харменсом ван Рейном (1606–1669). Это полотно (рис. 5) по праву считается революционным в своем жанре. Созданное в период расцвета голландского золотого века, оно утверждает новую модель визуализации научного знания. В отличие от предшествующих работ, где акцент делается на статичной иерархии фигур, Рембрандт воспроизводит динамику коллективного познания. Центральный объект — не изолированный труп, а увлеченный процессом диссекции коллектив. Диагональное расположение фигур, объединенных ритмом жестов и взглядов, формирует нарратив интеллектуального взаимодействия.

Отказ от фронтальной ориентации лиц в пользу их погруженности в действие проистекает, очевидно, из концептуального решения художника приоритизировать представление достоинств эмпирического метода над репрезентацией статусов героев картины. Выбор Тульпом руки в качестве предмета изучения нетипичен для того времени и, вероятно, был дидактическим (позволяющим участникам урока ознакомиться со сложной структурой кисти). Отметим также, что прежде художники

Рис. 5. Рембрандт Хармес ван Рейн. Урок анатомии доктора Тульпа, 1632 г.

прятали лица трупов за другими фигурами или предметами. Рембрандт же лишь затемнил половину головы тенью. Столь смелая для эпохи визуализация публичной диссекции внесла ощутимый вклад в дестигматизацию анатомической науки в глазах общества.

Фламандец Франс Денис (1610–1670) создал уникальный для региона живописный пример визуализации анатомической практики (рис. 6). Нейтральные, направленные на зрителей полотна взгляды присутствующих при процедуре, приглушенная охристо-серая палитра не представляют исключительного интереса, все так же подчеркивая научно-педагогическую функцию подобного произведения как документа. Однако один из участников мероприятия (предположительно, в нем художник изобразил себя) выделяется одеждой и позой и, в отличие от остальных, отдает поклон (скорее всего, в знак уважения покойнику как представителю человеческого рода).

Рис. 6. Франс Денис. Урок анатомии доктора Йоханнеса ван Бюйтена, 1648 г.

Такое отношение к умершему и его трупу наглядно отражает дуализм эпохи, сочетающий механистическое восприятие организма с гуманистической этикой: тело наделяется свойствами и объекта (бездушного образца для препарирования), и субъекта (останков человека, априори вызывающего почтение). В целом картина Дениса вбирает в себя широкие культурные и мировоззренческие изменения, происходившие в современном ей обществе, и акцентирует внимание на научном интересе и светской морали в неменьшей степени, чем на художественной выразительности, что делает данное произведение очень важным не только для искусства, но и для истории культуры.

Вскрытия новорожденных в XVII в. еще были редким явлением (особенно по сравнению со вскрытиями тел казненных). Однако в живописи встречается и такой сюжет — на картине «Урок анатомии доктора Фредерика Рюйша», написанной Яном ван Неком (1634–1714). В центре полотна (рис. 7) лежит мертвый новорожденный со вскрытой брюшной полостью. Вокруг стола собраны члены гильдии хирургов, изу-

чающие анатомию тела. Среди них и мальчик, держащий детский скелет, что символизирует передачу медицинских знаний и интереса к науке от поколения к поколению.

В упомянутый период исследования трупы новорожденных имели важное значение для изучения человеческой природы, развития медицинских практик и совершенствования понимания здоровья и болезней (в том числе взрослых), что в конечном итоге положительно сказалось на прогрессе медицины в целом.

Этические нормы в рассматриваемую эпоху формировались под стержневым влиянием философии Фрэнсиса Бэкона, основоположника эмпиризма. Историческое время характеризовалось стремлением к масштабным научным открытиям, что было невозможно без активного внедрения экспериментальных методов. Опыт выступал в качестве основы и цели научного познания. Эмпирические исследования обеспечивали необходимый материал для теоретических обобщений и новых концепций, а без экспериментального подтверждения любое умозрительное предположение сохраняло статус гипотезы, не приобретая значения научного факта.

Рис. 7. Ян ван Нек. Урок анатомии доктора Фредерика Рюйша, 1670 г.

Рис. 8. Жак Фабьен д'Агоги. Вскрытие беременной женщины, 1764/5 г.

Разработка более эффективных методов лечения требовала проведения аутопсий, что трансформировало этические представления о теле человека. Особенно заметно это в сравнении с предшествующим Возрождением, когда влияние церкви и ее догматов только начало ослабевать.

Философия эпохи Просвещения явила собой поле битвы между двумя мощными идеологиями: деизмом и атеизмом, каждое из которых по-своему рационализировало миропонимание, освобождая его от факторов традиционной религиозной практики. Деизм обычно трактуется как компромисс между христианской верой и принятием разума в роли главного источника познания. Деисты считали Бога первопричиной всего сущего, но трансцендентной, навсегда подчинившей развитие своих созданий естественным законам, а не проявлениям абсолютной воли. Само собой, любой теологический догматизм они отвергали (в том числе иррациональное в верованиях). Элиминировав сакральный компонент из объяснения природных процессов, это философское направление сконструировало религиозную модель, свободную от суеверий и совместимую с научной парадигмой, базирующейся на принципах каузальности и детерминизма. Атеизм же онтологический статус Бога отрицал, а религию понимал как исторически обусловленный социокультурный

феномен (зигждущийся на страхах, невежестве, мистификациях). В атеизме его последователи видели надежный фундамент для построения общества рациональности, светской этики и свободы от теоретических иллюзий [2].

Альбомы беспрецедентно детализированных рисунков французского анатома Жака Фабьена д'Аготи (1717–1785) — яркий пример синтеза художественной визуализации и научного исследования в период становления медицины. Изображение беременной женщины, демонстрирующее матку с плодом (*рис. 8*), свидетельствует о радикальном отходе от средневековых табу, связанных с женским телом, секуляризации науки и антропоцентризме доминирующих воззрений. Новый для тогдашней анатомической иллюстрации сюжет указывает и на интерес к акушерству и перинатальной медицине, актуализированный реформами в здравоохранении. Бурное развитие науки и распространение материалистических идей позволили завершить переход от сакрализирующего восприятия тела к его позиционированию как объекта эмпирического изучения. И представленная композиция, лишённая аллегорических и религиозных элементов, отчетливо репрезентирует это обмирщение.

Среди картин XIX в. характерным в контексте темы статьи артефактом выступает «Вскрытие в Отель-дье» (*рис. 9*) французского живописца Анри Жерве (1852–1929). В свойственной себе манере динамичного мазка и драматического светотеневого контраста Жерве преподносит повседневность процедуры вскрытия, не предполагающей никаких анатомических тайн, что объективно отражает массовое отношение к ней в позднее Новое время. Мертвое человеческое тело здесь — неотъемлемый элемент исследования, которое нужно осуществить в соответствии с социально-правовыми нормами.

Полотно испанского художника Энрике Симоне (1866–1927) «Анатомия сердца» («У нее было сердце!») тоже не демонстрирует мастерство анатома и детализацию вскрытых полостей — оно (*рис. 10*) фокусируется на сюжетности и передаче трагедийного пафоса смерти молодой женщины (предположительно проститутки). Рыжие волосы, контрастирующие с бледной кожей, символизируют оборвавшуюся страсть души, а пожилой врач — будто невольный свидетель последнего акта маргинальной жизни девушки. В отличие от множества живописных произведений об аутопсии, здесь анатомическая процедура выступает скорее не медицинским процессом, а метафорической фигурой, эмоционально воздействующей на зрителя.

Рис. 9. Анри Жерве. Вскрытие в Отель-Дье, 1876 г.

Рис. 10. Эрике Симоне. Анатомия сердца, 1890 г.

Само изображение девушки из низших слоев общества в таком контексте было смелым поступком, ведь моральным считалось осуждение подобных ей, но никак не сочувствие. Получается, что вкупе с изящным телом Симоне на полотне вскрывает (делает явным) и социальный статус покойницы, и ее личный рок, и хрупкость жизни, и повсеместность смерти, и единство общества многообразного неравенства перед извечными философско-антропологическими темами. Художник-гуманист убеждает, что даже за экзотическим фасадом бывает спрятана интимная история бедствия и угнетения, переполненная естественными человеческими чувствами.

Именно эта специфическая глубина отводит картине особое место в истории искусства. Для нас же важно обратить внимание, как к концу Нового времени совершенно стираются прежние акценты в изобразительной репрезентации аутопсии и полотна начинают содержать другие, не сводимые к одному и тому же концепту смысмы. А сопутствует этому развитию важнейший исторический переход — главной задачей вскрытия становится определение причины смерти конкретного человека.

Наконец, картины немецкого деятеля искусства Петера Вайса (1916–1982) представляют собой выразительную интерпретацию темы вскрытия уже в Новейшее время. Живописные работы (*рис. 11 и 12*)

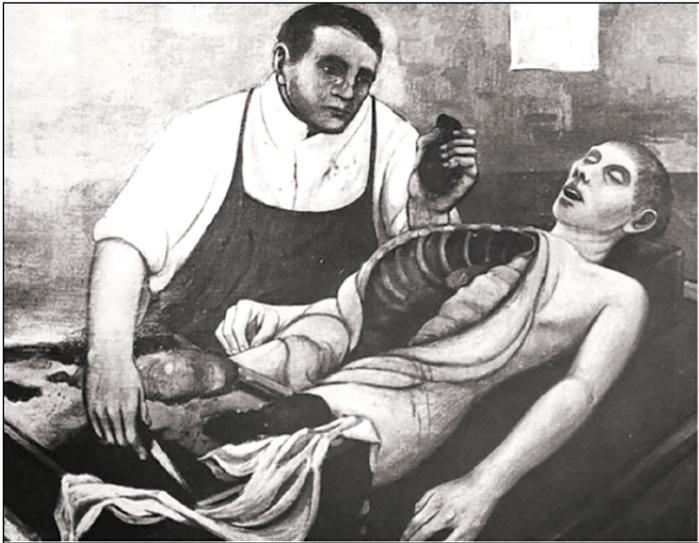

Рис. 11. Петер Вайс. Вскрытие, фотография картины, 1944 г.

Рис. 12. Петер Вайс. Анатомия, 1946 г.

не получили столь широкой известности, как его литература, однако являются хорошим примером демонстрации первостепенной черты искусства середины XX в. — рефлексивности относительно масштабных военно-политических катастроф. Созданные на закате Второй мировой войны изображения органично вплетаются в колоссальный набор свидетельств творческого переживания коллективных и индивидуальных трагедий человечества.

Здесь привычная нейтральность анатомической процедуры и науки в целом характеризуется уже в качестве чего-то слепо безразличного к людям и, похоже, очень опасного. Отрешенность и решительность грубых лиц анатомов на рассматриваемых полотнах вызывают пугающие ассоциации с временами, когда вмешательства в тела осуществлялись для причинения страданий и трансляции жестокости возмездия. В то же время такие интонации отсылают к множественным фактам XX в., когда благоговение перед наукой (даже медициной) исчезло, обернувшись экзистенциальным отчаянием и поиском новых фундаментальных ценностей. В этом смысле упомянутые произведения Вайса функционируют как элементы дискурса памяти, где эстетические средства синтезируют и передают травматический опыт поколений.

Проведенный нами анализ показывает, как развитие анатомической науки было связано с культурными, религиозными и философскими трансформациями общества. Эпоха Возрождения с ее гуманистическими идеалами попрали средневековые табу вокруг процедуры вскрытия, а деятельность таких ученых, как Леонардо да Винчи и Андреас Везалий, заложила методологические основы анатомии, утвердив исключительный авторитет прямого наблюдения и систематизации знаний. В раннее Новое время искусство сыграло роль медиатора между наукой и обществом, легитимируя исследования трупа через визуальную репрезентацию этой практики. Групповые портреты уроков анатомии отражали историческую десакрализацию тела и превращение его в научный объект. Эти произведения также подчеркивали коллективный характер медицинского познания и преодоление сословных границ ради поиска истин об окружающем мире. Период Просвещения завершил секуляризацию науки и этически обосновал аутопсию, связав потребность в ней с эффектом, оказываемым на медицинский и социальный прогресс. Однако общественная реальность в последующие века (вплоть до наших дней) свидетельствует о все еще неполном исчезновении предрассудков и страхов вокруг патологоанатомии, о сохранении архаичных форм отношения к ней.

Таким образом, отражение в изобразительном искусстве исторического развития представлений о мертвом человеческом теле и его анатомическом исследовании достаточно репрезентативно и позволяет отследить и осмыслить сложный, длившийся столетиями путь от табуирования к юридическому закреплению различных аспектов этой темы. Данное развитие не только привело к формированию основ современной медицины, но и через элементы культурного наследия стало маркером и символом распространения в обществе гуманистических принципов, в русле которых познание анатомии соответствует как научным и здравоохранительным, так и этическим ориентирам.

Использованная литература:

1. Головки Ю. Е. Страх смерти или страх жизни? // Молодой ученый. 2024. № 9. С. 143–145.
2. Шерниязов И. М. Различия диалектической связи между религией и философией // Экономика и социум. 2021. № 6. С. 598–600.
3. Сорокина Т. С. История медицины : учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений. 9-е изд., стер. М. : Академия, 2009. 560 с.
4. Дьяченко О. Н. Конституирование человеческой личности в эпоху патристики // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1. С. 33–36.

Emila A. SOLOVYOVA,

student, Kuban State Medical University, Krasnodar, Russia,
solovevaemilia66@gmail.com

Petr V. NAZARETYAN,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Assistant, Department of Philosophy, Kuban State Medical University, Krasnodar, Russia,
krrmagnit@mail.ru

Reflection of the Historical Development of Religious and Philosophical Attitudes Towards Anatomical Autopsies on the Example of Paintings from Different Eras

The article is devoted to the development of the perception of autopsy in the context of major cultural, religious and philosophical transformations that took place during the XV–XX centuries. The authors use paintings (including those

by major authors) as empirical material, which provide a visual representation of this development. Thus, the author examines the overcoming of the taboo of autopsy determined by church dogmas, provided by scientific progress, the spread of humanistic ideas and secularization. The importance of figures whose visualizations of postmortem intervention in a human corpse helped to overcome centuries-old socio-cultural barriers is being established. Through the analysis of group portraits of anatomy lessons, the function of art as an intermediary between science and society is demonstrated, reflecting the gradual transition from absolute protection of the sacredness of the human body to its empirical objectification. Despite the comprehensive progress, as the article highlights, modern society still retains some fears and prejudices about medical autopsies.

Keywords: autopsy, pathological autopsy, dead body, history of anatomy, anatomical theater, secularization of science, history of medicine, desacralization of the body, public perception of death.

Е. С. Лаптев*

Советская опера в контексте концепций культурной динамики

В статье рассмотрена советская опера с методологических позиций культурной динамики. Проанализированы основные положения концепций культурной динамики, в частности сценарии и направления культурных заимствований, взаимоотношения культуры-донора и культуры-реципиента, особенности развития аграрной и индустриальной культур. Взгляд на советскую оперу с этих позиций позволил сделать вывод о том, что советская опера не возникла на пустом месте, а продолжила традицию дореволюционного оперного искусства, преобразовав его в соответствии с требованиями Нового времени. Показано, что советская опера развивалась в сложных условиях, испытывая действие объективных и субъективных факторов, что обусловило ее неоднозначность и двойственность. Тем не менее такой сложный и элитарный жанр искусства был успешно интегрирован в культурную жизнь советского государства.

Ключевые слова: советская опера, национальные оперные школы, культурные заимствования, концепция культурной динамики, концепция взаимодействия локальных культур, Э. Геллнер, эволюционизм, диффузионизм.

* ЛАПТЕВ Елисей Сергеевич, кандидат культурологии, преподаватель кафедры вокального искусства и оперной подготовки Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, Москва, Россия, rabociy-korrespondent@yandex.ru.

Опера — особенно сложный жанр в искусстве, с одной стороны, подчиняющийся общим закономерностям, а с другой, имеющий тенденцию консервации певческих приемов, что стало основой формирования разных национальных оперных школ. Национальная школа пения состоит как из вокально-технологических принципов, так и опирается на особенности психологического склада нации, истоки ее музыкальной культуры, особенности исторического развития. В соответствии с ними в истории мировой оперы различают итальянскую, немецкую, французскую, английскую и другие оперные школы. В России опера появилась позже западных стран, тем не менее это искусство было адекватно воспринято российским обществом, культура оперного пения «прижилась» на национальной почве и получила дальнейшее развитие. Благодаря творческому гению М. И. Глинки, П. И. Чайковского, А. С. Даргомыжского, М. П. Мусоргского, А. П. Бородина, Н. А. Римского-Корсакова и других композиторов русская оперная школа заняла свое достойное место.

Но в послереволюционный период перед оперой были поставлены новые задачи. Не растеряв традиций дореволюционного оперного искусства, была сделана попытка уловить соответствие моменту, переживаемому страной. Она, как и все виды и жанры искусства того времени, должна была содействовать реализации положений государственной культурной политики, стать средством идеологической пропаганды, содействовать повышению культурного уровня советских людей, зачастую не имевших опыта знакомства с образцами высокого искусства.

Путь, пройденный советской оперой, довольно подробно рассмотрен в фундаментальных трудах авторов советского периода Б. В. Асафьева [1], В. В. Ванслова [3], А. А. Гозенпуда [6]. В постсоветский период к этой проблематике обращались А. А. Баева [2], Е. С. Власова [4], М. Г. Раку [10] и др. Но становление советской оперы проходило в сложных и неоднозначных условиях, в которых тесно переплелись объективные и субъективные факторы. Выявить закономерности в становлении советского искусства может помочь концепция культурной динамики, позволяющая рассмотреть советскую оперу как закономерное явление в движении единого цивилизационного процесса.

Объектом исследования в статье стал феномен советской оперы, предметом — факторы, обусловившие появление и оказавшие наибольшее влияние на ее становление. Цель данной работы заключается

в попытке выявить объективные закономерности в развитии советской оперы на фоне мирового оперного искусства.

Общий рисунок развития оперного жанра, его зарождение в недрах одной культуры и распространение, трансформацию в других является показательным примером действия принципа культурной динамики, раскрываемого в трудах Л. Н. Гумилёва [7], А. Дж. Тойнби [11], Э. Геллнера [5], С. Н. Иконниковой [8] и других авторов.

Поскольку в основе современной цивилизации лежит принцип многообразия культур, находящихся в постоянной взаимосвязи друг с другом, территориально разделенные друг от друга локальные культурные образования не замкнуты, а распространяют свое влияние на другие участки пространства и ведут постоянный взаимообмен достижениями в технике, науке, искусстве и т. д.

Первой попыткой теоретически осмыслить влияние процессов взаимодействия культур на культурную динамику, осуществить анализ пространственно-временных характеристик культуры считается концепция диффузионизма. В отличие от концепции эволюционизма, сторонники которой считали происходящие в каждой культуре изменения продуктами ее собственной исторической эволюции, доказывалось, что обогащение и развитие одной культуры лежат через усвоение элементов другой культуры. Однако это не исключало также и действия непосредственно внутренних механизмов культурной эволюции — прежде чем распространиться в другие пространства культур, любое культурное явление должно возникнуть, что с необходимостью предполагает его эволюцию. Чуть позже, уже в середине XX в., на эту закономерность стали обращать более пристальное внимание, видя в обращении к ценностям других культур залог развития, обновления и обогащения собственной культуры. В настоящее время эта концепция в разных сочетаниях тенденций эволюционизма и диффузионизма лежит в основе культурной антропологии, исследующей пути распространения культурного влияния на локальные культурные образования.

Рисунок распространения влияния ценностей одной культуры на другую весьма сложный. В географическом плане он рассматривается как влияние на соседствующие локальные культуры и на достаточно территориально отдаленные. В историческом плане — как влияние на локальные культуры, параллельно сосуществующие в одном историческом времени, так и влияние на локальные культуры в будущих временных отрезках. В качественном плане принято различать такие

характеристики культурного влияния, как скорость передачи ценностей, степень полноты их усвоения представителями другой культуры, характер переработки элементов культурного опыта, в результате чего можно наблюдать прямые культурные заимствования и разного рода их диффузные формы.

Эта концепция позволяет разделить локальные культуры на культуры-доноры и культуры-реципиенты. Причем культура-реципиент «принимает» от культуры-донора не все подряд, а лишь то, что отвечает внутренним потребностям данного народа в данный исторический период, что свидетельствует о наличии внутри локального культурного образования механизма селективного отбора. Отбирается прежде всего то, что является близким и понятным собственной культуре, собственному народу, что поднимает его престиж, позволяет продвинуться вверх по ступенькам прогресса и дает преимущество перед другими народами.

Этот механизм может быть целенаправленным, сознательным либо стихийным. При стихийных формах процесс идет медленно, но новшество приживается надолго. Как правило, культурное новшество ложится на частично подготовленную почву. Такие заимствования специалисты считают более распространенным источником культурных изменений, чем их самозарождение, и относят их к мирному способу перенесения ценностей одной культуры на почву другой. Целенаправленный отбор предполагает, что в культуре-реципиенте должны существовать группы или силы, заинтересованные в перенесении чужого культурного опыта, готовые распространять, внедрять и защищать это культурное новшество. В истории также не редкость, когда организованное властными структурами распространение зарубежного культурного опыта принимает форму насильственного культурного внедрения. Осуществляется по-военному быстро, первое время эффективно, но держится недолго, поскольку трудно приживается на новой почве.

Часто то или иное культурное заимствование в составе культуры-реципиента начинает жить новой жизнью. Обогащение национальным колоритом придает своеобразие творческим проектам и формирует свою аудиторию, восприимчивую к одновременно привносимым извне веяниям и собственным выработанным в народе традициям. Этот сплав свидетельствует о том, что донорская «кровь» прижилась в ином организме. Например, оперный и балетный виды искусства — порождение западноевропейской культуры. Но в европоцентричных культурах,

в частности в дореволюционной России, они получили новый импульс к развитию и обрели новое дыхание.

Каждая цивилизация — это целостная система, представляющая собой комплекс экономических, политических, социальных и духовных подсистем, развивающихся на принципах саморегуляции и самовоспроизводства. Дальнейшее распространение культурных артефактов в обществе имеет два вектора движения: по горизонтали и по вертикали. Движение по вертикали можно охарактеризовать как создание сложных творческих продуктов для узкого слоя аудитории — элитарного искусства. Движение по горизонтали — это распространение духовных ценностей в их упрощенном варианте среди широких слоев населения. В традиционном обществе всегда существовала ярко выраженная символическая поляризация населения. Эти два полюса известный западный исследователь Э. Геллнер подразделил на культуру аграрную и культуру индустриальную, иными словами, культуру села и культуру города. Аграрная культура более традиционна, замкнута, с подозрением относится ко всем новшествам и с трудом их интегрирует. Аккумулируя в себе нефиксированные частицы знания и культурного опыта, передаваемые вербально, в виде глубинного уровня коллективного сознания, включая бессознательное, она тем самым формирует предрасположенность действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. И в данном случае именно аграрная культура выступает как хранитель традиции.

Индустриальная культура, наоборот, восприимчива ко всему новому, передовому, готова к культурным заимствованиям и горячо приветствует их. Индустриальную культуру создают профессионалы, в отличие от аграрной, которую создает народ. Из ее состава и со временем выкристаллизовывается «высокая» или «элитарная» культура. Проникновение образцов «высокой» культуры в средние и особенно низшие страты выступает свидетельством демократизации общества и говорит об уровне просвещения населения.

Все эти противоречия до предела были обнажены в России в предреволюционный период. На рубеже XIX–XX вв. давшая миру классические образцы литературы, искусства, философии и науки Россия в то же время являлась аграрной страной, три четверти населения которой были неграмотны. Она представляла собой противоречивое соединение двух типов культур — аграрной и индустриальной. В первые годы построения советского государства малограмотному крестьянству,

оторванному от земли и от своих корней, было сложно освоить элементы городской элитарной культуры. Но индустриализация постепенно отвоёвывала позицию за позицией, изменяя городскую среду и традиционный уклад российской глубинки. Это было сложно, тем не менее российская культура и российское искусство сумели сохранить свой духовный потенциал, переосмыслить западный опыт, насытив его национальным колоритом, и создать на его основе творческие шедевры. А талант и творческий потенциал россиян были так велики, что даже в условиях, когда традиционные жанры в культурах-донорах консервируются и затухают, наша страна смогла дать им новую жизнь.

Таким образом, философские концепции историко-культурного развития общества, составляющие методологическую платформу для исследования феномена советской оперы, рассмотренные выше, позволяют объяснить многие сложные проблемы, имевшие место в ее историческом прошлом, охарактеризовать ее специфику и показать ее перспективы. В частности, концепция взаимодействия локальных культур и культурной диффузии дает понимание того, что советская опера не возникла на пустом месте, а продолжила традицию дореволюционного оперного искусства, преобразовав его в соответствии с требованиями Нового времени.

Но в то же время феномен советской оперы довольно сложный и неоднозначный. Ее специфика проявляется в некоторой двойственности:

- с одной стороны, в опоре на традиции мирового и русского дореволюционного оперного искусства, а с другой стороны, в их отрицании и попытке создания новой оперы, созвучной требованиям эпохи и условиям советской действительности;
- с одной стороны, в тяготении к европейскому стилю, с его упорядоченностью ритмического рисунка, темпами, тембрами, мелодическими оборотами, ориентированными на рациональное восприятие слушателем, а с другой стороны, к восточным национально-ориентированным формам с присущими им ладовым строением звукоряда, метроритмической основой и импровизационностью композиционной структуры;
- с одной стороны, в адаптации к условиям идеологической цензуры в стремлении преобразовать совокупность требований творческого метода соцреализма к оперному творчеству

и следовать им, а с другой стороны, выйти за его узкие рамки в свободный поиск нового музыкального языка выразительных средств;

- с одной стороны, в поиске нового героя, выразившего собой эпоху, а с другой стороны, в опоре на традиционные сюжеты, легенды, сказки, эпос, классические литературные произведения;
- с одной стороны, в ее элитарности как наиболее сложного вида искусства, адресованного подготовленной аудитории, обладающей навыком постижения сложных музыкальных форм, а с другой стороны, ориентацией на массовую аудиторию, в связи с чем в музыкальный материал вводились народные песни, частушки, городской романс и т. д.;
- с одной стороны, в доминировании пропагандистского пафоса, а с другой стороны, в глубоком знании исторических реалий, тонком воссоздании художественных нюансов человеческих отношений, творческих находках.

Тем не менее советская опера стала своего рода феноменом, отличающимся глубиной философского мировоззренческого обобщения, опирающимся на отечественную и мировую классическую литературу, адресованным думающей, высокообразованной, творчески мыслящей аудитории. А советское оперное наследие, отражая процессы, происходившие в отечественной музыкальной жизни, выступает уникальным свидетельством творческого самовыражения эпохи.

Использованная литература:

1. *Асафьев Б. В.* Об опере. Избранные статьи. М. : Музыка, Ленинградское отд., 1976. 336 с.
2. *Баева А. А.* Опера // История современной отечественной музыки. Вып. 3: 1960–1990. М. : Музыка, 2001. С. 186–255.
3. *Ванслов В. В.* Опера и ее сценическое воплощение. М. : Всерос. театральное об-во, 1963. 256 с.
4. *Власова Е. С.* Советская классическая опера: идеи и реалии // Научный вестник Московской консерватории. 2020. № 4. С. 102–131.
5. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 794 с.
6. *Гозенпуд А. А.* Русский советский оперный театр: 1917–1941. Очерк истории. Л. : Гос. муз. изд-во, 1963. 440 с.

7. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Мишель и Ко, 1993. 512 с.
8. Иконникова С. Н. Информационная цивилизация и инерция сознания // Человек в информационном пространстве цивилизации: культура, религия, образование : сб. матер. междунар. науч. конф. (Краснодар — Новороссийск, 19–21 сентября 2000 г.). Краснодар : Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств ; М. : Московский гос. ун-т культуры и искусств, 2000. С. 31–34.
9. Полякова Л. В. Советская опера. М. : Сов. композитор, 1968. 80 с.
10. Раку М. Г. Поиски советской идентичности в музыкальной культуре 1930–1940-х гг.: лиризация дискурса // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 184–203.
11. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991. 731 с.

Yelisey S. LAPTEV,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art),
Lecturer, Department of Vocal Art and Opera Training,
Moscow State Institute of Music, Moscow, Russia,
rabociy-korrespondent@yandex.ru

Soviet Opera in the Context of Concepts of Cultural Dynamics

This article examines Soviet opera from the methodological perspective of cultural dynamics. The main tenets of cultural dynamics concepts are analyzed, including the scenarios and directions of cultural borrowing, the relationship between donor and recipient cultures, and the development of agrarian and industrial cultures. This approach to Soviet opera allows us to conclude that Soviet opera did not emerge from nothing, but rather continued the tradition of pre-revolutionary opera, transforming it in accordance with the demands of modern times. It is shown that Soviet opera developed under complex conditions, experiencing the influence of objective and subjective factors, which led to its ambiguity and duality. Nevertheless, this complex and elite artistic genre was successfully integrated into the cultural life of the Soviet state.

Keywords: Soviet opera, national opera schools, cultural borrowings, concept of cultural dynamics, concept of local cultural interaction, E. Gellner, evolutionism, diffusionism.

*В. Ш. Жачемук**

Радио в культурно-историческом контексте XX–XXI веков: типология научных подходов

В статье выявляются основные научные подходы, применяемые при исследовании радио как медийного ресурса общества. Изучение этой темы обусловлено усилением интереса аналитиков к радио в связи с его возрастающей ролью в социуме как средств массовой коммуникации (СМК). Основываясь на объективности и опираясь на принципы историко-культурного и структурно-функционального анализа, диахронического метода культурологии, были обобщены материалы по различным вопросам изучения радио. Выявлены научные подходы и методы исследования с практической точки зрения для возможности культурологического исследования регионального радио.

Ключевые слова: радио, медиа, СМК, история радио, региональное радио, государственное радио, интернет-радио.

Современное информационное общество в процессе своего развития внедряет новые технологии в средства массовой коммуникации (СМК), тем самым расширяя и формируя вокруг себя информационные ресурсы, обеспечивающие его функционирование. Инновационные формы трансляции и обмена информационными потоками (Интернет, спутниковая связь) на какое-то время отодвинули традиционные средства коммуникации — радио и телевидение — на второй план. Однако в последнее время отставание радио в рейтинге популярности среди средств массовой информации (СМИ) стало заметно преодолевать. В связи с этим усилился научный интерес к проблеме роли радио в социально-культурной системе различных сообществ — территориальных, этнических, политических, религиозных и пр. Рассмотреть научные подходы к теме радио представляется актуальным, так как само радио постоянно развивается и увеличивает свое влияние на социум.

Подтверждением актуальности выбранной темы служит значительное число опубликованных научных статей, монографий и учебных пособий. В их числе исследования по истории возникновения и развития региональных электронных средств массовой информации, анализ

* ЖАЧЕМУК Вячеслав Шумафович, младший научный сотрудник научно-образовательного центра гуманитарных инициатив Майкопского государственного технологического университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, vyacheslav_zhachemuk@mail.ru.

структуры и содержания новых форм радиовещания, их типологический анализ. Например, И. В. Литвиненко [12] в своей научной работе рассмотрела историю развития радиовещания московских радиоканалов в интернет-пространстве, свойства, которыми обладали мультимедийные сайты, а также анализировала изменения в подаче материалов в связи с использованием радиостанциями возможностей Интернета. Л. И. Ермоленко [8] подвергла анализу дискурсивные практики радио, которые сформировались в результате появления новых социокультурных реальностей и развития мультимедийных технологий. В итоге исследователь пришла к выводу, что социокультурные и технологические трансформации привели к изменению ценностных ориентиров в радиовещании в сторону развлекательных, социализирующих и гедонистических функций, которые в свою очередь вызвали изменения в тематике и жанре радиотекстов, формах коммуникации с радиослушателями. О. В. Пинчук [17], исследуя в комплексе детское интернет-радиовещание как отдельную структуру в рамках всей системы средств массовой коммуникации, классифицировала его признаки, проанализировала аудиторию и отметила проблемные направления теоретического и практического характера. Целью исследования Е. А. Стрельниковой [19] стало интерактивное вещание регионального радио, в рамках которого она выявила механизмы, способствующие функционированию интерактивного радиовещания. В то же время к исследованию регионального радио и телевидения О. Я. Гайдучок [5] подошла с исторической точки зрения. Она обозначила этапы развития регионального телерадиовещания в период с 1946 по 1991 г., выделила основные направления политики государства в отношении СМИ и проанализировала их влияние на различные стороны государственной и общественной жизни исследуемого периода. Изучение научных трудов показывает, что исследований по данной проблематике достаточно много. Однако в своем большинстве они имеют филологическую и историческую направленность. При этом отсутствуют исследования социологической и культурологической направленности.

Целью данной статьи стало выявление основных научных подходов к исследованию радио как медийного ресурса общества. При этом решались такие задачи, как изучение научных публикаций, касающихся радио как СМК за последние два десятилетия, выявление основных направлений исследований по критерию предметной области исследования, определение типологии научных подходов к исследованию радио

в социально-гуманитарном аспекте, выявление эффективных методов для новых исследований в сфере радио как социокультурного института. Основной предмет исследования — типология научных подходов к анализу радио как социокультурного института.

Научная новизна проведенного анализа состоит в обобщении новейшего материала по вопросам изучения радио и выявлении типологии научных подходов для последующих исследований.

Проведенное исследование основывается на объективности и опоре на методы историко-культурного и структурно-функционального анализа, диахроническом методе культурологии.

Эмпирическими источниками для статьи стали научные работы, размещенные в базах научного цитирования РИНЦ за последние 20 лет.

Ознакомившись с достаточной частью материалов по теме радио, мы выявили типологию, относящуюся к их содержанию и другим аспектам. Заметим, что самые первые публикации о радио рассматривали его исключительно как техническое изобретение и не касались вопросов гуманитарного свойства. Одно из первых изданий такого рода — большой справочник радиолобителя В. Н. Листова 1930 г. выпуска [11]. Очевидно, в тот период потребность в технической литературе по теме радио была велика, вследствие чего в 1936 г. была выпущена книга С. П. Чумакова, который адресовал ее начинающим радиолобителям, конструирующим радиоприемники кустарным способом [20]. Следующим значительным техническим изданием по теме радио был труд коллектива авторов «Основы радио и электроники» (1962) [14]. В современный период продолжают публиковаться работы специалистов в области радиоэлектроники, но количественно они значительно уступают трудам ученых, которые рассматривают радиовещание как функцию радио в качестве социального института, удовлетворяющего базовую потребность человечества в получении информации.

Большой сегмент статей о радио как средстве массовой информации занимают материалы исторического плана, в которых освещается путь становления конкретных радиостанций общегосударственного и регионального масштабов. Пожалуй, наибольший интерес вызывают публикации о местных радиостанциях, так как они дают возможность делать сравнения, воспринимать новый опыт, просто узнавать свежую информацию о других регионах. Так, например, в статье О. Е. Видной и А. И. Иванова представлена история Тамбовского радио [3, с. 149–157]. Авторы составили периодизацию развития тамбовского радиовещания,

которая включила 9 периодов, характеризующихся изменениями в работе радиостанции в зависимости от политических, технологических, экономических причин. Исследователи пришли к выводу, что Тамбовское радио представляет организацию СМИ, имеющую специфические региональные особенности, при этом ее деятельность находится в соответствии с тенденциями общегосударственного информационного пространства.

Автор О. А. Спиридонова посвятила свою статью 90-летию создания окружного радио Югры (Ханты-Мансийский автономный округ) [18, с. 253–263]. Она проследила историю радиовещания начиная с 1920 г., когда только созревали планы построить радиотелеграфные станции в регионе. На основе исследования архивных документов О. А. Спиридонова установила, что 25 февраля 1932 г. впервые в радиорепродукторах Югры прозвучали слова диктора: «Говорит окружная радиогазета». В статье подробно описываются события, связанные с работой радиостанции, упоминаются имена работников, внесших заметный вклад в развитие местного радио, определяется его роль в годы Великой Отечественной войны, прослеживается динамика технического усовершенствования вещания. Несмотря на то, что в статье не представлены какие-либо типологические или классификационные аспекты истории радио Югры, обилие представленных фотографий, документов правительственных постановлений ярко воссоздают достижения и проблемы деятельности вещательной станции.

Представленные примеры научных публикаций являются лишь малой частью материалов на тему истории радиовещания. Можно также указать таких авторов, как Д. К. Первых [15, с. 104–115], Е. В. Петренко [16, с. 135–144], исследовавших историю радио Крыма и Твери соответственно. Также стоит упомянуть монографию О. А. Гречухина, в которой он, помимо исторических вопросов, освещает теоретические аспекты радиовещания, например свойства, обуславливающие привлекательность радио в сравнении с другими видами СМИ, структуру и особенности современного радиовещания [6].

К разряду теоретических можно отнести работу Н. А. Гааг, в которой, наряду с историческими моментами, раскрывается вопрос о специфике изобразительно-выразительных средств радиопередач [4, с. 122–132]. В частности, автор в качестве одного из жанров радио анализирует радиотеатр, определяет его способность вызывать сильные образно-эмоциональные впечатления у слушателей. Рассматривая кате-

горию художественного образа применительно к радио, исследователь обращает внимание, что в задачи радиожурналистов и всего творческого коллектива — режиссера, звукорежиссера, актеров — входит умение правильно подобрать и соединить необходимые элементы художественной образности. По справедливому мнению этого автора, в литературно-художественном вещании выразительные средства подразделяются на два типа. К первому относятся природные (натуральные) элементы, включающие исходный звуковой материал: речь, музыка, естественные шумы. Более важен для создания образа и ощущения целостности художественного текста радиоспектакля второй тип элементов, включающий смысловые аспекты использования совокупности натуральных элементов — паузы, изменения тембра и интонаций речи, сочетание слов с шумовыми и музыкальными наложениями и пр. Автор указывает, что сегодня использование всего арсенала художественной выразительности можно встретить также в лучших передачах публицистического плана, но его основные приемы были отточены именно в сфере радиотеатра.

К работам теоретического характера относятся также статьи, посвященные отдельным жанрам радиовещания. Исследователь А. А. Болтаевский рассматривает роль детского радиовещания в отечественном радио [1, с. 11–16]. Он указывает на то, что по политико-экономическим причинам в 1990-е гг. детское радио, находящееся до того времени на высоком уровне профессионализма и востребованности аудитории, было почти уничтожено. При этом власти в сфере СМИ не учитывали того факта, что детское радиовещание выполняло наиважнейшие функции в ходе социализации подрастающего поколения: воспитательную, эстетическую, образовательную. Сегодня детское радио постепенно расширяет свои границы, однако до уровня 1980-х гг. ему еще очень далеко. Чаще всего детские передачи транслируются в режиме ток-шоу, а радиопостановки спектаклей, в том числе и из золотого фонда советского радио, полностью отсутствуют. Не всегда программы направлены на отдельные возрастные группы детей.

К исследованиям жанровой наполненности регионального радиовещания можно отнести статью Н. Х. Емыковой [7, с. 85–89]. Она воссоздает историю создания русскими композиторами музыки в этнической адыгской стилистике и ее продвижение посредством радиозэфира. По материалам местных газет автор реконструирует формы радиоконцертов, передаваемых в праздничные дни, которые строились как последовательность музыкальных произведений классического и народного

репертуара, перемежавшихся короткими политическими выступлениями руководителей советской и партийной власти. В печати выражалась благодарность руководству радиокomiteта за включение в программу адыгской фольклорной музыки, переложенной для симфонического оркестра, и за объявленный конкурс на лучшую обработку фольклорных и создание новых адыгейских песен. Такая связка радио и национальной музыки несомненно была полезна обеим сторонам: радио завоевывало признательность публики национальных меньшинств, а музыканты получали импульс для своего дальнейшего профессионального развития.

Заметными публикациями о радио являются статьи исторического свойства, но с акцентом на идеологические аспекты его функционирования. Примечательна в их ряду работа С. В. Виватенко и О. В. Баева, в которой рассказывается, как эффективно использовали радиопропаганду деятели нацистской Германии на территории Франции в годы Второй мировой войны [2, с. 21–25]. Организовав диверсионные радиостанции, работающие под личиной Французской коммунистической партии («Юманите» и «Голос мира»), нацисты посредством массовой дезинформации смогли посеять панику среди населения Парижа, сломить волю к борьбе, что явилось одним из факторов капитуляции и выхода из войны Французской Республики. Бесчеловечность и лживость вещания «Юманите» основывались на выверенном знании человеческой психологии, особенности менталитета разных слоев общества, дозированном использовании достоверной информации, чтобы вызвать инстинктивное доверие слушателей.

В сегодняшней ситуации обострения политического противостояния стран Запада и России при доступности информационных ресурсов из любого уголка Земли необходимо понимать и оценивать риски враждебного влияния западной пропаганды для национальной безопасности нашей страны. При этом отечественное радио может использовать весь спектр средств для пропаганды собственных государственных политических, идеологических, культурных целей как среди граждан России, так и на международном уровне.

С распространением интернет-вещания и дальнейшим развитием онлайн-радио появились и теоретические исследования, посвященные этому направлению. В своей статье об истории появления и развития интернет-радио В. А. Колодкин одним из первых отнес интернет-радиовещание к новому средству массовой коммуникации, возникшему в результате развития новых информационных технологий [10, с. 190–

196]. Автор сделал акцент на историческом аспекте возникновения интернет-радио в России и в мире, связав его с развитием технических средств передачи данных в сети Интернет. Как считает В. А. Колодкин, прообразом первого интернет-радио стала медиаплатформа, созданная известным американским экспертом по информационным технологиям Карлом Маламудом в апреле 1993 г. Эта медиаплатформа не обладала функциями интерактивного взаимодействия с посетителями ресурса, зато на ней были размещены ссылки на звуковые файлы с различными программами, которые можно было прослушать или скачать для прослушивания. Однако подобные сайты, по замечанию В. А. Колодкина, лишь отдаленно напоминали онлайн-радио, так как отсутствовал основной его признак — потоковая передача данных в режиме реального времени. Дальнейший успех и популярность онлайн-радио В. А. Колодкин связал с основными техническими решениями, которые позволили ему стать полноценным средством массовой коммуникации. Это переход на широкополосный доступ в Интернет, увеличение скорости и объемов передачи данных, повышение качества звука, появление функции хранения данных уже прошедших в трансляции программ, что позволило сделать онлайн-радио доступным и привлекательным для рядовых потребителей.

Как отмечает В. А. Колодкин, отличительной особенностью онлайн-радио в России, которое начало развиваться в нашей стране с 1996 г., стало то, что первые медиасайты разрабатывались и запускались уже существующими крупными профессиональными радиостанциями, которые дублировали в Интернет свое основное эфирное радиовещание, тогда как в мире первые эксперименты с онлайн-радио проводили студенты и непрофессиональные радиожурналисты.

Техническую возможность открыть интернет-радио как профессиональными радиостанциями, так и обычными интернет-пользователями аналитик Н. Г. Нестерова относит к признаку потери фактора институциональности радио. Однако это не единственные изменения, которые проявились по мере развития новых интернет-технологий и радиовещания в Сети. В своей статье об онлайн-радиовещании Н. Г. Нестерова утверждает, что интернет-радио — это медиа, которое по мере своего развития начало формировать новые приемы и способы работы с информацией и целевой аудиторией [13, с. 20–24]. К этому выводу автор пришла, проанализировав медиасайты радиостанций и материалы опроса профессиональных радиожурналистов и радиослушателей.

К новым дискурсивным практикам, появившимся благодаря интернет-вещанию, Н. Нестерова относит следующие: совмещение посредством технических возможностей Интернета аудио, видео и текста для воздействия на слушателя; формирование гипертекста; тесная интеграция медиасайта с социальными сетями через фото- и видеосредства для более широкого распространения информации. В то же время, по мнению автора, исчезла линейность и одномоментность информации, которую слушатель онлайн-радио мог просмотреть или прослушать в любой последовательности и в удобное для себя время. Все эти изменения, с точки зрения автора и опрошенных радиожурналистов, повышают мультимедийность сайта и расширяют возможности интерактивного взаимодействия со слушателями онлайн-радио и пользователями Интернета. Прошедшее с момента написания статьи время подтверждает, что новые практики, появившиеся с возникновением и развитием интернет-радио, получили дальнейшее развитие и стали основными инструментами функционирования медиасайтов радиостанций. При этом онлайн-радио не только не стало конкурентом традиционному радио, а заняло свою нишу в современной повседневности, поддерживая интерес к радио как к отдельному средству массовой коммуникации.

Современный автор И. И. Карпенко провела комплексное научное исследование интернет-радиостанций, изучив влияние функций Интернета на особенности радиовещания в Сети. Среди новых тенденций, вызванных влиянием Интернета, исследователь отметила усиление коммуникации со слушателями, использование свойств различных масс-медиа в подаче материалов, гипертекст, появление нового жанра аудиоматериала — подкастинга. Эти тренды, по мнению И. Карпенко, вызвали в свою очередь изменения в экономической и организационной политике станций. В своей работе она анализирует основные научные подходы к изучению понятия конвергенции и формулирует главные признаки онлайн-СМИ. Рассматривая характеристики подкастинга, И. Карпенко останавливается на таких его чертах, как вариативность информации и быстрое распространение, потенциально высокий охват аудитории, самостоятельный выбор слушателем интересующей темы, которые делают подкастинг абсолютно интерактивным. Исследователь считает возможным расширить существующие параметры анализа типологии радиостанций, присутствующих в Интернете, и выделяет три их типа: радиостанции, которые размещают на своем сайте только аудио-

файлы без онлайн-вещания; те, которые имеют одновременно онлайн- и офлайн-вещание, а также радиостанции, ведущие только онлайн-вещание [9, с. 15].

Проведенный анализ публикаций по теме радио позволяет выявить типологию научных подходов. По содержательному критерию они представлены работами, построенными на основе исторического, культурологического и социологического методов, а также с опорой на теорию журналистики. По критерию объекта исследования публикации затрагивают следующие системные элементы: радио как техническое изобретение, исторически существующие и современные радиостанции, радио государственного и регионального уровня. В вопросах изучения способов взаимодействия деятелей в сфере радио рассматриваются радиостанции с традиционной формой вещания и представительство радиостанций в интернет-пространстве. Все типы научных подходов возможно применять для комплексного изучения радио конкретного региона и радио как глобального института массовой коммуникации. При культурологическом исследовании регионального радио в Адыгее с учетом того, что на его контент, форму подачи и способы коммуникации оказывают воздействие меняющиеся социокультурная среда и интернет-технологии, необходимо изучение тематического и жанрового наполнения радиовещания, которое отражает специфику региона и определяет роль и место радио в регионе, а также деятельность радио в Интернете и социальных сетях, через которые развиваются новые формы доставки информации и способы коммуникации со слушателями радио и пользователями соцсетей. Особенности двуязычного радиовещания в полиэтничном регионе позволяют также применить подход по изучению аудитории с точки зрения ее структуры. Эти подходы дадут возможность изучить тенденции, характерные для вещания регионального радио, проследить процессы возникновения и развития жанров, а также влияния СМК на социум, и наоборот.

Использованная литература:

1. *Болтаевский А. А.* К вопросу о роли детского радиовещания в истории отечественного радио // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сб. тр. междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 05–07 октября 2016 г.). Белгород : ИД «Белгород», 2022. С. 11–16.

2. *Виватенко С. В., Баев О. В.* Из истории пропагандистской борьбы в годы Второй мировой войны на Западном фронте. Радио «Юманите» // *Общество. Среда. Развитие.* 2024. № 3. С. 21–25.
3. *Видная О. Е., Иванов А. И.* Тамбовское радио: от проводных точек доступа до интернет-вещания // *Неофилология.* 2024. Т. 10, № 1. С. 149–157.
4. *Гааг Н. А.* История радио: развитие собственных специфических изобразительно-выразительных средств // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика.* 2013. № 2. С. 122–132.
5. *Гайдучок О. Я.* История развития радио и телевидения Тюменской области: 1946–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Тюмень, 2007. 277 с.
6. *Гречухин О. А.* Радио России: история создания и сегодняшний день. М. : Лаборатория книги, 2012. 102 с.
7. *Емыкова Н. Х.* Создание «новой адыгейской музыки» русскими композиторами в 20–30-е гг. XX в. в контексте истории Адыгейского радио // *Славянский мир на Северо-Западном Кавказе : сб. ст. X науч. чтений, посвящ. Дню славянской письменности и культуры (Майкоп, 19 мая 2017 г.).* Майкоп : АРИГИ имени Т. М. Керашева, 2017. С. 85–99.
8. *Ермоленкина Л. И.* Дискурсивная картина мира современного радио : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Томск, 2021. 37 с.
9. *Карпенко И. И.* Радиовещание в Интернете: теория, типология, специфика журналистской деятельности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. Воронеж, 2009. 23 с.
10. *Колодкин В. А.* Основные этапы в истории возникновения и развития интернет-радио // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки.* 2014. № 4. С. 190–196.
11. *Листов В. Н.* Справочник радиолюбителя. 700 вопросов и ответов. 4-е изд., испр. и знач. доп. Л. : Academia, 1930. 422 с.
12. *Литвиненко И. В.* Радио в мультимедийной среде: специфика функционирования (на примере радиостанций московского РМ-диапазона в 2009–2014 гг.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. М., 2015. 441 с.
13. *Нестерова Н. Г.* Интернет-радио как новый тип медиа и основа новых дискурсивных практик // *Вестник Томского государственного университета.* 2013. № 376. С. 20–24.
14. *Основы радио и электроники / ред. В. Л. Эверитт.* М. : Всесоюз. учеб.-педагог. изд-во, 1962. 808 с.

15. *Первых Д. К.* Крымское радио 1990–2000-х гг.: история, хронология, люди // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9, № 3. С. 104–115.
16. *Петренко Е. В.* Из истории тверского радио // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2023. № 1. С. 135–144.
17. *Пинчук О. В.* Специфика детского интернет-радио как СМИ с точки зрения его аудитории, структурно-содержательных компонентов, типологических характеристик : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. Воронеж, 2015. 162 с.
18. *Спиридонова О. А.* Из истории радиовещания в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. К 90-летию создания окружного радио // Архивы Урала. 2022. № 26. С. 253–263.
19. *Стрельникова Е. А.* Интерактивное вещание на региональном радио (на примере Оренбургской области) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. М., 2007. 181 с.
20. *Чумаков С. П.* Путь в радио / под ред. С. Э. Хайкина. М. : Гос. изд-во по вопросам радио, 1936. 216 с.

Vyacheslav Sh. ZHACHEMUK,

Junior Researcher, Scientific and Educational Center for Humanitarian Initiatives, Maykop State Technological University, Maykop, Republic of Adygea, Russia, vyacheslav_zhachemuk@mail.ru

**Radio in the Cultural
and Historical Context of the 20th and 21st Centuries:
A Typology of Scientific Approaches**

The paper identifies the main scientific approaches used in the study of radio as a media resource of society. The study of this topic is due to the increased interest of analysts in radio with its growing role in society as a means of mass communication. Based on objectivity and on the principles of historical-cultural and structural-functional analysis, on the diachronic method for cultural studies, materials on various issues of the study of radio were summarized. Scientific approaches and research methods have been identified from a practical point of view for the possibility of cultural research of regional radio.

Keywords: radio, media, means of mass communication, history of radio, regional radio, state radio, Internet radio.

С. В. Бошук*

Сравнительный анализ художественных образов творческого деятеля в советском и голливудском кино (1945–1990 годы)

Статья посвящена сопоставлению художественных образов творческого деятеля в советском и голливудском кинематографе в послевоенный период. Целью статьи является выявление различий и общих сторон в отображении указанными кинематографическими школами образа творческих деятелей в отношении их самооценки, ментальных стереотипов, доминирующей мотивации, поведенческих норм и т. д. Выделены критерии отбора фильмов для проводимого исследования, разработана методика проведения сравнительного анализа, перечислены и рассмотрены на примерах ряда фильмов виды конфликтов с участием творческих деятелей. На основании описания выявленных конфликтов проведено сравнение художественных образов творческих деятелей в советском и американском кинематографе указанного периода (1945–1990), сделаны выводы о схожести и установлены различия подходов к отображению художественных образов двух кинематографических школ.

Ключевые слова: кинематограф, советское кино, голливудское кино, творческий деятель, художественный образ, выразительные средства, конфликт, типаж героя.

Отечественные и зарубежные кинематографисты, плотно работающие с артистами, композиторами, художниками, хорошо знающие творческую среду и царящие в ней нравы, довольно часто стремятся раскрыть ее особенности в сюжетах художественных фильмов. Богатый жизненный опыт, предоставивший им возможность лицезреть в реальной жизни разные варианты жизненного пути, перипетии судьбы, взлеты и падения разных творческих деятелей, позволяет детально воплотить их образ кинематографическими средствами. Такие фильмы особенно любимы зрителями. В будничной рутине жизни, свойственной большей части населения, обычно нет места тем страстям, что бушуют за кулисами. А погружение в иллюзорный мир, создаваемый средствами кинематографа, дает возможность прикоснуться к чему-то далекому и скрытому от посторонних глаз. Кроме того, кинематографисты могут выразить образ творческого деятеля широкой палитрой ярких художе-

* БОШУК Сергей Викторович, соискатель Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, sergeyboshuk2006@rambler.ru.

ственных приемов с включением музыкальных, вокальных, сценических фрагментов, что повышает популярность фильма у зрителей.

С момента появления кинематографа жизненный путь творческого деятеля был в центре сюжета множества фильмов. Но кинематографические школы, которые сложились в разных странах и в разных исторических условиях, по-своему подходят к раскрытию его художественного образа. Особенно выпукло проявляются эти различия в фильмах, созданных кинематографистами, принадлежащих в первую очередь нашей отечественной, советской и, с другой стороны, голливудской кинематографическим школам. Эти различия закономерны, ведь СССР и США на момент работы над рассматриваемыми творческими проектами представляли собой две разные цивилизации, по сути — антагонистические, со своей историей, культурой, экономическими реалиями, идеологической направленностью. Состояние «холодной войны», в котором пребывали социалистическая Россия и капиталистическая Америка после окончания Второй мировой войны, обусловило принципиальные расхождения, в том числе в устремлениях людей, в их мотивации, поступках, природе конфликтов. Но в то же время публичность, которая неразрывно связана с творческой деятельностью, формирует у творцов, независимо от страны проживания, специфическое мировосприятие. Обусловленное их стремлением к успеху, к самореализации, к признанию у публики, оно является глубоко личностным качеством и не зависит от организации социума и исторических условий. И это обстоятельство сближает позиции кинематографистов в отображении художественного образа творческого деятеля.

Любое творчество характеризуется поиском новых и оригинальных средств выражения замысла автора. Зачастую он остро переживает их ограниченность, свою неспособность создать что-то новое, что подталкивает к вторичности, к использованию неких клише, созданных ранее. Такое взаимовлияние характерно для всех видов искусства, не является исключением и кинематограф. Из фильма в фильм кочуют похожие сюжеты, образы, расхожие фразы. Голливуд, бывший по праву долгое время законодателем мод в кинематографии, оказывал на многие европейские национальные кинематографические школы масштабное влияние своими творческими находками. И это не всегда было благом. Ведь кинематограф с самого своего возникновения не только развлекает, но и отражает общественную жизнь, выражает умонастроения эпохи; основной идеей, поступками персонажей он формирует некие

ценности, т. е. служит действенным инструментом влияния на массовое сознание людей. И внедрение в ткань повествования фильма чужих, а иногда и диаметрально противоположных менталитету и устремлениям большинства граждан образцов поведения и мышления способствует расшатыванию традиционных устоев. Необходимость отстаивания собственного культурного приоритета особую важность приобретает в моменты идеологического противостояния, что свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы.

Объектом рассмотрения в статье выступает кинематограф послевоенной эпохи (с 1945 по 1990 г.). Предметом является сравнительный анализ художественных образов творческих деятелей, представленных в советской и голливудской кинематографии. Цель статьи заключается в выявлении различий и общих сторон в отображении указанными кинематографическими школами образа творческих деятелей в отношении их самооценки, ментальных стереотипов, доминирующей мотивации, поведенческих норм и т. д. Сравнение характера отображения художественных образов творческих деятелей на примере отдельных кинофильмов отечественного и американского кинопроизводства позволяет:

- показать культурные различия двух обществ;
- рассмотреть разные типы творческих деятелей, выявить их общую психологическую основу;
- проанализировать характер и разработать типологию конфликтов творческого деятеля, определяющих его судьбу.

В отечественных культурологии и искусствоведении достаточно активно велись исследования в области отечественной и зарубежной кинематографии. Феномен художественного образа в кинематографе изучали Ж. Делёз [3], В. Н. Ждан [4], Я. Л. Варшавский [2], Л. А. Зайцева [6], Е. П. Загданский [5], В. С. Лутаенко [7] и др. Социальные стереотипы, определяющие восприятие киноперсонажей зрителями, исследовали В. А. Свенцицкая, Ч. А. Шакеева, С. А. Шеин, В. Ф. Петренко, В. С. Собкин и др. Но в такой постановке вопроса, которая сформулирована в качестве предмета исследования, печатных работ автором не обнаружено.

Фильмов, как отечественных, так и американских, в которых так или иначе фигурировал бы в сюжете какой-либо творческий деятель, много. В отборе для анализа мы руководствовались следующими позициями:

- 1) фильм должен быть создан в период с 1945 по 1990 г.;
- 2) главным героем фильма должен быть реальный или вымышленный творческий деятель из сферы искусства;
- 3) в центре сюжета должны быть сложности жизненного и профессионального пути этого творческого деятеля, возможно, в окружении других творческих деятелей, с которыми он находится в непростых взаимоотношениях.

Различия художественных образов творческих деятелей были рассмотрены на примере 18 советских и голливудских фильмов. Из них 9 советских — «Обыкновенный человек» (1956, режиссер А. Столбов), «Старшая сестра» (1966, Г. Натансон), «Карнавал» (1981, Т. Лиознова), «Мы из джаза» (1983, К. Шахназаров), «Успех» (1984, К. Худяков), «Зимний вечер в Гаграх» (1985, К. Шахназаров), «Артистка из Грибова» (1988, Л. Квинихидзе), «Моя морячка» (1990, Г. Эйрамджан), «Сукины дети» (1990, Л. Филатов), и 9 голливудских — «Потерянный уик-энд» (1945, режиссер Б. Уайлдер), «Хэнговер-сквер» (1945, Д. Брам), «Бульвар Сансет» (1950, Б. Уайлдер), «Всё о Еве» (1950, Д. Манкевич), «Звезда» (1952, С. Хейслер), «Жажда жизни» (1956, В. Минелли), «Что случилось с Бэби Джейн?» (1962, Р. Олдрич), «Премьера» (1977, Д. Кассаветис), «Весь этот джаз» (1979, Б. Фосс).

Сравнительный анализ образа творческого деятеля осуществлялся по двум критериям:

- 1) поиск общего в отображении творческого деятеля, представленного в советских и голливудских фильмах: в наличии таланта и трудолюбия, веры в свое предназначение; в стремлении к творческому успеху и признанию; в психологическом портрете творческого деятеля, его личностных качествах, включая неадекватную самооценку, провоцирующую профессиональную деформацию;

- 2) установление различий: в менталитете и характере отечественных и зарубежных творческих деятелей; в исторических условиях и окружающей творческого деятеля обстановке; в природе конфликта творческого деятеля со средой; в приемах и традициях кинематографического отображения, принятого рассматриваемыми кинематографическими школами.

В центре всех сюжетов кинофильмов лежит сценарный конфликт, который заключается в столкновении противоречивых интересов двух и более персонажей, отдельных групп или масштабных человеческих сообществ, а также персонажа с самим собой, персонажа и внешних

обстоятельств [1, с. 30–34]. Мы выявили ряд конфликтов, характерных для фильмов о творческих личностях. Среди них:

- конфликт на этапе становления творческой личности, который условно можно назвать «мечта разбивается о реальность»;
- конфликт непонимания и недооценки дарования творческой личности окружающей ее средой;
- конфликт звезды с окружающими ее людьми, или, условно, «соперничество за лидерство»;
- внутренний психологический конфликт человека, направленный против самого себя;
- внутренний конфликт героя с собственным возрастом, старением и потерей известности;
- конфликт «столичные нравы в творческой среде против провинциальных».

С момента появления кинематографа излюбленной темой были сюжеты, связанные со становлением творческого деятеля, когда в начале своего творческого пути он пытается найти свое место в искусстве, через многочисленные объективные препятствия, зависть и происки недоброжелателей добиться успеха. Это не всегда ему удается. На основе конфликта под условным названием «мечта разбивается о реальность» построены сценарии многих фильмов, прежде всего советских: «Карнавал», «Артистка из Грибова», «Старшая сестра», «Моя морячка» и др.

Тысячи абитуриентов штурмовали приемные комиссии театральных учебных заведений, но лишь единицы добивались успеха. Эти фильмы показывали жизнь начинающего творческого деятеля как она есть, без прикрас и со всеми сложностями и личными неурядицами, сопровождающими процесс избавления от ненужных иллюзий. Так, главная героиня фильма «Карнавал» Нина не может с первого раза поступить в театральный институт («говор не тот»). Она занимается произношением, работая дворником, но в итоге разочаровывается в столичных нравах и уезжает домой ни с чем. И лишь в конце нам показывают Нину, которая достигла успеха на сцене — однако, возможно, это чудо произошло лишь в ее воображении. Аналогичной невнятной сценой заканчивается и советский фильм «Моя морячка». Одна из героинь фильма «Старшая сестра» Лида также отказывается от своей мечты.

Но финал мог быть и иным. В советском фильме «Мы из джаза» показан другой вариант итога конфликта творческой личности с окружающей ее средой. Фильм посвящен творческому пути начинающей

джазовой группы в ту эпоху, когда джаз считался буржуазным явлением и был под запретом. Любителю джаза, музыкальному романтику Косте Иванову пришлось пробиваться с боем к своей мечте. Несмотря на все преграды, неувязки, комические моменты, группа выходит на большую сцену, получает известность. Но при этом ни у кого из музыкантов нет звездных замашек, они все рефлексирующие люди и к успеху пришли благодаря своему таланту, трудолюбию и упорству.

В голливудском представлении, наоборот, во многих фильмах прослеживается мысль, что для успеха нужно пренебречь моральными нормами, а артистом должна двигать жажда денег и власти. В фильме «Всё о Еве» показана молодая актриса, притворяющаяся скромной, но желающая сместить своего кумира — опытную и звездную Марго. Фильм демонстрирует нравы того времени, опирающиеся на патриархальный тип общества. Чтобы выступать и блистать, женщине нужно уметь нравиться мужчинам, от которых зависят ее успех и карьера. Ева, пользуясь своей внешней привлекательностью, играет на чужих слабостях, лицемерит, демонстрирует готовность в полном смысле выражения «идти по головам» для достижения собственной цели. И она ее достигает, хотя в последних эпизодах мелькает уже другая любительница славы и денег, готовая пойти на все, чтобы занять ее место.

Во многих художественных фильмах, отражающих художественный образ творческого деятеля, особое место занимает показ межличностных конфликтов, связанных с непониманием окружающими его творческого метода, недооценкой его таланта, когда он вынужден в одиночку противостоять враждебно настроенной среде. Так, в советском кинофильме «Успех» показано столкновение столичного режиссера Фетисова с директором провинциального театра, пригласившим его поставить пьесу, но впоследствии шокированным его приемами и методами, вызвавшими раздор в труппе. В центре сюжета стоял вопрос, как далеко может зайти режиссер в своих действиях для достижения успеха постановки? Насколько его методы находятся в рамках моральных норм? На что он готов пойти? Как оказалось — на многое. Весьма показателен в этом плане эпизод его диалога с высокомерной актрисой Арсеньевой, перед которой он не побоялся встать на колени.

Проблематика противостояния окружающей среде в наиболее гротескной форме показана в фильме Л. Филатова «Сукины дети». Сюжет фильма построен на реальных событиях — актеры театра на Таганке отказываются свидетельствовать против своего художественного руко-

водителя. Бунт актеров в фильме оборачивается объявлением, что театр закроют и всех их уволят, на что они реагируют еще более решительно — объявляют голодовку, грозятся поджечь себя и требуют вернуть их руководителю гражданство. Конфликт с окружающей средой оборачивается конфликтом с государственной системой, в котором победителей нет — все оказываются проигравшими.

Такие конфликты творцов с государством не свойственны голливудскому кинематографу. Гораздо больше фильмов посвящено внутриличностным конфликтам творческого деятеля. Жизнь творческого деятеля, артиста в широком смысле этого слова, далеко не всегда окрашена в светлые тона. Она острая, неровная, динамичная и непредсказуемая, изобилует взлетами и падениями, а если ему и удастся искупаться в лучах славы, то нести ее бремя оказывается очень непросто. Некоторые творческие деятели отмечены трагичной судьбой, остро испытывали чувство одиночества, оставались «не поняты», усугубляли свое состояние вредными пристрастиями или просто «выгорали» ввиду высоких физических и эмоциональных нагрузок и стресса. Так, в центре фильма «Весь этот джаз» хореограф Джо Гидеон испытывает серьезный внутриличностный конфликт. Он сомневается в своем таланте, не может остаться наедине со своими мыслями, при этом ведет саморазрушающий образ жизни — курит, принимает наркотики, пьет таблетки. Трудоголизм Гидеона в сочетании с его болезненными пристрастиями ведет творца к неминуемой смерти.

Такие сюжеты, связанные с саморазрушением личности творческого деятеля, в кинематографе нередки. Саморазрушению могут подвергнуть себя как те творцы, кто со своей завышенной самооценкой (манией величия, звездной болезнью) и вседозволенностью дошел до крайней точки, так и те творческие личности с тонкой душевной организацией, высоким уровнем самокритичности, заниженной самооценкой, кому чужды все эти почести, кто предпочел бы остаться неизвестным, лишь бы сохранить свободу творчества и личное пространство. Саморазрушение личности на примере звездных артистов особенно становится очевидным в тех случаях, когда они лишаются всего того внимания, которое они получали на протяжении долгого времени. Этот тип сюжета кинофильмов, в котором преподносится печальный, а нередко трагический закат былой славы творческого деятеля, наиболее ярко выражен в голливудских лентах «Бульвар Сансет», «Звезда», «Премьера», «Что случилось с Бэби Джейн?» и др.

Так, в драме «Бульвар Сансет» показана неприглядная изнанка Голливуда — лицемерие, гедонизм, конформизм и другие пороки, а также отношение к утратившим актуальность актерам как к отработанному материалу. Главное препятствие фильма — испытание славой. Норма Дезмонд всячески поддерживает свое богемное существование, живет достижениями прошлого, и ее окружение также подпитывает иллюзии бывшей актрисы немого кино. Ее внутренний конфликт заключается в непринятии своего возраста и ушедшего времени ее славы, что приводит в конце концов к трагичному финалу.

Этот грустный сюжет по-своему интерпретируется в отечественной кинокартине «Зимний вечер в Гаграх». Главный герой — бывший ранее знаменитый чечеточник Алексей Беглов, время славы которого прошло, для всех зрителей он давно как будто бы умер, о чем даже ошибочно сообщает ведущий телепрограммы. О прошлом остается только вспоминать и оценивать все настоящее через призму ушедшего времени. Тем не менее он продолжает жить и работать, остается интеллигентным и порядочным человеком, честным и принципиальным, о чем свидетельствует его стычка с надменной актрисой Мельниковой, пораженной звездной болезнью. При том что, по сути, это грустный рассказ о человеке на закате жизни, у зрителей этот герой вызывает симпатию и уважение к его принципам.

Таким образом, подводя итоги анализа сюжетов советских и американских фильмов, посвященных отображению художественного образа творческого деятеля, можно выделить общие черты и весьма существенные различия. Общим является сама природа творчества, которая требует от субъектов большого напряжения сил, таланта, трудолюбия, веры в себя. Окружающая среда не всегда благоприятна к творцу, ему приходится преодолевать множество препятствий разного характера. Кроме того, человеческая природа неизменна, не зависит от места проживания. Неискоренимы такие ее проявления, как жажда славы, признание у публики, зависть к успеху других. Творческий деятель хочет быть востребованным, находиться на волне успеха, для него на кон поставлены карьера и благосостояние.

Но тем не менее, говоря о разнице в природе конфликта в советских и голливудских фильмах, следует отметить, что в американском кино на первый план выходит проблема острой конкуренции, подковерных интриг, психического здоровья артистов и сохранения их финансовой состоятельности. Ради этого герой должен уметь поступаться

своими принципами. Методы достижения успеха творческого деятеля в американском кино, помимо трудоголизма и поиска вдохновения, это лицемерие в творческой среде, умение играть по неписанным правилам, притворяться, завязывать нужные связи, демонстрировать вызывающее поведение, манерность. Мотивацией чаще всего выступают слава и деньги.

Наоборот, в центре конфликта творческого деятеля в советском кино находится проблема сохранения своего лица, принципов, следование общественному долгу. Герои в основном из народа, но интеллигентные, непосредственные, живущие своей мечтой, а не сверхценной задачей. Их конфликт заключается в противостоянии с не принимающей их желания средой, в них зачастую не верят, недооценивают.

В работе творческого деятеля в советских фильмах большое значение имеет то, насколько человек вписывается в государственную идеологию или планы своего руководства, т. е. внешний конфликт показан более выпукло, чем внутренний. Ему в его творчестве в большей степени противостоит окружение, чем он противостоит сам себе. А методы достижения успеха — это наличие таланта, профессиональных способностей, умение адаптироваться, желание реализовать свой талант, получить общественное признание.

Советские фильмы более позитивны и добры, чем голливудские. Творческий деятель показывается как простой живой человек, который может ошибаться, но в основном он добропорядочный гражданин советского общества, с юмором, чувством собственного достоинства, ориентированный на гуманизм, оптимизм и энергичность, без вредных привычек. Ему чужды упаднические настроения, депрессии, напротив, он обладает личным видением творческого процесса, собственным мнением и харизмой. Он верит в светлое будущее и работает на него.

Использованная литература:

1. *Ахметов К. С.* 125 лет кинодраматургии: от братьев Люмьер до братьев Нолан. М. : Альпина нон-фикшн, 2024. 464 с.
2. *Варшавский Я. Л.* Жизнь фильма. М. : Искусство, 1966. 218 с.
3. *Делёз Ж.* Кино / пер. с фр. Б. Скуратова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 560 с.
4. *Ждан В. Н.* Экран и образ (о природе киноискусства). М. : Знание, 1963. 48 с.

5. Загданский Е. П. От мысли к образу. Киев : Мистецтво, 1990. 161 с.
6. Зайцева Л. В. Образный язык кино. М. : Знание, 1965. 79 с.
7. Лутаенко В. С. Особенности художественно-образного отражения действительности в киноискусстве. Киев : [Б. и.], 1968. 18 с.

Sergei V. BOSHUK,

Applicant for an Academic Degree, Likhachev Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia, sergeyboshuk2006@rambler.ru

**A Comparative Analysis of Artistic Portrayals
of the Creative Figure in Soviet and Hollywood Cinema
(1945–1990)**

The paper is devoted to the comparison of artistic images of the creative figure in Soviet and Hollywood cinema in the post-war period. The purpose of the article is to identify differences and common sides in the representation of the image of creative figures by these two cinematographic schools in relation to self-esteem, mental stereotypes, dominant motivation, behavioral norms of creative figures. The criteria for selecting films for the study are highlighted, a methodology for comparative analysis is developed, the types of conflicts involving creative figures are listed and considered by using examples of a number of films. Based on the description of the identified conflicts, a comparison of artistic images of creative figures in Soviet and American cinema of the specified period (1945–1990) was carried out, conclusions were drawn about the similarity and differences in approaches to displaying artistic images of the two cinematographic schools were established.

Keywords: cinematography, Soviet cinema, Hollywood cinema, creative figure, artistic image, expressive means, conflict, type of hero.

К. М. Магомедов*, Т. И. Янгайкина**

Выставочная деятельность Союза художников Республики Дагестан и ее роль в формировании профессионального искусства***

В статье описывается роль выставочной деятельности Дагестанского регионального отделения Союза художников России как хранителя историко-культурного наследия Северного Кавказа. Представлены основные сведения по истории основания регионального отделения, описаны этапы его творческого и организационного становления. В настоящее время выставочный зал Союза является площадкой проведения различных мероприятий, направленных на развитие профессионального изобразительного искусства. Выставочная деятельность — это важнейший инструмент в развитии национального самосознания, национальной гордости и взаимодействия различных культур. Каждая выставка уникальна и неповторима, открывает обществу малоизученные страницы истории и культуры. В современных условиях выставочная деятельность Дагестанского отделения Союза художников занимает важное место в сохранении и развитии культурного многообразия, презентации исторических и культурных ценностей.

Ключевые слова: Дагестан, Союз художников, изобразительное искусство, выставочная деятельность, народные промыслы, персоналии.

Всероссийская творческая организация «Союз художников России» является старейшей в России творческой организацией профессиональных художников. «До настоящего времени ВТОО «СХР» остается одним из самых массовых творческих объединений художников в нашей стране. В его состав входят отделения во всех субъектах Российской Фе-

* МАГОМЕДОВ Курбанали Магомедович, действительный член Российской академии художеств, председатель Дагестанского регионального отделения Союза художников России, Махачкала, Республика Дагестан, Россия, doshr@yandex.ru.

** ЯНГАЙКИНА Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории информатизации отдела информационно-аналитического обеспечения исследований Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Республика Мордовия, Россия, sudakova2007@mail.ru.

*** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 162–163. DOI : 10.34685/NI.2024.26.33.004.

дерации, а также Санкт-Петербургский Союз художников (коллективное членство). Всего в составе СХР — более 14 тысяч мастеров всех видов искусства» [1].

Дагестанское региональное отделение Союза художников России в Махачкале возникло в условиях острой нехватки профессиональных художественных кадров. Союз художников в Дагестане был основан в 1936 г. при поддержке народных комиссаров, инициаторами создания Союза выступили Муэтдин-Араби Джемал, Аскар-Сарыджа, Дмитрий Капаницын, М. Юнусилау, Борис Смирнов (рис. 1). Первым председателем правления Союза стал талантливый живописец, выпускник Тбилисской академии художеств Муэтдин-Араби Джемал. Задача Союза — непосредственно осуществлять идейно-политическое воспитание художников, повышать их профессиональное мастерство. Уже в послевоенные годы в организацию начали вливаться новые силы, в основном представители русской художественной интеллигенции, по разным причинам оказавшиеся в Дагестане. Среди них: А. Августович, Г. Конопацкая, И. Афокина, Э. Асташев, В. Горьков, В. Горчаков, Д. Беспалов, А. Марковская, Б. Евсеев и др. Они активно включились в творческую жизнь Союза, выставлялись на проводимых художественных выставках. Рядом с ними активно работали Ю. Маллаев, М. Юнусилау, С. Салаватов и многие другие.

Достаточно важной вехой художественной жизни республики стал приезд весной 1941 г. в Махачкалу оргкомитета Союза художников СССР. 14 апреля президиум оргкомитета под председательством А. М. Герасимова заслушал сообщение о работе Дагестанского отделения Союза художников РСФСР, утвердил его состав, наметил ряд мероприятий, способствующих творческому росту его членов [4, л. 35]. Итогом этой встречи стало решение предоставить художникам творческие командировки в Москву для участия в конкурсах, конференциях, посвященных актуальным проблемам художественного искусства, привлечь ведущих живописцев и скульпторов Дагестана к участию во всесоюзных художественных выставках (рис. 2).

В 2016 г. Союз художников Дагестана отметил солидный юбилей — 80-летие. В честь праздника в выставочном зале организации открылась экспозиция, где представлено около 160 произведений в жанрах живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного и народного искусства. Мероприятие вызвало среди горожан большой интерес. Помимо художников и ценителей искусства, выставку посетили учащиеся

~~не~~ / подлежит обязательному опубликованию

КОМУ РАЗОСЛАНО _____

15

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР и Президиума
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

№ 46

"9" Марта 1936 года.

"Об организации Управления по делам искусств при
Совнаркоме Даг. АССР".

В соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 17-го января 1936 года "Об организации Всесоюзного Комитета по делам Искусств при СНК Союза ССР", - ПРЕЗИДИУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ДАССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1.-Образовать при Совете Народных Комиссаров ДАССР Управление по делам искусств, являющийся органом Всесоюзного Комитета по делам Искусств.-

2.-Возложить на Управление по делам Искусств при СНК ДАССР руководство всеми делами искусств, с подчинением ему театров и других зрелищных предприятий, кино организации, музыкальных, художественно-живописных, скульптурных и других учреждений по искусствам, в том числе: учебных заведений, подготавливающих кадры работников театра, кино, музыки и изобразительных искусств.-

3.-Предложить Управлению по делам искусств при СНК ДАССР войти в СНК ДАССР с проектом постановления о порядке передачи всех учреждений, указанных в пункте № 2, в ведение Управления по делам искусств при СНК ДАССР.-

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА ДАССР-

М. Далгат /М. ДАЛГАТ/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ДАССР-

К. Мамедбеков /К. МАМЕДБЕКОВ/

СЕКРЕТАРЬ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА ДАССР-

Гаджиев /ГАДЖИЕВ/

1 даг. Госпланом

(ик)

Рис. 1. Постановление Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР и Президиума Центрального исполнительного комитета от 9 марта 1936 г. № 46. Архив Дагестанского отделения Союза художников России

Рис. 2. Члены Дагестанского отделения Союза художников России, Махачкала, Республика Дагестан. Архив Дагестанского отделения Союза художников России

школ и вузов республики. Открывая мероприятие, председатель Союза художников Курбанали Магомедов заявил, что в организации на сегодняшний день состоит 176 мастеров, 10 из которых являются заслуженными художниками России.

В преддверии 90-летия Дагестанское отделение ВТОО «Союз художников России» на учете уже имеет 155 членов: живописцы, скульпторы, графики, мастера ДПИ и народного искусства, театрального искусства и искусствоведы, в их числе два народных художника России Г. Гейбатов, Г. Газимагомедов; девять заслуженных художников России; 20 народных художников Республики Дагестан; 65 заслуженных художников, заслуженных деятелей искусства, заслуженных работников культуры и образования Республики Дагестан; два академика и два члена-корреспондента Российской академии художеств; один Почетный член РАХ; семь лауреатов Государственной премии Дагестана; один лауреат премии Правительства России. Кроме того, семь членов Союза награждены орденом «За заслуги перед Республикой Дагестан».

Примечательно и то, что художники Дагестана работают во всех видах и жанрах изобразительного искусства, имея собственный творческий почерк, не растеряв при этом индивидуальности и личностных мировоззренческих качеств. Благодаря выставочной деятельности и ее роли в формировании профессионального художественного искусства посетители не только данного региона могут оценить созданные дагестанскими мастерами произведения искусства.

Несомненно, профессиональное художественное искусство решительно оказывает влияние на формирование культурного пространства, обеспечивающего непосредственный доступ к культурным ценностям и тем самым удовлетворяющего художественные, познавательные, ценностно-ориентировочные, коммуникативные, общественные потребно-

сти. Творческий потенциал и рост профессионалов недоступны без постоянного взаимодействия, контакта, обмена творческими проектами, чему в существенной степени способствовала выставочная деятельность Союза художников Дагестана.

Художники Союза всегда имеют возможность представлять свои творческие работы на общероссийских площадках, участвовать во всероссийских конкурсах. Всероссийский конкурс авторского ювелирного искусства, организованный в 2012 г., стал еще одним программным проектом Калининградского музея янтаря на пути к достижению цели, поставленной Правительством Калининградской области, — позиционировать Калининград как центр ювелирного и камнерезного искусства. Куратором конкурса по приглашению организаторов был председатель Дагестанского отделения ВТОО «Союз художников России», заслуженный художник РФ и РД, академик РАХ К. М. Магомедов. В его программу в качестве обязательных вошли три важные позиции: выставка-конкурс, позволяющая художникам представить свои работы на суд жюри — лучших специалистов страны, конференция и образовательная программа, дающая возможность студентам познакомиться с практиками известных российских художников, а также сопутствующие мероприятия — параллельная выставка, издание каталога и сборника материалов конференции. Во всех шести каталогах К. М. Магомедов является автором статей о каждом участнике своего Союза. «Для ювелиров Дагестана такие конкурсные ювелирные выставки с изданием иллюстрированного каталога имеют огромное значение, — отметил он. — Это еще одна возможность познакомиться с культурной средой других регионов нашей страны» [2, с. 78].

Под эгидой Союза проводятся общие региональные выставки: выставка самодельных мастеров декоративно-прикладного и народного искусства «Родники Дагестана» совместно с Домом народного творчества (62 участника, более 100 произведений). В 2023 г. Союз совместно с этнографическим музеем «Дагестанский аул» провели выставку к 100-летию великого поэта Расула Гамзатова «Дагестан Расула Гамзатова»; выездные выставки были проведены в Калининграде — межрегиональная художественная выставка-конкурс авторского ювелирного и камнерезного искусства «Кругосветное путешествие» (10 авторов представили 50 своих произведений); в Ростове-на-Дону — межрегиональная выставка «Юг России» (30 участников, более 38 своих произведений). Примечательна выставочная деятельность Союза в проведении детских выставок: «Выставка Каспийской детской художественной школы», «Юбилейная

выставка Махачкалинской детской художественной школы». Ежегодная выставка проходит в стенах выставочного зала «Республиканская молодежная и пленэрная выставка» (живопись, графика, скульптура, ДПИ, народное искусство, более 50 участников, свыше 100 произведений).

Славная традиция Союза художников ежегодно проводить выставки юбиляров года продолжает жить. Например, в 2023 г. творческое объединение отметило значимые даты достаточно большого числа своих коллег. Это хороший повод еще раз поговорить о страницах, вписанных в культурную летопись Дагестана известными мастерами декоративно-прикладного искусства, скульпторами, живописцами, графиками, искусствоведами, сценографами. К тому же такие коллективные выставки юбиляров позволяют широкой публике поближе познакомиться с творчеством наших мастеров. Богатое творчество представил художник и иллюстратор Ажу Качаев на суд зрителей в рамках персональной выставки «Стаффажу» в выставочном зале Союза художников Дагестана. Было выставлено около сотни работ в самых разных техниках и направлениях (графика и живопись, портреты и пейзажи), экспонировались и абстрактные картины.

Знаковым событием стала персональная юбилейная выставка «Мастерство и вдохновение» в сентябре 2023 г., приуроченная к 70-летию заслуженного художника-ювелира, академика РАХ К. М. Магомедова. В экспозиции были представлены ювелирные украшения, кинжалы и предметы сервировки. Вдохновение ювелир черпает из народного искусства. На его основе он создал десятки изделий и постепенно начал вносить в свои работы что-то уникальное, что подсказывало ему собственное чувство прекрасного.

Немаловажным фактом Союза художников республики является огромный опыт председателя в качестве модератора на научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». На этой научной платформе он каждый год является не только ведущим конференции «Народная художественная культура России: проблемы регионального взаимодействия», но и выступает с докладами, посвященными, в частности, творчеству художников Дагестана, выставочной деятельности Союза.

Отметим, Союз художников России и Российская академия художеств делают все зависящее для сохранения изобразительного искусства нашей многонациональной страны. Они поддерживают детские художественные школы, средние и высшие учебные заведения, организуют

вают различные выставки. Это имеет огромное значение. Члены Союза художников Дагестана умело сочетают свое творчество и педагогическую деятельность. Все направления изобразительного искусства развиваются, не довлея друг над другом, имея при этом огромный творческий потенциал. Все это дает основание в стремлении сохранить, развивать изобразительное искусство, тем более каждый год Союз пополняет ряды молодыми художниками. Значит, у нас есть будущее.

В заключение особо хочется подчеркнуть большое достижение Союза художников и его председателя — работу, направленную на восстановление статуса художника-ювелира, ликвидированного в 2015 г. Закон вступил в юридическую силу с 1 сентября 2024 г. Это даст возможность поддержать профессиональных художников, создающих высокохудожественные произведения.

Сегодня выставочная деятельность Союза художников и ее роль в формировании профессионального искусства осуществляются в сотрудничестве со всеми государственными музеями как в республике, так и в других регионах страны. Произведения художников Дагестана экспонируются на самых разных площадках России, вызывая неподдельный интерес у посетителей. Во все времена существования Союза ни одно значимое событие в городе и в республике не проходило без участия дагестанских художников. Ряды членов этой творческой организации сегодня пополняют талантливые выпускники Дагестанского художественного училища имени М. А. Джемала и художественно-графического факультета ДГПУ.

Использованная литература:

1. Историческая справка Союза художников России // Союз художников России [Сайт]. URL : <https://shr.su/about/istoricheskaya-spravka/> (дата обращения: 12.02.2025).
2. *Магомедов К. М.* Махачкала // Второй Всероссийский конкурс авторского ювелирного искусства в Калининграде : каталог выставки (20 июня — 31 июня 2014 г.). Калининград : Калининградский областной музей января, 2014. 234 с.
3. *Нагиева М. К.* Вклад российских художников в становление и развитие дагестанского изобразительного искусства в 20–30-е годы XX века // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5. С. 67–70.
4. ЦГАРД. Ф. Р-168. Оп. 20. Д. 146. Л. 11.

Kurbanali M. MAGOMEDOV,
Academician, Russian Academy of Arts, Chairman, Dagestan
Regional Branch, Union of Artists of Russia, Makhachkala,
Republic of Dagestan, Russia, doshr@yandex.ru

Tatyana I. YANGAIKINA,
Cand. Sci. (Languages of the Peoples of Russia), Senior Researcher,
Informatization Laboratory, Department for Information
and Analytical Support for Research, Research Institute for the
Humanities under the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia, sudakova2007@mail.ru

**Exhibition Activities of the Union of Artists of the Republic
of Dagestan and Its Role in the Development of Professional Art**

This article describes the role of the exhibition activities of the Dagestan Regional Branch of the Union of Artists of Russia as a custodian of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. It presents basic information on the founding of the regional branch and describes the stages of its creative and organizational development. Currently, the Union's exhibition hall hosts various events aimed at developing professional fine arts. Exhibition activities are a crucial tool in fostering national identity, national pride, and the interaction of different cultures. Each exhibition is unique and unrepeatably, revealing to society little-studied pages of history and culture. In today's environment, the exhibition activities of the Dagestan Branch of the Union of Artists play a vital role in preserving and developing cultural diversity and presenting historical and cultural values.

Keywords: Dagestan, Union of Artists, fine arts, exhibition activities, folk crafts, personalities.

РАЗДЕЛ 4

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ЯЗЫК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРЫ

*С. А. Кропачев**

Родные языки и языки межнационального общения в России 1920-х годов (по Всесоюзной переписи населения 1926 года)

Статья посвящена анализу языкового разнообразия России 1920-х гг. Автор исследует проблемы национальных языков и языков межнационального общения. В результате процессов ассимиляции и этнической интеграции количество родных языков сокращалось в пользу языков «больших» народов, в частности русского. Последний играл большую роль в качестве языка межнационального общения и второго языка. В ряде полиэтничных регионов он является средством общения не только разных этносов, но и представителей одного народа, имеющего многочисленные диалекты и наречия, значительно отличающиеся друг от друга. В статье анализируются языковые особенности прежде всего многонациональных районов — Поволжья, Северного Кавказа, Севера Европейской части, Сибири и Дальнего Востока. Родной язык («язык колыбели», «язык матери») является наряду с национальным самосознанием важнейшим признаком принадлежности к этносу. Сегодня в России созданы условия для возрождения, изучения

* КРОПАЧЕВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН, Москва, Россия, rektor@eipk.info.

и развития материнских языков. Даже малочисленные народы имеют возможность изучать родные языки, самобытную культуру, историю, обычаи, исповедовать традиционную религию.

Ключевые слова: Россия, РСФСР, 1920-е гг., родные языки, языки межнационального общения.

Владение родным языком является важнейшим признаком принадлежности к тому или иному этносу. В Российской Федерации 1920-х гг. проживало около 160 этносов [8, с. 54–116]. Языков существовало значительно меньше, около 120 [8, с. 123]. Это объясняется рядом причин. В стране активно шли процессы ассимиляции и этнической интеграции в пользу русского этноса, культуры и языка. Некоторые «малые» народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока забывали родной язык и общались на русском языке или языках соседних, более многочисленных народов. Присутствуют в материалах Переписи населения 1926 г. языки, которые являлись производными, формальными от названий этносов, хотя их не существовало в действительности. Например, нагайбакский язык. Нагайбаки разговаривают на говоре в составе среднего диалекта татарского языка. Еще один пример — в качестве самостоятельного в материалах Переписи 1926 г. приводится теленгетский язык, но теленгеты (теленгиты) говорили на южном диалекте алтайского языка.

Сокращение количества языков по отношению к количеству этносов было не единственной особенностью языкового многообразия России в 1920-е гг. Длительное проживание различных этносов в условиях полиэтничности на одной территории диктовало необходимость владения двумя или более языками. Это относится, прежде всего, к приграничным территориям, когда за административной или государственной границей проживали родственники, знакомые, партнеры по торговым сделкам, знать язык которых было жизненной необходимостью. Были веские причины, по которым представители ряда этносов указывали в качестве родного язык другой национальности. Это относится, прежде всего, к некоренным народам России: полякам, евреям, чехам, словакам, латышам, литовцам, болгарам, финнам, грекам и другим. Они приспособивались, адаптировались к той среде, в которой жили и работали. Хорошее знание, например русского, языка давало больше возможностей для получения среднего специального или высшего образования, устройства на квалифицированную работу, продвижения по карьерной лестнице и т. д. Но многие нетитульные народы

не забывали свои этнические корни, изучали родные языки, культуру, поддерживали традиционную религию. Например, у российских немцев до 1970-х гг. существовала традиция домашнего образования и изучения родного языка. Вот почему в 1926 г. 95 % этнических немцев России (767 тысяч) в качестве родного указали язык своей национальности [4, с. 34, 35].

Тенденция указывать (считать) родным язык другой национальности, например русский, продолжилась в последующие годы. В 1937–1938 гг. НКВД СССР были проведены одиннадцать национальных операций: «немецкая», «польская», «харбинская», «латышская», «греческая», «финская», «эстонская», «румынская», «иранская», «афганская», а также «смешанная» — по репрессированию агентов разведок Англии, Франции, Венгрии, США, Югославии, Болгарии и других стран [12, с. 5, 6]. Кроме того, в середине 1930-х гг. начинаются этнические упреждающие депортации, в ходе которых были насильственно переселены из приграничных районов финны, поляки, немцы, курды, иранцы. После присоединения к СССР Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины депортации по национальному и социальному признакам были продолжены.

«Национальные операции» и этнические депортации были направлены против выходцев из тех стран, которые, по мнению сталинского руководства, составляли враждебное окружение по периметру границ СССР (Польша, Латвия, Эстония, Финляндия) или чьи метрополии представляли явную или скрытую угрозу (Германия, Корея, Греция, Иран, Афганистан, Япония («харбинцы»)). В результате «национальных операций» и депортаций количество «подозрительных» народов сократилось. «Неправильная» национальность становилась основанием для подозрений и критерием преступности. Тем, кому удалось выжить, при любом удобном случае старались изменить соответствующую строку в паспорте. Полякам, например, спокойнее было жить и не опасаться за судьбу своих детей, если они «становились» украинцами или белорусами и забывали свой родной язык. Такая «маскировка» после многих лет испытаний и невзгод, в условиях ассимиляции и этнической интеграции, укрепления русского языка в качестве языка межнационального общения, была естественной и достаточно частой.

Государствообразующей основной национальностью в 1920-е гг. в Российской Федерации были русские. Их по данным Переписи 1926 г. в республике проживало 74 072 096 человек, или 73,42 % от общего числа

жителей [4, с. 2, 34]. Большинство русских (99,8 %) назвали родным язык своей национальности. Но были исключения. 105 297 русских (0,14 %) указали другие языки в качестве родного. 39 241 человек (0,05 %) свой родной язык не указали [4, с. 34, 35]. Такие исключения были, видимо, связаны с интернациональными семьями, жизнью русских в условиях пограничья, частыми контактами с представителями других этносов, религиозными мотивами (субботники) и др.

Гораздо чаще встречалась обратная ситуация, когда граждане нерусской национальности указывали в качестве родного русский язык. Так, по Переписи 1926 г. в РСФСР был учтен 7 873 331 украинец, а родным языком украинский был только для 5 276 787 человек. Все остальные, около 2,6 млн (32,8 %), указали своим родным языком русский [4, с. 34, 35]. Интересно, что языков других народов в качестве родного указано практически не было [4, с. 35].

Широко русский язык в качестве родного был распространен среди белорусов (84 %), поляков (54,4 %), евреев без горских, крымских, грузинских и среднеазиатских (50,3 %), греков (20 %) и некоторых других народов [4, с. 34, 35]. Однако народы Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья, Севера указывали за редким исключением в качестве родного языки своей нации: например, чеченцы (99,9 %), ингуши (99,8 %), аварцы (99,9 %), татары (99,4 %), якуты (99,9 %), буряты (98,6 %) [4, с. 36–39]. Это говорит об устойчивом этническом самосознании ряда народов и национальных языках как важнейшей части самобытной этнической идентичности.

По нашим подсчетам, в Российской Федерации по Переписи 1926 г. проживало около 3900 тыс. граждан нетитульной национальности, которые указали в качестве родного русский язык [4, с. 34–39].

В последующие годы тенденции увеличения русского этноса, русского языка в качестве родного для нерусского населения, доли присутствия русских во всех субъектах РСФСР и СССР продолжались. По Переписи населения 1939 г. в СССР проживало 170,5 млн человек, из которых 99,6 млн были русскими (58,39 %). Большинство из них (99,83 %) родным указали русский язык. Лишь 161 648 русских (0,16 %) в качестве родного назвали языки не своей национальности. Русский язык в качестве родного указали 106,4 млн жителей Советского Союза. Около 7 млн представителей других этносов считали русский своим родным языком. Большинство из них (81,35 %) были украинцами (3,4 млн), белорусами (0,7 млн) и евреями (1,6 млн) [5, с. 20, 80, 81].

На русском языке в 1920-е гг. говорили во всех субъектах Российской Федерации и Советского Союза. В РСФСР он был родным для 73,9 млн русских и 3,9 млн граждан других национальностей, т. е. 77,8 млн жителей России (77,1 %) в эти годы считали русский своим родным языком [4, с. 34–39]. Для остальных (более 23 млн) он был языком межнационального общения. После родного им владело в качестве второго языка значительное количество жителей России. Конечно, были исключения. Они касались возрастных граждан отдаленных населенных пунктов (Северный Кавказ, районы Крайнего Севера и др.). В республиках Советского Союза русский язык активно использовался в Украине, Белоруссии, Молдавии, Казахстане, Киргизии. Последние две республики в качестве автономных до 1936 г. входили, как известно, в состав РСФСР.

После русского вторым самым распространенным языком на территории России являлся украинский язык. На нем говорило 5 276 787 украинцев, а также 80 068 граждан других национальностей, которые указали его в качестве родного: всего более 5,3 млн человек [4, с. 34, 35, 108]. Украинский язык использовался практически во всех 19 регионах, на которые была «разбита» страна в материалах Переписи 1926 г.: Северо-Кавказский, Центрально-Черноземный, Казахский (Казакский), Сибирский и другие. Большая часть (97,2 %) из них проживала в сельской местности [4, с. 108]. Самое большое количество носителей украинского языка (естественно, все они считались украинцами) проживало в Северо-Кавказском крае: в Армавирском, Донецком, Донском, Кубанском, Майкопском, Сальском, Ставропольском, Таганрогском, Терском, Черноморском, Шахтинско-Донецком округах, Кабардино-Балкарской и Адыгейско-Черкесской автономных областях. Такое количество украинцев объясняется прежде всего проводимой украинизацией (см.: [2] [3]), которая активно затронула Северо-Кавказский край, в частности Кубань и Дон. Значительное количество местных жителей механически записали в украинцы. Политику украинизации поддерживали руководители региональных партийных организаций, отсюда такой результат. Русские «превратились» в украинцев, а смесь южнорусских диалектов — в украинский язык. Через 12 лет, по Переписи населения 1939 г., количество украинцев сократилось во много раз, они снова стали русскими. Причины такой трансформации описаны в исторической литературе (см.: [6, с. 330] [7, с. 116–117]). По Переписи 1939 г. в Краснодарском крае, в том числе Адыгейской автономной области, проживало 149,8 тыс.

(4,7%), Орджоникидзевском (Ставропольском) крае, в том числе Карачаевской и Черкесской автономных областях, — 46,5 тыс. (2,4%), Ростовской области — 110,7 тыс. (3,8%), Чечено-Ингушской АССР — 8,9 тыс. (1,3%), Кабардино-Балкарской АССР — 11,1 тыс. (3,1%) украинцев [5, с. 59, 60, 66, 68], т. е. 327,0 тыс. против 3,106, 8 тыс. в 1926 г. [4, с. 70]. Количество украинцев за 12 лет сократилось в девять раз.

Самое большое количество украинцев в 1926 г. проживало в Кубанском — 915,4 тыс. (61,5% от общей численности населения), Донском — 498,3 тыс. (44,0%), Донецком — 206,5 тыс. (55,1%), Сальском — 207,2 тыс. (43,9%), Терском — 194,1 тыс. (30,2%), Ставропольском — 245,7 тыс. (33,8%), Таганрогском — 191,7 тыс. (71,4%) и Черноморском — 103,9 тыс. (35,6%) округах Северо-Кавказского края [4, с. 10, 71, 72]. Они составляли 37,1% от всех жителей, т. е. каждый третий был украинцем. В Кубанском, Донецком, Таганрогском и Черноморском округах они составляли большинство населения [4, с. 71–73]. Украинский язык преобладал в Кубанском, Донском, Донецком и Сальском округах [4, с. 108]. В 1920-е гг. он был востребован в Северо-Кавказском крае. Его преподавали в средних школах, в Полтавском педагогическом техникуме, на факультете украинского языка и литературы Краснодарского государственного педагогического института, в других учебных заведениях. На украинском языке выходили газеты, книги, ставились спектакли. Это не было чем-то необычным для 1920-х гг. Не только русский, но и украинский, отчасти армянский [8, с. 119] были весьма популярны и являлись языками межнационального общения. Вторым крупным ареалом проживания украинцев и распространения украинского языка являлся Центрально-Черноземный район, в который входили Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии [4, с. 6, 7]. В районе проживало 1651,8 тыс. украинцев, в основном в приграничных Воронежской (1078,5 тыс.) и Курской (554,6 тыс.) губерниях [4, с. 67]. Это составляло 15,3% от числа жителей района и 26,3% от количества населения Воронежской и Курской губерний [4, с. 6, 7, 67]. На устойчивое распространение украинского языка в русско-украинском пограничье влияло отсутствие препятствий для контактов, так как административные границы были условными и не являлись ограничением для общения: наличие по обе стороны родственников, знакомых, партнеров, трудовые перемещения, создание новых семей и др. Определенное значение для распространения украинского языка имел обмен территориями в 1920-х гг. между РСФСР и УССР, которые затронули, в частности, Курскую и Брянскую губернии [9, с. 98–100]. Значительное количество

украинцев проживало также в Казакской (Казахской) АССР — 860,8 тыс. (13,2% от жителей республики) и Сибирском крае — 827,5 тыс. (9,5%) [4, с. 74].

Украинцы продолжительное время были вторым по численности этносом в России, пока не уступили это место татарам. Взаимовлияние и взаимообогащение уникальных языков и культур народов в российском советском обществе были весьма велики. Это в полной мере относится к украинскому этносу.

Третий восточнославянский язык — белорусский — был не так распространен на территории России. Связано это, прежде всего, с тем, что большинство этнических белорусов родным языком считали русский. Из 637,6 тыс. человек лишь 94,8 тыс. (14,9%) назвали белорусский родным языком [4, с. 34, 35]. Носители языка (куда входили белорусы и представители других этносов, которые назвали его родным) проживали в РСФСР дисперсно. И лишь в Сибирском крае фиксируется большая белорусская диаспора — 320,3 тыс. человек [4, с. 74]. Здесь проживало около половины из всех носителей языка [4, с. 34, 35, 108].

Таким образом, восточнославянские языки были самыми массовыми в 1920-е гг. На русском разговаривали и считали родным 73,9 млн русских и 3,9 млн нерусских граждан (из них 3,1 млн украинцев и белорусов), на украинском — 5,3 млн украинцев и 0,08 млн неукраинцев, на белорусском — 0,09 млн белорусов и 0,003 млн небелорусов. Всего 83,3 млн человек или 82,6% от числа жителей РСФСР в середине 1920-х гг. [4, с. 2, 34, 35, 108].

Третьим по распространенности, после русского и украинского, был татарский язык. Его считали родным 3,5 млн человек [4, с. 114]. Татарский этнос в России также являлся третьим по численности после русских и украинцев. В Поволжье татары занимали второе место, после русских — 1,4 млн [4, с. 69]. Их в 1926 г. в республике насчитывалось 2,8 млн человек [4, с. 34]. Татарская этническая общность играла и играет огромную роль в жизни России. Это относится, в том числе, к ареалу проживания, наличию многочисленных субэтнических групп, влиянию татарской культуры и языка на другие, прежде всего соседние народы. Этнос татар имеет многоярусную структуру, а диалекты и наречия татарского языка, на которых говорят представители локальных групп, отличаются друг от друга. В татарской этнической общности различают собственно татарский этнос и этнос крымских татар. Последние признаются самостоятельной крымско-татарской нацией со своим крымско-

татарским языком и самобытной культурой [14, с. 25]. Крымских татар в 1926 г. насчитывалось 179 тыс. человек [13, с. 34].

Татарский этнос был сформирован из трех этнотерриториальных групп — волго-уральских, астраханских и сибирских татар. Они, в свою очередь, делились на многочисленные этнические подгруппы [14, с. 25–38]. Эти подгруппы во Всероссийской переписи населения 1926 г. были представлены как самостоятельные этносы. В последующие годы они включались в состав татар. Представители локальных групп говорили на диалектах и наречиях татарского языка, исповедовали, как и материнская нация, мусульманство суннитского толка. Это мишари (по Переписи 1926 г. их насчитывалось 242,6 тыс. человек), бухарцы (12,0 тыс.), тептяри (27,4 тыс.). Исключением являются крещеные татары (кряшены). Их насчитывалось 101,4 тыс. человек. Говорили они на среднем диалекте татарского языка, компактно проживали в Татарской АССР и исповедовали православие. К ним примыкают нагайбаки (11,2 тыс.), проживавшие в Уральской области. Их с кряшенами объединяет одна вера и родственный язык. Некоторые исследователи считают нагайбаков самостоятельным этносом [8, с. 70, 71, 114, 115, 117].

Ареал проживания татар был очень широким. Они присутствовали практически во всех субъектах Российской Федерации. Больше всего татар проживало в Средне-Волжском, Уральском, Нижне-Волжском, Центрально-Промышленном, Вятском регионах, Башкирской, Казахской и Крымской АССР. Основная часть татар проживала в Татарской АССР — 1164 тыс. человек, что составляло 44,8 % от населения республики [13, с. 34]. Значительное их количество было зафиксировано в Башкирии (461,9 тыс.), Самарской (122,5 тыс.), Саратовской (115,3 тыс.), Ульяновской (39,2 тыс.) губерниях [13, с. 34].

Широкое распространение имел татарский язык. Его в качестве родного назвали 658,2 тыс. граждан иных национальностей [4, с. 34, 114]. В этом отношении он был самым распространенным языком после русского среди народов России. На нем говорили субэтносы татар (мишари, бухарцы, тептяри, кряшены, нагайбаки). Но не только они. В стране насчитывалось 712,4 тыс. башкир. Из них 328,0 тыс. (46 %) назвали родными прочие языки, т. е. не своей национальности [4, с. 34, 35, 114]. Несложно предположить, что прежде всего это был татарский язык. На нем, в частности в Башкирской АССР, говорило 902,1 тыс. проживавших там татар, башкир и граждан других национальностей (см.: [4, с. 114] [13, с. 34]).

В стране были также популярны греческий (на нем говорило в качестве родного 70,1 тыс. человек), еврейский — идиш (285,1 тыс.), финский (153,2 тыс.), карельский (239,5 тыс.), эстонский (136,4 тыс.), зырянский (220,4 тыс.), пермяцкий (143,8 тыс.), вотяцкий, удмуртский (508,6 тыс.), марийский (425,5 тыс.), мордовский (1262,6 тыс.), чувашский (1102,2 тыс.), калмыцкий (130,9 тыс.), корейский (170,5 тыс.) и др. [13, с. 112–114, 116, 118].

Количество представителей того или иного этноса никогда не совпадало с количеством носителей данного языка, которые называли его в качестве родного. Так, например, чувашей по Переписи 1926 г. насчитывалось 1114,8 тыс., носителей языка — 1102,2 тыс.; эстонцев (эстов) — 150,4 тыс., носителей языка — 136,4 тыс. и т. д. [4, с. 34–40, 109–121]. Эта ситуация объяснима. Многие представители народов называли родным язык не своей национальности (русский, татарский, армянский, украинский и др.).

В Переписи в качестве самостоятельных были представлены два родственных этноса — зыряне (коми-зыряне) и пермяки (коми-пермяки). Их насчитывалось соответственно 226,3 тыс. и 149,4 тыс. человек [4, с. 34]. Оба народа говорят на близких языках, исповедуют православие, имеют много общего в культуре, хозяйственной жизни, обычаях. Начиная со Всесоюзной переписи населения 1939 г. коми-зыряне и коми-пермяки учитывались как один этнос «коми» [8, с. 66, 67].

Уникальным в этническом, языковом и культурном отношении был Северо-Кавказский край, существовавший в 1924–1937 гг. Здесь проживали десятки этносов, которые говорили на многочисленных языках и диалектах. Языковое многообразие этого региона имело свои отличия. К 1917 г. многие народы не имели своей письменности. В условиях распространения ислама на Северном Кавказе (X–XV вв.) многие народы, которые его приняли, пользовались арабской письменностью. В советское время национальные алфавиты были подготовлены сначала на основе латинской, а затем и русской графики. В связи с тем, что ряд «больших» северокавказских народов, как правило, имеет значительное количество этнографических и диалектно-этнографических групп, объединяющий материнский язык создать очень трудно. Например, даргинский язык, относящийся к нахско-дагестанской ветви северокавказской семьи языков, имеет десятки диалектов, основными из которых являются: акушинский, урахинский (хюркилинский), цудахарский, кайтагский, сирхинский, муиринский, мурегинский, кадарский, кубачинский, санжинский, мугинский,

амухский, мегебский, губденский и мекегинский. Кроме того, большинство аулов говорят на собственном говоре, который отличается от говоров соседей. В советское время на основе акушинского диалекта начал складываться даргинский литературный язык. Правда, его консолидирующие функции незначительны. После Переписи населения 1926 г. в состав даргинцев были включены их субэтноты — кайтаки и кубачинцы, обладающие лингвистическим своеобразием. У даргинцев сохранились субэтнические группы: акушинцы, хюркилинцы, цудахарцы, сирхинцы, муиринцы, которые говорят на своих диалектах (см.: [10, с. 290, 291] [11, с. 174]).

Большое значение на Северном Кавказе имеют вторые языки или языки межнационального общения и прежде всего русский язык. По Переписи 1989 г. в Дагестане представители коренных этносов — от 99% (кумыки) до 84,1% (ногайцы) — считали родным язык своей национальности. При этом от 52,4% (цахуры) до 85,8% (горские евреи) свободно владели русским в качестве второго языка, языка межнационального общения. На нем общаются даже представители одного этноса, принадлежащие к разным диалектным группам [10, с. 18, 19, 290, 291].

Большое распространение на Северном Кавказе имели армянский, чеченский, аварский, кумыкский, в пограничных с Азербайджаном районах — азербайджанский языки.

Самым многочисленным коренным народом Северного Кавказа были чеченцы, их насчитывалось 318,4 тыс. человек. Проживали они в Чеченской автономной области (291,3 тыс.), Ауховском районе Дагестанской АССР (21,8 тыс.) и Ингушской автономной области (2,6 тыс.). Все они говорили на чеченском языке. Чеченцы-ауховцы (аккинцы) являлись субэтносом чеченского народа и говорили на аккинском диалекте чеченского языка [4, с. 38, 72, 73, 92, 119].

Ингуши компактно проживали в Ингушской автономной области (69,9 тыс.) и в г. Владикавказе (1,5 тыс.). Всего в РСФСР их насчитывалось 72,1 тыс. человек. Небольшая их часть (2,0 тыс.) проживала в Закавказье. Ингуши говорили на ингушском языке [4, с. 38].

Чеченцы, ингуши, бацбийцы и кистины составляют единую этническую общность «вайнахи» и составляют нахскую подгруппу нахско-дагестанской языковой группы (см.: [4, с. 92] [11, с. 175]).

Другая группа народов, проживавшая на Северном Кавказе, — адыгейцы (адыги), кабардинцы, черкесы, абазины (бескесек-абаза) и абхазы составляют абхазско-адыгскую языковую группу. Черкесы и кабардинцы говорят на одном — кабардино-черкесском языке, адыги —

на адыгейском языке, который очень близок к кабардино-черкесскому, но является самостоятельным [5, с. 248].

Черкесы, адыги, кабардинцы являются единой этнической общностью, разделенной исторически и территориально. Они имеют общее самоназвание «адыгэ», говорят на родственных языках, близки по национальному самосознанию, культуре, обычаям, хозяйственной жизни, исповедуют ислам суннитского толка. Все народы имеют общие исторические корни, единый этногенез [8, с. 92–95, 118].

В Переписи населения 1926 г. под единым этнонимом «черкесы» были объединены собственно черкесы и адыги. Их насчитывалось 65,1 тыс. человек. Кабардинцев — 139,9 тыс., абазин — 13,8 тыс. человек. Все они проживали в Северо-Кавказском крае: Адыгейско-Черкесской, Черкесской, Карачаевской, Кабардино-Балкарской автономных областях, округах края. На черкесском (кабардино-черкесском) и адыгейском языках говорило 219,2 тыс. человек [4, с. 36, 118, 119]. Адыгов в качестве самостоятельного этноса стали выделять начиная со Всесоюзной переписи населения 1959 г.

На Северном Кавказе проживают несколько народов, относящихся к тюркской языковой группе. Это балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы и туркмены. Кумыки (94,5 тыс.) и ногайцы (36,2 тыс.) проживали в основном в Дагестане. Балкарцы (33,3 тыс.), карачаевцы (55,1 тыс.) проживали в Северо-Кавказском крае. Из 18,0 тыс. туркмен в Ставропольском округе края проживало 4,0 тыс. человек [4, с. 34, 38, 72]. На кумыкском языке в качестве родного говорило 94,8 тыс., карачаевском — 55,3 тыс., балкарском — 33,3 тыс., ногайском — 35,5 тыс., из них в Дагестане — 25,9 тыс., Северо-Кавказском крае — 9,3 тыс. [4, с. 115–120]. Диалект ставропольских туркмен традиционно называли трухменским языком. Он вошел в Словарь языков для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. На этом диалекте говорило 4,6 тыс. человек (см.: [4, с. 121] [8, с. 110, 111, 120]).

Из крупных народов отметим также осетин. Их насчитывалось 157,3 тыс. человек. Они компактно проживали в Северо-Осетинской автономной области Северо-Кавказского края. На осетинском языке говорило 155,8 тыс. человек [4, с. 38, 73, 120].

Даже на фоне такого этнического и языкового разнообразия Дагестанская АССР выделялась своим уникальным представительством народов, проживавших на одной территории в составе одной национальной автономии. С учетом коренных этносов и субэтнических групп

(«горцы»), а также других народов (русские, чеченцы, ингуши, горские евреи, армяне, украинцы, татары и др.) в республике насчитывалось около пятидесяти национальностей. Самыми крупными из коренных народов являлись: авары (аварцы) — 139,7 тыс. человек, даргинцы — 108,9 тыс., кумыки — 94,5 тыс., лезги (лезгинцы) — 93,0 тыс., лаки (лакцы) — 40,2 тыс., ногайцы — 26,1 тыс. (всего в России насчитывалось 36,3 тыс.), табасараны — 31,9 тыс., кайтаки — 14,4 тыс., рутулы (рутульцы) — 10,3 тыс. [4, с. 34, 38, 74]. Их языки, культура, обычаи определяли лицо республики, ее своеобразие и уникальность.

Самым многочисленным народом Дагестана являлись и являются аварцы. Их насчитывалось 139,7 тыс. человек [4, с. 38]. Аварский язык стал объединяющим не только для аварцев, но и для родственных андийских и цезских народов. Последние в Переписи 1926 г. были учтены как самостоятельные этносы. В последующие годы были включены в состав аварцев андийские народы — андийцы (андии), ботлихцы, годоберинцы, кванединцы (багулалы), ахвахцы, чамалалы, каратинцы (каратаи), тиндалы (тиндии), и цезские народы — цезы (дидои, дидойцы), хваршинцы, гунзебцы (хунзалы), бештинцы (капучины), чинухцы. Последние в Переписи 1926 г. выделены не были. В состав аварцев включили также арчинцев, относящихся к лезгинской ветви. Всего андо-цезских народов насчитывалось около 38 тыс. человек (см.: [4, с. 38] [11, с. 174]).

Каждый из этносов имел свой язык. Отсутствуют данные о языках малочисленных гунзебцев (105 человек) и не включенных в материалы Переписи гинухцев [4, с. 119, 120].

Большое значение для этносов и субэтносов Дагестана имели лезгинский, лакский и кумыкский языки. Последний является одним из литературных языков республики. На аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском (в Переписи — кюринский) и лакском языках говорило около полумиллиона человек, или 60,37 % жителей [4, с. 11, 119, 120].

За прошедшие сто лет все крупные народы Дагестана увеличили свою численность, демонстрируя высокие темпы рождаемости. Количество лезгин по Переписи 2010 г. увеличилось в пять раз, даргинцев — в пять с половиной, аварцев — в шесть с половиной раз [8, с. 179]. «Малые» этносы и субэтносы, проживающие в республике и «исчезавшие» из советских Переписей населения, в большинстве своем сохранились и сегодня учитываются, как и много лет назад, в качестве самостоятельных народов. Они имеют возможность возрождать и изучать свой родной язык, историю, культуру, традиции и обычаи.

Уникальным полиэтничным мультикультурным многоязычным регионом был ареал проживания коренных малочисленных народов Севера. Под этим термином понимают «малые» этносы, проживавшие на Севере Европейской части СССР, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. В материалах Всесоюзной переписи населения 1939 г. упоминаются 26 малочисленных народов Севера (см.: [1, с. 55] [5, с. 247]). В середине 1920-х гг. их было больше. Значительная их часть проживала в Сибирском крае и Уральской области. В Переписи населения 1926 г. были указаны: вогулы (манси), проживавшие в Уральской области (УО) и говорившие на вогульском языке, — их насчитывалось 5,7 тыс. человек; остяки (ханты), проживавшие в УО и Сибирском крае (СК) и говорившие на остяцком языке, — их насчитывалось 22,3 тыс.; остяко-самоеды (селькупы), проживавшие в СК и говорившие на селькупском языке, который не был упомянут в Переписи 1926 г., — их насчитывалось 1,6 тыс.; самоеды (ненцы), проживавшие в УО и СК и говорившие на самоедском (ненецком) языке, — их насчитывалось 15,4 тыс.; юраки (этнографическая группа ненцев), проживавшие в СК и УО и говорившие на диалекте ненецкого языка*, — их насчитывалось 2,1 тыс.; карагас (тофалары), проживавшие в СК и говорившие на карагасском (тофаларском) языке**, — их насчитывалось 2,8 тыс.; долганы (близки к якутам), проживавшие в СК и говорившие на диалекте якутского языка, — их насчитывалось 656 человек; тунгусы (эвенки), проживавшие в СК, Якутии и Дальневосточном крае (ДВК) и говорившие на тунгусском (эвенкийском) языке***, — их насчитывалось 37,5 тыс.; енисейцы (кеты), проживавшие в СК и говорившие на кетском (енисейско-остяцком) языке, — их насчитывалось 1,4 тыс.; юкагиры (омоки), проживавшие в Якутии и говорившие на юкагирском языке, — их насчитывалось 443 человека. Всего 11 этносов, проживавших в Сибирском крае, Уральской области и Якутской АССР [4, с. 36, 116–118]. Также в Сибири проживали другие «малые» этносы, не отнесенные к народам Севера. Это алтайцы и их субэтнические группы: черневые татары (тубалары), телеуты, теленгеты, кумандинцы, челканцы (лебединцы), алтай-кижи, телесы, говорившие на алтайском языке и его диалектах,

* Юракский язык упомянут в материалах Переписи 1926 г., но сведения о его носителях отсутствуют.

** Носителей языка было в три раза меньше, чем представителей этноса.

*** Среди них были распространены якутский и бурятский языки.

а также близкие к ним шорцы, говорившие на шорском языке. Часть субэтнических групп алтайцев, делившихся на северных и южных, была выделена в Переписи 1926 г. как самостоятельные этносы [8, с. 76–79].

Другая большая группа малочисленных коренных народов проживала на Дальнем Востоке (Дальневосточный край). К ним по Переписи 1926 г. были отнесены: ламуты (эвены), проживавшие в ДВК и Якутии и говорившие на ламутском (эвенском) языке, — их насчитывалось 2,0 тыс.; орочены (ороки, ульта), проживавшие в ДВК и Якутии и говорившие на бесписьменном орокском языке, — их насчитывалось 1,2 тыс.; гольды (нанайцы), проживавшие в ДВК и говорившие на гольдском (нанайском) языке, — их насчитывалось 5,3 тыс.; ольчи (ульчи), проживавшие в ДВК и говорившие на ольчском (ульчском) языке, — их насчитывалось 723 человека; негидальцы, проживавшие в ДВК и говорившие на негидальском языке, — их насчитывалось 683 человека; орочи, проживавшие в ДВК и говорившие на ороческом языке*, — их насчитывалось 646 человек; удехе (удэгейцы), проживавшие в ДВК и говорившие на бесписьменном удэгейском языке**, — их насчитывалось 1,3 тыс.; ороки (этнографическая группа ороченов), проживавшие в ДВК (Сахалинская область) и говорившие на орокском языке, — их насчитывалось 162 человека; манегры (субэтническая группа эвенков), проживавшие в ДВК и говорившие на диалекте эвенкийского (тунгусского) языка, — их насчитывалось 59 человек; самогиры (саманде), субэтническая группа нанайцев (гольдод), проживавшие в ДВК и говорившие на диалекте нанайского (гольдского) языка, — их насчитывалось 551 человек; чукчи, прожившие в ДНК и Якутии и говорившие на чукотском языке, — их насчитывалось 12,3 тыс.; коряки, проживавшие в ДВК и говорившие на корякском (коряцком) языке***, — их насчитывалось 7,4 тыс.; камчадалы (ительмены), проживавшие в ДВК (полуостров Камчатка) и говорившие на ительменском и русском языках****, — их насчитывалось

* Говоривших на ороческом языке было значительно больше, чем представителей этого этноса.

** В материалах Переписи 1926 г. данные о языке отсутствуют.

*** В состав коряков Перепись населения 1939 г. включала кереков и алюторцев, данные о языке которых не выявлены.

**** Камчадалы как этнос сформировался на основе слияния коренных жителей — ительменов и русских переселенцев. Поэтому большинство жителей говорило на русском языке.

4,2 тыс.; гиляки (нивхи), проживавшие в ДВК и говорившие на гиляцком (нивхском) языке, — их насчитывалось 4,0 тыс.; чуванцы (этель), проживавшие в ДВК и говорившие на чуванском языке, — их насчитывалось 704 человека; алеуты (алауты), проживавшие в ДВК (Командорские и Алеутские острова) и говорившие на алеутском языке, — их насчитывалось 353 человека; эскимосы, проживавшие в ДВК (побережье Чукотки и на острове Врангеля) и говорившие на эскимосском языке, — их насчитывалось 1,3 тыс. [4, с. 36, 117–118]. Всего 19 этносов, проживавших в Дальневосточном крае.

На Севере Европейской части СССР проживали лопари (саамы), говорившие на лопарском (саамском) языке, — их насчитывалось 1,7 тыс., а также частично ненцы (самоеды), о которых говорилось выше.

К малочисленным народам Севера также относятся тазы, энцы, нганасаны и другие. Всего более тридцати этносов. «Малые» народы проживали также на Северном Кавказе, прежде всего в Дагестане и других регионах.

Не все из них сохранились. Слишком большие испытания выпали на долю малочисленных народов в XX в. Многие были ассимилированы «большими» этносами. Пострадали языки, культура, национальное самосознание, традиции малочисленных народов. Поглощение одного народа другим привело к утрате национальных языков. Их место заняли языки межнационального общения, прежде всего русский язык. Сегодня в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ (с изменениями на 18 декабря 2021 г.) внесено 47 этносов, проживающих на Дальнем Востоке, в Сибири, Якутии, Бурятии, Карелии, Ленинградской области, Северном Кавказе и других регионах [8, с. 36, 172–176]. Им оказывается государственная помощь, в том числе в области возрождения и изучения родных языков.

В 1920-е гг. широкое распространение имели бурятский и якутский языки. На них говорило около 500 тыс. человек в Бурято-Монгольской и Якутской АССР, Сибирском и Дальневосточном краях и других регионах [4, с. 116, 117].

Родной язык («язык колыбели», «язык матери») является наряду с национальным самосознанием важнейшим признаком принадлежности к тому или иному этносу. В 1920-е гг. активно шли процессы ассимиляции и этнической интеграции, что приводило к сокращению национальных языков. Их было на 40 меньше, чем народов.

Некоторые существовали на бумаге, некоторые насчитывали несколько сот носителей языка (карагаский, ольчский, негидальский, ительменский, юкагирский, алеутский и др.) Сегодня языки ряда «малых» народов (чуванский, алеутский, убыхский и др.) полностью утрачены.

В 1920-е гг. росло значение языков межнационального общения. Русский, татарский, армянский, азербайджанский, чеченский, аварский, кумыкский имели важное значение для межнационального общения, культурного обмена и торгово-экономических отношений. Приоритетное значение имел русский язык. Около 7 млн представителей других этносов СССР в конце 1930-х гг. считали русский язык своим родным языком. Большинство населения страны свободно владела русским в качестве второго языка. Значительное количество субъектов РСФСР были полиэтничными и многоязычными. Многие языки (если не большинство) имели диалекты, наречия, говоры. Иногда их насчитывалось несколько десятков. В этих условиях (например, в Дагестане) было необходимо знать русский язык для общения даже с представителем своего этноса, принадлежащего к другой, значительно отличающейся диалектной группе. Вместе с родным языком умирает или возрождается этнос. Вот почему так важно сохранять и развивать национальные языки. Сегодня в России созданы условия для возрождения, изучения и развития материнских языков. Даже малочисленные народы имеют возможность изучать родные языки, самобытную культуру, историю, обычаи, исповедовать традиционную религию. Великий русский язык был и остается языком межнационального общения, консолидирующим началом российской государственности, на котором говорят не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Сегодня его изучают более чем в 60 странах мира и говорят 255 млн человек.

Использованная литература:

1. *Араловец Н. А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула : Гриф и К, 2009. 304 с.
2. *Борисенок Е. Ю.* Феномен советской украинизации, 1920–1930-е гг. М. : Европа, 2006. 256 с.
3. *Васильев И. Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар : [Б. и.], 2010. 75 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М. : Издание ЦСУ СССР, 1929. 228 с.

5. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М. : Наука, 1992. 256 с.
6. Кропачев С. А. Национальные ресурсы России накануне Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сб. ст. Казань : Ин-т истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2025. Вып. 2. С. 326–332.
7. Кропачев С. А. Эволюция моделей демографического поведения этносов России в 1930-е годы // Русская старина. 2020. № 11. С. 109–128.
8. Кропачев С. А. Этническая карта России в 1920-е гг. Историко-демографическое исследование. М. : Кучково поле, 2024. 192 с.
9. Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2020. 480 с.
10. Народы Дагестана / отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. 2-е изд. М. : Наука, 2024. 591 с.
11. Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М. : Наука, 1986. 272 с.
12. Прудовский С. Б. Была такая «нация» — харбинцы. Харбинская операция НКВД в документах. СПб. : Алетейя, 2022. 730 с.
13. Татары в переписях населения / А. С. Бушкев, Г. Ф. Габдрахманова, И. К. Загидуллин, Б. И. Измайлов. Казань : Ин-т истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2021. 76 с.
14. Татары / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова, В. В. Трепавлов, Р. К. Уразманова. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Наука, 2017. 799 с.

Sergey A. KROPACHEV,

Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof., Leading Researcher,
Center for the Study of the History of the Territory and Population
of Russia, Institute for Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, rektor@eipk.info

**Native Languages and Languages
of Interethnic Communication in Russia in the 1920s
(According to the All-Union Population Census of 1926)**

The paper is devoted to the analysis of the linguistic diversity of Russia in the 1920s. The author explores the problems of national languages and languages of interethnic communication. As a result of the processes of assimilation and ethnic integration, the number of native languages decreased in favor of the languages of

the “big” peoples, in particular, Russian. The latter played a major role as a language of interethnic communication and a second language. In a number of multiethnic regions, it is a means of communication not only for different ethnic groups, but also for representatives of the same people, who have numerous dialects and dialects that differ significantly from each other. The article analyzes the linguistic features, first of all, of multinational regions — the Volga region, the North Caucasus, the North of the European part, Siberia and the Far East. The native language (“the language of the cradle”, “the language of the mother”) is, along with national identity, the most important sign of belonging to an ethnic group. Today, conditions have been created in Russia for the revival, study and development of mother tongues. Even small-numbered peoples have the opportunity to study their native languages, distinctive culture, history, customs, and practice their traditional religion.

Keywords: Russia, RSFSR, 1920s, native languages, languages of interethnic communication.

Л. В. Кубанова*

Современное состояние и региональные аспекты языковой политики (прикладной аспект)**

Региональный аспект реализации языковой политики проанализирован на примере одного из полиэтничных субъектов — Карачаево-Черкесской Республики, в котором проживают пять титульных этносов, языки которых имеют статус государственных. Анализ политических доктрин и законодательных актов в сфере языковой политики свидетельствует о том, что в регионе созданы законодательные основы сохранения и развития национальных языков, реализация государственной языковой политики осуществляется во взаимодействии между представителями государственной вла-

* КУБАНОВА Лиана Владимировна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, lianakubanova@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 137. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

сти, образовательных учреждений и общественности республики с учетом запросов населения в сохранении родных языков, их изучения в системе школьного и вузовского образования. Результаты социологических опросов, проводимых по единой методике в течение нескольких лет, позволили представить установки, мнения, суждения представителей этносов, которые можно считать модальными и устоявшимися. В регионе сохраняется запрос на изучение родных языков как со стороны учащихся, так и их родителей. Опросы, проведенные среди молодежи, показали, что именно язык является одним из культурных маркеров, наиболее привычных для жителей республики. Проблема сохранения, изучения, использования родных языков является политико-значимой, поэтому языковая политика в ближайшей перспективе должна оставаться сбалансированной и направленной на сохранение языкового многообразия региона и страны в целом.

Ключевые слова: родные языки, языковая политика, языковое многообразие, культурные маркеры, Карачаево-Черкесская Республика, Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», государствообразующий народ, титульный этнос.

Российская Федерация — полиэтническое государство, в котором проживает более чем 190 народов, для которого характерно этнокультурное и языковое многообразие. О становлении языковой политики в России можно вести речь начиная с принятия 25 октября 1991 г. Закона РФ № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», в котором языки народов России трактуются как национальное достояние, всем народам гарантированы «равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свобода выбора и использование языка общения», каждому гражданину — «право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [1]. В Основном Законе «Конституция РФ» также отмечено, что «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [2]. 1 июня 2005 г. был принят ФЗ № 53 «О государственном языке Российской Федерации», в котором прописано политическое значение русского языка: «Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве», а также законодательные основы использования наряду с государственным языком России государственных языков республик как субъектов федерации и языков других народов [4].

Языковая политика является важной составляющей национальной политики. Ее цели и задачи отражены в доктринальных документах: в «Концепции государственной национальной политики Российской Фе-

дерации» (1996) и затем в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2012). В обновленной в 2018 г. Стратегии среди приоритетов государственной национальной политики отмечено сохранение этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, сохранение русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения. В пункте 12 Стратегии отмечено, что «этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия являются достоянием многонационального народа Российской Федерации (российской нации), служат укреплению российской государственности и дальнейшему развитию межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации» [3].

Среди целей государственной национальной политики выделены следующие: «сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества». Среди принципов государственной национальной политики Российской Федерации среди прочих отмечена «государственная поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, этнокультурного развития русского народа и других народов Российской Федерации, их творческого потенциала, являющегося важнейшим стратегическим ресурсом российского общества» [3].

В 2020 г. продолжился процесс законодательного оформления языковой политики Российской Федерации. В ст. 68 Конституции РФ были внесены поправки, касающиеся, в том числе, и языковой политики: «русский язык — язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (п. 1), «культура в РФ является уникальным наследием ее многонационального народа» (п. 4).

В Карачаево-Черкесской Республике, в одном из полиэтничных субъектов федерации, статус государственных языков закреплен в статье 11 Конституции КЧР у пяти титульных этносов: абазин, карачаевцев, ногайцев, русских, черкесов. Языком межнационального общения и официального делопроизводства в Карачаево-Черкесской Республике является русский язык [2]. На региональном уровне основным является Закон КЧР «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» от 14 июня 1996 г., направленный на решение задач по сохранению, равно-

правному и самобытному развитию языков народов региона. В законе зафиксирован статус абазинского, карачаевского, ногайского, русского и черкесского языков как государственных, право народов на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Также отмечено, что обучение детей родному языку является гражданским правом и долгом родителей, обеспеченным созданием системы воспитательно-образовательных учреждений и иных форм воспитания и обучения на государственных языках жителей республики.

Важно также обратить внимание на Закон КЧР № 50-РЗ «Об образовании в Карачаево-Черкесской Республике» от 2 ноября 2009 г. В нем зафиксировано, что граждане России, проживающие на территории Карачаево-Черкесской Республики, имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. В Законе Карачаево-Черкесской Республики № 72-РЗ «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики» от 6 декабря 2013 г. определены основные принципы в сфере этнокультурной составляющей образования и языковой политики. Среди них общие вопросы языковой политики, право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке, а также право на изучение родного языка из числа государственных языков Карачаево-Черкесской Республики в пределах возможностей, предоставляемых системой образования в порядке, установленном законодательством об образовании.

В полиэтничной Карачаево-Черкесии существует реальное многоязычие, к которому жители привыкли. Большинство жителей, кроме русского языка, при общении используют свои родные языки. Традиционно в республике в семьях обучают детей национальным языкам, государственные — абазинский, карачаевский, ногайский, русский, черкесский — языки изучают в начальной (1–4 кл.), средней (5–11 кл.) и высшей (бакалавриат, магистратура) школе, где готовятся специалисты — преподаватели родного языка и литературы, журналисты, а также на уровне послевузовского образования (аспирантура, переподготовка, различные формы повышения квалификации). На базе Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева открыты центры абазинского, ногайского, карачаево-балкарского и черкесского языков и культуры. В качестве основных задач — пропаганда родных языков и культуры, издание журналов на родных языках, проведение

научных конференций. На базе университета открыт Центр исследования языков народов КЧР.

В Карачаево-Черкесии на языках субъектообразующих этносов издаются газеты, детские журналы. Государственная телерадиокомпания Карачаево-Черкесии выпускает программы на русском, карачаевском, черкесском, абазинском и ногайском языках. В республике функционируют национальные театры: Русский театр драмы и комедии, Абазинский драматический театр, Карачаевский драматический театр, Ногайский государственный драматический театр, Черкесский драматический театр.

Развитию интереса к родным языкам народов способствуют различные мероприятия, проводимые как на федеральном (например, Всероссийская олимпиада школьников и студентов по государственным языкам республик РФ), так и на региональном уровне (Конкурс на звание лучшего учителя родного языка Северного Кавказа, Республиканский конкурс «Лучший учитель родного языка» и др.).

В республике регулярно проводятся различные конференции и круглые столы. Ежегодными стали «Табуловские чтения», «Клычевские чтения», в которых принимают участие ученые, педагоги, эксперты с целью обсуждения проблем преподавания родных языков в средней и высшей школе. По инициативе общественных организаций и при поддержке органов государственной власти республики проводятся Дни родных языков, осуществляется перевод мультфильмов для детей и фильмов для взрослых на родные языки, проводятся фестивали и конкурсы.

В Карачаево-Черкесии с 2015 по 2021 г. были проведены социологические опросы, в рамках которых изучалась, в том числе, и языковая ситуация. Опрашивались эксперты, молодежь — учащиеся средних общеобразовательных учреждений и вузов республики, родители учащихся. Так как опросы проводились в режиме мониторинга, то есть по единой методике в течение нескольких лет, сравнительный анализ результатов в динамике позволил представить установки, мнения, суждения, которые можно считать модальными и устоявшимися.

В общественном мнении превалирует мнение о том, что родной язык — это язык детства, семьи, родственников. Владение родным языком принимается для того, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу, т. е. выступает идентификатором этнической идентичности. Подтверждением тому являются полученные в ходе опросов результаты. Так, при ответе на вопрос «Что такое родной язык?» были получены следующие ответы:

- язык семьи, родственников (30 %);
- язык народа, национальности (28 %);
- язык, на котором постоянно говорят (16 %);
- язык, на котором говорят с рождения (12 %);
- язык, на котором думают (10 %).

В ходе опросов изучались вопросы, касающиеся образовательной политики в сфере изучения родного и русского языков. Результаты опроса свидетельствуют о том, что изучение русского языка является необходимой и неотъемлемой частью учебного процесса, востребованным среди учащейся молодежи. Большинство студентов, если бы сегодня учились в школе, выбрали бы для себя обучение русскому, иностранному, родному языкам (62 %). Треть остановилась бы на русском и иностранном (32 %).

По мнению экспертов, изучение родных языков способствует стабильности в межэтнических отношениях в образовательных учреждениях, формированию и укреплению российской гражданской идентичности при сохранении основной роли родного языка как идентификатора этнической идентичности.

Эффективность реализации языковой политики проявляется в уровне владения родными языками жителями КЧР. Результаты ряда проведенных в Карачаево-Черкесской Республике социологических опросов подтверждают достаточно высокий уровень владения родными языками. Опросы, проведенные на территории республики среди учащейся молодежи, показали, что представители разных национальностей достаточно высоко оценивают свой уровень знания языка. Самооценка основана на таких факторах, как общение на родном языке дома, со сверстниками в учебных заведениях, разговоры на работе между представителями одного этноса и т. п. На наш взгляд, свободное владение родными языками в значительной степени обусловлено традиционностью общества, сохраняющейся преемственностью в семейной языковой трансляции. При ответе на вопрос о том, используют ли жители региона родной язык в семье и при общении с друзьями, 76 % респондентов ответили положительно. Среди тех, кто не общается на родном языке, были выделены следующие причины:

- окружающие не знают моего языка — 16 %;
- не знаю родной язык (мало знаю родной язык) — 8 %;
- испытываю стеснение при использовании родного языка — 3,3 %.

Молодые люди, представители разных народов, проживающих в Карачаево-Черкесии, понимают необходимость изучения родных языков. Меньше половины учащихся выступают за стандартное изучение родного языка, треть — за углубленное изучение. Незначительная часть (3 %) учащихся региона выступает за изучение разных учебных предметов на родных языках.

Социологические исследования подтверждают заинтересованность граждан в знании родного языка, народной культуры, национальных обычаев. Потребность есть, однако на практике, как правило, родители чаще отдают предпочтение русскому и иностранному языкам, нежели родному. Это связано со сдачей ЕГЭ, будущей социализацией ребенка и карьерой молодого человека. Особую роль в этой ситуации играет семья. Если в семье ребенок говорит на родном языке, то, конечно, будет его знать как материнский язык. Однако если он растет в семье, где родители принадлежат к разным народам, то чаще всего родным языком для него становится русский как язык общения его родителей, что закономерно.

Государство призвано учитывать потребности общества, любое решение, которое впоследствии имеет законодательный статус, должно пройти общественную экспертизу. Принятие в 2018 г. поправок в «Закон об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ в части добровольного изучения родных языков из числа языков народов РФ и государственных языков республик РФ создало правовое и социальное противоречие между федеральной и республиканскими правовыми базами языковой политики. Здесь имеется несколько проблемных аспектов. Родные языки пяти народов в республике являются государственными в соответствии с конституцией и законодательством, поэтому они подлежат обязательному изучению. В то же время есть конституционное право гражданина выбирать язык общения и использования. Каждый человек сам для себя определяет необходимый уровень знания языков — как родного, так и государственного (или государственных), так и иностранных, как, впрочем, и собственную этничность.

Языковая политика Российской Федерации прочно вмонтирована в общий политический, правовой и управленческий контекст. Проблема сохранения, изучения, использования языков народов России является не только политико-значимой проблемой. От языкового комфорта напрямую зависит этноидентификационный и общий социальный комфорт граждан, а также и стабильность всей системы общественно-по-

литических отношений. Поэтому языковая политика в ближайшей перспективе должна оставаться сбалансированной и направленной на сохранение языкового многообразия регионов и в целом страны.

Использованная литература:

1. Закон РФ от 25 октября 1991 года № 1807-1 (в ред. от 13.06.2023 № 253-ФЗ) «О языках народов Российской Федерации» // КонтурНорматив. URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=452900> (дата обращения: 16.08.2024).
2. Конституция РФ // Президент России [Сайт]. URL : <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 16.08.2024).
3. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России [Сайт]. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 16.08.2024).
4. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ // Консультант.ру. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 16.08.2024).

Liana V. KUBANOVA,

Cand. Sci. (Political Institutions, Processes, Technologies),
Leading Researcher, Department for Socio-Political Studies,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies, Cherkessk,
Karachay-Cherkess Republic, Russia, lianakubanova@mail.ru

Current Status and Regional Aspects of Language Policy (Applied Aspect)

The regional aspect of language policy implementation is analyzed using the example of one multiethnic region — the Karachay-Cherkess Republic, home to five titular ethnic groups whose languages have official status. In this Republic are living five titular ethnic groups, whose languages have the status of state ones. Analysis of political doctrines and legislative acts in the field of language policy indicates that the region has created legislative foundations for the preservation and development of national languages. Implementation of state language policy is carried out in cooperation between representatives of state authorities, educational institutions and the public of the republic, taking into account the needs of the population in the preservation of native

languages, their study in the system of school and university education. The results of sociological surveys conducted according to a unified methodology over several years have made it possible to present attitudes, opinions, and judgments of representatives of ethnic groups that can be considered modal and well-established. In the region, there is still a demand for learning native languages, both on the part of students and their parents. Surveys conducted among young people have shown that it is language that is one of the cultural markers most familiar to the inhabitants of the republic. The problem of preserving, studying, and using native languages is politically significant, so language policy in the near future should remain balanced and aimed at preserving the linguistic diversity of the region and the country as a whole.

Keywords: native languages, language policy, linguistic diversity, cultural markers, Karachay-Cherkess Republic, Federal Law “On the State Language of the Russian Federation”, state-forming people, titular ethnic group.

*Л. Ю. Козлова**

О проблемах взаимоотношений языка и культуры в полиэтническом пространстве Карачаево-Черкесской Республики**

Раскрываются особенности научных подходов к исследованию вопросов взаимоотношений языка и культуры; подчеркивается точка зрения культурологов о сложных корреляционных отношениях между языком и культурой, сущность которых следует рассматривать в диалогическом единстве. С целью сохранения, успешного функционирования и развития лингвистического потенциала и культурного наследия в Карачаево-Черкесской Республике создана законодательная база. Особое внимание в статье уделяется научному творчеству выдающегося ученого А. Н. Генко, внесшего весомый вклад в изучение языков, культур и истории горских народов не только Карачаево-Черкесии, но и других регионов Северного Кавказа. Создание письменности для горских

* КОЗЛОВА Людмила Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Карачаево-Черкесского государственного университета, Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, kozlovavaludmilck4@yandex.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 118–119. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

народов имело большое значение не только для развития родных языков, художественного творчества, истории, но и приобщения к шедеврам мировой культуры.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, полиэтническое пространство, концепт, ЮНЕСКО, миноритарные языки, А. Н. Генко.

В научном мире давно существует тенденция изучения взаимоотношений языка и культуры. В рамках различных научных дисциплин, в том числе философии, психологии, педагогики, семиотики, лингвокультурологии, нейролингвистики, проблемы взаимоотношений языка и культуры рассматриваются по-разному. На сегодняшний день эти проблемы остаются дискуссионными, что связано со сложностью и многоаспектностью связей языка и культуры. Этим объясняется актуальность выбранной темы.

Анализ последних достижений в исследовании взаимоотношений языка и культуры позволяет ученым отражать более сложный характер их зависимости между собой. В связи с этим возникают вопросы воздействия языка на культуру и в то же время выявляются специфические черты культуры с опорой на рассмотрение языковых единиц, их отношений и функций в интерпретации языковой картины мира.

Язык как носитель культуры, являясь средством усвоения культуры, фиксирует и сохраняет ее сокровища, которые передаются из поколения в поколение и в дальнейшем служат определенным опытом для носителей языка.

Анализ корпуса текстов научных работ позволяет говорить о том, что существует несколько подходов к пониманию взаимодействия культуры и языка:

- язык отражает и детерминирует культуру;
- язык представляет собой составной компонент культуры.

При первом подходе тесные связи между культурой и языком отражены в существовании интеллектуальной традиции и поддерживаются в исследованиях Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, С. Г. Тер-Минасовой. В трудах ученых корреляция языка и литературы обозначена как единое целое, состоящее из лингвистических и культурных элементов. Рассмотрением данных вопросов занимается лингвокультурология.

Л. Ю. Козлова отмечает: «Лингвокультурология как наука о языке связана с изучением особенностей национальных традиций, обрядов, роли литературы, искусства и многообразия видов деятельности людей, создающих целостную языковую и культурную картины мира» [5, с. 118].

Лингвокультурологи, рассматривая уникальный характер корреляции языка и культуры, подчеркивают, что язык, как губка, впитывает в себя все культурное богатство, а культура, в свою очередь, фиксируется через использование языка.

Трудно переоценить значение языка в культуре любого народа. В этой связи С. Г. Тер-Минасова рассуждает: «Язык — сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности — в лексике, в грамматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной литературе, в формах письменной и устной речи» [8, с. 8].

В. А. Маслова утверждает: «Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [6, с. 9].

Объектом изучения лингвокультурологии является отражение культуры в языке через концепты.

Феноменальная особенность языка объясняется тем, что он является средством не только национального самовыражения, но и отражает уникальность народа и его культурное богатство. Культура соотнесена с языком через различные концепты. В гуманитарную терминосистему термин «концепт» ввел Ю. С. Степанов. По его мнению, концепт — «...это основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [7, с. 43].

У каждого человека свой собственный культурный опыт. А. Вежбицкая подчеркивает: «Взгляды отдельного индивида никогда не бывают полностью “детерминированы” понятийными орудиями, которые ему даст его родной язык» [3, с. 269]. Поэтому одно и то же понятие, существующее в языке, может быть представлено различными концептами у разных людей.

В рамках лингвокультурологии концепт рассматривается как культурно маркированная и имеющая языковое выражение единица коллективного и индивидуального знания и духовного опыта определенной культуры.

Язык детерминирован культурой в том плане, что употреблению языковых единиц может сопутствовать информация, имеющая культурную специфику.

Разумеющиеся связи между языком и культурой, особенно на национальном уровне, смешение черт разного лингвистического и культурного уровня носителей языка приводят к взаимовлиянию и взаимообогащению.

Другая точка зрения отражает взгляд на язык как гибкий инструмент коммуникации, который может использоваться в любой точке мира. В подтверждение такого подхода приводится использование функций английского языка как международного.

Существует также точка зрения А. Н. Беляева: «...Язык — это не только носитель культуры, но и его часть. В этом случае взаимоотношения между языком и культурой можно рассматривать как отношения части от целого. В таком ракурсе язык выступает как компонент культуры и как орудие. Но нельзя забывать тот факт, что язык в качестве независимой семиотической системы является автономным по отношению к культуре» [2, с. 78].

По нашему мнению, «...каждый этнос в культурном многообразии современного общества старается найти средства для сохранения и развития самобытности, целостности, разнообразия своей культуры и языка. В контексте тенденций общественного развития важно определить культурную специфику каждого этноса, чтобы понять друг друга и добиться взаимного уважения и признания» [5, с. 118].

Начиная с 2000 г. ежегодно с целью защиты языкового и культурного многообразия, по решению генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, День родного языка отмечается 21 февраля. При ЮНЕСКО создана система мониторинга, которая определяет состояние родных языков и способствует их сохранению и развитию. Вызывает обеспокоенность судьба языков, которые используются в меньшинстве части населения определенной территории. Это так называемые миноритарные языки. ЮНЕСКО выступает за защиту и уважение всех языков, особенно тех, которые находятся под угрозой. Она призывает активизировать деятельность по поддержке таких языков.

По официальным данным, «...миноритарные этносы в России составляют 63 этнические единицы и, оказавшись в зоне этнического бедствия, образуют объект приоритетной этнолингвоэкологической защиты» [9, с. 21–22]. На территории России по некоторым данным — 131 язык, по другим данным — 136 языков находятся на грани исчезновения. Такая участь уготована так называемым миноритарным языкам, которые используются в меньшинстве части населения определенной территории.

В их числе оказались и языки, имеющие статус государственных, функционирующие в Карачаево-Черкесии. К ним следует отнести аба-

зинский, карачаево-балкарский, кабардино-черкесский языки. Юридически названные языки являются государственными, но фактически данные языки не используют всех своих потенциально возможных функций.

Ранее мы утверждали: «Кроме того, угроза утраты языкового и культурного наследия вызывает повышенный интерес к междисциплинарным исследованиям явлений языка и культуры, их взаимоотношений и роли в этнокультурной идентификации» [5, с. 118].

М. Е. Алексеев считает: «Любой язык, независимо от границ его функционирования и количества говорящих, является продуктом мировой культуры. Сохранение языка в качестве живого, служащего одним из определяющих признаков культурно-исторической общности людей, средства коммуникации, не может сравниться никакая научная фиксация, какой бы степенью полноты и точности она не обладала» [1, с. 21]. С подобным мнением трудно не согласиться.

Следует отметить, что «...в Институте филологии Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева созданы национально-культурные центры, которые призваны реализовать деятельность в области поддержки и продвижения родных языков и культур, в том числе казачьей, также их популяризации. Например, целью Центра по продвижению русского языка и казачьей культуры является обеспечение доступности изучения русского языка и казачьей культуры, укрепление их позиций среди различных слоев социума и повышение уровня владения русским языком» [5, с. 118].

На наш взгляд, «основными формами обсуждения обозначенных выше проблем стали конференции, фестивали, дискуссии, диспуты, квесты, конкурсы, круглые столы, экскурсии, выставки. Использование таких форм в дальнейшем сможет дать новые импульсы для развития межкультурного и межнационального сотрудничества как результата реализации созидательного потенциала межъязыковых взаимодействий и взаимообогащения культур» [5, с. 119]. С целью укрепления мира на Северном Кавказе через призму языка, культуры, образования в нашей республике проводятся различные мероприятия. В том числе международные форумы.

В начале XX в. создание академических научных учреждений имело огромное значение в исследовании вопросов, касающихся родных языков, их литератур и культуры. Ученые крупных научных центров страны участвовали в создании алфавитов, программ, учебников для бесписьменных языков, подготовке и издании учебной литературы.

Их научные изыскания имели большое значение в развитии языков и культур северокавказских народов. Прежде всего, следует назвать имя А. Н. Генко, диапазон научной деятельности которого включал большой круг вопросов.

Автор статьи поясняет: «Историк, этнограф, кавказовед, фольклорист А. Н. Генко посвятил всю свою жизнь изучению языков и культур горских народов. Его лингвистические познания были феноменальными. Он владел в совершенстве почти тридцатью языками» [4, с. 100].

Его заслуга выражается в том, что он создал первую научную грамматику абазинского языка. В его научном труде нашли отражение вопросы культурного развития региона. Далее отмечается: «...в качестве члена Всероссийского центрального комитета нового алфавита при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР А. Н. Генко участвовал в создании алфавитов для абхазского, лезгинского, рутульского, табасаранского, хиналугского, цухарского и других языков. В его научных изысканиях разрабатывались системы алфавитов и орфографии младописьменных языков» [4]. Осуществляя просветительскую деятельность, А. Н. Генко способствовал развитию языков и культур, а также приобщению горских народов к мировой культуре.

Таким образом, язык и культура — сложные и многогранные явления, не совпадающие по своему содержанию и функциям, но имеющие точки соприкосновения, что расширяет диапазон исследовательских идей в решении междисциплинарных проблем соотношения и взаимосвязи языка и культуры.

Использованная литература:

1. *Алексеев М. Е.* Закон о языках народов РФ и языки малочисленных народов (андо-цезский ареал) // Родной язык. 2013. № 1. С. 18–26.
2. *Беляев А. Н.* О взаимоотношении языка и культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10. С. 75–79.
3. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии в описании языка. М. : Языки славянской культуры, 1999. 783 с.
4. *Козлова Л. Ю.* Роль А. Н. Генко в составлении алфавитов для бесписьменных языков народов Северного Кавказа // Анатолий Несторович Генко и Кавказ : матер. междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения выдающегося филолога и этнографа (Черкесск, 25–26 ноября 2021 г.). Карачаевск : КЧГУ, 2021. С. 99–104.

5. Козлова Л. Ю. О проблемах взаимоотношений языка и литературы в полиэтническом пространстве Карачаево-Черкесской Республики // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 118–119.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений. 3-е изд., испр. М. : Академия, 2007. 202 с.
7. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово / Slovo, 2000. 624 с.
9. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М. : Академия, 2002. 378 с.

Lyudmila Yu. KOZLOVA,

Cand. Sci (Theory and Methods of Training and Education),
Assoc. Prof., Russian Language Department, Umar Aliev
Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk,
Karachay-Cherkess Republic, Russia, kozlovalyudmilck4@yandex.ru

The Problems of Relationships between Language and Culture in the Polyethnic Space of the Karachay-Cherkess Republic

This article explores the specifics of scientific approaches to studying the relationship between language and culture, emphasizing the perspective of cultural scientists on the complex correlative relationships between language and culture, the essence of which should be considered in a dialogical unity. A legislative framework has been established in the Karachay-Cherkess Republic to preserve, successfully operate, and develop the linguistic potential and cultural heritage. Particular attention is paid to the scholarly work of the outstanding scholar Anatoly N. Genko, who made a significant contribution to the study of the languages, cultures, and history of the mountain peoples not only of Karachay-Cherkessia but also of other regions of the North Caucasus. The creation of a written language for the mountain peoples was of great importance not only for the development of their native languages, artistic creativity, and history, but also for their access to masterpieces of world culture.

Keywords: language, culture, linguacultural studies, multiethnic space, concept, UNESCO, minority languages, Anatoly N. Genko.

Л. Н. Тугова*

Национальные истоки и культурная идентичность народа в творчестве абазинских писателей**

Рассматривается творчество абазинских писателей и поэтов Т. З. Табулова, Б. Х. Тхайцухова, К. Л. Мхце, М. Х. Чикатуева и других в контексте состояния духовной культуры народа, специфических особенностей его развития, уровня его исторического и духовного самосознания и эстетического самовыражения. Они внесли значительный вклад в развитие жанров абазинской литературы, в обогащение ее поэтики, в философское осмысление человека и окружающего мира в национальных художественных образах и определениях, в развитие духовной культуры абазин в целом. Автор утверждает, что обращение абазинских писателей к своим истокам превращает этнографию и фольклор в факторы развития литературного процесса, имеющие собственное эстетическое значение.

Ключевые слова: абазины, духовность, культура, идентичность, литература, народ, поэзия, самобытность, словесность, самоидентификация, фольклор.

Что означает культурная идентичность народа? Определение народом своего места в мировом культурном пространстве невозможно без собственной культурной идентичности и самоидентификации. Это дает возможность свободного ориентирования в мировом сообществе и признание национально-культурной идентичности одного из народов представителями других национальных культур.

Современное состояние национальной культуры коренных малочисленных народов, к которым относится и абазинский народ (один из коренных народов Северного Кавказа), все более становится объектом пристального внимания ученых.

Словесное искусство народа является неотъемлемой и, пожалуй, самой значимой составляющей его духовной культуры. Абазинская

* ТУГОВА Лея Назировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и журналистики, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, t.lelika@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 245. DOI : 10.34685/NI.2024.26.33.004.

литература, опирающаяся в своем развитии на национальные истоки, в этом плане не является исключением. Поэтому состояние духовной культуры народов, традиционно относящихся к категории малых, напрямую связано с состоянием и достижениями в области художественной литературы и поэзии.

Естественно, основой национальной культуры стал фольклор, фольклор, пропитанный духом героизма, духом несломленности и той уникальностью, что делает его совершенно отличным от устного народного творчества даже близко родственных народов.

За многовековую историю своего существования, как и все народы мира, абазины создали и сохранили богатый и самобытный фольклор, в котором смогли представить миру свой художественный талант, сохранить богатство языка, запечатлеть моральные взгляды и этические нормы.

На определенных этапах развития устное народное творчество было не только видом искусства, но и выразителем идеологии и философии народа. Поэтому фольклор стал надежным фундаментом для дальнейшего развития самобытной и оригинальной литературы народа.

Абазинская литература относится к младописьменной литературе. В начале 30-х гг. XX в. был разработан и создан абазинский алфавит. До 1932 г. абазинская литература развивалась на кабардино-черкесском литературном языке, т. е. первые абазинские произведения издавались на нем.

Словесное творчество самобытных абазинских писателей отличается близостью к национально-художественным традициям своего народа. Этнофольклорная основа, умело используемая писателями и поэтами в своем творчестве, лишь обогатила художественную палитру их творчества. «Фольклор не только породил литературу, сделал возможным самое ее появление, но и помогал литературе в ее развитии во все последующее время» [1, с. 31].

Т. З. Табулов в 1920-х и 1930-х гг. опубликовал свои стихи на кабардино-черкесском и абазинском языках, а уже в 1941 г. он опубликовал на абазинском языке три поэмы на сюжеты нартского эпоса: «Сосруко и Сотраш», «Сосруко и Сосранпа», «Сосруко и шестеро мужчин». Сохраняя сюжет сказания, следуя художественным законам эпоса, он создал поэтические произведения, отмеченные авторской индивидуальностью и талантом. Т. Табулов сумел в своих поэмах воспеть и продемонстри-

ровать все богатство родного языка — его образность, красоту и многогранность.

В конце 1940-х гг. он опубликовал поэму «Ктым, Ктыщ, Какана», а в 1957 — «Дадыра и сто семей». В основе обеих поэм — сюжеты, мотивы, идеи абазинского сказочного эпоса (а не какого-то конкретного сказочного сюжета). В данном случае подход поэта к фольклору резко отличен от его подхода к героическому эпосу: здесь поэт дает волю творческому воображению, вводя в повествование развернутые картины быта, давая романтические географические описания, обнаруживая языковую щедрость, привлекая порой и иноязычный сказочный материал, почерпнутый из различных источников и т. д. Благо сам жанр волшебной сказки (абазинский сказочный эпос бытует только в прозаической форме) дает такую возможность, ибо он более свободен и в сюжетном, и в языковом отношениях.

Желание продемонстрировать нравственно-эстетические ценности, существующие в культуре и быте своего народа, заставляет абазинских писателей сознательно обращаться к историческим истокам, этическим и этнокультурным основам общества. По мере обретения литературного опыта абазинские писатели, создавая свои произведения, все больше и больше заняты рассуждением о нравственных принципах основы жизни и осмыслением корней духовности своего народа.

Рельефнее всего это реализовалось в творчестве Микаэля Чикатуева — одного из самых самобытных и талантливых абазинских поэтов. В 1969 г. М. Чикатуев издал книгу маленьких поэм «Абазинские всадники» — лучшую, на наш взгляд, книгу поэта. Название книги — метафора. Поэт вовсе не имеет в виду реальных всадников. Образное название книги определяет пути поисков и восстановление пройденных народом дорог, уроков, полученных им в странствиях во времени. Поэмы, включенные в книгу, составляют художественное целое. Книга чрезвычайно многотемна: тут и этнографические зарисовки, и детские воспоминания, связанные с народным бытом (как и в какие игры играли, как и какие сказки рассказывали, во что верили и во что не верили дети, как и какие обряды исполняли), тут и картины реальной действительности (первый учитель, картины повседневной жизни) и т. д. и т. п. И весь этот пестрый материал образует единый национальный мир, на который у поэта свой взгляд, своя оценка.

Сборник «Абазинские всадники» открывается поэмой «Детство», которая как бы определяет поэтапное физическое и нравственное ста-

новление и развитие человека. Поэт рассказывает буквально обо всем, что окружает и что влияет на детей. Это и игры, и их отношение к окружающей природе, это и традиции, и обычаи, в которых воспитывались абазинские дети, и многое другое.

В поэме «Волчок» поэт воскрешает яркую картину детской игры, в которую сам играл в далеком детстве. К слову сказать, М. Чикатуев рисует этнографически точно картину любой игры, любого обычая, любого штриха жизни, которые он вовлекает в повествование. Но это не самоцель (хотя само по себе в наше время, когда национальные игры, обряды, обычаи уходят из области активного бытования и мы пытаемся их восстанавливать, это бесценно): поэт старается извлечь и продемонстрировать их философию, эстетическое, психологическое содержание, возвести их к общечеловеческим ценностям.

У Микаэля Чикатуева широкие обобщения выводятся из обычных бытовых сюжетов. Так, например, в старину у абазин был обычай: у постели больного с переломами костей или раненого собирались друзья и приятели, соседи и затевали потешные игры, чтобы отвлечь больного от боли и страданий. Действие это называлось «чапшара» («охранять»).

Автор показывает формирование нравственных качеств человека начиная с детских лет посредством старинных национальных игр. М. Чикатуев в поэме «Чапшара» сохраняет и расширяет гуманистическую направленность фольклорных жанров, сохраняя гуманистическую направленность обрядовых песен. Он рассказывает об этом обычае, возвышая его до осознания сохранить «больной мир»:

*Мы соберемся — друзья все,
Мы соберемся — братья все,
Мы соберемся — люди все,
Соберемся все, кто на этой земле (живет),
Соберемся, чтобы сохранить этот единственный мир.
Всякий будет свою песню петь,
Всякий будет весело шутить,
Всякий — брат человека.
Так мы защитим (сохраним)
Наш больной мир [6, с. 57].*

Идеи, связанные с сохранением мира от всевозможных бед и объединением людей, изначально не были свойственны песням, исполнявшимся во время обряда «чапшара». Идея сохранения мира и всего

живого — это желание расширить представления о гуманистических традициях своего народа.

Поэмы «Буквы», «Сабо Ян Янович», «Красные и синие», «Сохсты», «Волк», «Белые шатры», «Дороги нашего детства», «Песня матери» воскрешают послевоенную жизнь далекого абазинского аула. Основа их — реальная действительность.

Детство поэта — это детство, которого не было: отнято, исковеркано, съедено войной. Точен поэт, когда пишет:

*Нас не отцы учили косить сено —
Нас матери научили держать косу [6, с. 51].*

Поэмы, вошедшие в книгу «Абазинские всадники», достаточно полно и точно передают фольклор и этнографию абазинского народа.

Основа национального и художественного менталитета абазинского народа неразрывно связана с его нравственностью и духовностью.

Умение осмыслить глубинные основы бытия народа, раскрытия его нравственных, психологических и общественных проблем, освоения индивидуального стиля пришло в абазинскую литературу в 60–80-е гг. XX столетия. В это время многие абазинские писатели приходят к литературной зрелости, обретая творческий опыт и вырабатывая свой индивидуальный писательский и поэтический подчёрк. Один из них — Бемурза Хангериевич Тхайцухов. Отличительной чертой его творчества является близость к национальным традициям своего народа, их художественная интерпретация. Художественная палитра произведений автора умело обогащается фольклорными приемами и фольклорной эстетикой.

В 1960–1980-е гг. в русской и национальной литературе наблюдается углубление принципа историзма. Эти же процессы мы наблюдаем и в абазинской литературе. Обращение абазинских писателей к теме исторической памяти закономерно, оно созвучно общероссийскому литературному процессу. Проблемы сохранения культуры, традиций, обычаев и родного языка заставляют авторов обращаться к непростому историческому прошлому своего народа, искать основы его духовности в богатейшем устном наследии.

История абазинского народа — это история борьбы, страданий, потерь и обретений. Поэтому так щепетильно писатели относятся к сохранению и художественному осмыслению самобытной истории своего народа, бережно и скрупулезно восстанавливая частично забытые и утраченные связи. Показывая своих героев в разное историческое

время, в разных ситуациях — как трагических, так и героических, писатели и поэты заставляют удивляться и восхищаться нашими предками, которые смогли не только выстоять и сохраниться как этнос, но и сохранить свою самобытную культуру и уникальный родной язык. «Именно самобытность и неповторимость народа создают многоцветие мира. Это неизбежно возвращало к первоначалам национальной жизни, к нравственным и духовным ценностям народного бытия» [4, с. 40–43]. Сохранение самобытности абазин, их культуры, обычаев и традиций стало возможным благодаря их преданности и неистребимой любви к своему очагу, родной земле, вере предков. Это является лейтмотивом многих произведений абазинской литературы: поэм К. Мхце «Воспоминания», «На поле Курском», книги маленьких поэм М. Чикатуева «Абазинские всадники», романов К. Джегутанова «Золотой крест», Б. Тхайцухова «Горсть земли», Р. Физикова «Санца» и мн. др.

Как мы уже говорили, история абазинского народа полна драматических событий. Одно из них — это Кавказская война. Ее последствия для горцев Северного Кавказа были ужасными. Почти все их селения были разорены и уничтожены, а бежавшим от войны в Турцию горцам была уготована нелегкая судьба махаджиров.

Тема махаджирства стала одной из самых трагических тем и в абазинской литературе. Не обошел ее в своем творчестве и Б. Тхайцухов, написав эпический роман «Горсть земли». Это роман о человеке и родине.

На страницах романа разворачиваются трагические события Кавказской войны, в эпицентре которой оказываются горцы-переселенцы, бежавшие от войны в Турцию и желавшие сохранить не только свою жизнь, но и свою культуру, свой язык, традиции и обычаи.

Бемурза Тхайцухов сумел воссоздать реальную драматическую картину жизни горцев, широко осветив в романе душевные переживания, а также тяготы и лишения, выпавшие на долю родного народа.

Творчество Б. Тхайцухова, вбирающее в себя фольклор и этнографию абазин, характеризует эпическую и эстетическую суть, лежащую в основе национального и художественного менталитета народа. Кроме того, через обращение к наследию, выраженному в народном творчестве, автор создает эпическую биографию своего народа, характеризует нравственную и этическую основу его духовности.

Тема исторической памяти находит свое воплощение в произведениях лучших абазинских писателей, так как именно знание и сохранение своей истории и культуры дают народу возможность самоидентификации.

Творчество Керима Мхце, абазинского «Пушкина», как его называют в народе, вобрало в себя богатейшие исторические материалы и автобиографические данные самого поэта. Ярким примером такого синтеза стала поэма «Воспоминания». Поэма как будто бы лишена композиционной стройности, она фрагментарна. Автор демонстрирует своему читателю отдельные моменты истории народа, проводя идею о том, что прошлое и настоящее — это звенья одной цепи, эпизоды одной общей истории своего народа.

Воссоздавая картины истории своего народа — близкой и далекой, поэт берет на себя миссию быть проводником из прошлого в настоящее, и наоборот. И в этом волнительном путешествии все взаимосвязано — духовно, этически, исторически. Он всячески подчеркивает свою сопричастность к истории, которая является и частью его судьбы тоже. Для этого он выбирает определенные символы, и один из них — это образ дороги. Этот образ как бы символизирует непростую судьбу абазинского народа. Именно дорога стала символом-обобщением исторических судеб многострадального народа, ищущего пристанище и не находящего его. Мотив дороги стилизован под песню-плач:

*Дороги, дороги —
Нашей судьбы расстояния,
Дороги, дороги —
Печальные песни наши.
Дороги, дороги —
Наши думы, наши мечты [2, с. 57].*

Широкое использование символических образов метафорически обобщает трагическую судьбу маленького народа. Эти мотивы имеют широкий выход в современность, когда еще не снята проблема сохранения этноса... Мотив преемственности нравственно-эстетических традиций приобретает в его поэмах философскую насыщенность, являясь свидетельством исторической глубины осмысления действительности.

В романе «Золотой крест» Кали Джегутанова также представлена история абазинского народа, сюжет которого вобрал в себя большой исторический материал и достаточно длительное историческое время. Автор повествует о временах противостояния предков абазин — абазгов и византийцев, пытавшихся насильно обратить их в христианство. Роман строится на богатейшем фольклорном материале — преданиях-хабарях (рассказах. — *Авт.*). Фольклорный материал романа дополняется

реальными историческими фактами. В трудах византийского историка Прокопия Кесарийского мы находим запись: «За пределами Апсилии, при входе в пределы абасгов (предки современных абазин. — *Авт.*), есть место следующего рода: высокая гора, начинающаяся с Кавказского хребта <...> до самого Эвкинского Понта» [3, с. 401]. Хорошее знание истории помогло К. Дзегутанову доподлинно точно воссоздать не только исторический фон произведения, но и показать культуру народа данного периода.

Обращение к исторической тематике абазинских писателей вызвано потребностью показать судьбу народа на самых сложных и переломных этапах истории.

Творчество абазинских писателей и поэтов отражает культурную идентичность народа, потому что оно тесно связано с этнофольклорными и художественными традициями. Они (писатели и поэты) профессионально пользуются приемами фольклора, что, в свою очередь, несомненно обогащает художественную палитру их произведений. Так, например, Хамид Жиров в своих первых литературных работах обрабатывал фольклорные тексты, что обогатило язык автора, раскрыло для него национальное своеобразие мышления абазин, дало представление об их морально-эстетических нормах и нравственных идеалах [5, с. 53].

В творчестве абазинских писателей и поэтов используется самобытное и оригинальное наследие устного народного творчества, которое помогает в философских обобщениях и служит для передачи своих мыслей и для придания национального колорита произведению.

Обращение абазинских писателей к своим историческим, этнографическим и фольклорным истокам — это потребность в нравственно-этических ценностях, которые сложились в быте и культуре народа. Поэтому и этнография, и фольклор, и мифология становятся факторами искусства, имеющими эстетическое значение.

Использованная литература:

1. *Лихачёв Д. С.* Возникновение русской литературы. М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 240 с.
2. *Мхце Керим.* Рассветные цветы. Черкесск : Кн. изд-во, 1983. 114 с.
3. *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. М. : Изд-во АН СССР, 1950. 496 с.

4. Тугова Л. Н. Национальные истоки творчества Бемурзы Тхайцухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-1. С. 40–43.
5. Тугов В. Б. Очерки истории абазинской литературы. Черкесск : Ставропольское кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1970. 275 с.
6. Чикатуйев Микаэль. Абазинские всадники: маленькие поэмы. Черкесск : Ставропольское кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1969. 110 с.

Lelya N. TUGOVA,

Cand. Sci. (Russian Literature and the Literatures of the Peoples of the Russian Federation), Assoc. Prof., Department of Literature and Journalism, Umar Aliev Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk, Karachay-Cherkess Republic, Russia, t.lelika@mail.ru

National Origins and Cultural Identity of the People in the Works of Abaza Writers

This article examines the works of Abaza writers and poets Tatlustan Z. Tabulov, Bemurza Kh. Thaitsukhov, Kerim L. Mtskhe, Mikael Kh. Chikatuyev, and others in the context of the state of the people's spiritual culture, the specific features of their development, the level of their historical and spiritual self-awareness, and aesthetic self-expression. They made a significant contribution to the development of Abaza literary genres, the enrichment of its poetics, the philosophical understanding of man and the surrounding world in national artistic images and definitions, and the development of the spiritual culture of the Abaza people as a whole. The author argues that Abaza writers' return to their roots transforms ethnography and folklore into factors in the development of the literary process, each with its own aesthetic significance.

Keywords: Abaza, spirituality, culture, identity, literature, people, poetry, originality, poetry, self-identification, folklore.

Ф. М. Хубиева*

Коммуникативно-лингвистические игры как необходимое условие интенсификации учебного процесса студентов-билингвов**

Автор отмечает, что в российской системе обучения дидактический материал, используемый на лекциях и семинарах, значительно потерял свою актуальность и отстает от происходящих в обществе процессов. За последние 15–20 лет изменились программы и отношение к литературе. Традиционная форма, где педагог является основным источником информации, явно устарела. Источников информации стало значительно больше, они стали доступнее. Студент сам может их находить и получать нужную информацию не только от преподавателя и лектора. В настоящее время отношения «преподаватель — студент» строятся на сотворчестве. Резкое увеличение объема и существенное усложнение структуры учебной информации требуют новых подходов к системе обучения. Коммуникативно-лингвистические игры становятся инструментом диагностики и самодиагностики, позволяющие ненавязчиво, мягко, легко обнаружить наличие трудностей в общении. В статье обосновывается необходимость активного внедрения инновационных методов в учебный процесс и приводятся конкретные тренинги с рекомендациями по методике их проведения и анализу результатов.

Ключевые слова: тренинг, игровые методы обучения, полилингвальная личность, коммуникативно-речевое развитие, образовательная среда, дидактический материал, И. Ф. Гебарт, инновационно-тренинговый метод преподавания, традиционный тренинговый метод преподавания.

Сейчас самыми престижными в мире являются школы с игровыми методами обучения, которые являются хорошими методами в практике обучения. Они помогают создать на занятиях творческую атмосферу, вызывающую у студента желание узнавать и усваивать новую информацию. Традиционная лекция, конечно, необходима, но нужно обязательно

* ХУБИЕВА Фариза Магометовна, старший преподаватель кафедры литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, fariza64@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 256–257. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

внедрять новые формы обучения: коммуникативно-лингвистические, ролевые, деловые игры, брейнсторм и т. д.

По мнению немецкого педагога И. Ф. Гербарта, жившего в конце XVIII — первой половине XIX в., система высшей школы строилась по принципу: педагог учит, студент учится. Наиболее консервативной формой организации учебного процесса в высшей школе, по мнению некоторых ученых, является лекция (Г. И. Герасимов, А. В. Лубский и др.). Построенная в традиционной «информационно-знаниевой парадигме» лекция предусматривает, с одной стороны, трансляцию «готового» знания эмпирического, теоретического и аксиологического характера, с другой — запоминание и воспроизведение студентами основных положений лекции.

Студенты Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева в основном билингвы, т. е. являются носителями русского и своего этнического языка. В этом вузе обучаются и студенты-иностранцы. Среди них не каждый умеет ясно и четко формулировать свои мысли на русском языке. Иногда студенты, особенно первокурсники, стесняются высказывать вслух свои мысли. Кто-то страдает косноязычием, у кого-то небогатый лексический запас, у кого-то остался неприятный опыт общения с педагогами.

Для их лучшей адаптации в поликультурном многоконфессиональном пространстве необходимо знание традиций, обычаев, норм поведения таких обучающихся. Очень часто именно игра становится инструментом диагностики и самодиагностики, позволяющим ненавязчиво, быстро, легко обнаружить наличие серьезных психологических проблем в общении.

«Благодаря игре интенсифицируется процесс обучения, закрепляются новые поведенческие навыки, обретаются казавшиеся ранее способами оптимального взаимодействия с другими людьми, тренируются и закрепляются вербальные и невербальные коммуникативные умения. В инновационном обучении содержание преподавания определяется исходя из наличного материала, наработанного в совместной деятельности преподавателя и студентов с использованием элементов тренинга, поэтому этот метод преподавания называют инновационно-тренинговым» [2, с. 27–28].

Привычные методы работы нуждаются в пересмотре, так как меняется мир, меняются взгляды, ценности, критерии оценок. В своей профессиональной деятельности мы ориентируемся на креативную систему

образования, «основная цель которой — разбудить в человеке творца и развить заложенный в нем творческий потенциал» [3]. Для этого нужно установить доверительные отношения со студентами. Педагог должен обладать такими личностными, необходимыми в профессиональной деятельности качествами, как коммуникативная компетентность, доброжелательность, справедливость, честность, эмоциональная лабильность, толерантность, бесконфликтное решение проблем и стремление к взаимопониманию. Однако многим студентам-билингвам требуется много времени, чтобы влиться в учебный процесс, установить дружеские отношения в группе, принять инокультурные ценности, привыкнуть к вузовским требованиям.

Огромное значение для интенсификации учебного процесса в работе со студентами-билингвами имеют коммуникативно-лингвистические игры. «Гуманитаризация высшего образования, превращая студента из объекта образовательной деятельности в его активного субъекта, укореняет в сознании студента представление о творчестве как основе его профессиональной деятельности. Поэтому, организуя тренинги, преподаватель должен создавать интеллектуальные условия, способствующие творческой активности студентов» [4, с. 61].

Одной из эффективных, на наш взгляд, является коммуникативно-лингвистическая игра на умение слушать. Она называется «Вертушка». В качестве приложения к игре предлагаются тексты из книги Д. Х. Вагаповой «Риторика в интеллектуальных играх и тренингах» [1]. Молодым преподавателям, желающим применить этот метод, мы рекомендуем взять в качестве образца «неправильного» слушания текст «Капитан — адъютанту» [1, с. 94–95]. Автор на примере данного отрывка показывает, как небольшой текст при четырехкратной передаче разными людьми искажается с каждым разом всё больше и больше. В результате в окончательном варианте смысл текста изменяется до абсурдного. «При этом она не интерпретирует характер этих изменений, не анализирует причины, по которым происходят эти изменения. Мы попытались выявить эти причины» [10, с. 211].

В традиционной тренинговой форме в игре участвует 10–12 человек. В ходе игры участникам необходимо «переработать» информацию разных стилей, различной модальности и степени сложности. Педагог является ведущим. Он объявляет правила игры. Пятеро участников на несколько минут покидают аудиторию и ожидают за дверью, пока их пригласят. Оставшимся ведущий дает рекомендации по наблюдению

за участниками, которым предстоит воспроизвести услышанный текст. Затем без всякой установки на слушание ведущий зачитывает небольшой по объему и несложный по содержанию текст. Приглашается один из покинувших аудиторию участников, которому кто-либо из присутствующих в аудитории студентов передает услышанную информацию. Он, в свою очередь, должен пересказать этот текст следующему участнику, приглашенному в аудиторию. И так до пятого участника. Затем ведущий вновь зачитывает текст, и группа должна сравнить конечную информацию с оригинальной версией.

Кроме того, сидящие в аудитории студенты оценивают качество передачи информации каждым участником: мимику, телодвижения, темпоритм, точность воспроизведения, паузы, правильное произнесение слов и т. п. Затем участники меняются, и процедура повторяется с более сложным текстом. Можно использовать от трех до пяти текстов различной сложности. В заключение делаются выводы, преподаватель дает рекомендации.

Мы подбираем пять текстов для работы с одной группой. Это тексты на эрудированность, восприятие информации различной модальности, на умение различать главное и второстепенное, на способность к воссозданию образа по словесному описанию. Многолетний опыт работы показывает, что для студентов-билингвов наибольшую трудность для воспроизведения представляют иностранные имена (Сократ, Вильгельм Завоеватель), географические названия (Афины, битва при Гастингсе), незнакомые продукты питания, посуда (простокваша, фаянсовая тарелка), устаревшие и малоупотребительные слова и словосочетания («Пушкин был собою дурён, <...>, но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно»; «объяснялся бы так вяло и так несносно») [7].

В результате при передаче текста некоторые слова опускались («дурён», «несносно», «искусство красноречия»), другие заменялись (полководец вместо герцога, апельсин вместо лимона, завоевание Америки вместо завоевания Англии), преобразовывались («вы осторожно прикасаетесь языком к капле кислого сока на лезвии» на «вы облизываете нож»), сокращались (Крат вместо Сократ). Таким образом, тексты упрощались до минимума.

Последний этап наиболее важен — анализ полученных результатов ощущений, открытие новых черт личности, особенностей восприятия другими участниками одного и того же человека. Каждый участник делится тем, что он из этого извлек, что принял, что отвергает.

Студентам предлагается проанализировать результаты участия в игре:

1. Как вы реагируете на незнакомые или непонятные слова?
2. Что вам мешает точно воспроизвести текст?
3. В каких случаях ваша жестикуляция была уместна?
4. Какие новые слова запомнили?
5. Какой текст вам наиболее близок и понятен?
6. Как реагируют окружающие на ваши речевые ошибки?
7. Как вы оцениваете коммуникативные качества своих одногруппников?
8. Что вам больше всего запомнилось?
9. Отследите ваши физиологические реакции.
10. Чему вы научились?

Игровые формы занятий ведут к повышению творческого потенциала обучаемых и к более глубокому, осмысленному и быстрому освоению материала. Работа с образами, пронизывающая всю игровую деятельность, стимулирует процессы мышления, в т. ч. творческую интуицию.

«Проведение данных упражнений со студентами-билингвами способствует развитию таких коммуникативных и интеллектуальных навыков и умений, как восприятие информации различной модальности, грамотность речи, интеллектуальная лабильность (переключаемость, способность к переобучению), способность объективно оценивать свой потенциал, развитие рефлексивного слушания, коммуникативная компетентность, устойчивость внимания» [10, с. 215].

Кроме того, внедрение коммуникативно-лингвистических игр в учебный процесс развивает наблюдательность, эрудированность, свободное владение вербальными и невербальными навыками общения, память на внешность и поведение человека, ведет к сплочению коллектива, быстрейшей социальной адаптации студентов-билингвов.

После того как в студенческом коллективе происходит сближение, формируются доверительные отношения, мы проводим тренинг на самопринятие «Зеркало». Для его проведения выбирается аудитория с большим зеркалом во весь рост. Участникам предлагается выполнить несложное задание: нужно подойти к зеркалу, спокойно постоять перед ним несколько минут, глядя себе в глаза, а затем, обращаясь к себе, произнести вслух фразу: «Я люблю тебя (имя) таким, какой ты есть». Фраза произносится дважды с небольшим перерывом (5–10 секунд).

Этот тренинг часто используют в различных группах для эффективной социализации членов коллектива. Ведущий предупреждает, что все, что происходит на занятиях, происходит по принципу «здесь и теперь». «Принцип акцентирования на настоящем способствует глубокой рефлексии участников, обучению сосредотачивать внимание на себе, своих мыслях и чувствах, развитию навыков самоанализа» [2, с. 7].

Участники садятся в круг. Во время тренинга вход посторонних в помещение, выход участников из помещения, где проводится тренинг, допускается только в исключительных случаях с разрешения ведущего. Цель этого тренинга — диагностика самопринятия.

На первый взгляд все выглядит очень просто. Объективную картину мы получаем после опроса. Участникам предлагается описать свои ощущения, мысли, чувства, эмоции:

1. Что вы при этом испытывали?
2. Понравилось ли вам упражнение?
3. Легко ли вам смотреть себе в глаза?
4. Хотелось ли вам смеяться?
5. О чем вы думали в этот момент?

Проведенный в разных группах тренинг показал, что не все участники готовы к выполнению такого, казалось бы, простого задания. В качестве примера приведем группу, состоящую из 15 человек: 1 участник отказался выполнить задание, еще 1 затруднился описать свои ощущения, 1 отнесся несерьезно, превратив все в шутку, 12 человек ответили, что им было легко смотреть себе в глаза. Мы отметили, что 6 обучающихся до участия в тренинге испытывали трудности в общении.

На вопрос «Понравилось ли вам упражнение?» 8 человек ответили, что упражнение им понравилось, было интересно. Несколько человек признались, что первый раз в жизни сказали себе эти слова: «Упражнение в какой-то степени понравилось, потому что это я в первый раз произнес вслух». Но при этом некоторые испытывали чувство смущения и неловкости: «Я испытывал чувство неловкости», «Неудобно самой себе такое говорить», одной участнице не понравилось, что она выглядит уставшей. Четверо ответили, что они ничего не испытали, у одного была «нормальная реакция», один испытывал удовлетворение, двоим было смешно.

Одна из участниц испытывала неосознаваемые противоречивые чувства. На вопрос «Легко ли вам смотреть себе в глаза?» она ответила: «Обыкновенно, как будто смотришь в первый раз». Четверым это упражнение не понравилось: «Неприятно говорить самой себе такое».

А двое откровенно признались, что им было трудно выполнить задание. При этом только двое затруднились четко ответить, остальным упражнение однозначно понравилось или не понравилось. Еще двое довольно уверенно ответили, что им всегда легко смотреть себе в глаза: «Да, мне и в свои глаза, и в чужие всегда смотреть легко».

На вопрос «Хотелось ли вам смеяться?» большинство ответили, что они смеялись, один промолчал, двое сказали, что не смеялись, один пошутил: «Плакать хотел, когда на себя посмотрел, какой я страшный».

На последний вопрос трое затруднились ответить, трое сказали, что ни о чем не думали, остальные анализировали процесс самопринятия:

- неудобно самой себе такое говорить;
- я подумал: «Зачем нужно это упражнение?»;
- я думал о жизни, второй раз говорить было тяжело;
- я осмысливал текст, думал, так ли это или нет;
- я думал о том, что я говорю.

Смех, как показывают специальные исследования, свидетельствует о сопротивлении выполнить задание или является защитной реакцией. Суть в том, что участник избегает под любым предлогом того, чтобы сказать о любви себе.

Проанализировав полученные результаты, мы пришли к следующим выводам: трудность в выполнении задания связана с тем, что многие считают, что себя любить неприлично, некрасиво. Здесь могут иметь место и более глубокие причины: участники, чувствовавшие неловкость, затруднения, возможно, не готовы принять себя такими, какие они есть, недостаточно любят себя, осуждают себя за что-то, о чем они не готовы говорить [5]. По нашему мнению, непринятие себя может быть связано с повышенным самоконтролем, повышенной требовательностью к себе (при несоответствии предполагаемым стандартам самооценка снижается, становится неустойчивой, что ведет к непринятию себя).

Среди тех, кто выполняет это задание легко и просто, встречаются и такие, кто не задумывается о себе как о личности, не оценивает свои поступки критично («Я в этот момент ни о чем не думала, так это было»). Это указывает на безразличие к себе.

Важным результатом данного конкретного тренинга стало то, что 6 человек серьезно задумались о том, насколько они любят себя, а 3 человека признались, что не могут принять себя со своими недостатками, любить себя такими, какие они есть.

Всемирно известный американский психолог, философ, социолог XX в. Эрих Фромм в книге «Искусство любви» пишет: «Любовь — это активная заинтересованность в жизни и развитии того, к кому мы испытываем это чувство» [9, с. 13]. Необходимо донести до студентов мысль, что отсутствие любви к себе, внимания к себе и заботы о себе лежит в основе многих проблем и трудностей нашей жизни. Можно рекомендовать таким студентам декларацию самооценности, приведенную в книге известного психотерапевта Вирджинии Сатир в книге «Как строить себя и свою семью» [6, с. 22].

Использование подобных форм в работе со студентами-билингвами способствует обретению уверенности в себе (упрочению этой уверенности для тех, у кого она есть или недостаточна), развитию навыков общения, налаживанию гармоничных взаимоотношений с окружающими людьми.

Таким образом, игровые формы занятий способствуют снятию эмоциональной напряженности, ведут к повышению творческого потенциала.

Как отмечают сами студенты, участие в тренингах и коммуникативно-лингвистических играх помогает преодолеть застенчивость, косноязычие, помогает избежать недоразумений и речевых ошибок («дайте подружку» вместо «дайте подушку» — из диалога иностранного студента с комендантом общежития при заселении).

В ходе таких игр тренируются и закрепляются вербальные и невербальные коммуникативные умения. «Ведь игра, пожалуй, как никакой другой метод эффективна в создании условий для самораскрытия, обнаружения творческих потенциалов человека, для проявления искренности и открытости, поскольку образует психологическую связь человека с его детством» [2, с. 18].

Изучая русский язык и русскую культуру посредством коммуникативно-лингвистических игр, обучающиеся также познают параметры своей культурной идентичности и вместе с тем осознают единство своего родного языка с языковой культурой мира. Игровая форма занятий облегчает развитие межкультурных контактов, характеризующихся универсальными и специфическими параметрами поведения и общения различных этносов при коммуникации. Будущие филологи-билингвы таким образом усваивают не только свои этнокультурные особенности, но и общность с представителями других народов.

Использованная литература:

1. Вагапова Д. Х. Риторика в интеллектуальных играх и тренингах. М. : Цитадель, 2001. 460 с.
2. Вачков И. В. Основы технологии группового тренинга. М : Ось-89, 1999. 138 с.
3. Гордашников В. А., Осин А. Я. Образование и здоровье студентов медицинского колледжа. М. : Академия естествознания, 2009. 395 с.
4. Козлова Л. Ю., Тугова Л. Ю., Хубиева Ф. М. О функциональной грамотности как элементе целостного процесса формирования коммуникативной компетенции обучающихся // Проблемы современного педагогического образования : сб. науч. тр. Ялта : РИО ГПА, 2023. Вып. 79. Ч. 4. С. 61–63.
5. Прихожан А. М. Психология неудачника: Тренинг уверенности в себе. М. : Творческий центр «Сфера», 1997. 187 с.
6. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М. : Педагогика-пресс, 1992. 190 с.
7. Скатов Н. Н. Пушкин. Русский гений. М. : Классика, 1999. 590 с.
8. Сорокина Н. Д. Об инновационных методах в преподавании социологических курсов // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 120–123.
9. Фромм Эрих. Искусство любви: Исследование природы любви / пер. с англ. Л. А. Чернышевой. Минск : Полифакт, 1990. 80 с.
10. Чотчаева М. Х., Хубиева Ф. М. Интенсификация учебного процесса методами активного слушания // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55-7. С. 210–216.

Fariza M. KHUBIEVA,

Senior Lecturer, Department of Literature and Journalism, Umar Aliev
Karachay-Cherkess State University, Karachay-Cherkess Republic,
Karachaevsk, Russia, fariza64@mail.ru

Communicative and Linguistic Games as a Necessary Condition for the Intensification of the Educational Process of Bilingual Students

The author notes that in the Russian educational system, the didactic material used in lectures and seminars has significantly lost its relevance and lags the processes taking place in society. Over the past 15–20 years, programs and attitudes towards

literature have changed. The traditional form, where the teacher is the main source of information, is clearly outdated. There are significantly more sources of information, and they have become more accessible. The student can find them himself and get the necessary information not only from the lecturer. Currently, the teacher-student relationship based on co-creation. A sharp increase in the volume and significant complexity of the structure of educational information requires new approaches to the learning system. Communicative and linguistic games are becoming a diagnostic and self-diagnostic tool that allows you unobtrusively, gently, and easily to detect the presence of communication difficulties. The article substantiates the need for active implementation of innovative methods in the educational process and provides specific trainings with recommendations on the methodology of their implementation and analysis of the results.

Keywords: *training, game teaching methods, multilingual personality, communicative and speech development, educational environment, didactic material, Johann F. Gebart, innovative and training teaching method, traditional training teaching method.*

РАЗДЕЛ 5

ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Р. И. Пшеничникова**

Этнокультуры России в контексте проблем формирования позитивного ноосферного мышления: модульный подход

В статье на основе модульного подхода осуществлено описание этнокультуры как основы формирования новой идеологии. Отмечая глобальный кризис современной цивилизации, автор считает необходимым обращение к многовековому опыту этнокультур народов России как один из способов его преодоления. Так, система знаний, содержащаяся в этнических культурах (модели взаимодействия с природой, ритуалы, магические формы искусства), является ресурсом формирования новой «ноосферной» культуры. Содержание всех религий, мифов, древних памятников культуры и искусства в значительной мере состоит из символических форм, представляющих собой попытки передать эту идею. В заключение предлагаются конкретные пути развития культуры, в том числе развитие арт-терапии как технологии оздоровления, экологического и эмоционально-образного мышления в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта, формирование «экономики духовного производства» и сохранение культурного суверенитета.

* ПШЕНИЧНИКОВА Раиса Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, советник при ректорате Восточно-Сибирского государственного института культуры, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия, kvsgaki@yandex.ru.

Ключевые слова: этнокультуры, народы России, духовное развитие, ноосферное мышление, русский космизм, миф, магическое искусство, геокультуры, арт-терапия, традиционные ценности, культурный суверенитет.

В настоящее время человечество вошло в полосу глобальных кризисов и катастроф, ведущих к его уничтожению. Ситуация такова, что только нестандартные решения способны подсказать выход из нее. Одним из таких путей, на наш взгляд, являются этнокультуры народов России, хранящие в себе многовековые древнейшие знания, технологии и модели «взаимодействия человека и природы», «магии общения со Вселенной», «традиций и ритуалов как пси-технологий», «моделей древних магических форм музыки, танца, пения», «технологии созерцания как экстатической формы общения с миром Вселенной, Земли, человечества», «знаний о своем роде — родовой пирамиде».

Неслучайно на X Международном форуме объединенных культур в Санкт-Петербурге В. В. Путин в своем выступлении подчеркнул, что успехов добьется то общество, которое будет опираться на прочную основу своих ценностей, своей истории и традиций. Он подчеркнул, что сохранение и развитие этих основ в условиях стремительного технологического прогресса и огромного влияния нейросетей становятся особенно важными.

В статье предпринят модульный подход к исследованию обозначенной проблемы.

Модуль «Человек — природа». Здесь следует отметить достижения «гомеостатики» как нового направления кибернетики (разработчики М. М. Салин, Ю. М. Горский, А. М. Степанов, С. В. Покровский) [1, с. 13–21]. Авторы отмечают, что французский писатель Оноре де Бальзак в романе «Шагреновая кожа» фактически показал простейшую модель порочного взаимодействия человека и природы. Шагреновая кожа — это природа, которая все больше сжимается под натиском ненасытных желаний человека, но вместе со сжатием этой кожи падает и запас жизненных сил человечества.

Авторы видят единственную альтернативу выхода из этого процесса — в формировании новой культуры социума — «ноосферной», о чем писал в своих трудах известный ученый В. И. Вернадский. Но уже против этого запущен ряд антимеханизмов, которые будут засорять и отравлять ноосферу. В связи с этим они ставят проблему формирования «кодекса ноосферного мышления» с осознанным применением информационного ресурса, накопленного веками в традиционных культурах.

Без постижения фундаментальных механизмов общечеловеческой культуры положительные результаты сомнительны. Здесь-то и выходят на первый план этнокультуры со своим вековым опытом, вековыми знаниями и вековыми смыслами.

Следует отметить, что, по утверждению К. Г. Юнга, всякое знание начинается с мифа, в котором всегда присутствует тайна как сознательно-бессознательный феномен архетипов человека, ибо мифы выражают идеалы и ценности древнейших и изначальных культур, радикально отличающихся от современной цивилизации [9, с. 3–13]. Он подчеркивает, что миф действует внутри нас, в бессознательном, поэтому человеку требуется так называемая мифореставрация, которую возможно рассматривать как одно из важнейших инновационных направлений развития духовной культуры в современном мире. Поскольку этнические культуры всегда связаны с мифами и тайными знаниями, которые проявляются как архетип с точки зрения психологии и как символ с точки зрения мышления, то появляется необходимость в их изучении и систематизации с целью выявления основных культурных кодов этносов России.

Известный космист Н. Ф. Фёдоров в своей выдающейся работе «Философия общего дела» подчеркивал, что человечество призвано овладеть стихийными слепыми силами вне и внутри нас, выйти в космос для его активного освоения и преображения, обрести новый бессмертный космический статус бытия [5].

Доказательством научных прозрений русских космистов являются уникальные исследования Эрнста Мулдашева о хранящемся генофонде человечества, в частности его книга «Мир сложнее, чем мы думаем» [4]. Этот автор отмечает, что сейчас идет эволюционный процесс духовного развития, духовного начала в человеке. Человеческая душа есть продукт тонкого мира, и основная суть древних знаний — это психоэнергетические подходы, а именно — технологии освоения психической энергии [4, с. 35], чем владели наши предки. Научное исследование в связи с открытым генофондом человечества позволило Э. Мулдашеву сделать очень важный вывод — о создании человеческого тела в нашем физическом мире путем уплотнения духа в результате длительной эволюционной работы природы [4, с. 28]. Поэтому, как в романе «Шагреневая кожа», получается: уничтожаем природу — уничтожаем себя.

Модуль «Формирование планетарного человека и планетарной психологии». В основе этого модуля находится «теоретическая история», автором и разработчиком которой является Г. С. Кваша. Это

продолжение идей космизма и ноосферизма в современных условиях [2, с. 4–5]. Главная ее тема — прогнозы, связанные с будущим развитием человечества, основанные на глубоком и всестороннем анализе истории и значимых событий мирового уровня, как новое научное направление.

На сегодня главный прогноз теоретической истории свидетельствует, что войны, враждебность, все зло уйдут. Но тут появляется проблема: как жить в новых условиях? Дело в том, что теоретическая история (теория) свидетельствует о том, что человечество практически не имеет опыта пребывания в миролюбивом состоянии. «Теория» показывает, что общества, которые начнут рождаться после 2025 г., будут тонуть в «болоте безыдейности». Куда двигаться, что делать? Тем самым возникает большое испытание для человечества и большая опасность. Мы не знаем почти ничего о человеке. Что есть человек? Мы плохие пользователи себя. Здесь без осмысления знаний, заложенных в этнокультурах «об архетипах», не обойтись. Теоретическая история подсказывает пути прохождения человечеством жизни в новых условиях. В рамках теоретической истории разработана схема трех царств мирового производственного цикла. Женщины в этом цикле формируют два царства, мужчины — одно. Мужчины — разработчики идей, женщины — реальная власть над финансами.

Большое внимание теория уделяет правильному построению коллектива «деловая пирамида». «Теория брака» должна войти в сферу всеобщего знания. Главное направление теории — разработка законов развития человека, рождение мечты о счастливой жизни человечества. В новом мире, свидетельствует «теория», наши архетипы выйдут на первые роли — это будет вызовом человеческому сознанию.

Г. С. Кваша подчеркивает, что человечество сегодня находится в точке заторможенности интеллекта (гибридный мутировавший человек) из-за привычного обусловливания машинами и механическими формами мысли и поведения, что создает для человека все более ограниченную способность проявления себя, а также крайне ограниченную способность к долгой памяти, или памяти, которая простирается за пределы этой конкретной жизни. Автор теоретической истории подчеркивает, что поскольку мы находимся в этой точке событий, осознать ноосферу становится все проще.

«Цель космической истории состоит в том, — отмечает ученый, — чтобы основать объединенное планетарное самовосприятие — стать

единым Планетарным существом. Все должно строиться на этой основе. Истина в том, что есть одна традиция, одна религия, одна Земля и одно Бытие» [3, с. 3–4]. Он отмечает, что космическая история вбирает все традиции, все духовные учения и цивилизации, все культуры и помещает их в высший контекст, не отвергая ничего положительного и созидательного.

Природу планетарного человека важно описать для того, чтобы понять, что космическая история является своего рода космической психологией или описанием космических психологических процессов или состояний разума (все сущее является развертыванием космической психологии или психологическим процессом).

Модуль «От этнокультур к геокультурам и духовной ожидающей культуре». Юбилейные даты в жизни народа, этноса — это своего рода верстовые столбы его духовной истории, идущие из прошлого в будущее. По ним народ сверяет свое настоящее с прошлым и в том познает себя. Чем древнее дата, тем к более глубокому акту самопознания взывает она. Так, тысячелетний юбилей стоит почти на самой границе возможного удержания исторической памяти [2, с. 4–5]. Плоды всех культур, всех цивилизаций человечество хранит как свою духовную историю. Духовное прошлое постоянно живет в настоящем. В бытии человека заложен глубокий смысл, обусловленный тройко: судьбой человечества, судьбой народа и индивидуальной судьбой. К сожалению, прошлое не помогло человечеству овладеть глубинным познанием мира и человека, не смогло вывести это на внешний план.

Поиски синтеза религии, науки и искусства проявлены в разработанной сегодня новой парадигме науки и искусства в XXI в. [7].

Поскольку культура этносов, проживающих на конкретных территориях, напрямую определяется ландшафтом места проживания, о чем подробно рассмотрено в трудах известных ученых Л. Н. Гумилёва и В. П. Казначеева [2], то очевидной становится необходимость выделения геокультуры в самостоятельное научно-творческое направление.

Можно привести в качестве примера Республику Саха (Якутия), которая активно и целенаправленно ведет работу по формированию и развитию геокультуры своего этноса. В Театре Олонхо используются элементы древних мистерий якутского народа, эпические сказания, музыкальные фольклорные жанры, ритмизированная проза, поэтические тексты, танцы, пантомима, эксцентрика, песнопения, данные в форме арий, дифирамбы высшим силам, монологи и диалоги персонажей, связь

мирского и мистического. По существу, это восстановление древнего мистериального театра [8, с. 13–35].

В Бурятии во время проведения религиозных праздников, а они все космогонические, в дацанах исполняется театрализованное представление «Мистерия ЦАМ» — это, по сути, театр связи с землей и вселенной. У православных — богослужения как мистериальный театр. Те же элементы присутствуют в мусульманской религиозной культуре.

Известно, что любая этнокультура связана с формированием «информационной пирамиды бессознательного в психике человека». Это обусловлено тем, что все внимание, все усилия этноса (эффект наблюдателя из квантовой физики) всегда направлены на поиск сакрального смысла бытия, технологий выживания и развития. В итоге у каждого этноса сформировалась своя «модель древа развития духосознания» как важнейший генофонд древних технологий общения с природой и внутренним миром человека. Как утверждает «теория квантового поля», этнос и человек фундаментально связаны и взаимодействуют через свою ДНК с жизнью, реальностью и вселенной [4].

Сегодня доказано, что при негативных эмоциях ДНК «сворачивается» до маленького узелка и в результате не может исполнять свои функции. Светлые эмоции расслабляют ДНК, и она раскрывает целый веер возможностей человека творить и созидать себя и окружающий мир. Человеческие эмоции меняют форму ДНК, а ДНК, в зависимости от них, меняет материю, через фотоны ДНК действует на мир и его эволюцию.

Вот почему так важно вернуть из «этнических культур народов России» в современную жизнь утраченные древние технологии «созерцания» — важнейшего акта творения, о чем знали предки, «открыть» для себя в этнокультурах всех этносов огромные информационные, эмоциональные и психоэнергетические возможности древнего магического театра, магического танца, магической музыки и магического пения, т. е. магии искусства как древней технологии познания, взаимодействия с природой и Вселенной. Магия понимается нами как экстатическая форма восприятия действительности.

К числу перспективных идей следует отнести идею формирования матрицы позитивного мышления — ноосферного.

Термин этот принадлежит российским ученым-космистам: Н. Ф. Фёдорову, В. И. Вернадскому, В. П. Казначееву и др., означая сферу разума, ведущую роль в которой играют разумные реальности со знаком

«плюс» — научные, творческие, духовные, художественные и технические идеи, связанные с поиском смыслов бытия. Ноосферная культура будущего по итогам изучения проблем будет развиваться не как развлекательная, а как целительная и здоровьесберегающая. Здесь понадобится опыт предков, опыт этнических культур, опираясь при этом на главный вывод современной метанауки — о единстве законов духовного и материального миров.

Осмысление и осознание сущности этнических культур как уникального родового и семейного театра творчества, как самой эффективной формы обучения подрастающего поколения, помогут осуществить «сдвиг» в сторону духовного развития современной культуры.

Последние годы, объявляемые Президентом России В. В. Путиным Годом нематериального культурного наследия, Годом педагога и наставника, Годом семьи, свидетельствуют о начавшейся в России глубокой трансформации культуры в стране. Поэтому появляется реальная необходимость поисков путей ее развития. Анализ, проведенный нами в этом плане, позволяет обозначить некоторые из них:

- развитие культуры и искусства как технологий психофизического оздоровления людей — арт-терапия;
- формирование идеологии «примирения» человека с природой, развитие экологического мышления и культуры общения с ней. Особое место в связи с этим должна занять проблема развития «экономики духовного производства»;
- сохранение и формирование многообразия культур как основы развития и конкуренции;
- формирование принципиально новой системы ценностей;
- сохранение культурного и духовного суверенитета как современной стратегии сочетания сил мощных традиций и тяги к обновлению, сочетание духовного фактора и фактора цивилизации.

В связи с активной цифровизацией и развитием ИИ возникает проблема общения человечества. Предварительный анализ позволяет отметить, что на первый план сегодня выходит идея развития эмоционально-образного мышления как перспективы формирования телепатического общения в будущем. Выявленные автором духовно-мистические аспекты театрализации жизни кочевников убедительно демонстрируют «прохождение» духовных достижений человечества из прошлого в настоящее.

На рисунке 1 обозначены духовно-мистические аспекты театрализации жизни кочевников.

Одухотворение Природы
и выстраивание добрых
эмоциональных с ней отношений

Развитие форм группового
и коллективного творчества

Вера в сверхъестественное как
условие развития религии, интуиции,
воображения

Формирование **Идеи** живой
творящей Природы и ее
Божественной сути

Одухотворение Природы
и выстраивание добрых
эмоциональных с ней отношений

Развитие форм группового
и коллективного творчества

Исполнение многообразных
этнических ролей как основная
форма театрализации жизни

Жесткие условия выживания
требовали от кочевника напрячь
интуицию и воображение, чтобы найти
благоприятный сценарий жизни

Путь осознания баланса между
материальным и духовным

Формирование нравственных
понятий в форме мыслеобразов,
осознание смыслов хаоса

Невидимый мир и его тайны, в связи
с этим постижение мистического
значения масок и инсценировок
в тайных церемониях

Психология перевоплощения,
трансформации и преображения.
Маски, костюмы, украшения — это
все символы, которые кочевники
переживали реально

Особое значение в театрализации
имели **энергии впечатлений**, мощная
работа **эмоционального центра**

Смысл церемоний и мистических
плясок — это своеобразная форма
общения до состояния мистического
экстаза, когда человек не чувствует себя
беззащитным перед миром тайным
и явным. Развитие танца-пантомимы

Интуитивным путем кочевники
осознавали значимость представления
своего бытия.
Как представляешь, так и получаешь

Огромное значение **символизма**
в развитии театрализации жизни
кочевников

В итоге мы видим, как многое потеряно в развитии самого человека и человечества, о чем предупреждали российские космисты, писавшие, что технократический путь развития человечества не основной, а побочный. Они говорили о развитии планетарного человека, о выходе его в Космос, о заселении его. А сам человек обретает способность жить в разных средах, обновлять свои органы, исполнять любые свои мечты, победить все болезни и даже само время.

Использованная литература:

1. Горский Ю. М., Степанов А. М., Теслинов Л. Г. Гомеостатика — наука XXI века // Проблемы информатизации. 1999. № 1. С. 13–21.
2. Казначеев В. П. Здоровье нации, культура, футурология XXI века : сб. статей и докладов В. П. Казначеева (2007–2012 гг.) / под общей ред. А. В. Трофимова; сост. В. В. Ромм, С. В. Чиркова. Новосибирск : ЗСО МСА, 2012. 388 с.
3. Кваша Г. С. Мечты о будущем // Наука и религия. 2020. № 1. С. 4–5.
4. Менский Н. Б. Сознание и квантовая механика. Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания — из квантовой реальности) / пер. с англ. В. М. Ваксмана. Фрязино : Век 2, 2011. 319 с.
5. Мулдашев Э. Р. Мир сложнее, чем мы думаем. М. : Аиф-Принт ; М. : ОЛМА-ПРЕСС ; СПб. : Изд. дом «Нева», 2003. 224 с.
6. Русский космизм: антология философской мысли / сост.: С. Г. Семеновской, А. Г. Гачевой; вступит. ст. С. Г. Семеновской; предисл. к текстам С. Г. Семеновской, А. Г. Гачевой. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
7. Субетто А. И., Шанти Д. П., Лукоянов В. В. Новая парадигма науки и искусства в XXI веке. СПб. : Астерион, 2015. 32 с.
8. Чусовская В. А. Духовно-эстетический ландшафт театра Олонхо // Историко-географический, культурологический журнал. 2023. № 1. С. 13–35.
9. Юнг К. Г. Комментарий к «Тайне Золотого Цветка» // Литературное обозрение. 1994. № 3–4. С. 3–13.

Raisa I. PSHENICHNIKOVA,

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Prof., Advisor, Rectorate, East Siberian State Institute of Culture,
Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, kvsgaki@yandex.ru

Ethnocultures of Russia in the Context of the Problems of Developing Positive Noospheric Thinking: A Modular Approach

Using a modular approach, this article describes ethnoculture as the basis for the formation of a new ideology. Noting the global crisis of modern civilization, the author believes it is necessary to turn to the centuries-old experience of the ethnocultures of the peoples of Russia as one of the ways to overcome it. Thus, the knowledge system contained in ethnic cultures (models of interaction with nature, rituals, magical art forms) is a resource for the formation of a new “noospheric” culture. The content of all religions, myths, ancient cultural monuments, and art largely consists of symbolic forms representing attempts to convey this idea. In conclusion, specific paths for cultural development are proposed, including: the development of art therapy as a healing technology, ecological and emotional-figurative thinking in the era of digitalization and artificial intelligence, the formation of an “economy of spiritual production”, and the preservation of cultural sovereignty.

Keywords: *ethnocultures, peoples of Russia, spiritual development, noospheric thinking, Russian cosmism, myth, magical art, geocultures, art therapy, traditional values, cultural sovereignty.*

Е. М. Сурова*

Традиционное срубное жилище карачаевцев: история формирования, конструктивные особенности**

Рассматривается история формирования традиционного народного жилища Карачая как формы проявления этнической культуры. В отличие от типичных каменных жилых построек других народов Северного Кавказа, карачаевские родовые дома — это

* СУРОВА Елена Михайловна, кандидат философских наук, профессор, декан факультета монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства Российского государственного художественно-промышленного университета имени С. Г. Строганова, Москва, Россия, esurova92@gmail.com.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 239–240. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

приземистые бревенчатые срубы, крытые пологой дерновой крышей, построенные из хвойного леса, растущего в горных ущельях Карачая. Анализируются приемы строительства древних срубных домов карачаевцев, особенности их внутреннего устройства, решение освещения и отопления, а также основные элементы народной архитектуры — расположение и размеры дверей, окон, пола, потолка. Определяются неписанные законы распределения пространства для всех членов семьи при зонировании интерьера жилища — разделение его на мужскую и женскую половины, на почетные и непочетные части. Выделяется организующая роль очага в пространстве дома, который несет особое символическое значение в культуре карачаевцев, отождествляясь с жилищем и семьей.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, культура повседневности, родовое жилище карачаевцев, срубные дома, очаг, семья, традиция.

В XXI в. потеря этнокультурной идентичности стала особенно актуальной проблемой гуманитарных наук. Исследователи связывают это с процессами глобализации, которые наряду с экономическими и политическими несут этнокультурные изменения. Вместе с разобщением одних народов и объединением других происходит нивелирование характерных особенностей и уникальности народов и этносов. Смена привычных устоев приносит утрату смысла бытия и картины миропорядка, а с отказом от традиций в этнокультурных сообществах утрачивается дух народа, что приводит к разрушению культуры.

Рассматривая повседневность или обыденную жизнь людей как часть культуры, мы находим в ее структурах те определенные смыслы, которые служат опорой для сохранения идентичности. К культуре повседневности относятся не только народные обычаи, привычки и традиции, но и народное жилище с предметно-бытовым окружением человека, которое в качестве яркой социокультурной характеристики дает представление об особенностях и своеобразии этнической культуры.

Народы и этносы, населяющие относительно небольшую по площади территорию Северного Кавказа, отличаются многообразием языков и культур. На их становление и развитие повлияла, с одной стороны, географическая изолированность коренных горцев, что позволило им сохранить свою уникальность, а с другой, на местное население оказывали свое воздействие пришедшие извне народы. В результате этих сложных исторически обусловленных процессов формирования северокавказских этносов образовалась родственная по культуре, вероисповеданию и общему языку карачаево-балкарская народность. Она сложилась «на рубеже XII–XIV вв. из местных горских племен, живших здесь с эпохи бронзы», — пишет известный этнограф-кавказовед Е. Н. Студенецкая [4, с. 23].

Исследования ученых-археологов доказали, что в течение многих столетий поселения в Карачае существовали на тех же территориях, что и в наше время. Карачаевцы селились в труднодоступных горных ущельях небольшими поселками — тийре, где обычно проживали члены одного рода. Жилища строились исходя из местных ландшафтных и природно-климатических условий — склона горы, направления ветров, близости к источникам воды, наличия земли для посевов, мест для выпаса скота и других факторов. На склонах территории Горного Карачая селения обычно располагались террасами, когда «крыши лежащего ниже ряда служили как бы дворами для лежащего выше и т. д.» [2, с. 195].

Древнейшее жилище карачаевцев отличалось от балкарского и других северокавказских народов при определенном их сходстве в народных обычаях, традициях и организации быта. В отличие от типичных, построенных из местного камня жилых строений других народов Северного Кавказа, карачаевцы строили прочные, добротные и монументальные деревянные дома, которые могли бы простоять много веков. Примеры деревянной горской архитектуры сохранились в старинных аулах Горного Карачая. Около пятидесяти бревенчатых домов с земляными кровлями предположительно 300–400-летнего возраста были найдены в селениях Хурзук, Учкулан и Карт-Джурт, расположенных к юго-востоку от Теберды.

Сегодня в старых срубках уже давно не живут, некоторые используются для скота или как хозяйственные сараи, а многие стоят совсем заброшенные. Причиной этого послужила депортация карачаевцев из этих мест в Среднюю Азию с 1943 г. до их реабилитации в 1957 г., позволившей вернуться. В эти годы некоторые из родовых карачаевских домов использовались живущими здесь другими людьми, а многие были разобраны на дрова.

Карачаевцы при постройке своего жилья использовали пригодный для строительства смолистый сосновый лес, в изобилии растущий в горных ущельях Западного Карачая, в Приэльбрусье, в верховьях рек Кубани и Малки. Это были прочные и теплые приземистые бревенчатые срубы с пологой дерновой крышей, предназначенные для жилья. При этом хозяйственные постройки и сараи для скота делали из камня, которого было много во всех горных ущельях Кавказа.

Наиболее древним типом карачаевского дома исследователи называют «большой дом» (улла юй). Прямоугольный, вытянутый в длину

сруб с одним жилым помещением и топившимся по-черному очагом, с кладовыми для хранения продуктов (гёзен) и помещением для скота. В отличие от домов других кавказских народов, имевших, как правило, очаг в центре жилища, в карачаевском доме был пристенный очаг каминного типа (оджакъ). Он располагался слева или справа от входной двери, имел дымоход в виде небольшого оконца в крыше, а стену за очагом специально обкладывали камнем и обмазывали глиной во избежание пожаров. Позднее на крышах стали делать трубы, сплетенные из ивняка и густо обмазанные глиной.

В Средневековье в Большом Карачае крупные патриархально-семейные общины строили своего рода мощные дома-крепости (арбазы). Срубленные из массивных бревен и обнесенные глухим каменным забором, они служили надежной защитой от внешних врагов. Карачаевские арбазы представляли собой несколько построенных вплотную друг к другу крепких жилых и хозяйственных домов, которые располагались вокруг большого двора, перекрытого общей крышей с опорой в центре. Фасады жилых домов и выходы из них были направлены во внутренний двор, куда на ночь загоняли скот и запирали двойные ворота. Исследователь северокавказских народов В. М. Батчаев пишет об арбазах, что «это были миниатюрные крепости, имевшие только один вход и лишь несколько узких щелей-бойниц вместо окон» [1, с. 86].

Другой тип карачаевского жилища наиболее часто применялся в XIX в. Это был так называемый «суставчатый» дом (уллу от юй), образованный путем последовательного пристраивания к главному родительскому дому комнат для женатых сыновей (отоу).

Замкнутый образ жизни и патриархальные обычаи карачаевского народа диктовали соответствующие формы организации жилья — примыкавшие друг к другу семейные комнаты имели отдельные выходы во двор, или на общую галерею вдоль фасада дома, или даже в разные стороны, так как, согласно карачаевскому обычаю, «невестка должна была избегать встреч со своим свекром и вообще старшими родственниками мужа — мужчинами» [3, с. 145].

Примером более позднего типа из сохранившихся и обитаемых до сих пор старых родовых жилищ служит галерейный срубный дом, имеющий вытянутое в длину строение с несколькими входами. Один из сохранившихся крупнейших — дом религиозного деятеля и главного судьи Карачая XIX в. Мухаммада апенди Байрамукова, построенный еще его предками, позднее тут жила его семья и следующие поколе-

ния. Уникален дом огромными размерами (метров пятнадцать в длину и пять в ширину) и тем еще, что в каждом отсеке есть по две просторные комнаты, в отличие от традиционных однокомнатных карачаевских срубов.

При строительстве срубного дома в Горном Карачае в XV–XVIII вв. не делали фундамента, его заменяли прочная каменистая почва с залежами гранита и мощные смолистые бревна, положенные в его основание. Дома на каменном фундаменте или цоколе появились в конце XIX в.

Древний сруб строился с использованием простейших инструментов — топора (балт) и тесла (керки), а в углах применялась техника врубки «в чашку» в местах соединения венцов. Снаружи оставляли выступающими концы бревен для возможности последующего присоединения к стенам сруба новой примыкающей постройки. Стены строили из массивных стволов, укладывая их так, чтобы не было зазоров. Затем стену несколько раз толстым слоем обмазывали глиной.

Одно- или двускатную пологую крышу срубного жилища строили из бревен; при этом в районах с обильными осадками ее делали более крутой. Поверх бревен укладывался слой земли толщиной до одного метра. Земляная кровля и выросшая на ней густая трава защищали дом от холода и осадков. «Нередко можно наблюдать, как карачаевец косит траву на крыше своей сакли или же сюда пускают пастись козу или овцу», — писал в 1913 г. исследователь карачаевского быта И. С. Щукин [6, с. 47]. Идеально вписанная в рельеф местности дерновая крыша делала поселения почти невидимыми для врагов. Тяжелая кровля для прочности снаружи подпиралась столбами, а внутри поддерживалась декоративными фигурными подпорками под названием маймулла — «обезьянки».

Для сохранения тепла в старых карачаевских домах дверной проем (эшик) делали очень низким, а вырубленные из ствола дерева двери тяжелыми. Традиционно пол внутри сруба был ниже уровня земли, его утрамбовывали, укрепляли, обмазывая жидкой глиной, в дальнейшем так его подновляя.

Поначалу окон (терезеле) не было, а свет поступал из дымовых отверстий в крыше. Позднее стали вырубать в стенах небольшие окошки типа бойниц, обтягивая их бычьим пузырем. Лишь во второй половине XIX в. появились рамочные окна со стеклами.

Для освещения жилья карачаевцы использовали светцы с сосновыми лучинами. Свет давал и огонь очага, служащий для обогрева

ва и приготовления пищи. Очаг играл важнейшую символическую роль в укладе карачаевской семьи, огонь в доме поддерживался постоянно, только в случае смерти главы семьи его тушили и снимали с цепи котел.

Построенное из бревен срубное карачаевское жилище имело внешнее сходство с русской избой. В старину беднейшие крестьяне на Руси строили срубы с подобными плоскими земляными кровлями и потолками, образованными бревенчатым накатом, с топившейся по-черному печью и крохотными оконцами. Планировка русского народного жилища определялась неписаными, но строгими законами. Главным элементом избы была печь, которая делила пространство на «мужскую» и «женскую» части и обозначала места для христианского центра избы — «красный угол» возле удаленного от входа восточного окна, а по диагонали от него — языческий центр избы — «печной угол», направленный на запад, на заход солнца. В красном углу на стене висели иконы и стоял стол с лавками, где обедали и принимали почетного гостя. Возле печи в женской половине, называемой «бабий угол», находились посудная лавка, кухонная утварь, предметы для женского рукоделия. Русская традиция не позволяла заходить мужчинам в женскую часть избы, особенно строгим запретом это было для посторонних.

Таким образом, созданное согласно народным традициям «пространство организует не только процессы жизнедеятельности, но и правила поведения, этические нормы, определенные законы и принципы жизни человека в повседневном быту» [5, с. 130].

В организации карачаевского жилища, так же как и печь в устройстве русской избы, важную роль играл очаг, отделяющий почетную «мужскую» часть дома от непочетной «женской». Наиболее удаленная вглубь от входа часть определялась как «тёр — почетное место, соответствовавшее русскому красному углу и предназначавшееся для главы семьи или особо уважаемого гостя» [1, с. 92]. Только глава семьи имел определенное место для сна, его деревянная кровать стояла возле очага, а рядом с ним находилось почетное место для гостей, если в доме не было отдельной кунацкой комнаты. Тут же, рядом с камином, по обычаю вывешивали главные ценности дома — молитвенный коврик, дорогое оружие или музыкальный инструмент.

«Женская» часть комнаты располагалась ближе к двери, напротив очага, и предназначалась для хозяйки дома и всех других членов семьи, которые ночью обычно спали на полу, используя войлоки и тюфяки.

Здесь было место для хранения постельных принадлежностей, полки с посудой и утварью, столики со скамеечками для приема пищи и хозяйственных работ женщин.

Карачаевский народ издавна уделял большое внимание состоянию своего жилища, хозяйки состязались между собой в искусстве украшения дома или праздничного стола. По старинному обычаю девушка объявляла о желании показать убранство дома, оценивали ее работу уважаемые в ауле старики. Это служило сохранению и закреплению национального опыта. Особенности убранства жилища карачаевцев «отличают их от соседей — черкесов, сванов, осетин, с несомненной очевидностью подтверждают сохранение многовековых традиций» [3, с. 150].

В Карачае сохранялись пережитки языческих религиозных верований и множество поверий и традиций, связанных с жилищем. При постройке под углы дома клали блестящие камни и амулеты, чтобы земля была щедрой, а перед началом постройки всегда приносили в жертву быка или барана и молились богу.

Известно, что этническая или народная культура зависит от природной среды, традиций, устоев народной жизни и характеризуется консервативностью и замкнутостью, более свойственными укладу деревенской жизни. Изолированный образ жизни в горах в течение многих веков послужил причиной формирования уникального национального характера карачаевцев. Духовному самосохранению и развитию нации способствовали этические и нравственные нормы поведения, такие как уважение старших, почитание женщины, гостеприимство, почтительность, скромность, сдержанность и т. д. Карачаевский народ сумел во многом сохранить свои традиции и уклад жизни, несмотря на изменившиеся материальные условия и включение технических достижений в организацию быта.

Использованная литература:

1. *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик : Эльбрус, 1986. 152 с.
2. Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М. : Наука, 2014. 815 с.
3. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / отв. ред. Л. И. Лавров. Карачаевск : Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1977. 336 с.

4. Студенецкая Е. Н. Карачаевцы // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. М. : Сов. энциклопедия. 1965. Т. 7. С. 23–24.
5. Сурова Е. М. Развитие европейской культуры интерьера от античности до нового времени. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ АПСН, 2005. 158 с.
6. Шукин И. С. Материалы для изучения карачаевцев. М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1913. 70 с.

Elena M. SUROVA,

Cand. Sci. (Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture),
Prof., Dean, Faculty of Monumental, Decorative
and Decorative-Applied Arts, Stroganov Russian State Art and
Industry University, Moscow, Russia, esurova92@gmail.com

The Traditional Karachay Log Dwelling: History of Formation, Design Features

This article examines the history of the formation of the traditional folk dwelling of Karachay as a form of manifestation of ethnic culture. Unlike typical stone residential buildings of other peoples of the North Caucasus, Karachai ancestral homes are squat log cabins covered with a gentle sod roof, built from coniferous forest growing in the mountain gorges of Karachay. The methods of construction of ancient log houses of Karachais, the features of their internal structure, the solution of lighting and heating, as well as the main elements of folk architecture — the location and dimensions of doors, windows, floor, ceiling are analyzed. Unwritten laws of space distribution for all family members are determined when zoning the interior of the home — dividing it into male and female halves, into honorary and non-honorary parts. The organizing role of the hearth in the space of the house stands out, which carries a special symbolic significance in the culture of the Karachais, identified with housing and family.

Keywords: *ethnocultural identity, culture of everyday life, ancestral home of Karachais, log houses, hearth, family, tradition.*

А. М. Сиюхова*

Миф и утопии в контексте реализации культурного кода адыгов в эпосе «Нарты»**

На современном этапе возникла насущная потребность дать оценку различным формам утопических идей, увязав ее с проблематикой укрепления национальной идентичности на основе традиционных ценностей этнических сообществ. Основным методом выступает метод структурно-функционального анализа по выявлению роли конкретной утопической идеи в структуре нартского эпоса как формы отражения социокультурных форм бытия этноса. Определена типология элементов утопического в эпосе, включающая чудеса, связанные с пищевыми продуктами, с физической силой и необычайными способностями, с трансформацией человеческого тела, с возможностью влиять на погоду и суточные циклы, с сохранением вечной молодости и красоты и пр. Выявляется, что утопии эпоса чаще имеют вещно-объективный характер и значимы не сами по себе, а в той мере, в какой они могут быть полезны для рода.

Ключевые слова: миф, утопия, нартский эпос, праэлементы утопии в эпосе, самосохранение, противостояние внешним угрозам, современная социальная реальность, этнические ценности, национальная идентичность.

Интерес к теме утопии иллюстрируется многочисленными публикациями, появившимися за последние два десятилетия. Однако лишь малая их часть рассматривает проблему генезиса утопического мышления. Так, например, Э. П. Карпеев первым толчком к появлению утопий считает основную и неизбывную проблему человечества начиная с эпохи первобытности — обеспечение средств существования и защиту от внешних опасностей [5]. Инстинкт самосохранения в постоянном преодолении смерти стал основой как первых форм культуры (мистики, мифов и пр.), так и более поздних социально-философских

* СИУХОВА Аминет Магаметовна, доктор культурологии, доцент, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор кафедры философии, социологии и педагогики Майкопского государственного технологического университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, amins@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

систем, в том числе и утопий. Ученый обращает внимание на то, что в обыденном сознании возникали мечты о скатерти-самобранке или о щуке, выполняющей любые пожелания, воплощаясь в сюжетах сказок, которые бытуют до настоящего времени. В данных рассуждениях мы видим, что первые утопические образы были достаточно конкретными, вещными, вплетенными в обыденную повседневность. Проблемы преодоления несовершенств общественного уклада стали подниматься в утопиях гораздо позже, при этом некоторые его праэлементы технологически-вещного характера сохранялись, например, в «Новой Атлантиде» Френсиса Бэкона в главе «Дом Соломона» [2]. Еще позже, в XX в., желаемые физические трансформации как предметов, так и самих людей стали превалировать в форме техноутопий.

Непосредственно подступая к теме нашего исследования, укажем, что эпос любого народа содержит праэлементы утопий, сходные по своим функциям, однако есть существенная разница в конкретном выражении данных микроутопий, что в конечном счете объясняется свойствами менталитета каждого народа.

Напомним, что героический эпос «Нарты» является культурным достоянием народов Северного Кавказа — адыгов, осетин, абхазов и др. Сложившись много веков назад, он вобрал в себя самые значимые черты национального характера и стал вербальным воплощением и выражением культурного кода кавказцев. Комплекс развернутых повествований, изложенных в прозаической, а также в музыкально-поэтической формах, воссоздает жизнь мифического племени нартов начиная с его появления на земле до исчезновения. В сказаниях, посвященных героическим подвигам нартов — богатырей, вступающих в борьбу со всяческими напастями (иныжи, бляго, другие нарты с низким уровнем нравственности и пр.), а также замечательным женщинам — матерям, невестам и женам нартов, присутствуют элементы чудесного, прямо или косвенно отсылающие к утопиям. Типология таких чудес может быть представлена следующим образом:

- чудеса, связанные с пищевыми продуктами;
- чудеса, связанные с физической силой нартов и необычайными способностями;
- чудеса, связанные с необычностью способа рождения человека и трансформацией человеческого тела;
- чудеса, связанные с возможностью влиять на погоду и суточные циклы;

- чудеса сохранения вечной молодости и бессмертия;
- чудеса существования в параллельных бытию измерениях;
- чудеса, связанные с наступлением социального равенства и всеобщего благоденствия.

Некоторые примеры из этого списка мы рассмотрим.

Еда представляется священной субстанцией со времен первобытности, от ее наличия или отсутствия зависят многие факторы человеческого самочувствия в физическом и эмоциональном аспектах. Реальный или потенциальный дефицит продуктов питания рождает культурные практики, связанные с обрядами и ритуалами земледелия и охоты. Так, исследователями отмечается, что обрядовая выпечка хлеба рассматривалась как посредничество между людьми и духами предков, что обуславливало особую почтительность к продукту [4]. Однако творческий дух народа также рождает фантазии, в которых происходит чудесная трансформация малого количества еды в большое или огромное. Именно такой сюжет раскрывается в легенде о том, как нарт Сосруко вернул Стране Нартов семена проса. Бог земледелия одарил нартов семенами проса со словами: «Если сварить одно зерно моего проса, то выйдет из него полный котел пасты (густой каши)» [8]. «Бросил Тхаголедж в каждый нартский котел по одному просяному зерну. Нарты развели огонь, повесили свои огромные котлы и стали варить пасту. Сварили и удивились: из каждого малого зерна вышел целый котел пасты» [8].

В другом сказании Сосруко собирается в героический поход и просит свою мать Сатаней: «Приготовь мне еду, / Чтобы мощь в ней жила, / Но чтоб легок был груз, / А поклажа — мала: / Уезжаю чуть свет» [8]. Как видим, в данном отрывке также высказывается желаемое качество еды — в малом количестве содержать большой источник энергии. Следует отметить, что в реальной истории адыгские племена научились сублимировать продукты намного раньше, чем появились бульонные кубики «Галина Бланка». Высушенные и измельченные соленые сыр и мясо в полевых условиях добавлялись в свежесваренную несоленую пасту, делая блюдо питательным и вкусным.

Еще одно чудо, претендующее на качество праэлемента утопии, — получение энергии живому от неживого, т. е. не из органического продукта. Сам Сосруко будучи младенцем и позже его чудесный летающий конь Тхожий перед походом насыщались кремнем (очень твердый минерал): «Так сказав, Сосруко быстро / Подтянул подпруги туже, / Дал коню

кремня две меры, / Чтобы серый сил набрался. / От кремня взметнулись искры, / От огня ослепли птицы!» [8]. Если экстраполировать образ коня на современное транспортное средство (например, ледакол или ракетоноситель), то кремний можно считать эквивалентом ядерного топлива. Утопия перестала быть утопией и стала реальностью.

Второй праэлемент утопии, который мы можем вычлениить из текстов нартских сказаний, — это мечта людей приобрести могучую физическую силу, дающую им по своим возможностям сравниться с богами. Так, семь дней юный Сосруко держался за гриву волшебного коня-альпа, пытающегося сбросить и растоптать наездника. На седьмой день обессиленный неистовой скачкой конь остановился, покорился нарту и стал служить ему верой и правдой в его героических приключениях. В легендах о других нартах также встречаются сюжеты, когда они чудесным образом приобретают и демонстрируют свою необычайную физическую силу.

Помимо необычайной физической силы, в эпосе упоминается о других чудесных качествах организма нартов. Так, в легенде о Быданоко повествуется о его необычайной зоркости, позволяющей ему видеть звезды в солнечный день. Полученная в дар огромная физическая сила и острейшее зрение как главные средства противостоять внешним угрозам также являлись утопическим выражением желательного, но недостижимого свойства мужчины-воина — победителя врагов человеческого рода.

Еще одной утопической идеей в нартском эпосе представляются чудеса, связанные с трансформацией человеческого тела. Самый известный миф о Сосруко повествует о его рождении. По легенде, он зародился в камне, переброшенном через реку красавице Сатаней пастухом, присматривающим за стадом коров. Камень, отнесенный ею домой, рос и по мере роста становился горячим. Через положенный срок, когда выросший камень разогрелся докрасна и стал трескаться, Сатаней призвала бога-кузнеца Тлепша. Тот стал откалывать куски раскаленного камня и вытаскивал на свет щипцами пылающего младенца, и закалил его в сосуде с ледяной водой. Мальчик стал булатным, не боящимся быть раненым, не испытывающим физической боли. И только следы от кузнечных клещей остались уязвимым местом. Булатное тело Сосруко обеспечило ему бесстрашие и свободу действий в многочисленных подвигах и приключениях. Если проводить аналогии с позднейшими утопическими образами, то с большой долей условности можно вспом-

нить идеи постгуманистического плана. В будущем человеку станет ненужным собственное биологическое тело, его органы будут заменены на искусственные (железные), а впоследствии и вовсе исчезнут. Появится возможность записывать сознание на материальный носитель типа флеш-карты, черпающий энергию солнца либо другого неиссякаемого источника, имеющего неорганическую природу.

Сосуко — заглавный персонаж нартского эпоса — получил от своей матери Сатаней и бога Тлепша еще одну удивительную способность — напускать на землю туман или мороз. Так, чтобы подготовиться к поединку с иныжем, похитившим просо, и не дать ему успеть засеять поле, нарт окутал склон горы туманом и охладил воздух. Концепт влияния на погоду и суточные циклы в контексте источников утопического сознания сопрягает в себе смыслы, связанные с проблемой пропитания и одновременно с необходимостью противодействовать внешним угрозам. Целенаправленное изменение погодных условий из утопии стало реальностью в эпоху товарно-промышленного земледелия (разгон грозовых туч с помощью специальных нарядов, тепличные хозяйства), а превращение ночи в день символически воплотилось с распространением электричества, заливающего светом цеха заводов, ночные клубы, торговые центры [3].

В число утопических концептов нартского эпоса входит мечта о сохранении вечной молодости и красоты для женщины. Наиболее рельефно данная идея реализуется в образе заглавной героини повествования — матери Сосуко — Сатаней. По преданию в адыгской интерпретации, родившись от бога и мертвой женщины, Сатаней быстро из ребенка превратилась в нестареющую женщину неземной красоты [1]. Ее удивительная красота лейтмотивом звучит во всех обращениях к ней нартов. При этом она обладала бесконечной мудростью и способностью менять обличия (превращаться в старуху или подростка). «Мать моя с красой девичьей! / Ты обличье изменяешь, / Ты умней мудрейших нартов, / Сатаней, гуаша нартов!» [8], — так Сосуко предваряет свой отказ рассказать ей о причине своей печали.

Если основываться на античном постулате о синонимичности прекрасного и полезного, то молодость и красота женщины есть наглядные признаки здоровья, являющиеся залогом появления сильного жизнеспособного потомства. Однако при том, что данный тезис в нартском эпосе подтверждается тем, что, по преданию, у Сатаней было 100 сыновей и одна дочка, красота ей также обеспечивала авторитет

среди нартов, не связанный напрямую с фертильностью, т. е. красота являлась неким знаком особой духовной силы, сплывающей вокруг себя нартский народ.

Сегодня мы наблюдаем возрождение наяву утопической идеи сохранения вечной молодости не только для женщин, но и для какой-то части мужчин, которые подвергают себя косметологическим манипуляциям, претерпевая боль и неся большие финансовые затраты. Однако духовной составляющей за этим не обнаруживается, в большинстве случаев за такими действиями видится желание обрести финансовый успех для себя, продемонстрировать свой высокий имущественный статус. Культурный код важности естественной красоты для кавказцев был актуальным вплоть до XX в. Это подтверждалось этнографическими данными, когда в аулах проводились конкурсы девичей красоты. Участницы конкурса, помимо демонстрации своего остроумия и умения танцевать (или играть на музыкальном инструменте), должны были прилюдно умыться, чтобы доказать, что их красота природная, а не результат использования декоративных косметических средств. Остается надеяться, что мода на искусственную трансформацию тела для сохранения молодости и красоты, по-прежнему являющаяся утопией, сменится на моду на естественность, а на первый план выйдет ценность красоты духовной, без чего общество и личность рискуют приблизиться к бессмысленности существования, запускающей процессы социокультурной энтропии.

Рассмотрение проблемы анализа соотношения утопии и мифологического сознания, воплощенного в эпосе «Нарты», дает повод для некоторых обобщений. Исторически миф — более ранняя форма объективированного общественного сознания, чем утопия, вследствие чего будет справедливым считать, что именно в мифе заложены зерна будущих утопий. При этом ставшие уже классическими труды по теории мифа постулируют мысль о том, что миф есть символическое отражение объективных представлений о социальной реальности [6], т. е. его содержание не направлено на предсказание будущего, а полностью локализуется в настоящем, принимая как данность нормы актуальных на тот период общественных отношений. Утопии же условно отрицают идеальное качество существующей социальной модели и предлагают новые принципы построения совершенного общества и цивилизационных условий его существования. Такое положение дает повод исследователю Н. Г. Митиной рассматривать утопию «как пре-

вращенную форму мифа» [7]. Миф как модель картины мира строится в сознании социума посредством творческого осмысления реальности, включающего элементы фантазии и мечты о лучшей жизни. В мифах формируются образы, соответствующие идеалу. Они являются импульсами для развития общества в определенном направлении. Что касается идеальных образов в нартском эпосе, то по большей части они имеют вещно-объективный характер. Однако все удивительные мифические трансформации конкретных явлений в сказаниях значимы не сами по себе, а в той мере, в какой они могут быть полезны для всего социума.

Использованная литература:

1. *Батукаева Х. Х.* Нартский эпос как основа для зарождения северокавказской литературы // Педагогический опыт. Всероссийский журнал. 16.05.2019. URL : <https://www.pedopyt.ru/categories/19/articles/1595> (дата обращения: 24.10.2024).
2. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. Второе издание. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 240 с.
3. *Дуков Е. В.* Ночь и ее индустрии // Художественное образование и наука. 2020. № 4. С. 155–164.
4. *Зангиева З., Кочиева И. В.* Система питания в нартском эпосе осетин // Функциональное питание и проблема специфических заболеваний (Экопрофилактика качества продуктов питания и проявление специфических заболеваний) : сб. докл. III Междунар. науч.-практ. конф. (Владикавказ, 7–8 ноября 2019 г.). Владикавказ : Терек, 2020. С. 74–79.
5. *Карпеев Э. П.* О возникновении утопии в человеческом сознании и об утопии марксизма и религии // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 12–4. С. 70–73.
6. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М. : Изд-во АСТ, 2023. 448 с.
7. *Митина Н. Г.* Миф, идеал, утопия. Проблема времени // Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 42–46.
8. *Нарты. Адыгский эпос* // Rulit.me [Сайт]. URL : <https://www.rulit.me/books/narty-adygskij-epos-read-180652-8.html> (дата обращения: 24.10.2024).

Aminet M. SIYUKHOVA,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Prof., Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy, Maikop State Technological University, Maikop, Republic of Adygea, Russia, amins@mail.ru

Myth and Utopias in the Context of the Implementation of the Cultural Code of the Adygs in the Epic “Narts”

At the present stage, there is an urgent need to assess various forms of utopian ideas, linking it with the problem of strengthening national identity based on traditional values of ethnic communities. The main method is the method of structural and functional analysis to identify the role of a specific utopian idea in the structure of the Nart epic as a form of reflection of the socio-cultural forms of being of an ethnic group. The typology of utopian elements in the epic is defined, including miracles related to food; with physical strength and extraordinary abilities; with the transformation of the human body; with the ability to influence the weather and daily cycles; with the preservation of eternal youth and beauty, etc. It is revealed that the utopias of the epic are more often of a material-objective nature and are significant not in themselves, but to the extent that they can be useful for the genus.

Keywords: myth, utopia, Nart epic, proto-elements of utopia in the epic, self-preservation, confrontation with external threats, modern social reality, ethnic values, national identity.

Н. Г. Денисов*, Ю. С. Сайфиева**

Мода в контексте этносоциальной идентичности народов Северного Кавказа: к постановке вопроса

Предмет исследования — феномен моды народов Северного Кавказа. Его целью является осмысление роли северокавказского костюма как способа этносоциальной идентичности и инструмента межкультурной коммуникации. Особое внимание уделя-

* ДЕНИСОВ Николай Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия, ngdenisov@gmail.com.

** САЙФИЕВА Юлия Сергеевна, магистрант кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия, eva-well@yandex.ru.

ется интеракции характера традиционного костюма с моральными и этическими ценностями. Обосновывается культуротворческая функция моды народов Северного Кавказа в современном мире, а также ее значение как средства сохранения этносоциальной идентичности жителей региона.

Ключевые слова: мода, одежда, культура, народ, традиционный костюм, этносоциальная идентичность.

Одежда и мода представляют собой значимую идентификационную интенцию, сопровождающую общество на протяжении всего его исторического развития, что с научной точки зрения со временем становится универсальным и полифункциональным феноменом. Его интегральная сущность агрегирует множественность концептов: исторических, философских, эстетических, этнических, социальных, психологических, этических и аксиологических, определяющих в совокупности идентификационные коды.

Как отмечают многие исследователи, феноменалистские признаки моды отличаются своей динамикой, пластичностью, подвижностью, что позволяет ей задавать темпы и ритмы непрерывного развития. Она, с одной стороны, проявляет себя антиподом, а с другой, партнером и пользователем консервативных форм и принципов, связывая таким образом прошлое, настоящее и будущее, обуславливающих ее устойчивость и статус опережающего развития. Как свидетельствует история, семантический и символический коды моды на различных этапах общественного развития трансформировались адекватно происходящим социально-политическим, экономическим и культурным изменениям [8, с. 125].

Одежда как компонент, объект и субъект моды в контексте культурно-исторической компаративистики рассматривается учеными и практиками в ее инструментальной роли и соотносится с модой как общее с особенным, специфическим. В ее развитии важное значение имеют такие объективные и субъективные факторы, как времена года и природно-климатические условия, цивилизационные, этнокультурные, конфессиональные и региональные особенности, профессиональные, возрастные, корпоративные, общественные и личные интересы и обстоятельства [13, с. 6].

Они в совокупном целом формируют внешний и внутренний облик человека на взаимодействующих эндогенном и экзогенном уровнях, отражающих объективную реальность культуры повседневности и ментальность среды обитания, в которых развивается личность,

реализующая во времени и пространстве свои разнообразные интересы и возможности [1, с. 30].

Данные понятия, принципы и подходы к декодированию смыслов «мода» и «одежда» находят отражение в разной степени у исследователей Л. П. и В. Л. Сычевых, Р. М. Кирсанова, П. Г. Богатырева, О. Н. Астафьевой, И. В. Малыгиной и ряда других авторов.

Целью нашего исследования является изучение интегрального значения моды и ее знакового компонента — одежды — в дискурсе этносоциальной идентичности народов Северного Кавказа с их символическим и культурно-эстетическим потенциалом и эмоциональным богатством.

В традиционном обществе Северного Кавказа, где проживало множество различных этнических групп, одежда служила важным средством идентификации социального статуса, происхождения и профессиональной принадлежности человека [5, с. 286].

Маркерами мужской традиционной одежды народов макрорегиона являются такие типологические компоненты одежды, как бешмет, черкеска, башлык и папаха, открывающие миру внешний облик обитателей Кавказа [9, с. 48]. В частности, черкеска, являвшаяся ключевым элементом мужского костюма, символизировала воинственность и гордость горских народов, что независимо от миграционных процессов, наблюдавшихся в различные времена среди горцев, всегда было знаковым и узнаваемым элементом мужской одежды [14, с. 189].

В традиционных женских костюмах народов Северного Кавказа прослеживалось значительное разнообразие. Молодые девушки предпочитали яркие цвета в одежде, тогда как женщины старшего возраста выбирали более приглушенные и темные оттенки. Повседневная одежда женщин имела много общего с нарядом молодых людей [1, с. 32]. Во многих населенных пунктах традиция ношения платков сохранилась и по сей день. Одежда украшалась бисером, жемчугом и шелком, что позволяло создавать уникальные и неповторимые наряды, не имеющие аналогов [2, с. 87].

В традиционном костюме народов Северного Кавказа прослеживается выраженная социальная дифференциация, отражающая половозрастные и родственные отношения. Различия в одежде подчеркивали функциональные и статусные роли индивидов в обществе [7, с. 59].

Этническая идентичность проявлялась в использовании определенных материалов и технологий изготовления одежды. Кавказские

народы славились своим мастерством в производстве шерстяных и кожаных изделий [6, с. 14].

В современном контексте проблема культурной идентичности народов Северного Кавказа не является данью моде, а представляет собой значимый аспект текущих социальных реалий. После распада Советского Союза значительно возросла роль этнического самосознания народов, что стало важным аспектом их личностной самореализации. В бывших союзных республиках этническая идентичность титульных народов превратилась в основополагающий принцип государственности [11, с. 111].

Тем не менее в контексте титульных народов не происходит подлинного этнического возрождения. Усиливающееся этническое самосознание подвержено воздействию негативных глобальных и внутриполитических процессов, что приводит к отдалению молодого поколения от традиционных нравственных ценностей, присущих данному этносу [12, с. 83].

Этническая идентичность начинает формироваться в раннем возрасте. К десяти-одиннадцати годам ребенок уже осознает уникальность исторического пути и особенности бытовой культуры своего народа. К концу подросткового периода этническая идентичность полностью складывается, и происходит усвоение этических и эстетических норм, характерных для данной этнической группы. Как отмечает доктор исторических наук Б. Х. Бгажноков, «под влиянием и контролем этой этики происходит познание мира, формируются чувства, предпочтения, оценки, представление о долге и подобающем поведении, а также изменяется самосознание личности» [3, с. 147].

Исторически жизнедеятельность кавказских народов опиралась на специфическую этическую систему, включающую пять постоянных кодексов чести: человечность, почтительность, разум, мужество и честь [10, с. 27].

Человечность можно определить как осознанное намерение и добровольную готовность действовать в интересах окружающих. Почтительность выражается в учтивости, деликатности, скромности и послушании. Разум представляет собой нравственно обоснованное мышление, способствующее консолидации общества и поддержанию коллективной активности. Мужество ассоциируется с физической силой, а честь — с внутренним чувством справедливости, репутацией и потребностью в ее поддержании [5, с. 54].

Современная мода Северного Кавказа продолжает сохранять этнические традиции, но при этом претерпевает значительные изменения под влиянием глобализации. Национальные костюмы, которые ранее носили исключительно в повседневной жизни, сегодня чаще встречаются на праздниках и в рамках культурных мероприятий, что подчеркивает их роль как символов этнической идентичности.

Сегодня отмечается тенденция к возрождению традиционных элементов в современной одежде. Молодежь все чаще использует элементы национального костюма в своей повседневной одежде, выражая тем самым свою культурную принадлежность. Российские и зарубежные модельеры обращаются к традиционному костюму народов России с целью использования его в современных условиях.

В контексте этносоциальной идентичности народов Северного Кавказа мода функционирует как механизм противопоставления «свой — чужой», который реализуется преимущественно через визуальные, а не вербальные различия [10, с. 10]. Важным инструментом этносоциальной идентичности является костюм, представляющий собой систему значимых общественных связей. В процессе создания одежды, головных уборов и обуви человек стремится не только удовлетворить свои жизненные потребности, но и выразить определенные понятия и ценности, которые невозможно передать столь же полно и непрерывно иными способами [4, с. 147].

Итогом данного исследования становятся следующие выводы:

- мода народов Северного Кавказа является неотъемлемой частью отечественного историко-культурного наследия;
- она отражает богатое этническое разнообразие региона и представляет собой средство выражения этнической идентичности и социальной принадлежности;
- современные тенденции свидетельствуют о том, что, несмотря на влияние процессов глобализации, трансформации и модификации, интерес к традиционной одежде по-прежнему сохраняется, поддерживая таким образом связь поколений и культурных традиций.

Использованная литература:

1. Астафьева О. Н. Социокультурное проектирование в ракурсе задач культурной политики: культура и развитие // Музейные тетради Крым-

- ской музеологической школы : Методологические, методические и информационно-справочные материалы. Коктебель ; Симферополь : Антикава, 2016. Вып. 1. С. 25–36.
2. *Ашхамахова Л. М.* Адыгские женские головные уборы // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп : [Б. и.], 1975. С. 84–112.
 3. *Бгажноков Б. Х., Фоменко В. А., Бубенок О. Б., Новичихин А. М.* Очерки древней и средневековой истории адыгов. Нальчик : Издательский отдел КБИГИ, 2016. 206 с.
 4. *Горлова И. И.* Британцы и народы Юга России // Наследие веков. 2015. № 1. С. 144–148.
 5. *Де Бесс Ж.-Ш.* Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик : Эльбрус, 1974. С. 329–352.
 6. *Денисов Н. Г.* Культурно-образовательная политика и культурная жизнь на Кубани в постсоветский период // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 2. С. 10–17.
 7. *Иерусалимская А. А.* Адыго-аланский костюм VIII–XI вв. на фоне общих проблем изучения средневекового костюма Запада и Востока // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма) : тез. докл. III Междунар. археол. конф. (Самара, 14–18 марта 2000 г.). Самара : Сам. обл. ист.-краевед. музей им. П. А. Алабина, 2000. Т. 1. С. 87–106.
 8. *Калашникова Н. М.* Семиотика народного костюма : учебник. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т технологии и дизайна, 2000. 372 с.
 9. *Кирсанова Р. М.* Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. М. : Слово, 2002. 219 с.
 10. *Кирсанова Р. М.* Русский народный костюм: этапы развития (К вопросу о взаимодействии сельского и городского типа культуры) // Духовная культура села. Традиции и современность. М. : Тип. Мин-ва культуры СССР, 1988. С. 70–82.
 11. *Малыгина И. В.* Региональное измерение российской идентичности: между культурой и экономикой // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 42. С. 110–117.
 12. *Сюхова А. М.* Этническая ментальность как фактор идентичности современных адыгов // Философия и культура. 2012. № 5. С. 82–90.
 13. *Флиер А. Я.* Науки о культуре после постмодернизма. Постфутурология // Обсерватория культуры. 2012. № 2. С. 4–11.
 14. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик : Эльбрус, 1978. 330 с.

Nikolay G. DENISOV,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Prof.,
Department of History, Cultural Studies and Museology, Krasnodar State
Institute of Culture, Krasnodar, Russia, ngdenisov@gmail.com

Yulia S. SAIFIEVA,

Master's Student, Department of History, Cultural Studies
and Museology, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar,
Russia, eva-well@yandex.ru

Fashion in the Context of the Ethnosocial Identity of the Peoples of the North Caucasus: to Raise the Question

The subject of the research is the fashion phenomenon of the peoples of the North Caucasus. His goal is to understand the role of the North Caucasian costume as a way of ethnosocial identity and an instrument of intercultural communication. Special attention is paid to the interaction of the character of the traditional costume with moral and ethical values. The paper substantiates the cultural function of the fashion of the peoples of the North Caucasus in the modern world, as well as its importance as a means of preserving the ethnosocial identity of the inhabitants of the region.

Keywords: *fashion, clothing, culture, people, traditional costume, ethnosocial identity.*

М. З. Магомедова*

Шейх Хасан-афанди из Кахиба: путь духовного становления**

Статья посвящена великому ученому-богослову, суфию, шейху накшбандийско-го, шазилийского и кафирийского тарикатов — Хасану-афанди из Кахиба, автору более пятнадцати книг об основах шариата, суфизма, исламской этики и др. Шейх был широко

* МАГОМЕДОВА Мадина Зайнудиновна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Республика Дагестан, Россия, spirov.mm@gmail.com.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 163. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

известен в мусульманском мире за пределами Дагестана, многие его произведения были изданы за границей. Путь становления шейха был тернистым, но ему повезло с учителями и наставниками, среди которых был один из авторитетнейших богословов Северного Кавказа — Сайфулла-кади Башларов. Хасан-афанди не избежал участи многих духовных авторитетов того времени, в 1937 г. он был расстрелян. Место захоронения неизвестно, но в родном Кахибе сохранился его дом и есть зиярат, куда приезжают люди почтить память этого светлого человека.

Ключевые слова: Хасан-афанди, Дагестан, Кахиб, ислам, шариат, суфизм, тарикат, шейх, путь.

Дагестан подарил миру большое количество известных суфийских шейхов, среди которых Мухаммад-Эфенди ал-Яраги, Джамалутдин ал-Гумуки, Абдурахман ас-Сугури, Али-хаджи Акушинский, Сайфулла-кади Башларов. Моя статья посвящена великому земляку — известному дагестанскому шейху, жившему на рубеже XIX–XX вв., — Хасану-афанди из селения Кахиб. Он был уроженцем одного из старинных сел Дагестана, которое в древности называлось Багдаб и представляло собой неприступный оборонительный комплекс из семи башен и жилых домов. Из села каменщиков и оружейников вышло четыре шейха: Хабибулла-хаджи, Хасан-афанди, Мухаммад-Ариф и Мухаммад-Амин.

Все алимы, упомянутые мной, были носителями глубоких духовных знаний, которые традиционно очень высоко ценились в Дагестане. Исторически мудрость, образованность почитались порой выше убежденных седин аксакалов. К примеру, отец мог встать, когда входил сын, перед знаниями которого он преклонялся. Хотя по законам горского этикета все должно было произойти с зеркальной противоположностью.

«Тарикат от арабского тарика — путь, дорога к познанию истины. Это своего рода вероустав для мюридов — искателей истины, свод морально-этических правил и мистико-психологических приемов» [1, с. 79]. Люди тариката — это люди, находящиеся на пути к Божественной истине, которые развиваются и работают над собой. «Тарикат учит совершенствованию образа жизни человека до уровня близкого нравам и образу жизни самого Пророка» [3, с. 25]. В суфизме постепенное очищение эго и трансформация его качеств в Божественные атрибуты осуществляются посредством духовного пути [2, с. 11].

Хасан-афанди родился в 1852 г. в селении Кахиб нынешнего Шамильского района Республики Дагестан в семье Гусейнова Мухаммада, отличавшегося глубокими познаниями в религии и богобоязненностью. Отец будущего шейха умер во время совершения паломничества

в Мекку, когда Хасан был еще грудным ребенком. Его мать Загидат тоже отличалась незаурядным умом и хорошим нравом. С семи лет она отправляла сына обучаться арабскому языку и чтению Корана. Его первым учителем был Хасанбег, с которым они занимались с раннего утра. Наставник был доволен своим способным учеником, который отличался превосходной памятью и каллиграфическим почерком. Из урока в урок Хасанбег усложнял задания своему ученику, но тот с легкостью справлялся, демонстрируя свою природную одаренность. У Хасана было много способностей, одна из которых — талант канатоходца. В отрочестве ему приходилось ходить из села в село, зарабатывая этим мастерством. Но и во время своих походов он не забывал об учебе, его постоянными спутниками были книги. Обладая отменной зрительной памятью, он запоминал не только большие отрывки из текста, но и мог указать страницу, на которой этот отрывок находился. Чтобы помочь матери, Хасану приходилось пасти овец, с утра он ходил на занятия, а потом чабил. Став постарше, он полностью посвятил себя религии.

Однажды кахибский устар Хабибулла-хаджи велел Хасану с утра на следующий день отправиться к устару из села Ассаб Абдурахману-хаджи, но Хасан не пошел. При следующей встрече с Хабибуллой-хаджи ему стало стыдно, что он ослушался устара. Тогда Хабибулла-хаджи вторично строго наказал ему сходить в соседнее село к устару. Он сказал, что необходимо на рассвете спуститься к реке и сесть там на определенный камень. В эту ночь Хасан увидел интересный сон: мечеть, полную тюками белой ткани, и чистую струящуюся воду. Он обрадовался увиденному сну, посчитал его хорошим предзнаменованием и утром отправился на речку. Он пришел, сел на камень и задремал, а когда проснулся, то увидел, что находится на противоположном берегу реки. В селении Ассаб его с большой радостью принял Абдурахман-хаджи. Так Хасан стал мюридом (с араб. — учеником) Абдурахмана-хаджи и последователем тариката. Мюршид (с араб. — духовный наставник, шейх) научил его всему, чем владел сам, и передал ему сокровенные знания.

Духовный наставник дал разрешение Хасану, как самому достойному из своих учеников, обучать тарикату. Впоследствии Абдурахман-хаджи признавался, что тот день, когда к нему пришел Хасан из Кахиба, был самым счастливым днем в его жизни. Семь лет Хасан скрывал от родных и близких, что он шейх. Абдурахман-хаджи настаивал, чтобы он принимал людей и использовал свой дар. Уезжая во второй раз в хадж, Абдурахман-хаджи завещал Хасану: «Твоя рука — моя рука!».

Из паломничества в Мекку Абдурахман-хаджи не вернулся. Несмотря на то, что Хасан сам обладал глубокими знаниями, он все же решил стать мюридом Шугаиб-афанди из селения Багинуб. Тот собственноручно написал ему разрешение проповедовать накшбандийский тарикат после того, как Хасан прошел высшую ступень совершенствования.

Хасана-афанди еще называли Хасаном-Хильми, что в переводе с арабского языка означает «кроткий»: из-за своей скромности, будучи шейхом, он не останавливался в своем стремлении получать еще более глубокие знания и становился мюридом следующего наставника. После смерти Шугаиб-афанди Хасан-афанди продолжил обучение у Сайфуллы-кади, который был известен далеко за пределами Дагестана как шейх накшбандийского, кадирийского и шазилийского тарикатов. Все свои знания Сайфулла-кади передал Хасану-афанди.

В Дагестане шейхами, прошедшими 29 ступеней тариката, были только Сайфулла-кади и Хасан-афанди. Сайфулла-кади преподнес в дар Хасану-афанди халат праведного халифа Али, который когда-то передал ему его наставник Зайнула-афанди из г. Троицка Челябинской области. Этот халат передавался от шейха к шейху в течение 1300 лет. Также он подарил ему свои самые ценные книги.

В одном из писем, адресованных Хасану-афанди, Сайфулла-кади пишет: «Я изучил всех ученых-теологов, но не смог найти более достойного человека, чем ты, которому бы я смог доверить разрешение на очень ответственное дело наставления людей, и поэтому я передаю его тебе». В дальнейшем Хасан-афанди в своей книге «Аль-Бурудж аль-мушайда» указал виды наук, на обучение которым он от Сайфуллы-кади получил разрешение: хадисы, толкование благородного Корана (тафсир), мусульманская юриспруденция (фикх), наука Единобожия (тавхид), чтение разных молитв — хизбу, право на обучение книге «Далаяилу аль-хайрат» [3, с. 31].

После смерти Сайфуллы-кади Хасан-афанди стал самым крупным суфийским шейхом Дагестана. Имея разрешение распространять все три тариката: накшбандийский, кадирийский и шазилийский, Хасан-афанди не использовал кадирийского тариката и не разрешал его использовать Хабибулле-хаджи. Хасан-афанди написал множество книг, которые были написаны понятным и доступным языком. Многие его труды были изданы за границей.

Шейх Хасан-афанди всегда пользовался большим почетом и уважением как у односельчан, так и у всех дагестанцев. Также он был ши-

роко известен в мусульманском мире за пределами Дагестана. 28 июня 1937 г. Хасана-афанди арестовали: все село вышло провожать своего шейха, плакали не только женщины, дети, но и мужчины не могли сдерживать скупых слез. Хасан-афанди, покидая дом, сказал, что люди узнают о его гибели по дереву, растущему во дворе. Расстрел был назначен на 15 ноября 1937 г., но по неизвестным причинам его привели в исполнение только 23 декабря. Дерево во дворе шейха следующей весной не зацвело! 18 марта 1957 г. Хасана-афанди посмертно реабилитировали.

Каждый год тысячи людей приезжают в селение Хахиб на зиярат, чтобы почтить светлую память нашего великого земляка.

Использованная литература:

1. *Абдуллаев М. А.* Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана-Хаджи и его родословная. Махачкала : Новый день, 2001. 296 с.
2. *Нурбахи Д.* Путь. Духовная практика суфизма. М. : Ганга, 2018. 268 с.
3. *Шейх Хасан-афанди Кахибский.* Суфийская этика. Махачкала : Отдел науки Муфтията РД, 2023. 176 с.

Madina Z. MAGOMEDOVA,

Cand. Sci. (Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture), Leading Researcher, Regional Center for Ethnopolitical Researches, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia, spirow.mm@gmail.com

Sheikh Hasan-Afandi of Kahib: The Path of Spiritual Growth

The article is dedicated to the great scholar-theologian, sufi, sheikh of the nakshbandi, shazili and kadiri tariqats — Hasan-afandi from Kahib, the author of more than fifteen books on the foundations of sharia, sufism, Islamic ethics, etc. The sheikh was widely known in the Muslim world outside of Dagestan, many of his works were published abroad. The path of becoming a sheikh was thorny, but he was lucky with his teachers and mentors, among whom was one of the most authoritative theologians of the North Caucasus, Saifulla-kadi Bashlarov. Hasan-afandi did not escape the fate of many spiritual authorities of that time; in 1937, he was shot. The burial place is unknown, but in his native Kahib, his house has been preserved and there is a ziyarat, where people come to honor the memory of this bright man.

Keywords: *Hasan-afandi, Dagestan, Kahib, islam, sharia, sufism, tariqat, sheikh, way.*

РАЗДЕЛ 6

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОПЫТ АКТУАЛИЗАЦИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

*И. М. Карabanова**

Художественный музей в современной России: специфика работы с семейной аудиторией**

Рассматриваются цели, задачи и форматы работы с семейной аудиторией в художественном музее, способствующие развитию традиционных семейных ценностей, анализируются сложности и их причины. Исследование показало, что художественные музеи имеют большой потенциал для укрепления семейных ценностей посредством образовательной деятельности с семейной аудиторией, формирующей доброжелательную

* КАРАБАНОВА Ирина Михайловна, заместитель генерального директора Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим», Истра, Московская область, Россия, irikar5@yandex.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 106–107. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

атмосферу в семье, выстраивающую доверительную межличностную коммуникацию и развивающую творческое мышление. В исследовании применялись теоретические и эмпирические методы, применены индуктивный, дедуктивный и логический методы научного анализа, эмпирические методы — наблюдение и сравнение, проведен анализ педагогической, психологической, философской научной литературы по теме исследования. Разработанные форматы работы с семейной аудиторией могут применяться музейными педагогами и школьными учителями.

Ключевые слова: семейные ценности, художественный музей, музейная педагогика, эстетическое развитие, воспитание, Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим».

В 2024 г. в России согласно Указу Президента от 22.11.2023 № 875 проходит Год семьи. Необходимость в документе такого высокого уровня обусловлена трансформацией отношения общества к институту брака, материнству и отцовству, рождению и воспитанию детей и связана прежде всего с изменившимся приоритетом граждан нашей страны.

За последние 30 лет гуманистические приоритеты настолько ослабели, что общество все больше и больше приобретает характер потребительского, концентрирующего свое внимание на получении материальных благ в ущерб культурным и гуманистическим ценностям, не задумываясь о метафизической основе бытия, человеческих отношениях, традиционных семейных ценностях, к которым относятся любовь и верность, уважение и взаимопонимание. Умение чувствовать радость или огорчаться, сопереживать, поддерживать — это то, на что человек обращает все меньшее внимание, отдавая предпочтение поддержанию отношений с «нужными» людьми, высоким формальным показателем, не всегда объективно отражающим уровень знаний и умений, престижности места работы или учебного заведения.

В книге «Революция надежды» (1968) немецкий социолог, философ, психоаналитик и социальный психолог Эрих Фромм писал: «Односторонне сосредоточившись на технике и потреблении материальных благ, человек утратил контакт с самим собой, с жизнью. ... он сконцентрировался на ценностях технических и материальных и лишился способности испытывать глубокие эмоциональные переживания, радость и сопровождающую ее грусть» [1, с. 21].

Прошло больше полувека с момента написания этих строк, но ситуация только усугубилась. Безразличие, грубость, прежде всего между членами семьи, авторитарное воспитание детей, стресс и давление, погоня за престижем и материальными благами стремительно разрушают хрупкие семейные отношения. Если государство ставит своей целью

воспитание общества с высокими морально-нравственными устоями, уважающего и сохраняющего семейные ценности, то необходимо проанализировать потенциал и ресурсы в деятельности государственных учреждений культуры в данном контексте, создавать новые форматы работы с семейной аудиторией, помогающие сохранять и развивать традиционные семейные ценности, повышая авторитет семьи. Особенно это относится к многодетным семьям. Бездуховное, безнравственное и эгоистическое общество представляет опасность для человека, нации и государства в целом. Выступая в формате видеоконференции на пленарном заседании XXV Всемирного Русского народного собора 28 ноября 2023 г., Президент России В. В. Путин сказал: «Семья — это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности» [4].

Совместное проведение досуга семьи претерпело изменения. В российских музеях работает много кружков для детей, есть изостудии, творческие мастерские, проводятся занятия, мастер-классы и другие формы креативного воспитания детей и юношества. Все больше форматов предлагают музеи для семейной аудитории. Однако роль родителей все более удаляется и теперь зачастую сводится к задаче привезти и увезти своих детей, но не заниматься чем-то вместе. Совместное творчество, семейное чтение, домашний театр безнадежно мало присутствуют в семейном досуге. Родители и дети все меньше общаются друг с другом. А такое общение необходимо вовсе не для того, чтобы узнать, поел ли ребенок, сделал ли домашнее задание и каковы оценки в школе, имеется в виду неспешная беседа... об узорах на морозном стекле, о разноцветье осеннего леса, о героях фильма, недавно просмотренного вместе, или прочитанной вслух книге, о добре и зле, о силе духа, воли и других важных для ребенка, но, возможно, незначительных с точки зрения взрослого вещах.

В большинстве случаев причина вовсе не в том, что у родителей нет времени, хотя именно на это обычно они ссылаются. Причина, на мой взгляд, кроется в приоритетах, которые часто родители отдают не в пользу общения с ребенком. Таким образом, несмотря на явную потребность, накапливается неудовлетворенность детей и их родителей в доверительном общении, разговоре, беседе друг с другом, что справедливо как для молодых родителей, так и для родителей старшего поколения — бабушек и дедушек. Причем общение на равных, с уважением к мнению всех членов семьи без исключения, независимо от их воз-

раста. Не нашедшая удовлетворение потребность, накопившиеся обиды и недосказанности постепенно перерождаются в комплексы и агрессию. И напротив, способность бескорыстно любить — этот ценнейший дар, необходимый человеку для выстраивания, в том числе, и семейных отношений, — не находит места в воспитательно-образовательном процессе, поскольку современное общество и его культурные институты фактически даже не ставят перед собой такую цель.

Закладывать основы гуманизма, традиций, семейных ценностей необходимо с самого младшего возраста. Активное душевное состояние детей дошкольного и младшего школьного возраста еще не угасло, они способны ощущать эмоции без сдерживания, быть непосредственными и свободными от предварительного осмысления. Это состояние детей нужно беречь и развивать, деликатно помогая ребенку формировать свою индивидуальность, Я-сознание с ощущением ответственного и уважительного отношения как к своему отчому дому, так и к своей будущей семейной жизни. В своей работе «Конфликты детской души» швейцарский психолог, основоположник аналитической психологии Карл Густав Юнг (1875–1961) писал: «К детям обычно прислушиваются очень мало и обращаются с ними (на всех возрастных ступенях) во всех существенных вопросах как с невменяемыми. Но во всем несущественном их дрессируют до автоматического совершенства» [7, с. 17–18].

Просветительская деятельность художественных музеев может не только давать знания об истории искусств, живописи и скульптуре, но также оказывать сильное влияние на эстетическое воспитание человека и семьи, тем самым укрепляя семейные ценности, ведь искусство — это комплекс различных направлений культурной деятельности человека, который посредством реальных и художественных образов воссоздает, моделирует и дополняет жизнь, расширяя и обогащая жизненный опыт. В художественных музеях есть огромное количество материала для обсуждения самых сложных вопросов межличностных отношений и философии жизни, которые могут рассматриваться в отношении человека, семьи и общества.

Размышляя над мерами, обусловленными необходимостью укрепления семейных ценностей, которые могли бы иметь место в художественном музее, одним из самых очевидных способов является работа с семейными группами. Однако выбор формата работы с семейной аудиторией становится наиболее важным и сложным, так как он должен быть интересным и захватывающим как для детей, так и для их родителей.

В 2024 г. Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим» предложил публике несколько новых форматов.

К Международному дню защиты детей 1 июня для детей от 5 до 10 лет музей подготовил праздничную программу: музыкальный детский спектакль «Разбойники из Кардамона» по сказочному роману норвежского писателя Турбьерна Эгнера «Люди и разбойники из Кардамона» в исполнении Школы классического вокала заслуженной артистки России Ларисы Рудаковой, конкурс по сбору пазла и мастер-класс по совместному рисованию большого плаката с изображением птички Плюсика — mascota детского центра музея, которого затем должны были прикрепить к аэростату для полета над зданием музея.

После спектакля в концертном зале музея всех желающих пригласили на конкурс: собрать на скорость пазл (48 элементов) с изображением картины Филиппа Малявина «Смеющаяся девочка», представленной на проходящей в это время временной выставке «Мастер Репин. Эпизоды из жизни учителя и учеников». Призы должны были получить три человека с лучшим показателем времени, потраченного на головоломку. Ожидалось, что пазл привлечет внимание детей и их родителей к картине Филиппа Малявина, у них возникнет желание пойти на выставку и вместе внимательно рассмотреть эту картину, обсуждая разные детали героини данного сюжета. Конкурс как часть праздничной программы вносит элемент соперничества, который дает объективную оценку способностей и подготовки детей. Когда не удается быстро справиться с задачей, то должно возникнуть желание найти способы преодоления сложностей, что можно было бы решить путем изучения картины и тренировки сбора пазла дома, возможно, совместного в семейном кругу. Тем более что пазлы с изображением разных картин-участниц этой выставки можно было приобрести в сувенирном магазине музея, ведь сувенирная линейка к каждой выставке в обязательном порядке учитывает интересы юных посетителей.

Данный вид программы обнажил ряд проблем. Дети отнеслись к конкурсу с интересом, многие из которых были готовы попробовать свои силы. Однако некоторые мамы начали нервничать и повышать на детей голос из-за их неправильных действий. Но дети, как оказалось, в первый раз в жизни собирали пазл, бессистемно пытаясь сложить элементы в рисунок. Нервозность мам и их желание непременно видеть в числе победителей своих детей тут же сказались на настроении детей, которые уже не с таким интересом занимались сбором пазла, все больше

ощущая стрессовую ситуацию. Организаторы конкурса незамедлительно огласили ряд послаблений в правилах для урегулирования ситуации: разрешили родителям помогать своим детям, тем самым сформировать семейные команды, и призы были обещаны уже всем участникам. Это немного ослабило напряжение, но не решило проблему. В погоне за призовыми местами родители не давали возможности детям спокойно пробовать что-то для них новое не с целью получения приза или какой-либо другой награды, а для собственного удовольствия нового познания.

Музей «Новый Иерусалим» расположен в специально построенном 10 лет назад здании. Помимо выставочно-экспозиционного пространства, в музее есть акустический концертный зал на 300 мест, где на постоянной основе проходят концерты классической музыки и музыкальные спектакли для детей. В концертном сезоне 2024–2025 гг. был впервые сформирован детский музыкальный абонемент «Музыкальная азбука. Занимательные концерты с фантазиями и картинками», целью которого является знакомство детей дошкольного и младшего школьного возраста с основными музыкальными терминами, жанрами, стилями, формами и не только. Перед организаторами стояла цель — привлечь в музей, в концертный зал семейную аудиторию, чтобы с детства приучать детей к классической музыке, а родителям не только провести досуг со своими детьми, но и восполнить возможные пробелы. К сожалению, еще есть много людей, которые «боятся» классическую музыку, считая ее скучной и неинтересной. А если взрослые не ходят на такие концерты, то и не следует ожидать, что дети станут их посещать даже когда станут взрослыми. Думается, что для преодоления этой проблемы идея организации просветительских концертных программ для всей семьи является удачной.

Ожидания организаторов основывались на следующем: для образования и развития детей взрослые, как правило, все-таки находят время, на специально подготовленные для этого абонемента концерты дети придут вместе с родителями. Совместное участие даст участникам больше тем для обсуждений, обмена впечатлениями в кругу семьи, соответственно улучшая семейный климат и укрепляя семейные отношения.

Однако оказалось, что довольно много родителей покупали абонементы только для своих детей. Проводив их до концертного зала, они уходили на выставку или ждали в кафе. С одной стороны, это хорошо, что у родителей появилась возможность отдохнуть, посмотреть новую выставку, посвятить себе час времени. Но, с другой стороны, вряд ли

можно сравнить ту степень вовлеченности родителей и детей в обсуждение увиденного и услышанного, на которую мы рассчитывали, при совместном посещении концертов. Стало очевидным, что есть четкая граница между детским и взрослым мероприятием, которую взрослые не хотят стирать. Каким же тогда должен быть семейный досуг, в частности в музее?!

Как отозвался знаменитый и невероятно популярный во всем мире японский писатель Харуки Мураками в своих впечатлениях от интервью в формате встреч с выдающимся японским дирижером Сейдзи Одзава: «Для многих людей в мире музыка — ценнейшее топливо, питающее их желание жить» [3, с. 16]. Фраза, в которой так много философии, жизненного опыта, впечатлений и знаний, заставляет организаторов музыкальной концертной деятельности музея все время думать о том, как можно и нужно лучше и полнее донести эстетику и мудрость классической музыки до публики, прежде всего до детей и молодежи.

В 2024 г. был разработан еще один формат работы с семейной аудиторией. Программа получила название «Хочу в музей!» [6]. Уже в названии заложен позитивный посыл, дающий четкое понимание, что предлагается интересное и увлекательное содержание и надо поскорее отправляться в музей. Программа занятия состояла из трех компонентов: краткий рассказ о «Союзмультфильме», авторах и создателях мультипликационных фильмов с показом 5–7-минутных эпизодов этих фильмов в виртуальном концертном зале музея, посещение экспозиции выставки и в заключение мастер-класс, где участники занятия могли закрепить полученные знания. Научные сотрудники музейного детского центра «Экспонариум» разработали три программы: «По следам Кота в сапогах», «Что расскажет Мойдодыр?» и «Путешествие по царствам-государствам».

В программе «По следам Кота в сапогах», помимо рассказа о «Союзмультфильме», режиссерах Валентине и Зинаиде Брумберг, показан эпизод созданного ими в 1968 г. мультипликационного фильма «Кот в сапогах». Продолжение занятия уже было в зале временной выставки «Культурный полюс. Таруса», где участники рассматривали и обсуждали технику мозаики на примере работ прекрасного итальянского мозаичиста Марко Бравура, проживающего и работающего последние тринадцать лет в небольшом городе Таруса в Калужской области. На последовавшем за этим мастер-классе участники создавали свои иллюстрации к сказке в технике аппликации, относительно близкой к мозаике.

В программе «Путешествие по царствам-государствам» рассказ искусствоведов детского центра был уже об авторе сценария мультипликационного фильма «Вовка в Тридевятом царстве» Вадиме Коростылеве и о режиссере Борисе Степанцеве, просмотр эпизода рисованного фильма-сказки «Вовка в Тридевятом царстве» 1965 г., показ работ Виктора Борисова-Мусатова на тарусской выставке и создание витража по мотивам сказки на мастер-классе.

Третья программа под названием «Что расскажет Мойдодыр?» носила больше характер естественно-научный, нежели искусствоведческий. Замечательный мультипликационный фильм «Мойдодыр» 1954 г. режиссера Ивана Иванова-Вано по одноименной сказке К. И. Чуковского погрузил участников в тему вирусов и бактерий. Ребята рассматривали под микроскопом микроорганизмы, обсуждали роль воды в жизни человека, говорили о важности соблюдения чистоты и гигиены.

Все участники этих программ были очень довольны, занимались с искренним интересом. Однако на этапе продажи билетов ощущалась та же проблема, что и с музыкальным абонементом: родители предпочитают привозить детей на занятие, но не участвовать самим. Причины такого отношения родителей можно сформулировать так:

1. Родители не привыкли и не умеют заниматься совместным творчеством со своими детьми.
2. Родителям кажется, что занятия для них будут скучными. Это особенно актуально для пап.
3. Родители избегают ситуаций, когда в присутствии своих детей обнаруживают, что они чего-то не знают или не понимают.
4. Родители не считают совместное участие в семейных программах важным и нужным их детям и им самим.

Интересен успешный опыт работы с семейной аудиторией в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, который много десятилетий работает с детской аудиторией школьного возраста. Эти дети уже выросли и привели в кружки музея своих детей и даже внуков. В 2006 г. директор музея И. А. Антонова, понимая значимость работы по эстетическому воспитанию детей, открыла Центр эстетического воспитания детей и юношества «Мусейон», который вошел в состав музея. Расширенные возможности работы с детьми позволили начать проводить занятия с детьми 5–7 лет в детских кружках «Семейные группы». На занятиях подразумевается присутствие родителей, задача которых слушать и сопровождать детей, но не мешать и не отвечать

на вопросы, адресованные детям. Занятия, объединенные в абонемент, проходят 8 раз в течение учебного года. Цикл «Семейные группы» был рассчитан на два года. Дети знакомятся с музеем, осваивают различные жанры искусства, рассматривают памятники, учатся понимать живопись и скульптуру, видеть невидимое, формулировать и высказывать свои мысли грамотно и четко. Эти занятия помогают детям создать целостную картину мира, которую они проецируют на свою семью, друзей и окружающих. Опытные искусствоведы — руководители кружков ЦЭВ «Музейон» — выстраивают занятия таким образом, чтобы получился доверительный диалог, в котором дети могут рассуждать «по-взрослому», приводить свои аргументы, формулируя свое независимое мнение, к которому гарантированно будет очень внимательное отношение руководителя кружка и соответственно родителя, присутствующего на занятии.

Задача музейного педагога — ввести ребенка в широкий мир, мотивировать думать и рассуждать, не подавлять авторитетом, но быть авторитетной личностью, а родителей — слушать и внимательно наблюдать за своими детьми, анализируя их вопросы, мысли и высказывания. После таких занятий в музее находится много тем для обсуждения в семейном кругу, причем на равных. Доверительное искреннее общение между членами семьи укрепляет уважительное отношение друг к другу, формирует доброжелательную атмосферу в семье.

В связи с особым психологическим взаимодействием родителей и детей занятия с семейной аудиторией особенно эффективны для детей с 5 до 9 лет. По утверждению Карла Густава Юнга, «как организм ребенка в эмбриональном состоянии есть почти исключительно только часть материнского тела и всецело зависит от состояния этого тела, так и психика раннего детства есть в известном смысле только часть материнской психики, а позже, вследствие общности психологической атмосферы в семье, также и отцовской психики. Первое психическое состояние есть состояние слитности с психологией родителей. Собственная психология наличествует лишь в зачаточном виде. Именно поэтому нервные и психические нарушения у детей вплоть до среднего школьного возраста основаны, можно сказать, исключительно на нарушениях психической сферы родителей» [7, с. 57].

Вопросы эстетического воспитания и развития в музее рассматриваются в трудах, относящихся к разным научным сферам: философии, социологии, психологии, педагогике и музееведению. Подлинной целью учреждения культуры должно стать эстетическое воспитание челове-

ка, развитие его внутренней независимости и неповторимой индивидуальности. Музеям необходимо использовать научные исследования новейшего времени для разработки и внедрения новых форматов работы с семейной аудиторией с целью раскрытия большого потенциала добра и справедливости, любви и гуманности, который есть в каждом человеке, будь то ребенок или взрослый.

На данный момент вклад музеев в формирование общественного мнения по отношению к семейным ценностям, детям, эстетике межличностных отношений, выстраиванию правильных приоритетов в обществе является недостаточным. Такие задачи учреждениям культуры даже не сформулированы. Скидки при покупке билетов, где такие льготы предлагаются, безусловно, оказывают финансовую помощь многодетным семьям, но не решают проблему моральной поддержки, что под силу общественному мнению. Нейтральное, а иногда откровенно негативное отношение к многодетным семьям с четырьмя, пятью и более детьми в обществе недопустимо. В своей коммуникативной стратегии учреждения культуры, и музеи в частности, должны вырабатывать специальные механизмы для работы с многодетными семьями и выгодно представлять их в информационном поле. Как утверждал Эрих Фромм, «мы недооцениваем роль анонимной власти в лице общественного мнения или “здорового смысла”, которые могущественны в силу того, что мы готовы следовать ожиданиям остальных и ужасно боимся от них отличаться» [5, с. 108].

Работа со взрослой аудиторией важна и необходима. Карл Густав Юнг отмечал, что «бесчисленное множество неудачных и несчастных браков, бесчисленное множество разочарованных в своей профессии специалистов возникает полностью и исключительно по причине недостаточного воспитания взрослых, которые часто пребывают в глубочайшем невежестве относительно самых важных вещей» [7, с. 62]. Один из способов это делать — проводить в музее занятия и мероприятия для семейной аудитории, на которых было бы интересно как взрослым, так и детям.

Следует учитывать, что методы работы со взрослой аудиторией существенно отличаются и должны носить характер косвенных, так как у взрослого человека уже сформировались убеждения, психика уже не настолько пластичная и восприимчивая. Воздействие на взрослых людей должно происходить особенно деликатно, так, чтобы они могли самостоятельно воспитывать и убеждать себя, меняя свое мнение и действия

не из-за очевидного внешнего влияния, обращая внимание на новые для него аспекты отношений и жизненных ситуаций.

Художественный музей имеет очень хороший потенциал для активного продвижения культуры семейных отношений, защищая и развивая семейные ценности. По мнению культуролога и филолога Ю. М. Лотмана, «культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются» [2, с. 4–5]. Художественный музей не как пассивный передатчик, а как активный участник такого общения должен ставить себе задачу создавать метафизическую основу воспитания личности, влиять на нравственно-эмоциональную сферу, имеющую гуманистическую направленность и формулирующую систему ориентации между добром и злом, необходимую для полноценного развития личности, развивать творческое мышление, внутреннюю независимость и индивидуальность, что в итоге делает людей свободными и счастливыми.

Использованная литература:

1. Воспитание гуманизма и нравственности. Жизнь для блага других (по трудам Э. Фромма). М. : Амрита-Русь ; ИП Шалвы Амонашвили, 2023. 268 с.
2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). М. : Проспект, 2024. 576 с.
3. Мураками Х. Беседы о музыке с Сейдзи Одзавой / пер. с яп. Ю. Чинаревой. М. : Эксмо, 2023. 320 с.
4. Выступление Президента России на пленарном заседании Всемирного русского народного собора // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL : <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080867.html?ysclid=m39wtrnef3740638867> (дата обращения: 12.11.2024).
5. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. В. Александровой. М. : Изд-во АСТ, 2024. 288 с.
6. «Хочу в музей!» — новый цикл семейных программ в музее «Новый Иерусалим» // Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим». Официальный сайт. URL : <https://njerusalem.ru/news/hochu-v-muzej-novyj-tsikl-semejnyh-programm-v-muzee-novyj-ierusalim/> (дата обращения: 12.11.2024).
7. Юнг К. Г. Конфликты детской души / пер. с нем. Т. Ребеко, Е. Рязановой, А. Судакова. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2021. 320 с.

Irina M. KARABANOVA,
Deputy General Director, State Historical and Art Museum
“New Jerusalem”, Istra, Moscow Region, Russia, irikar5@yandex.ru

**Art Museums in Modern Russia:
The Specifics of Working with Family Audiences**

In the Russian Federation, 2024 has been declared as the Year of the Family. The paper discusses the goals, objectives and formats of work with a family audience in an art museum that contribute to the development of traditional family values, analyzes the difficulties and their causes. The research showed that art museums have a great potential to strengthen family values through educational activities with a family audience, forming a friendly atmosphere in the family, building trusting interpersonal communication and developing creative thinking. Theoretical and empirical methods were used in the study: the analysis of pedagogical, psychological, philosophical scientific literature on the research topic was carried out; inductive, deductive and logical methods of scientific analysis were applied, among the empirical methods: observation and comparison. The developed formats of working with a family audience can be used by museum educators and schoolteachers.

Keywords: family values, arts museum, museum pedagogy, aesthetic development, upbringing, State Historical and Art Museum “New Jerusalem”.

В. С. Коренная*

**Основные направления работы
учреждений культуры с учащейся молодежью
в области исторического просвещения**

Статья посвящена актуализации положений государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения в деятельности учреждений культуры. Сделан экскурс в теоретический базис научной проблематики, проведен семантический анализ понятий «историческая правда», «историческая память» и «историческое просвещение». Рассмотрены формы и методы работы учреждений культуры с учащейся молодежью в области исторического просвещения. Содержится предло-

* КОРЕННАЯ Валентина Сергеевна, кандидат культурологии, учитель государственного бюджетного образовательного учреждения «Школа № 463 имени Героя Советского Союза Д. Н. Медведева», Москва, Россия, korenvs@mail.ru.

жение выявить культурные практики, популярные в среде учащейся молодежи, подготовить систематизированный перечень тем и вопросов, раскрытие которых возможно в рамках проводимых мероприятий, и разработать типовую программу «Историческая память» для работы учреждений культуры с учащейся молодежью в области исторического просвещения.

Ключевые слова: государственная политика, историческое просвещение, учащаяся молодежь, духовно-нравственные ценности, культурные практики, культурно-исторический опыт, противодействие деструктивной идеологии, работа с молодежью в учреждениях культуры.

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена многочисленными идеологическими диверсиями со стороны средств массовой информации недружественных стран, непрекращающимися попытками принизить роль и значение нашей страны в победе над гитлеровской Германией, участвовавшими фальсификациями других значимых для нашей страны исторических событий. В утвержденных в 2024 г. «Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [7] прямо указано на необходимость выработки механизма противодействия угрозам, таким как: рост международной напряженности и кризис национальной идентичности, стремление к уничтожению исторической памяти россиян, реабилитация и воскрешение неокOLONIALИЗМА, неOИМПЕРИАЛИЗМА и неОНАЦИЗМА, отрицание или преуменьшение исторического вклада России в развитие мировой цивилизации и др.

В тексте Основ констатируется, что наша страна находится во враждебном идеологическом окружении, а политика западных стран открыто нацелена на внутреннее разложение российского общества. Ее объектом стали дети и учащаяся молодежь. Для противодействия необходимо предпринять скоординированные, комплексные и широкомасштабные усилия по организации и обеспечению системной и масштабной работы в области исторического просвещения, образования и науки. Этот посыл адресован органам государственного управления, средствам массовой информации, общественным организациям, учреждениям образования, науки и культуры.

Особые задачи возлагаются на учреждения культуры, которые должны свои направления деятельности привести в соответствие со стратегическими интересами страны, для чего выявить имеющийся опыт, проанализировать позитивные практики и разработать новые формы и методы, ориентированные на учащуюся молодежь. Это позволит, опираясь на богатую историю нашей многонациональной страны,

опыт культурного строительства, национальные традиции и моральные устои, разработать программу исторического просвещения, придать ей наступательный характер, не теряя при этом познавательности, занимательности и соревновательности.

Но для успешной работы в этом направлении необходим современный теоретический базис. И, прежде всего, нужно разобраться с используемой терминологией. Сложность заключается в использовании трех неоднозначных терминов: *историческая правда*, *историческая память* и *историческое просвещение*, наиболее сложный и дискуссионный из которых *историческая правда*.

Ряд исследователей, в частности П. А. Астафичев, М. В. Пресняков, В. С. Уакиев и другие, полагают, что исторической правды как объективного понятия не существует (см.: [1] [5] [6]). Согласно их утверждениям, исторический процесс баснословно сложен, происшедшие события известны из воспоминаний и документальных свидетельств, оставляемых очевидцами, которые их видят однобоко исходя из своей роли в них, своих представлений и суждений. Впоследствии эти свидетельства подвергаются оценке современников и потомков, которая также субъективна, во многом обусловлена приоритетами переживаемого периода. В другие исторические эпохи в результате переоценки отношение к ним может поменяться на диаметрально противоположное. Исторические факты неодинаково интерпретируются разными людьми. В профессиональном сообществе историков споры по поводу оценки тех или иных фактов могут длиться столетиями, пока какая-то из них не доказана с нужным количеством документальных данных. В противовес *исторической правде* они вводят в оборот понятие *историческая истина*, представляющее, по их мнению, этакие непогрешимые и непроверяемые доказательства из прошлого, отражающие «соответствие наших знаний о мире самому миру».

Другие исследователи, в частности Г. Л. Москалев, принимая всю неоднозначность этого понятия, наоборот, настаивают на понимании исторической правды как знания о прошлом, соответствующем объективной действительности: «Это события прошлого, установленные на основе совокупности документов и памятников эпохи, подлинность которых не вызывает сомнений» [4]. В соответствии с этим утверждением историческая правда базируется на точно подтвержденных исторических фактах, но при этом оценочные характеристики выводятся за скобку. «Понимание исторической правды как информации, соот-

ветствующей объективной действительности, предполагает запрет на искажение, фальсификацию исторических фактов, а не на их оценки, что обеспечивает баланс между свободой слова и защитой исторической правды» [4, с. 1071]. Оценки могут меняться, но сами исторические факты незыблемы. Отрицание этих фактов, умалчивание или принижение их значения рассматриваются как грубое искажение исторической правды. Именно в таком понимании историческую правду следует защищать.

Возникает вопрос: от кого следует защищать историческую правду? Речь здесь может идти не только о спланированных идеологических диверсиях. Этим иногда грешат писатели, журналисты, кинорежиссеры, даже иногда профессиональные историки. Ради создания ажиотажного читательского и зрительского интереса, повышения своего рейтинга они используют вольные трактовки исторических событий и поступков исторических личностей, с помощью писательских и режиссерских приемов, акцентов, метафор, допущений, приклеивания ярлыков создают искаженное представление об эпохе, путем давления на эмоциональную сферу вызывают негативные оценки. Безусловно, в истории нашей страны есть моменты тяжелые и неоднозначные [2]. Но акцент только на них, без показа и положительного опыта, представляет собой прием, искажающий историческую правду.

Второй сложный термин — историческая память. Память отдельного человека всегда выборочна, в обществе также что-то выходит на первый план, а что-то забывается, знания утрачиваются. Это обстоятельство не позволяет поставить знак равенства между исторической правдой и исторической памятью. Выбор человека, что помнить, а что нет, определяют в большей степени эмоции. То, что человеку неприятно, он предпочитает не вспоминать, вытесняя негативный опыт на периферию сознания, иногда даже загоняя в подсознание. Сохранение исторической памяти играет немаловажную роль в развитии любой страны и любого общества. Если страна не знает свою историю, если она не уважает свою культуру и не содействует ее поддержанию и развитию, то общество не сможет стабильно развиваться.

Какие чувства концентрирует в себе историческая память? Гордость за свою Родину, свой народ. Понимание, что живешь в стране с великой культурой и литературой, в стране, которая победила фашизм. Понимание, что сложные проблемы не могут быть решены простыми средствами, в том числе агрессивным противодействием решениям властей. Дилемма: что показывать, а что нет? На чем не следует акцентировать внимание?

Значимость, вес того или иного события, политического решения, его значимость для последующего развития. Преувеличение и преуменьшение значимости — все это искажения, не способствующие сохранению исторической памяти. Есть еще такой метод, как замалчивание [5].

Историческое просвещение — третий термин. Он тесно связан с предыдущим термином — *исторической памятью*. Если историческая память — это определенное состояние общества, единство людей, помнящих свои истоки, свое родство с предками, их героическими свершениями, ощущение себя наследниками великих свершений, следование традициям и устоявшимся нормам поведения, то историческое просвещение — это целенаправленная деятельность социальных институтов по приведению общества к такому единству. Наши идеологические противники стараются вытравить из сознания нашей молодежи все положительные моменты в истории нашей страны, чему должно поставить заслон историческое просвещение. Сущность исторического просвещения заключается в целенаправленной и системной работе по сохранению в социальном пространстве исторической памяти.

Принципы исторического просвещения:

- акцент на позитивных моментах российской истории;
- корректное обсуждение сложных и неоднозначных фактов российской истории;
- критика сознательно и по инерции допускаемых искажений в освещении сложных исторических событий российской истории;
- акцент на фактах из жизни и деятельности выдающихся персон, сохранение исторической памяти о выдающихся земляках.

В отличие от исторического образования, которое предполагает становление посредством обучения профессионалов, историческое просвещение нацелено на широкие массы, на разновозрастные группы, которые собираются на добровольной основе в рамках досуговых практик. Основная задача исторического просвещения в рамках досуговых практик — заинтересовать людей историей своей страны, при этом верно расставить акценты, не нарушая историческую правду.

Направления исторического просвещения в учреждениях культуры:

- краеведческая деятельность, включая организацию наполнения краеведческого раздела официального сайта, организацию краеведческих кружков;

- организация лектория для всех интересующихся историей страны, с приглашением профессиональных историков, писателей и публицистов, приглашение на подкасты специалистов-лекторов;
- наглядная агитация (стенды, стеновые панно, рекламные щиты, бегущая строка и т. д.);
- съемка роликов на темы, важные в контексте сохранения исторической памяти, и свободная их демонстрация в публичных местах;
- социальный заказ на создание литературных, сценических, экранных, изобразительных, художественных и документальных произведений, объективно отражающих исторические события;
- организация волонтерского движения по перезахоронению павших героев;
- организация праздников, юбилеев к памятным датам;
- организация сетевых сообществ, интересующихся историей.

Разные виды учреждений культуры — библиотеки, музеи, парки, театры, галереи и выставочные залы, дома культуры — обладают собственным инструментарием, позволяющим в своем ключе проводить работу в области исторического просвещения. Наиболее разработан арсенал средств у музеев: все значимые исторические события документированы и подтверждены музейными предметами. Для театров важен репертуар, который бы не искажал историческую правду. Библиотеки должны учащейся молодежи рекомендовать к прочтению такие книги, которые бы отражали правду, не искажали в угоду политической конъюнктуре или личным пристрастиям. Картинные галереи — отбирать полотна для экспозиции, правдиво, в реалистичной манере отражающие историческую правду, но и не «смакующие» ее темные пятна.

Для успешной работы было бы полезно выявить культурные практики, популярные в среде учащейся молодежи, для использования их в разработке форм и методов в области исторического просвещения, провести исследование эффективности их применения, проанализировать воспитательный потенциал и обосновать новые принципы их реализации. Также следует выявить и систематизировать социально-значимые информационные ресурсы сети Интернет, важные для использования в работе учреждениями культуры с учащейся молодежью по отдельным темам исторического просвещения. Это поможет в составле-

нии систематизированного перечня тем и вопросов, раскрытие которых возможно в рамках мероприятий, проводимых учреждениями культуры, и в разработке типовой программы «Историческая память» для их использования в учреждениях культуры страны.

Использованная литература:

1. Астафичев П. А. Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 года // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 116–121.
2. Борисов В. А., Синютин С. С. Фальсификация исторической правды в год 70-летия Великой Победы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2015. № 4. С. 155–163.
3. Кузнецова О. О. К вопросу защиты исторической правды в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 17. С. 378–381.
4. Москалев Г. Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. № 15. С. 1070–1081.
5. Пресняков М. В. Защита исторической правды в России: «мостик» в историю или «тропинка» для обхода свободы слова // Межрегиональные Пименовские чтения. 2019. № 18. С. 69–77.
6. Уакиев В. С. Диалектика правды и неправды в вопросе изучения военной истории // Вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2019. № 2. С. 62–75.
7. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России [Сайт]. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 06.02.2025).

Valentina S. KORENNAYA,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art),
Teacher, State Budgetary Educational Institution “School No. 463”,
Moscow, Russia, korenvs@mail.ru

The Main Areas of Work of Cultural Institutions with Young Students in the Field of Historical Education

The article is devoted to updating the provisions of the state policy of the Russian Federation in the field of historical education in the activities of cultural institutions. An excursion into the theoretical basis of scientific problems is made. A semantic analysis

of the concepts of “historical truth”, “historical memory” and “historical enlightenment” is carried out. The forms and methods of work of cultural institutions with students in the field of historical education are considered. It is proposed to identify cultural practices that are popular among students, to prepare a systematic list of topics and issues that can be disclosed as part of ongoing events, and to develop a standard program “Historical Memory” for cultural institutions to work with students in the field of historical education.

Keywords: *state policy, historical education, youth students, spiritual and moral values, cultural practices, cultural and historical experience, countering destructive ideology, work with youth in cultural institutions.*

A. P. Токова*

Участие СМИ в межкультурном диалоге народов Карачаево-Черкесской Республики**

Средства массовой информации играют важную роль в решении проблем межкультурной коммуникации и активно участвуют в межкультурном диалоге народов Карачаево-Черкесской Республики. Они формируют актуальную информационную повестку для представителей коренных народов республики, участвуют в реализации образовательной, просветительской, интеграционной и других функций. Роль СМИ в формировании культурных процессов подчеркивает важность исследований, связанных с межкультурным диалогом, а также с сохранением и передачей положительного социального опыта между поколениями в контексте межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *СМИ Карачаево-Черкесии, межкультурный диалог, межэтническая журналистика, роль СМИ, ВГТРК «Карачаево-Черкесия, телеканал «Архыз 24», национальная пресса.*

Средства массовой информации занимают ключевую позицию в решении проблем межкультурной коммуникации и диалога. Они спо-

* ТОКОВА Астанда Руслановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, astabar@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 242–243. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

способствуют развитию межкультурного взаимодействия, и их роль в этом процессе продолжает возрастать. СМИ обеспечивают доступ к информации различным культурным объединениям и народам. Роль СМИ в межкультурной коммуникации можно рассматривать как обучающую, исследовательскую, интеграционную, защитную, вспомогательную [4].

Вовлечение средств массовой информации в процесс формирования культурных парадигм акцентирует внимание на значимости научных исследований, посвященных межкультурному диалогу, а также на необходимости сохранения и трансляции конструктивного социального опыта между поколениями в рамках межкультурной коммуникации. Данные аспекты приобретают особую актуальность в условиях растущего интереса к этнокультурным и межэтническим вопросам, что подчеркивает важность их изучения для обеспечения социальной гармонии и взаимопонимания. «От того, насколько позитивно или негативно преподносятся СМИ этнически окрашенные материалы, зачастую зависят не только мнения и представления людей, но и международные отношения, согласие и мир в регионе или стране в целом. При этом стоит отметить, что разнообразие культур и отличия в стиле жизни и мировоззрениях вызывают интерес как у ученых, так и у журналистов и обычных граждан» [2, с. 148].

В Карачаево-Черкесии выходят газеты на пяти языках коренных народов республики: «Абазашта» (на абазинском языке), «Карачай» (на карачаевском), «Ногай давысы» (на ногайском), «День республики» (на русском), «Черкес хэку» (на черкесском). Телевидение представлено филиалом ВГТРК «ГТРК “Карачаево-Черкесия”» и телеканалом «Архыз 24». На ГТРК «Карачаево-Черкесия» функционируют редакции национального вещания: абазинская, карачаевская, ногайская, черкесская и русская.

Телевизионные передачи, печатные материалы, интернет-ресурсы в полном объеме удовлетворяют информационные потребности народов Карачаево-Черкесии, говорящих на разных языках, но ставших родными и близкими за многовековую историю совместного проживания [6, с. 174].

Невозможно представить периодическую печать Карачаево-Черкесии без ведущей общественно-политической газеты «День республики», которая на русском языке рассказывает о жизни народов, проживающих в республике. Она активно способствует процессу консолидации общества, укреплению согласия, дружбы и братства между народами.

Привлекательной газету делает присутствие постоянных рубрик, среди которых особое место занимают разделы, посвященные истории, духовной жизни, вопросам культурного наследия, языкам коренных народов республики. Такие рубрики, как «Прикосновение к судьбе», «Актуальное интервью», «Наша гостиная», «Вслед за событием», «Юбилей», «Расскажу о человеке», «Наша история», «Природа и мы», «Лицом к проблеме», «Ракурс», «Кавказ — наш общий дом», «Никто не забыт, ничто не забыто» и другие. На страницах газеты часто можно увидеть публикации, посвященные нашим землякам, представителям разных национальностей, среди которых учителя, врачи, писатели, ученые, спортсмены, труженики села, учащиеся, представители молодежи.

На протяжении многих лет популярными остаются материалы, посвященные трудовым будням, социальным и экономическим проблемам, культурному развитию («Добрый след», «Мы этой памяти верны!», «“Золотой” баритон Осетии», «Был настоящим доктором», «В помощи пожилым родителям», «Успех наших легкоатлетов», «Я вечный кавказский пленник!»). Лучшие человеческие качества и черты характера воплощают в себе герои журналистских произведений, такие как карачаевская поэтесса Алла Чотчаева в очерке Аминат Джаубаевой под названием «Души моей мелодии и ритмы». Автору удалось создать образ удивительно интересной талантливой женщины, «в каждом слове, жесте, движении которой сквозят милое изящество, большое чувство эстетики: какие прилагательные ей больше всего подходят — любящая, творческая, надежная, решительная?». Героиня черпает энергию и вдохновение в красоте окружающего мира, в тепле и уюте родительского дома, в поддержке своих земляков [3].

В галерее публикаций о наших знаменитых земляках выделяется материал Алтынай Атуовой о заслуженном работнике культуры РФ, заслуженном журналисте КЧР, члене Союзов писателей и журналистов России Тамаре Дышековой. «Журналистские дороги сводили ее с современниками, ставшими, по большому счету, символом и целой эпохой в жизни страны и родной республики. Навсегда в памяти Тамары Борисовны остался эпизод, связанный с подготовкой оперативного интервью с летчиком-космонавтом СССР Владимиром Джанибековым после его первого полета в космос, встреча с супругой космонавта, автором нескольких поэтических сборников Лилией Джанибековой, с известным танцором Махмудом Эсамбаевым» [1].

«Мы разные, но равные» — так называется материал о XII Межрегиональном профессиональном конкурсе учителей родных языков и литератур субъектов СКФО и Республики Адыгея, который проходил в Карачаевске на базе Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева.

Очерк «Голос сердца Мадины Малсугеновой» повествует о талантливой девушке, поэтессе, студентке Института филологии КЧГУ имени У. Д. Алиева Мадине Малсугеновой. Она пишет стихи на русском и на родном карачаево-балкарском языках. «Орфей» — называется первый поэтический сборник девушки. Мадина — пример человека, который четко понимает свое предназначение, осознанно выбрала профессию учителя родного языка и литературы, а самое главное — она следует велению сердца. Автор публикации раскрывает образ своей героини через темы и сюжеты ее произведений. «Ее стихи выросли вместе с ней», — отмечает журналист Э. Эбзеева, указывая на то, что юная поэтесса начала писать еще в раннем детстве. «Я выросла на произведениях Альберта Узденова, — говорит девушка и продолжает далее, — мне нравится писать о Родине, о ее природных красотах. Порой пишу про трудный путь нашего многострадального народа». Тема любви к Родине, матери, ребенку находит отражение в творчестве Мадины.

Непрерывно расширяется арсенал инициатив и творческих начинаний газеты «День республики». Выходят объединенные номера региональных изданий и обменные страницы, публикуются материалы мастеров российской публицистики, что обогащает контент, способствует расширению аудитории и обмену опытом. Эти меры способствуют укреплению культурных связей и развитию журналистики в регионе, усилению влияния средств массовой информации на развитие межкультурного диалога.

У журналистов ГТРК «Карачаево-Черкесия» большой опыт создания тематических передач межэтнической тематики. Особый интерес телезрителей вызывают передачи, выходящие на русском языке, но посвященные истории, жизни, культуре, языку коренных народов. Героями передач и проектов часто становятся представители разных народов республики. Начало этой традиции положила передача «Мы вместе», которая выходила в начале 2000-х гг.

«Телепередача “Мы вместе” освещала культуру и уклад жизни горских народов, отражала их стремление к миру, добру и взаимопо-

ниманию. Например, из передачи телезрители узнавали о значении калмыцкого чая в жизни ногайцев, о том, каким ремеслам принято обучать карачевских детей, познакомились с абазинским народным театром, созданным в ауле Инжич-Чукун. В основу каждого выпуска была положена объединяющая идея общекавказского дома как мудрое решение межнациональных и этноконфессиональных проблем, залог взаимопонимания и толерантности» [7, с. 45–65].

Среди передач, подготовленных национальными редакциями ГТРК, следует отметить такие, как «Наши предки», «Встреча для вас», «Достойный сын достойного народа», «Ногайский юрт и его нравы», «Батыры спорта», «Мы в эфире», «Поговорим», «Литературные встречи» (ногайская редакция); «Марашта», «Зуыс йазцIабыргу», «Люди земли», «Мир ислама», «Шире круг», «Секреты вкуса» (абазинская редакция); «Очаг культуры», «Черкесские пословицы», «Творцы победы», «Великан», «Корни и крона», «Поэтической строкою...» (черкесская редакция); «Солдаты победы», «Интересный человек среди нас», «Народная кладовая», «Народные традиции», «Азан», «Къурман» (карачевская редакция). На русском языке выходят передачи «Доброе утро», «Там, где мы живем», «Добрый вечер, Республика!», «Пою тебе, моя Россия», «Гость программы», «Ракурс», «Зори Кавказа» и другие.

Высока роль информационного агентства РИА «Карачаево-Черкесия» и телеканала «Архыз 24» в формировании межкультурного диалога народов республики. Благодаря таким передачам, как «Республика традиций», «Мой край», «Ремесла», «Наши люди», «Архызский лик», «Ислам — моя религия», «Имена и времена», «Соседи», «Стихия», «Языки народов России», «Аутентичная кухня народов Карачаево-Черкесии», телезрители узнают о талантливых молодых людях, представителях соседних народов, о новых достижениях и успехах представителей соседнего района или аула, о культуре, красивых традициях, многовековых обычаях этих народов.

Передача «Стихия» посвящена литературно-поэтическим встречам поэтов Карачаево-Черкесии и Северного Кавказа. Интересным в рамках темы нашего исследования представляется проект «Культурный экспресс», который представлен в сетке вещания телеканала «Архыз 24». Это еженедельная просветительская программа, которая знакомит телезрителей с известными деятелями культуры и искусства и творческими коллективами.

Достаточно популярен и востребован, особенно среди молодежной аудитории, проект «Разговорник», который направлен на популяризацию родных языков народов нашей республики. Из каждого выпуска зрители узнают новые фразы и выражения на языке соседнего народа. Благодаря данной передаче все желающие могут овладеть начальным уровнем знаний для общения на карачаевском, черкесском, абазинском и ногайском языках.

Проект «Языки народов России» знакомит с уникальными языками народов, населяющих территорию нашей страны, и представляет собой цикл видеороликов, в каждом из которых представители разных народностей, одетые в национальные костюмы, на родных языках рассказывают о необходимости сохранения своего главного богатства и культурного наследия. Проект создан в рамках заключенного соглашения о сотрудничестве с Гильдией межэтнической журналистики. Масштабный проект Гильдии «Школа межэтнической журналистики» успешно реализуется в нашей республике под руководством главного редактора информационного агентства РИА «Карачаево-Черкесия» Нелли Карабашевой при активном участии студентов Карачаево-Черкесского государственного университета.

Показателем высокой результативности деятельности телеканала «Архыз 24» в сфере межэтнической и межконфессиональной тематики являются высокие достижения в региональных и всероссийских конкурсах. Так, к примеру, четыре представителя холдинга признаны лучшими в 2024 г. среди журналистов КЧР, работающих в данном направлении. А редактор телеканал А. Лагошина стала победителем VIII Международного телекиноконкурса «Родные тропы» [5].

Вовлеченность в культурную среду другого народа позволяет лучше понять образ мыслей, причины тех или иных поступков, истоки традиций, увидеть в разнообразии культур общность и единство исторических судеб.

Большой вклад в формирование межкультурного диалога, развитие духовных связей между народами Карачаево-Черкесии вносит и Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева. На базе нашего университета под непосредственным руководством ректора Т. А. Узденова реализуется немало инициативных проектов, направленных на укрепление связей между представителями молодежи разных национальностей. Все они получают информационную под-

держку средств массовой информации и широко представлены на всех официальных информационных площадках.

Одним из самых резонансных проектов стал проект «Тотальный диктант на пяти национальных языках коренных народов нашей республики», который в текущем году прошел уже третий раз и объединил более 150 площадок по всему миру. Диктант направлен на сохранение и развитие национальных языков региона. Каждый, кто принимает участие в Тотальном диктанте, становится частью общей цели — сохранения и продвижения культуры и языка своего народа. Подобные инициативы способствуют формированию понимания важности и ценности своего языка и культуры, а также являются стимулом к его изучению и совершенствованию. Также университетские СМИ подробно освещают крупные научные мероприятия международного и всероссийского уровней.

Один из последних реализованных в вузе проектов — «Махар 2024» — стал традиционным и собрал молодых людей со всех уголков России. За шесть дней форума ребята успели поучиться, узнать много нового и интересного, найти новых друзей, познакомиться с местными традициями, получить грантовую поддержку за свои проекты.

Следует отметить большую работу службы СМИ университета. Информационные ресурсы КЧГУ не раз попадали в топ лучших в категории медиаактивность наряду с медиаресурсами ведущих вузов страны. Это показатель ответственного, взвешенного и планомерного движения в достижении целей.

Большинство материалов, посвященных межэтнической тематике, имеет культурно-просветительский и познавательный характер, акцентируя внимание на положительном опыте взаимодействия между различными этническими группами. Это способствует формированию более глубокого понимания культурного многообразия и содействует укреплению межкультурного диалога.

Участие средств массовой информации в диалоге культур играет ключевую роль в решении проблем межкультурной коммуникации. СМИ не только информируют общество о разнообразии культурных традиций и ценностей, но и способствуют созданию платформы для обмена мнениями и идеями между различными этническими и культурными группами. Это взаимодействие помогает преодолевать стереотипы, снижать уровень предвзятости и способствует более глубокому взаимопониманию, что, в свою очередь, укрепляет социальную сплоченность и гармонию в обществе.

Использованная литература:

1. Атуова А. Памяти Тамары Дышековой // День Республики. 2024. 11 марта.
2. Барсукова А. В. Этническая журналистика Приволжского федерального округа: опыт системного анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 7. С. 148–151.
3. Джаубаева А. Души моей мелодии и ритмы // День Республики. 2023. 11 февр.
4. Миронов В. В. Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. М. Н. Володиной. М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 285–315.
5. Редактор «Архыз 24» А. Лагошина — победитель VIII Межнационального телекиноконкурса «Родные тропы» // Архыз — 24. URL : <https://arkhyz24.ru/teleproekt/> (дата обращения: 03.02.2025).
6. Токова А. Р. Роль СМИ в межкультурном диалоге народов Карачаево-Черкесии // Национальные и исторические традиции — источник общероссийского единства : матер. всерос. науч.-практ. конф. (Карачаевск, 04–05 декабря 2020 г.). Карачаевск : Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У. Д. Алиева, 2020. С. 174–180.
7. Токова А. Р. Телевидение Карачаево-Черкесии в региональном медийном пространстве // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 4564–4568.

Astanda R. TOKOVA,

Cand. Sci. (Russian Literature and the Literatures of the Peoples of the Russian Federation), Assoc. Prof., Department of Literature and Journalism, Institute of Philology, Umar Aliev Karachay-Cherkess State University, Karachay-Cherkess Republic, Russia, astabar@mail.ru

Media Participation in Intercultural Dialogue of the Peoples of the Karachay-Cherkess Republic

Mass media play an important role in solving problems of intercultural communication and actively participate in the intercultural dialogue of the peoples of the Karachay-Cherkess Republic. They form a relevant information agenda for representatives of the indigenous peoples of the republic, participate in the implementation of educational, enlightening, integration and other functions. The role of the media in cultural processes formation emphasizes the importance of research, which is related

to intercultural dialogue, as well as the preservation and transfer of positive social experience between generations in the context of intercultural communication.

Keywords: *mass media of Karachay-Cherkessia, intercultural dialogue, interethnic journalism, role of mass media, All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company in Karachay-Cherkessia, Arkhyz 24 TV channel, national press.*

Е. Ю. Третьякова*, О. Р. Булатова**

Поэтическое наследие Юрия Кузнецова и музыка современных композиторов***

Авторы статьи настаивают на несостоятельности мнения о том, что произведения Юрия Поликарповича Кузнецова непереложимы на язык музыки, на примере созданных многими композиторами музыкальных интерпретаций, таких как хоровые и камерные вокальные циклы Г. Дмитриева и О. Проститова, песни фольклорного и эстрадного характера (авторы музыки — В. Захарченко, Д. Дмитренко, В. Андриенко, Л. Шаханов и др.), наброски оперы Ю. Алябова. Проводится мысль о необходимости активно пропагандировать и включать в исполнительский репертуар современные музыкальные произведения, написанные на стихи этого выдающегося поэта. Это приблизит современных слушателей к поэзии выдающегося уроженца Кубани, приобщит публику к музыкальным шедеврам, которыми мы по праву можем гордиться.

Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов, поэзия и музыка, хоровой репертуар, песенный репертуар, камерные вокальные циклы, В. Захарченко, Г. Дмитриев, О. Проститов, Ю. Алябов.

Мир прекрасного гораздо более объективен, чем мы подчас думаем, и поэтому Музыка сама находит свою Поэзию. Примером тому может служить музыкальное освоение поэзии Юрия Поликарповича Кузнецова

* ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института природного и культурного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, drevo_rechi@mail.ru.

** БУЛАТОВА Ольга Рафаэльевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры фортепиано Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия, olgarafelya@yandex.ru.

*** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

(1941–2003) — одного из самых ярких представителей отечественной литературы второй половины XX столетия.

В устах литературоведов неоднократно приходилось слышать, что стихи Юрия Кузнецова не приспособлены для того, чтобы их петь, говорилось это очень авторитетными людьми, поистине знатоками. И каждый из них имел в виду не порицание, а похвалу: это вам не поэт-песенник, а поэт-мыслитель, глубоко разрабатывающий гражданскую и православно-религиозную тему.

Первым опроверг мнение о том, что столь высокого уровня темы в стихах Юрия Кузнецова препятствуют переложению их на музыку, Георгий Петрович Дмитриев (1943–2016). Первым опытом работы с лирикой Кузнецова была элегия «Осенняя годовщина», которую композитор сделал основой одной из частей пятичастного цикла в хоровой симфонии «Праведная Русь» (1996). Наполненное пушкинскими реминисценциями стихотворение стало центром этой хоровой симфонии, охват событий истории и временной диапазон которой очень широк. В симфонии звучит текст, написанный неизвестным автором XVI столетия, и произведения трех ближайших к нам веков: стихи Максимилиана Волошина, Юрия Кублановского, Юрия Кузнецова.

Композитор рассказывал о том, почему элегия «Осенняя годовщина» привлекла его внимание: «В тот период — после событий октября 1993 года (памятных мне также и биографически) — я довольно много думал о промыслительной особенности нашей истории, когда жертвенный подвиг лучших представителей народа — в самых разных исторических обстоятельствах — мистическим образом становится спасительным для страны и народа в целом. Потому, конечно, что является подобием, несет в себе матрицу жизнеутверждающего самопожертвенного подвига Христа...

Тему эту, в которой проступает сакральная суть праведной Руси, я хотел воплотить через ряд соответствующих исторических коллизий. Избрав для данного сочинения линию наших внутренних братоубийственных распрей, когда каинова злоба, агрессивность и насилие одних людей погашаются искупительной жертвой других. Они обретают при этом личную святость, “венцы мученические”, Царство Небесное, тогда как страна и народ — ресурс возрождения, духовного и исторического, или — говоря проще и точнее — Милость Божию...» [2].

Высказывания этого композитора о качествах поэзии Юрия Кузнецова стоят того, чтобы их процитировать и вникнуть: «Вообще, надо

сказать, поэзия Кузнецова очень благодарна и удобна для музыкального воплощения. Прежде всего, своими литературными достоинствами. Практически каждое стихотворение — это поразительно точно выверенная система изумительно найденных и единственно верно расставленных слов, которая зачастую приобретает свойство какого-то излучения, свечения и мерцания. Смысловые связи между ключевыми словами закольцованы, зеркально отражены и никогда не остаются брошенными. Среди привлекательных для композитора качеств — лаконизм стихов, потому что то, что поется, требует краткости поэтической основы (музыкально интонируемое слово протяженнее произносимого или читаемого). Кроме того, у Кузнецова очень яркие выпуклые образы, что позволяет в музыке с ними работать — укрупнять, детализировать, сопоставлять, оттенять... Это художественные миры, обладающие замечательной индивидуальной характерностью, что для музыки очень важно» [2, с. 27].

Известный музыковед Юрий Паисов в монографии 2007 г. отмечал: «Поэзия Юрия Кузнецова <...> редко используется в вокальных произведениях. Г. Дмитриев фактически является ее первооткрывателем» [4, с. 80].

Композитор вел работу над музыкальным воплощением новых и новых пластов этого поэтического материала более десяти лет своей жизни. Четырехчастный вокальный цикл «Богатырские песни» (2002) составили произведения для баса и фортепиано: 1. Поединок; 2. «Завижу ли облако в небе высоко»; 3. Сито; 4. Богатырь и карлик (русская лубочная картинка). В 2004 г. в хоровую симфонию-концерт для солистов и смешанного хора без сопровождения «Китеж всплывающий» вошли шесть номеров (1. «Колесо»; 2. «Шел старик по глухой стороне»; 3. Последние кони; 4. Возвращение; 5. Косынка; 6. «Солнце родины смотрит в себя»). Далее последовали еще два больших вокальных цикла: «Четыре стихотворения Юрия Кузнецова» (2007) для баритона и фортепиано (1. Осенний космос; 2. Воскресение; 3. «То не лето красное горит»; 4. Гулянка) и семичастный цикл для меццо-сопрано и фортепиано «И вместо точки я поставлю солнце» (2008), в который включены: 1. «Полюбите живого Христа»; 2. Цветущий шиповник; 3. Полынь; 4. «Течет река имен и лиц...»; 5. «Есть у меня в душе одна вершина...»; 6. Птицы в снегу; 7. «Поэзия есть свет...».

Произведения масштабные, но по музыкальному воплощению разные: для голоса и фортепиано, для хора и симфонического оркестра. Они получили высокую оценку в музыковедческой литературе. Жизнь сама

показала, что при соприкосновении с этим поэтическим материалом рождается незаурядная музыка. Как содержательный музыковедческий анализ его больших циклов на стихи замечательного поэта наиболее интересны названная нами книга Ю. Паисова «Хоровое творчество Георгия Дмитриева», статья Е. Супоневой [6].

Несомненно, одной из причин того, что композитор глубоко проникся «кузнецовскими» поэтическими замыслами, было сыновнее чувство к родной земле — биографические параллели в судьбах двух художников.

Юрий Кузнецов до 17 лет жил в нашем крае, окончил среднюю школу в Тихорецке, после чего некоторое время, примерно год, учился в Краснодарском педагогическом институте. Потом ушел в армию, но после демобилизации еще почти год работал корреспондентом краевой молодежной газеты в Краснодаре (жил у своего дяди в поселке Яблоновский, примыкающем к юго-западной части города).

Георгий Дмитриев родился в столице Краснодарского края, прожил здесь детские и юношеские годы, до 19 лет, до 3-го курса был студентом музыкального училища имени Н. А. Римского-Корсакова (продолжил образование в Московской консерватории, куда его пригласил поступить после ознакомления с его композиторскими опытами Д. Д. Шостакович).

Такое содружество высоких дарований может и должно стать предметом гордости для краснодарцев. Об этом надо им рассказывать, вести просветительскую работу, включать исполнение произведений в концертную деятельность артистов Краснодарского музыкального театра, Краснодарской филармонии. Столицу Кубани и весь Краснодарский край следует хорошо и полно познакомить с наследием выдающегося поэта и выдающегося композитора. Мы писали об этом [9], в том числе и в сети Интернет [7], и в одном из разделов книги «Юрий Кузнецов: зрелое новаторство» (2013) [8].

Воспоминания Георгия Дмитриева о Краснодаре содержатся в очерке «Да процветает русская музыка ее представителями», напечатанном в одном из юбилейных сборников музыкального колледжа имени Римского-Корсакова [1]. В заглавие очерка Георгий Петрович взял слова напутствия, которые написала ему на дарственной фотографии выдающийся музыкальный педагог Анна Ивановна Сокольницкая-Вассер. Полвека преподавая в училище, она воспитала для нашего города несколько поколений прекрасных музыкантов.

В 2006 г. в Краснодаре были организованы Первые Кузнецовские чтения. Память о невозвратимой утрате (поэт скончался в ноябре 2003 г.) собрала тогда почитателей поэзии Кузнецова со всей страны. Выступая перед участниками чтений, руководитель Кубанского казачьего хора Виктор Захарченко сказал, что им написано около 30 песен на стихи нашего великого земляка. В исполнении знаменитого хора звучат две из этих песен — «Возвращение»: «Шел отец невредим / Через минное поле...» и «Когда я не плачу, когда не рыдаю...». Вторая, особенно удачная, высоко оценена не только светскими, но и церковными слушателями.

Тогда же, в 2006 г., краснодарский дирижер Владимир Андриенко просил передать жене поэта и участникам Кузнецовской конференции, проходившей в Москве (Институт мировой литературы имени А. М. Горького, февраль 2007 г.), что он написал мелодию для «Гимнастерки». Свою песню на то же стихотворение весной 2007 г. на одной из литературно-музыкальных композиций показал аудитории преподаватель консерватории Краснодарского государственного университета культуры и искусств Леонид Иванович Шаханов. В феврале 2011 г. московская общественность отмечала 70-летие поэта, и на вечере в Центральном доме литератора звучала та же «Гимнастерка», но уже на музыку композитора Дмитренко.

Поток музыки на стихи Кузнецова разрастался как водопад, потому что его поэзия несла в себе волнующие современников чувства и переживания, весомый итог прожитого и передуманного.

Качество и уровень композиторских работ определяются, конечно, во многом их принадлежностью к определенной музыкальной стихии и традиции (будь то фольклор, или канон духовных песнопений, или какое-то из направлений музыкального искусства нашей эпохи). Но это одна сторона вопроса. Другая, не менее важная сторона обусловлена тем, что художественный материал, сама музыкальная интерпретация должна бережно и цельно передать стихотворную основу, ни в коем случае не разрушая ее ткань, словесно-художественную оболочку.

В этом смысле очень удачна, на наш взгляд, баллада «Дуб» («То не ворон накликал беду, / То не ветром ее насквозило...») Александра Абрамова и Юрия Алябова. Это богатырское, наполненное трагизмом и былинным духом сочинение — лучшая песня в фольклорном стиле из всех сочиненных в 2000-е гг. на стихи Кузнецова.

Юрию Алябову, возможно, будет принадлежать честь создания оперы на стихи поэмы Кузнецова «Путь Христа». Как нам известно,

работа над масштабным произведением идет более 20 лет и пока не завершена, но имеющиеся фрагменты («Христова колыбельная», «Песня бесноватого», «Песня Лазаря») убеждают в поразительной силе этого замысла.

Все творцы в момент работы над новым сочинением владеют потоком вдохновения как ни с кем не разделенной собственностью. И музыканты вправе сами делить этот поток, группировать его части по-своему.

Композитор создает канву замысла из самостоятельно подобранных им стихотворений. Таковы хоровая симфония-концерт Г. П. Дмитриева («Китеж всплывающий», 2004) и камерный цикл О. Л. Проститова «Семь стихотворений Юрия Кузнецова» (2011). Олег Проститов сочинил этот цикл для голоса и фортепиано как музыкальное приношение от земляков-краснодарцев к 70-летию поэта. Семичастный цикл романсов составили номера: 1. «Пустой орех»; 2. «Червонная роза горела»; 3. «Ты чужие слова повторяла»; 4. «Великий инквизитор»; 5. «Бездна»; 6. «Русская судьба»; 7. «То не лето красное горит». Первым исполнителем этого цикла стал замечательный тенор Валерий Костин. Музыкаловедческий разбор этих семи романсов, опирающийся на беседу с композитором относительно общей структуры композиторского замысла, опубликовала в 2011 г. проф. Т. В. Сорокина [5].

Возвращаясь к разговору о циклах как таковых, хотелось сказать, что уникальную возможность композиторам могла бы дать книга «Юбилейное» (2001), на страницах которой помещены шесть десятичастных циклов — в том первоначальном виде, как их сплотил в художественное единство сам Юрий Кузнецов. Книгу стихов «Юбилейное» можно охарактеризовать как итоговый взгляд на пройденное. Взгляд, отражающий кузнецовскую концепцию сотворчества поэта с жизнью. Своего рода реализацией восточного поверья о том, что в 60 лет человек рождается заново (дальневосточные народы говорят: рождается для мудрости).

Расскажем историю появления на свет этого примечательного томика. «Воениздат» к 60-летию поэта выпустил его ровно в шестидесяти экземплярах [3]. Составляя шесть разделов сборника (в каждом, как мы уже сказали, содержится по 10 стихотворений), поэт «геометрически» вписал в шесть циклов свои поэтические вещи, знаковые для каждого из пройденных десятилетий жизни.

Эти шесть циклов ждут своего композиторского осмысления. И, мы уверены, дадут новые музыкальные шедевры для камерного, ан-

самблевого, сольного и хорового исполнения. Ведь удачную музыку на стихи Кузнецова пишут лишь авторы зрелые, поднявшиеся на высокую ступень сопереживания и сомыслия.

Отсюда — высшая степень проникновения мыслительной ткани в ткань музыкальную, и, в свою очередь, их обеих — в ткань жизни.

Использованная литература:

1. *Дмитриев Г. П.* «Да процветает русская музыка ее представителями» (Очерк-воспоминание об Анне Ивановне Сокольницкой-Вассер) // Музыкальное образование в колледже: теория, история, практика : матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 105-летию образования колледжа (Краснодар, 19–21 ноября 2011 г.). Краснодар : [Б. и.], 2011. С. 214–218.
2. *Дмитриев Г. П.* «...Тот, кому дано играть на лире» // Юрий Кузнецов и Россия : матер. IV ежегодной конф., посвящ. творческому наследию Ю. П. Кузнецова (Москва, 17–18 февраля 2010 г.). М. : Изд-во ИМЛИ, 2011. С. 27.
3. *Кузнецов Ю. П.* Юбилейное. М. : Воениздат, 2001. 78 с.
4. *Паисов Ю. И.* Хоровое творчество Георгия Дмитриева. М. : ООО «Дека-ВС», 2007. 348 с.
5. *Сорокина Т. В.* Вокальный цикл Олега Проститова на стихи Юрия Кузнецова // Юрий Кузнецов и мировая литература : матер. V междунар. науч. конф. ИМЛИ, СП России и Литинститута им. А. М. Горького (Москва, 9–10 февраля 2011 г.). М. : Изд-во Литинститута им. А. М. Горького, 2011. С. 122–126.
6. *Супонева Е.* Слово и музыка: о воплощении поэзии Ю. Кузнецова в симфонии-концерте «Киеж всплывающий» Г. Дмитриева // «Он стоял перед самым Ответом». Вера и судьба России: Век XX, век XXI. Юрий Кузнецов — поэт и философ : матер. конф. ИМЛИ и СП России (Москва, 14–15 февраля 2007 г.) : в 2 ч. М. : Изд-во СП России, 2007. Ч. 1. С. 128–138.
7. *Третьякова Е. Ю.* Нужен ли Краснодару дом знаменитого композитора? // Научно-культурологический журнал RELGA.RU. 2008. № 9 (172). URL : <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2197&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 29.09.2024).
8. *Третьякова Е. Ю.* Юрий Кузнецов: Зрелое новаторство. Краснодар : Изд-во Краснодарского ун-та культуры и искусств, 2013. 216 с.
9. *Пенкина О. В., Третьякова Е. Ю.* От фольклора и его героев — к современности и нашим землякам // Наследие веков. 2019. № 1. С. 146–149.

Elena Yu. TRETYAKOVA,

Dr. Sci. (Media Communications and Journalism), Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Department of Complex Problems of Cultural Studies,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, drevo_rechi@mail.ru

Olga R. BULATOVA,

Cand. Sci. (Theory and Methods of Teaching and Education),
Assoc. Prof., Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia,
olgarafelya@yandex.ru

The Poetry by Yuri Kuznetsov in the Music of Modern Composers

The authors of the paper prove the inconsistency of the opinion that the works by Yuri Polikarpovich Kuznetsov cannot be arranged in a musical way. They are supporting on the using the example of musical interpretations created by many composers, such as choral and chamber vocal cycles (George Dmitriev and Oleg Prostitov), songs of folklore and pop character (the authors of the music Victor Zakharchenko, Dmitry Dmitrenko, Vladimir Andrienko, Leonid Shakhanov, and others), the preliminary sketches of the opera work (Yuri Alyabov). The authors suggest the need to actively promote and include in the performing repertoire modern musical works based on the poems of this outstanding poet. This will bring modern listeners closer to the poetry of an outstanding native of Kuban and introduce the audience to musical masterpieces that we can rightfully be proud of.

Keywords: *Yuri P. Kuznetsov, poetry and music, choral repertoire, song repertoire, chamber vocal cycles, Victor Zakharchenko, George Dmitriev, Oleg Prostitov, Yuri Alyabov.*

А. Н. Еремеева*

Музейные комплексы научно-исследовательских учреждений как ресурс развития культурно-познавательного туризма**

В статье рассматривается современное состояние и перспективы включения музейных комплексов научно-исследовательских учреждений Краснодарского края — Национального центра зерна имени П. П. Лукьяненко, Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур имени В. С. Пустовойта, Государственного научного центра «Южморгеология» — в число объектов туристического показа. В качестве источников выступают музейные экспозиции, архивные материалы, отражающие опыт воссоздания истории научных учреждений и их экскурсионной деятельности, интервью с сотрудниками научно-исследовательских институтов.

Ключевые слова: научно-исследовательские учреждения, музейный комплекс, культурно-познавательный туризм, популяризация науки, Национальный центр зерна имени П. П. Лукьяненко, Всероссийский научно-исследовательский институт масличных культур имени В. С. Пустовойта, Государственный научный центр «Южморгеология».

Среди объектов, транслирующих научно-техническое наследие, особое место занимают музейные комплексы научно-исследовательских институтов (НИИ). Они, как правило, посвящены развитию какой-либо отдельной отрасли и являются неотъемлемой частью пространства научного учреждения. Музеи НИИ, несмотря на разнообразие и порой уникальность экспонатов, слабо реализуют свой просветительский потенциал.

Сотрудники сектора «Музей Сибирского отделения РАН», исследовавшие новосибирский Академгородок, выделили в его топосе следующие социокультурные комплексы, «которые маркируют принадлежность данного поселения к феномену большой науки»: музей-

* ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, eapana@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Научно-техническое наследие как ресурс развития внутреннего туризма», номер государственной регистрации: 125021001868–6.

ный, мемориально-монументальный, топонимический, интеллектуально-досуговый, экологический, аттрактивный, ивентовый. Под музейным комплексом авторы понимают музейные структуры академических институтов, мемориальные комнаты выдающихся ученых, музеи истории институтов. Именно музейный комплекс рассматривается как один из важных факторов соответствия Академгородка своему официальному статусу исторической достопримечательности регионального значения, а музеефикация — как одна из ведущих форм сохранения, актуализации и освоения научного наследия [10, с. 103].

Данная классификация представляется оптимальной, а само детальное изучение научного и историко-культурного наследия новосибирского Академгородка определяет алгоритм аналогичных исследований в других регионах с целью использования ресурсов крупных научно-исследовательских учреждений в туристической индустрии.

В Краснодарском крае нет мест, имеющих, подобно новосибирскому Академгородку, всю совокупность обозначенных комплексов. Однако многие научные учреждения края представляют собой перспективные туристические объекты. В рамках данной статьи рассматривается современное состояние и перспективы включения музейных комплексов научно-исследовательских учреждений Краснодарского края — Национального центра зерна имени П. П. Лукьяненко, Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур имени В. С. Пустовойта, Государственного научного центра «Южморгеология» в число объектов туристического показа. В качестве источников выступают музейные экспозиции, архивные материалы, транслирующие опыт воссоздания истории научных учреждений и их экскурсионной деятельности, интервью с сотрудниками научно-исследовательских институтов.

Природно-климатические особенности, статус житницы России обусловили особый статус аграрной науки в Краснодарском крае. Еще до революции в регионе возникли опытные станции и поля (в окрестностях Екатеринодара и Сочи), где зарождалась научная агрономия.

В 1906 г. на территории теперешнего Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур имени В. С. Пустовойта (ВНИИМК) была основана Кубанская войсковая сельскохозяйственная школа. Были возведены двухэтажный учебный корпус с интернатом, два дома для преподавателей, хозяйственные постройки, коровник и т. д. (многие постройки сохранились до наших дней). В 1912 г. преподава-

тель школы В. С. Пустовойт (будущий действительный член АН СССР) организовал на базе школы опытно-селекционное поле «Круглик», где успешно проводил вместе с учениками опыты по селекции различных сельскохозяйственных культур [12]. «Круглик» впоследствии долгое время был опытным хозяйством Краснодарского сельскохозяйственного института (КСХИ). Здание бывшей сельскохозяйственной школыместило в себя кабинеты и лаборатории КСХИ. Образованная в 1926 г. кафедра селекции и семеноводства (заведующий — доцент В. С. Пустовойт), работавшая в основном на базе «Круглика», занималась селекцией, биологией и химией полевых растений [4, с. 56]. На базе хозяйства стараниями В. С. Пустовойта и его коллег в 1932 г. возник Всесоюзный НИИ масличных культур.

С именем дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Сталинской и Ленинской премий, кавалера трех орденов Ленина академика Пустовойта связано становление подсолнечника как масличной культуры в СССР и других странах. В 1974 г. сорта подсолнечника селекции В. С. Пустовойта занимали около 1 млн га в Болгарии, Румынии, Югославии и ряде других стран; его сорт «Первенец» использовался селекционерами Западной Европы и США [5, с. 130]. Еще в 1964 г., при жизни академика, на территории Института установлен бронзовый бюст В. С. Пустовойта (скульптор И. П. Шмагун).

История первых десятилетий ВНИИМК хорошо изучена благодаря подвижнической деятельности Д. П. Умена (1901–1977) — селекционера-семеновода, кандидата сельскохозяйственных наук, соратника и друга В. С. Пустовойта. В Государственном архиве Краснодарского края есть личный фонд Д. П. Умена, содержащий несколько томов рукописи книги «Очерки по истории организации и развития Всесоюзного научно-исследовательского института масличных культур», снабженной многочисленными фотографиями [2]. Материалы рукописи широко использованы для написания юбилейного издания ВНИИМК [7].

Музей ВНИИМК был открыт в 1986 г. — в год 100-летия В. С. Пустовойта. Большая роль в его создании и функционировании принадлежит доктору биологических наук, одному из основоположников селекции гибридного подсолнечника в России Н. И. Бочкареву, проработавшему в Институте более полувека.

В экспозиции представлены этапы жизни и творчества академика В. С. Пустовойта в контексте истории агрономии на Кубани, становления

ВНИИМКа — форпоста масличной отрасли России. Ценные фотографии и документы визуализируют научные поиски и достижения.

Отдельный стенд посвящен С. В. Рушковскому (1886–1961) — одному из первых преподавателей Кубанской войсковой сельскохозяйственной школы, который рекомендовал В. С. Пустовойту приехать в Екатеринодар. Впоследствии Рушковский много десятилетий работал во ВНИИМКе. Он разработал метод определения масличности семян по обезжиренному остатку.

История сельскохозяйственной школы, опытного поля и станции «Круглик» представлена отчетами о работе, фотографиями первых построек. Информативно фото стендов селекционной станции «Круглик» на Кубанской окружной выставке сельского хозяйства в 1925 г.

Один из документов связан с защитой 25 июня 1939 г. В. С. Пустовойтом диссертации «Селекция подсолнечника на повышенную масличность, методы селекции, результаты, перспективы» на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Это письмо академика Н. Н. Вавилова (официально заверенная копия), где отмечается, что В. С. Пустовойт «является одним из крупнейших советских селекционеров», он «добился мировых рекордов в области масличных культур». Присоединяясь к решению совета Краснодарского института виноделия и виноградарства (именно там защищалась данная диссертация), Н. И. Вавилов предлагал присвоить В. С. Пустовойту ученую степень доктора сельскохозяйственных наук.

Интересны фотографии, зафиксировавшие посещения ВНИИМК руководителями СССР и Краснодарского края, в частности фото, где на опытном поле с В. С. Пустовойтом беседуют Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин.

Часть музея ВНИИМК — бывший кабинет В. С. Пустовойта, где ничего не изменилось со времени смерти ученого в 1972 г.

В фондах музея хранятся уникальные документы, в том числе неизданная до сих пор переписка В. С. Пустовойта с видными учеными и государственными деятелями, грамоты, сертификаты Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, Выставки достижений народного хозяйства, разного рода документы сотрудников института.

Музей ВНИИМК вкпе с библиотекой с ее собранием редких книг, уникальной территорией Института представляет большой интерес для широкой аудитории. Пока его посещают (судя по новостным лентам, нечасто) лишь студенты Кубанского государственного аграрного университета.

Эта же категория посетителей доминирует в музейном комплексе другого старейшего научного сельскохозяйственного учреждения края — Национального центра зерна имени П. П. Лукьяненко. «Прародительницей» Центра была Кубанская сельскохозяйственная опытная станция. Объединившая несколько опытных полей, она начала деятельность в области изучения озимой пшеницы и ячменя в 1914 г. После установления советской власти станция находилась в подчинении Народного комиссариата земледелия РСФСР. В 1930 г. селекция озимой пшеницы на станции проводилась под руководством будущего академика П. П. Лукьяненко. В победном 1945 г. он получил Сталинскую премию за выведение новых высокоурожайных сортов озимой пшеницы «Первенец», «Краснодарка», «Новоукраинка-83» [5, с. 78]. С конца 1930-х гг. на станции работал ученик академика Н. И. Вавилова М. И. Хаджинов — будущий академик ВАСХНИЛ.

Важным направлением деятельности станции была просветительская работа. В Государственном архиве Краснодарского края сохранились книга отзывов и учета проведенных экскурсий на станции за 1948–1950 гг. Среди экскурсантов — студенты (в том числе зарубежные) агрономического факультета Краснодарского института пищевой промышленности, слушатели школы по подготовке руководящих кадров колхозов, агрономы-практики, колхозники, школьники, учителя [2].

В 1956 г. на базе станции был создан Краснодарский НИИ сельского хозяйства (КНИИСХ). В 1973 г. ему было присвоено имя академика П. П. Лукьяненко. В 2017 г. Институт был переименован в Национальный центр зерна имени П. П. Лукьяненко (НЦЗ).

Разработки ученых широко внедрялись за рубежом, особенно в странах социализма. Например, высококачественный и высокоурожайный сорт пшеницы «Безостая 1», созданный П. П. Лукьяненко, был по достоинству оценен не только в СССР и в странах социализма. Как сообщается на сайте НЦЗ, в 1971 г. «Безостая 1» среди сильных озимых пшениц по площади в мировом растениеводстве заняла первое место: ее высеяли на 8,3 миллионах гектарах [8]. Широкое распространение получили в 1950–1960-е гг. советские сорта и гибриды кукурузы «ВИР-42», «ВИР-25», «ВИР-42 МВ», «Краснодарская-5» и другие, созданные М. И. Хаджиновым, Г. С. Галеевым и др. [5, с. 130].

Кабинет на втором этаже селекционного корпуса КНИИСХ, где в последние годы жизни работал дважды Герой Социалистического Труда П. П. Лукьяненко, после его смерти в 1973 г. был превращен в мемори-

альный музей, экспонаты которого отражают жизненный путь ученого, его научную и общественную деятельность. Эффект присутствия хозяина кабинета создают семейные фотографии, копия свидетельства об окончании Павлом Пантелеймоновичем Кубанского сельхозинститута. На полках — библиотека ученого (2 тысячи единиц книжной продукции). В научном архиве, хранящемся здесь же, — более 4 тысяч документов. Посетители могут познакомиться с подарками, преподнесенными П. П. Лукьяненко учеными, хлеборобами, зарубежными гостями, дипломами, грамотами, приветственными адресами, фотографиями с руководителями КПСС и советского государства, с зарубежными коллегами.

Значительно меньший по размеру кабинет-музей М. И. Хаджинова также содержит интересные экспонаты. Среди них — эпистолярное наследие ученого. Одно из писем — Первому секретарю Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунову (август 1979 г.) — нами было ранее опубликовано [6].

В создании и работе музейных пространств КНИИСХ участвовали сотрудники института — М. Т. Франковская, О. Ф. Колесникова, А. И. Супрунов, Э. И. Вахрушева, сообщившие автору данной статьи ценные сведения об истории КНИИСХ и его мемориальном пространстве (интервью с учеными датируются 2006–2008 гг. — временем реализации поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта «Метод устной истории в исследовании регионального научного сообщества» (№ 06-03-00359а)). В частности, нам удалось записать и опубликовать воспоминания создателя комнаты-музея М. И. Хаджинова Э. И. Вахрушевой о проходившем под председательством Хаджинова в августе 1977 г. в Краснодаре IX заседании секции кукурузы и сорго Европейской Ассоциации по исследованиям в области селекции растений (ЕУКАРПИИ), в котором участвовали 115 иностранных и 130 советских ученых [1].

Одним из ведущих российских научных центров в области морских геологоразведочных работ является АО «Южморгеология», базирующееся в Геленджике. Еще в начале 1960-х гг. по инициативе «отца морской геофизики», крупнейшего ученого В. В. Федынского, сюда была переведена из города Челекен (тогда Туркменская ССР) научно-исследовательская морская геофизическая экспедиция (НИМГЭ) Всесоюзного научно-исследовательского института геофизических методов разведки (ВНИИМОРГЕО). В 1973 г. на базе его геленджикского отделения было создано ПО (впоследствии НПО) «Южморгеология».

Музей истории морской геологии и геофизики Государственного научного центра «Южморгеология» был открыт в 1994 г. Его создателем и многолетним руководителем был Григорий Степанович Стриженок (1930–2012) — главный геофизик «Южморгеологии» (до выхода на пенсию), заслуженный геолог Российской Федерации, почетный разведчик недр, заслуженный журналист Кубани, ранее возглавлявший морские геофизические партии на Каспийском, Балтийском, Черном, Азовском морях, участвовавший в рейсах в Тихий и Атлантический океаны. Автор 23 книг, в том числе «Черное море. Богатство, тайны и загадки», «Судьба японской субмарины», «Повесть о Мексике», «Приключения в океане», «В далеких гаванях», неутомимый популяризатор морской геологии, в 2001 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Функциональность и системность научной популяризации: текстовые журналистские и фотожурналистские формы» на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

В статье о музее, подготовленной на основе доклада на научной конференции «Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века», Г. С. Стриженок писал: «Мы в музее истории морской геологии и геофизики Государственного научного центра “Южморгеология”. Привлекают внимание сверкающие лазурным блеском потолочные люстры и зеркала витрин стендов. Здесь, на стенах зала и полках стеклянных витрин, сосредоточены портреты ученых, книги, плакаты, макеты и приборы, детали аппаратов для исследования морских глубин. Много ископаемых и современных образцов фауны и флоры дна Мирового океана. Всюду подарки от друзей из разных стран и континентов: минералы и руды, добытые на больших океанских глубинах, карты и глобус, которые помогают вести беседы о богатствах морей и океанов по всей нашей прекрасной планете Земля, то есть там, где работают морские экспедиции ГНЦ “Южморгеология” — и на экваторе, и на самых далеких широтах Арктики и Антарктики. Подтверждение тому — многочисленные документы, фотографии и другие экспонаты музея...» [11, с. 244].

Наряду с портретами выдающихся ученых, того же В. В. Федынского, в экспозиции имеются фото, запечатлевшие встречи сотрудников «Южморгеологии» с коллегами из других регионов, руководителями страны, космонавтами, научные события разных лет. Интересны плакаты, макеты, приборы, воссоздающие историю морской геологии и геофизики. Основные посетители данного музея — школьники г. Геленджик.

С 14 марта по 4 мая 2025 г. в Геленджикском историко-краеведческом музее работала выставка «Притяжение океана», посвященная «Южмор-геологии», в основе которой — экспонаты музея истории морской геологии и геофизики [9].

Включение музейных комплексов обозначенных учреждений, наряду с аналогичными структурами Всероссийского НИИ табака, махорки и табачных изделий, Федерального научного центра риса, Южного отделения Института океанологии имени П. П. Ширшова РАН и др., в объекты туристического показа значительно обогатит содержание туристических маршрутов, будет способствовать популяризации научных знаний, поднятию престижа труда ученых, формированию гордости за достижения соотечественников.

Использованная литература:

1. *Вахрушева Э. И.* Заседание ЕУКАРПИИ в Краснодаре // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты : матер. науч. конф. (Краснодар, 17 октября 2008 г.). Краснодар : Кубанькино, 2008. С. 231–233.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1640. Оп. 1. Д. 16.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1712. Оп. 1. Д. 4, 10, 11, 13.
4. *Еремеева А. Н., Маркова О. Н., Краев И. Т.* Кубанский государственный аграрный университет: столетие первое. Краснодар : Традиция, 2022. 496 с.
5. *Еремеева А. Н.* Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар : Платонов И., 2013. 160 с.
6. *Еремеева А. Н.* Письмо академика ВАСХНИЛ Михаила Ивановича Хаджинова Первому секретарю Краснодарского крайкома КПСС Сергею Федоровичу Медунову // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты : матер. науч. конф. (Краснодар, 17 октября 2008 г.). Краснодар : Кубанькино, 2008. С. 259–261.
7. *Лукомец В. М., Бочкарев Н. И., Баранов В. Ф., Свиридов А. А., Крохмаль С. Д., Трунова М. В., Шаповалова Л. Г.* Форпост масличной отрасли России: летопись к 100-летию ВНИИМК им. В. С. Пустовойта (1912–2012). Краснодар : Всерос. НИИ масличных культур, 2012. 520 с.
8. Наша история. Гордость российской селекции — пшеница «Безостая 1» // Национальный центр зерна имени П. П. Лукьяненко [Сайт]. URL :

<https://ncz-russia.ru/press/news/gordost-rossiyskoj-syelyektsii---pshyenitsa-byezostaya-1/?ysclid=m82y8kly70645070194> (дата обращения: 10.02.2025).

9. Ощутите силу «Притяжения океана» в Геленджикском историко-краеведческом музее! // Геленджикский историко-краеведческий музей [Сайт]. URL : <https://gelmusey.ru/exhibition/ощутите-силу-притяжения-океана> (дата обращения: 10.03.2025).
10. Покровский Н. Н., Запороженко Г. М., Шелегина О. Н. Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и культурно-историческое наследие. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. 162 с.
11. Стриженов Г. С. Экскурсия по музею истории морской геологии и геофизики Государственного научного центра «Южморгеология» // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века : матер. науч. конф. (Краснодар, 24–26 сентября 2009 г.). Краснодар : Кубанькино, 2009. С. 244–253.
12. Шевченко Г. Н. Кубанская войсковая сельскохозяйственная школа (становление и дальнейшее развитие) // Голос минувшего. 2010. № 3–4. С. 123–126.

Anna N. EREMEEVA,

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher,
Department for Complex Problems for Cultural Research,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, erana@mail.ru

Museum Complexes of Research Institutions as a Resource for the Development of Cultural and Educational Tourism

This article examines the current state and prospects for including museum complexes of research institutions of the Krasnodar Territory — the National Grain Center named after P. P. Lukyanenko, the All-Russian Research Institute of Oil Crops named after V. S. Pustovoit and the State Scientific Center “Yuzhmorgeologiya” — to the list of tourist attractions. The author uses such sources as museum expositions, archival materials, reflecting the experience of reconstruction the history of scientific institutions and their excursion activities, interviews with employees of research institutes.

Keywords: *research institutions, museum complex, cultural and educational tourism, popularization of science, National Grain Center named after P. P. Lukyanenko, All-Russian Research Institute of Oil Crops named after V. S. Pustovoit, State Scientific Center “Yuzhmorgeologiya”.*

Э. М. Чачи*

Сохранение исторической памяти в деятельности молодежных туристических организаций Республики Крым**

В статье представлен обзор деятельности туристических молодежных организаций Республики Крым в рамках сохранения исторической памяти региона на примере туристического клуба Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова. Освещены основные реализованные и планируемые мероприятия клуба и их результаты, целью которых являлась популяризация хроники боевых действий Великой Отечественной войны, а также событий истории Средневекового Крыма. Среди ярких примеров представлены туристические походы к местам боевой славы Крыма, «Звездные походы» к 80-летию начала Крымской наступательной операции, реализация акций «Пещерные города» полуострова. Представлено взаимодействие клуба с другими университетскими и республиканскими организациями в рамках благоустройства памятных мест. В выводе актуализирована тема расширения знаний молодежи о событиях прошлого через деятельность туристических организаций.

Ключевые слова: туризм, историческая память, Крым, туристический поход, молодежные организации, туристический клуб, памятные места.

Большое значение на современном этапе развития патриотической и волонтерской деятельности в Российской Федерации приобретает развитие туристической отрасли. Развитие регионов в указанном направлении позволяет большому количеству людей лучше узнать прошлое страны, наглядным образом увидеть места исторической славы. История страны предоставляет широкую сферу событий, восстановление и сохранение памяти о которых требуют активного участия широких масс граждан. Первая мировая, Гражданская, Великая Отечественная войны, выдающиеся ученые и деятели, акты государственных и адми-

* ЧАЧИ Эбазер Мустафаевич, заведующий отделом научно-экспозиционной работы Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия, ассистент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым, Россия, ebazer.chachi.98@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 161–162. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

нистративных преобразований — все может послужить важной платформой, на основе которой сегодня можно показать достойное место России в мировой истории [2, с. 122–139].

Ежегодно наиболее остро возникает проблема в патриотическом воспитании молодежи и приобщении ее к познанию исторического прошлого [4]. Будучи актуальной темой, требующей неотложного решения задач фундаментального и всеобъемлющего анализа, именно работа с молодым поколением граждан должна быть направлена в русло, которое не только объективно наметит насущные ориентиры деятельности в данном аспекте, но и в первую очередь заинтересует детей, подростков, юношей и девушек в этом вопросе. Формируется большое количество организаций туристического направления, активно задействующих самые разные целевые группы. Когда речь заходит о молодежи, то, пожалуй, самыми популярными в данном направлении являются школьные и вузовские клубы, объединяющие значительные группы людей по интересам.

Одним из ярких примеров региональных туристических молодежных организаций, чьей целью является способствование сохранению исторической памяти региона и страны, является туристический клуб Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (Симферополь, Республика Крым).

Задача Студенческого туристского клуба — приобщение к туризму и занятию спортом, популяризация здорового образа жизни, патриотическое и экологическое воспитание обучающихся КИПУ имени Февзи Якубова. Для обучающихся занятие туризмом является не только укреплением здоровья, воспитанием командного духа, но и школой патриотизма и заботы об окружающей среде. Клуб изначально был создан в рамках реализации социальных проектов в рамках ежегодного Всероссийского конкурса молодежных проектов среди образовательных организаций высшего образования, который проводится в целях финансового обеспечения развития проектов, отобранных по результатам конкурса, направленных на вовлечение молодежи в творческую деятельность и социальную практику, а также на повышение гражданской активности, формирование здорового образа жизни, создание эффективной системы социальных лифтов и раскрытие потенциала молодежи в интересах развития страны [8, с. 105–108].

Республика Крым, являясь регионом Российской Федерации, также регулярно участвует в подобных государственных программах. Крым-

ский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, расположенный в Симферополе, подал ряд заявок для участия в конкурсе: например, в номинации «Добровольчество» — проект Волонтерского корпуса университета, «Молодежные медиа» — Студенческий медиа-центр. В остальных номинациях были представлены варианты создания Студенческой психологической службы, проведение Фестиваля вожатского мастерства студенческих отрядов Южного федерального округа, Коворкинг студенческих клубов, Форум студенческого актива.

В 2022 г. вуз стал победителем в номинациях «Открывай страну» с проектом «По Крыму с рюкзаком». Указанный проект включает в себя комплекс мероприятий, главными целями которых является приобщение обучающихся к спортивному туризму и занятию спортом, а также пропаганде здорового образа жизни, патриотическому и экологическому воспитанию. Актуальность проекта заключается в том, что Республика Крым имеет огромный потенциал для вовлечения молодежи к занятиям спортивным туризмом [6].

В рамках проекта было реализовано большое количество мероприятий, которые выполнялись с учетом плана подготовки к профессиональным туристическим походам тех, кто ранее подобным не занимался. Изначально состоялся массив теоретических занятий, среди которых мастер-классы по оказанию первой медицинской помощи в походах, лекции по требованиям соблюдения техники безопасности, беседы с будущими участниками проекта.

Практические подготовительные занятия включали в себя тренинги по освоению техники SRT (спелеологический спуск и подъем по веревке), обучение техникам пешеходного туризма, примеры подбора необходимого снаряжения.

12 ноября 2022 г. состоялся первый из запланированных походов грантового проекта. Участники похода прошли более 18 километров по маршруту: Краснопещерское — Курган Славы — памятники в районе горы Колан-Баир. Узнали историю Кизил-Кобинской археологической культуры. Посетили Курган Славы, где в конце декабря 1943 г. разгорелся крупный бой между немецкими оккупантами и 1-й партизанской бригадой под командованием капитана Ф. И. Федоренко, державшей оборону на высоте Колан-Баир и хребте Яман-таш — ключевых позициях в районе Долгоруковской яйлы. Было посещено и облагорожено 12 памятников и памятных знаков. 13 ноября в рамках продолжения запланированных патриотическо-спортивных походов был проведен

четырнадцатикилометровый маршрут (с. Виноградное — г. Сераус — г. Ай-Йори (3 памятные таблички) — с. Розовое). Команда проекта двигалась через густой лес по местам боевых действий 3-го партизанского района Крыма, в котором действовали Алуштинский, Евпаторийский, Симферопольский отряд № 2, Симферопольский отряд № 3. 15 ноября участники и команда грантового проекта преодолели третий маршрут (Байдарские ворота — Форосский кант — г. Мшатка-Каясы — г. Малый Кильсе-Бурун — г. Кильсе-Бурун — Чёртова лестница). Участники проекта посетили и облагородили памятники перевала: «Памятник Партизанам 1941–1944», «Шайтан Мердвен Слава Крымским партизанам», «Вечная память павшим героям». Во время походов волонтеры кафедры истории ознакомили участников похода с историей посещенных памятников и монументов.

Данный проект позволил впервые создать все необходимые условия для занятий спортивным туризмом обучающихся в нашем университете. Приобретение необходимого оборудования и создание новых маршрутов в горах способствуют проведению туристских и учебно-тренировочных сборов не только в летние периоды, но и весной и осенью. Подготовка лидеров из числа обучающихся сделала возможной популяризацию в университете и за его пределами спортивно-оздоровительного туризма и близких к нему видов спорта, отвлечение молодежи от пагубных занятий, возвращение любви к активному отдыху и занятиям спортом, развитие сферы молодежного туризма в Республике Крым [1, с. 22].

Активный туризм, прикладные и экстремальные виды спорта являются эффективным средством духовного и физического развития личности, патриотического воспитания и воспитания бережного отношения к природе. Для обучающихся это не только укрепление здоровья, но и школа воспитания патриотизма, мужества, гражданственности, воспитания командного духа. Данная активность имеет ярко выраженное военно-прикладное значение, готовит молодежь к службе в Вооруженных силах и является эффективным средством противодействия наркомании, пьянству и правонарушениям [3].

В настоящий момент в сфере развития спортивно-оздоровительного туризма наблюдается спад и отрицательная динамика. Законодательная и нормативная база, являющаяся основой для реализации в стране государственной политики в области активного туризма, не направлена в достаточной степени на его развитие и нуждается в переработке и совершенствовании. Падение современного уровня вовлечения

граждан в занятия спортом в значительной степени обусловлено практически низким уровнем пропаганды здорового образа жизни.

Представленные виды активности являются самыми дешевыми средствами оздоровления, не требующими больших капитальных вложений. За самый короткий срок они могут дать значительный эффект [7, с. 144]. Ко всему прочему, реализация проекта решает приоритетные задачи Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р и направленных на выполнение Указа Президента РФ от 20 октября 2012 г. № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания».

В 2023 г. в КИПУ имени Февзи Якубова состоялась реализация проекта «Крым туристический». Целью проекта было проведение туристических походов, разработанных самими студентами. Команда молодежного проекта провела среди участников три студенческих хакатона, целью которых являлась разработка туристских маршрутов в рамках проекта. Ребятам дали задание изучить историческое и культурное наследие полуострова, его географическое своеобразие и предложить достопримечательности, которые можно будет посетить во время походов. Волонтеры из числа студентов кафедры истории предложили наиболее интересные, по их мнению, маршруты. Участники разделились на команды и творчески подготовились к презентации. Они рассказали о содержании маршрутов, об их актуальности для обучающихся. По итогам трех студенческих хакатонов были выбраны 6 лучших идей. Впоследствии было реализовано 6 походов, в которых приняло участие более 200 человек. Общее пройденное расстояние составило более 100 км. Были посещены в первую очередь пещерные города Крыма, древние крепости и укрепления, места боевой славы Великой Отечественной войны.

В 2024 г. состоялась реализация масштабного «Звездного похода». Традиция подобных мероприятий берет свое начало с 1960-х гг. в Беларуси, а затем распространяется и в Советском Союзе. Цель Звездных походов — патриотическое воспитание студенческой молодежи. Традиционно члены студенческих туристских клубов во время Звездных походов посещают места и памятники боевой славы, чтят память героев Великой Отечественной войны.

Общее руководство подготовкой и проведением спортивно-массового мероприятия «Звездный поход Крым 2024» осуществляла

РОО «Федерация спортивного туризма Крыма». Соорганизатором и инициатором спортивно-массового мероприятия «Звездный поход Крым 2024» выступил Студенческий туристский клуб КИПУ имени Февзи Якубова.

Сам Звездный поход состоялся 7 апреля 2024 г. Масштабное спортивно-массовое мероприятие «Звездный поход Крым 2024» посвящено 80-летию начала операции по освобождению Крыма от немецко-фашистских захватчиков, которое отмечается 8 апреля. Крымская операция 1944 г. — это наступательная операция советских войск, проведенная с целью освобождения Крыма от войск нацистской Германии во время Великой Отечественной войны. «Звездный поход Крым 2024» является шагом к возвращению традиции звездных походов, когда несколько туристских групп стартовали из разных мест и встречались вместе на турслете. Во время таких походов участники посещали памятники воинской славы, воспитывали патриотический дух и изучали историю родной страны.

Во время крымского звездного похода пять групп от образовательных организаций Крыма прошли пять разных маршрутов и собрались у Кургана Славы на Долгоруковской яйле, где была организована торжественная часть мероприятия и выездная кухня. В мероприятии также приняли участие члены Федерации спортивного туризма Крыма и ученики школы начальной туристской подготовки. Команда Студенческого туристского клуба КИПУ имени Февзи Якубова прошла самый протяженный маршрут через гору Чал-Баш. Поход выдался продолжительным и интересным. Ребята хорошо справились с трудным подъемом на вершину.

Волонтер-историк, обучающийся на кафедре истории КИПУ имени Февзи Якубова, подготовил интересные и познавательные экскурсионные рассказы о памятниках боевой славы крымских партизан, которые мы посетили на маршруте. Заключительной частью похода был общий сбор групп у памятника «Курган Славы», посвященного партизанам времен Великой Отечественной войны. Участники мероприятия общались между собой и делились впечатлениями. Вкусный плов на обед и горячий чай придали сил и энергии. «Звездный поход Крым 2024» — это не просто туристский поход, но и большая традиция, призванная развивать патриотизм среди молодого поколения, прививать им любовь к познанию истории и приучить к активному и здоровому образу жизни.

Молодежный проект «Крым туристический» показал, что ребята открыты новому и заинтересованы в своей яркой студенческой жизни [5].

В целом туристический клуб КИПУ имени Февзи Якубова проходит этап активного развития. Более 1500 студентов, в том числе и из других вузов, приняли участие уже в более чем 50 походах начиная с 2022 г. Ежегодно организуются за счет клуба выездные походы, тренировки, спелеопоходы, соревнования по спортивному туризму. Раз в месяц организуются выезды за пределы Республики Крым в регионы России, как, например, в мае 2024 г. в Республику Адыгея.

Регулярно к знаменательным датам проходят тематические походы. В качестве примеров можно привести походы к Дню науки, Дню защитника Отечества, Дню Государственного Флага России и другие. Также проходят посещения Крымского центра подготовки верхолазов.

Подводя итоги, можно провести некоторое сравнение прошедших и текущих туристических проектов в Республике Крым. Все они направлены на приобщение широких слоев населения и, в первую очередь, молодежи к познанию истории своей Родины с помощью непосредственного участия в разнообразных мероприятиях. Как показал опыт, у участников наблюдался искренний интерес к тематике мероприятий. Грантовые проекты дают широкую возможность направить юношей и девушек на путь сохранения и ретрансляции исторической памяти страны. И здесь важна команда, группа людей, способная реализовать соответствующие идеи. Опыт Республики Крым в данном отношении может быть весьма полезным и для других регионов Российской Федерации.

Использованная литература:

1. *Арефьев В. Е.* Введение в туризм : учеб. пособие Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 282 с.
2. *Гросул В. Я.* О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С. 122–139.
3. *Гуляев В. Г.* Организация туристской деятельности : учеб. пособие. М. : Нолидж, 1996. 174 с.
4. *Демидова Е. И., Криворученко В. К.* Патриотизм в своей идее неизменен // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6: История. URL : <https://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/patriotism/> (дата обращения: 06.02.2025).

5. Дублянский В. Н. Занимательная спелеология. Челябинск : Урал ЛТД, 2000. 528 с.
6. Дулов А. Н., Дюхова К. А., Юрчак Д. В. История путешествий и туризма. Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. 139 с.
7. Подвиг народа: Памятники Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / сост. и общ. ред. В. А. Голикова. М. : Политиздат, 1980. 318 с.
8. Хананашвили Н. Л. Экономико-правовые механизмы социального за-каза и гранта: их основные различия // Государство и право. 2008. № 1. С. 105–108.

Ebazer M. CHACHI,

Head, Department of Scientific and Exhibition Work,
Crimean Tatar Museum of Cultural and Historical Heritage,
Assistant, Department of History, Crimean Engineering
and Pedagogical University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia,
ebazer.chachi.98@mail.ru

Preserving Historical Memory in the Activities of Youth Tourism Organizations in the Republic of Crimea

The paper presents an overview of the activities of youth tourism organizations of the Republic of Crimea in the context of preserving the historical memory of the region using the example of the tourist club of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov as an example. The article highlights the main implemented and planned activities of the club and their results, the purpose of which was to popularize the chronicle of military operations of the Great Patriotic War, as well as the events of the history of Medieval Crimea. Among the striking examples are tourist trips to the places of military glory of Crimea, “Star Treks” for the 80th anniversary of the beginning of the Crimean offensive operation, the implementation of the actions “Cave Cities” of the peninsula. The interaction of the club with other university and republican organizations in the context of the improvement of memorable places is presented. The conclusion actualizes the topic of expanding the knowledge of young people about the events of the past through the activities of tourist organizations.

Keywords: *tourism, historical memory, Crimea, tourist trip, youth organizations, tourist club, memorable places.*

РАЗДЕЛ 7

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ

*Р. З. Сагов**

История Ингушетии в кавказоведческом дискурсе XX века: тенденции и проблемы**

Автор рассматривает проблемы объективности в изучении истории ингушского народа в XX в., связывая их с политическим влиянием как в имперский, так и в советский период. Дана общая историографическая характеристика ряда трудов по истории Ингушетии. Подчеркивается, что историческая наука нередко искажалась в угоду текущим идеологическим задачам, что приводило к формированию мифологизированных

* САГОВ Руслан Закреевич, старший научный сотрудник отдела этнологии, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Чаха Ахриева, Магас, Республика Ингушетия, Россия, aroslan@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 216–217. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

концепций, таких как «нахская общность». Особое внимание уделяется тенденциозности в работах некоторых исследователей, а также влиянию государственной идеологии на формирование научных взглядов. Автор приходит к выводу о необходимости пересмотра сложившихся историографических подходов и разработке новой, более объективной методологии для изучения истории Ингушетии и Северного Кавказа в целом.

Ключевые слова: Ингушетия, Северный Кавказ, нахская общность, вайнахи, ингуши, аланы, народы Северного Кавказа.

История довольно часто подвергалась искажению в своем освещении в трудах разных авторов. В истории Северного Кавказа накопилось множество проблем, которые нуждаются в разумной объективной критике и серьезном анализе. Это касается и истории Ингушетии, и ингушского народа. Здесь требуется выработка нового видения, переосмысление многих фактов и сведений, что поспособствует развитию не только кавказоведения, но исторической науки вообще.

Соответствие исторической науки реальной действительности заключается не только в соответствии знаний о прошлом. Здесь необходима не просто констатация факта, а осмысление того, что и как произошло. Установление истины зависит от многих факторов: от консолидированной и выверенной позиции научного сообщества, от обоснованной трактовки фактов, от наличия точных сведений о тех или иных событиях, от разработанности понятийного аппарата и, наконец, от конкретного исследователя, от степени объективности его подхода к изучению предмета.

Многие авторы в своих произведениях описывали горцев Кавказа, их образ жизни и т. п. Сочинения этих авторов, несмотря на свою ценность, требуют критической оценки. Большое количество этих трудов было создано во время Кавказской войны или непосредственно после ее завершения, когда происходило становление администрации имперской России на Кавказе. В основном их авторы не были учеными (профессиональными этнографами, историками, лингвистами), специально направленными в эти края для сугубо научного изучения местности и народов. Некоторые из них непосредственно принимали участие в Кавказской войне или находились на службе в российской администрации, у которой были свои интересы, далекие от научных.

Поэтому неудивительно, что многим произведениям того времени не хватало объективности. Вероятно, они были мотивированы, скорее, геополитическими интересами Российской империи. Это привело ко многим противоречиям в трудах, написанных в имперское время и посвященных описаниям истории и культуры народов Северного Кавказа.

Народы Кавказа находились в то время в очень трудных условиях, на грани физического выживания. Но при этом некоторые из них достигли высокого политического развития. Известный специалист в области ингушской истории и культуры Башир Далгат писал: «“Дикари”-ингуши некогда приблизились к тому идеалу правосудия, до которого будут мечтать дойти когда-либо цивилизованные народы мира» [3, с. 114].

Специальных фундаментальных исследований по истории и культуре Ингушетии пока нет. Отдельные вопросы рассматривались в контексте истории и культуры всего Северного Кавказа. Во многих трудах делаются попытки придать иной смысл ингушской истории (особенно этнической истории, этногенезу). Поэтому здесь предлагается рассмотреть некоторые примеры, позволяющие характеризовать развитие исторической науки об ингушах.

Первый этап самостоятельного развития исторической науки о Северном Кавказе приходится на 1920-е — начало 1950-х гг. Второй этап приходится на вторую половину 1950-х — 1980-е гг. Данный этап происходил под воздействием идеологии интернационализма, направленной на формирование новой общности людей — «советского народа». Новая эпоха в исторической науке начинается в 1990-е гг., когда, проделав огромную работу по изучению вновь открывшихся сведений, ученые по-иному взглянули на многие факты истории [11].

История народов Северного Кавказа неоднократно переписывалась, это всякий раз было вызвано изменением характера политической ситуации в стране. Мы можем постулировать, что история народов Северного Кавказа зачастую конструировалась в прагматических целях, что было сродни историческому мифотворчеству. Особенно этими процессами были затронуты этническая история, вопросы этногенеза, в рамках которых создавались образы неких культурно-исторических общностей «с целью формирования этнических идентичностей и подведения научных или псевдонаучных основ под этнополитические требования» [13, с. 19]. Иначе говоря, история конструировалась под интересы вновь созданных национально-государственных образований.

Если в период 1920-х — начала 1930-х гг. историки Северного Кавказа описывали этническую историю своих народов в некоем «идеализированном представлении», то позднее эти труды уже не отвечали новым политическим требованиям, в том числе и потому, что эти представления стали противоречить политике советского «интернационализма» и формирования советского человека. В «конце 30-х гг. политика

вновь резко изменилась. После того как новая советская Конституция 1936 г. окончательно утвердила список республик и автономий, все официально признанные этнические группы получили статус «исторических народов», и новые этноадминистративные образования должны были подтвердить свою легитимность путем обращения к далекому прошлому» [13, с. 19].

Этому предшествовало прохождение народов Северного Кавказа через несколько «кардинальных политических трансформаций — от Горской Республики в 1918 г., затем через этапы местных автономий в 1920–1930-х гг., депортации во второй половине 1940–1950-х гг., дискриминации в 1960–1980-х гг. вплоть до постсоветских республик в 1990-е гг. Все эти трансформации сопровождались формированием новых идентичностей» [13, с. 13]. В результате этих этнополитических трансформаций некоторые титульные этносы и получили статус «исторических народов» и право иметь собственную историю в отличие от некоторых других.

В итоге этнополитические процессы привели к созданию «национально-коммунальных» автономий на Северном Кавказе, где одни народы (разумеется, негласно) объявлялись титульными нациями, самостоятельными этносами, а другие — субэтническими группами. Одновременно эти политические трансформации сопровождались формированием «новых идентичностей», попытками формирования в умах людей «необходимого» представления о своей истории, о происхождении народа и т. п. В свою очередь, эти представления, в зависимости от конъюнктуры, «одновременно и стимулировались, и блокировались властными структурами» [13, с. 13].

«Здесь стоит упомянуть советский проект создания новых советских народов. <...> Это стало возможным только исключительно в советское время, когда КПСС формировала укрупненные новые народы с целью создания идеальных советских наций, не отягощенных историческим прошлым» [12]. «При этом один этнос, чей язык становился литературным, стал функционировать и развиваться за счет остальных этносов группы, вбирая историю, культуру всех остальных этносов, уже политически списанных из официальной истории. Этот процесс нельзя называть никак иначе, как паразитирование, к сожалению, для малочисленных подлинных этносов, которых безжалостно кинули под жернова ради создания одной или двух укрупненных искусственных наций, чьи этнополитические элиты узурпировали власть» [12].

С этого времени создавался этнокультурный образ предков ингушей и, соответственно, писалась ингушская история. То есть, в соответствии с политическими трансформациями, сразу вслед за созданием Чечено-Ингушской автономии ингуши включались в новую «национальную» идентичность — вайнахскую. Тогда же началась работа по написанию истории, но уже не ингушского, а чечено-ингушского народа. Полагаем, потому «идеализированное представление» М. М. Базоркина о прошлом ингушей не было принято в официальной науке в силу сложившейся этнополитической ситуации. Наверное, поэтому В. А. Шнирельман говорит, что утверждения Базоркина «отмечались ярко выраженным этноцентризмом и достаточно вольным обращением с историческими источниками, не отвечавшим требованиям профессионализма» [13, с. 225].

Начавшаяся работа по «созданию региональной истории» потребовала привлечения подготовленных научных кадров. Во второй половине 1930-х гг. местные власти поставили перед исследователями задачу написания истории чечено-ингушского народа, и «с 1936 г. в ЧИ НИИ шел сбор необходимых для этого доказательств» [13, с. 225]. Очевидно, здесь речь шла не о научном изучении исторического прошлого указанных народов, а лишь о «сборе необходимых доказательств» для обоснования правомерности вновь созданного объединенного национального административного образования. Поэтому самобытная история ингушей не могла быть принята, так как она не отвечала требованиям идеологов того времени.

Сбор материалов по этнической истории ингушей и чеченцев начался в 20–30-е гг. XX в. группой ученых во главе с ленинградским этнографом Н. Ф. Яковлевым. Это явилось поворотным моментом в вопросе изучения этнической истории так называемых нахских народов. Он первым из исследователей предложил и использовал термины «нахи», «вайнахи» и заложил основу по изучению альтернативной версии происхождения ингушей и их этногенеза, позволившей связать ингушей с так называемой нахской культурно-исторической общностью Северо-Восточного Кавказа [14]. Именно в этом ключе предлагает рассматривать ингушей и В. А. Шнирельман, который, ссылаясь на лидера северокавказской эмиграции начала XX в., некоего эмигранта Байтугана, пишет, что предки ингушей вместе с чеченцами пришли из соседних районов Дагестана [13, с. 99]. Здесь Шнирельман, конечно, не одинок, хотя это, с моей точки зрения, ошибочное мнение.

Взгляды Н. Ф. Яковлева носят тенденциозный характер. Его работа была направлена на решение задачи объединения народов, поэтому он пытался обосновать идею об этнокультурном единстве ингушей и чеченцев в недалеком прошлом. После него в официальной российской исторической науке постепенно установилось догматическое представление о существовании в прошлом единого, так называемого нахского народа. Но это, на мой взгляд, является плодом искусственного конструирования этногенетического мифа в политических целях.

В настоящее время накоплены достаточные исторические знания о народах Кавказа, в том числе об ингушах. Полученные знания и современное состояние исторической и этнологической науки позволяют говорить, что многие положения и стереотипы попали в научный оборот в самом начале изучения Кавказа. Возможно, это произошло случайно вследствие отсутствия достоверной информации, слабой изученности Кавказа в целом и Ингушетии в частности. Эти положения и стереотипы, переходя из одной научной работы в другую без серьезного критического анализа, до сих пор считаются достоверными историческими фактами. В настоящее время сложившиеся взгляды на историю ингушского народа требуют серьезного критического переосмысления [12, с. 96].

Конечно, здесь могут быть возражения. Не все исследователи согласятся с этим. В частности, утверждается, что невозможно согласиться с тем, что «история оказывается в “плёну” политических процессов, а историки — в зависимости от политиков... К тому же трудно себе представить, чтобы такие ученые, как М. И. Артамонов, Б. Б. Пиотровский, М. П. Грязнов, И. И. Ляпушкин и другие, могли творить под чью-либо диктовку» [2].

Разумеется, не следует все трактовать буквально. Речь идет об общей ситуации, о политических тенденциях и порядке в то время, когда ученые (и не только они) вынуждены были оглядываться и «творить под диктовку» в соответствии с жесткими идеологическими требованиями. Поэтому и история писалась соответственно в согласии со строго заданной «академической» концепцией, где любое отклонение от нее было чревато негативными последствиями для автора.

История конструировалась исходя из политических и идеологических приоритетов и задач с учетом региональных особенностей. В советской исторической науке подчеркивалось: «Предстоит переосмыслить и переписать практически всю историю СССР с 1917 г. <...>. Ни одно произведение В. И. Ленина не оказало такого влияния на со-

ветскую историческую науку, как сталинский “Краткий курс истории ВКП(б)”, догмы и принципы сталинизма. Не только общественные, но и некоторые естественные науки, например биология, стали служанками политики и идеологии со всеми вытекающими отсюда последствиями» [10, с. 177].

В подтверждение тому, что история действительно писалась под диктовку, можно привести примеры. В 1967 г. на научном симпозиуме, состоявшемся во Владикавказе, острой критике, например, со стороны В. И. Абаева подверглись Е. И. Крупнов, В. А. Кузнецов, когда их предупредили «об опасности оказаться в изоляции», если они уклонятся от «верной» концепции [1, с. 15]. Можно предположить, что в их лице эта угроза была адресована всем ученым вообще. Здесь речь шла о монографии В. А. Кузнецова «Очерки истории алан». Абаев обвиняет Кузнецова в «очень своеобразном изложении в первом (рукописном) варианте истории этногенеза алан» [1, с. 10]. Очевидно, Кузнецова вынуждали обосновать «правильную» версию этнической индивидуальности алан в соответствии с «верной» концепцией — принадлежностью алан к иранской этнокультурной семье. Скорее всего, его работа вышла после серьезной переработки.

Похоже, аналогичной оказалась и судьба фундаментального труда Е. И. Крупнова «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.». Эта работа из-за «своеобразности», или в связи с «идеализированным» изложением истории и, соответственно, не отвечающая требованиям «верной» концепции, так и не была издана. То же самое можно сказать и относительно ряда других работ.

Е. И. Крупнов, безусловно, является одним из величайших ученых-кавказоведов. Он автор многих научных работ и концепций. Его основной труд «Древняя история Северного Кавказа», вышедший в 1960 г., является фундаментальной научной работой, во многом определившей этнокультурный облик Кавказа. Он правомерно был удостоен высшей награды «Ленинская премия СССР».

Другим главным трудом Е. И. Крупнова является монография «Средневековая Ингушетия». Однако по поводу этой работы у нас также есть вопросы. В предисловии к ней утверждается, что этот труд является итогом многолетней работы Е. И. Крупнова по древней и средневековой истории Ингушетии. Соответственно, он и назывался «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.» [9, с. 6]. Но опубликована только часть данной работы в 1971 г., то есть лишь через тридцать лет

после того, как она была написана. Крупнов пишет, что монография была закончена уже к 1940 г. и полностью подготовлена к публикации в 1941 г. «В типографии изготавливались уже соответствующие клише. Но намеченное издание книги <...> не состоялось из-за начавшейся Великой Отечественной войны» [9, с. 13].

Возможно, так и есть. Однако следует еще учесть, что в 1944 г. ингуши были депортированы и о них не было принято говорить. В это время «Крупнову приходилось о многом умалчивать или высказывать весьма противоречивые суждения, следуя официальному курсу советской политики» [13, с. 239]. В 1940–1950-е гг. он был вынужден называть горские земли «территорией, лежащей к северу от Главного Кавказского хребта» или «областью центральной части Северного Кавказа». Если еще совсем недавно он не боялся связывать позднесредневековые памятники Ингушетии с предками ингушей (см.: [7] [6]), то теперь, устанавливая непрерывную культурную преемственность эпохи поздней бронзы до позднего Средневековья, он ограничивался терминами «местное общество», «местные племена» и «горская культура». И оставалось неясным, кто же обитал в регионе после исчезновения алан (см.: [4, с. 7, 47–48] [5, с. 116] [8] [9, с. 240]). Вероятно, под местными племенами и горской культурой Е. И. Крупнов подразумевал ингушей, ингушскую культуру. Но, увы, в то время о них не было принято говорить.

Все же возникают правомерные вопросы: почему «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.» не увидела свет при жизни автора, как и многие другие его труды, в 1950–1960-х гг., когда война давно закончилась и ингуши вернулись на родину; почему вышла только часть этой работы, при том что, как отметили редакторы издания, она была «расширена и обогащена новейшими данными»? [9, с. 6]. Можно усилить эти вопросы другим примером: в 1946–1949 гг. Е. И. Крупнов работал в Кабардино-Балкарии, и уже в 1957 г. вышла в свет его монография «Древняя история и культура Кабарды».

Очевидно, что научное изучение истории Кавказа, как и Ингушетии, да и всей России, происходило с большим трудом. Всегда возникали какие-то препятствия, ставились искусственные заслоны, о чем ученые в своих работах отмечали неоднократно. М. А. Яндиев пишет: «Разумеется, что и изгнание М. М. Ковалевского из университета и прекращение научной деятельности Ч. Э. Ахриева, как и многое другое, напрямую связано с политическим режимом в России» [15, с. 32]. Многие извест-

ные ученые (Н. Я. Марр, А. Н. Генко и др.) подверглись различного рода гонениям. Во многом от подобного отношения тормозилось развитие исторической науки.

Подводя итоги, можно отметить, что изучение многих проблем истории Ингушетии и Северного Кавказа осуществлялось на основе методологии, на которую определяющее влияние оказала государственная идеология. Поэтому вопросов по истории Ингушетии накопилось множество. Сложившаяся ситуация не отвечает научным требованиям, нужно пересмотреть многие научные положения, отказаться от политически ангажированных взглядов. Назрела необходимость создания нового концептуального подхода, призванного содействовать установлению подлинной истории народов Северного Кавказа и дальнейшему развитию кавказоведения.

Использованная литература:

1. *Абаев В. И.* Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа : материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин / отв. ред. Х. С. Черджиев. Орджоникидзе : Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. С. 9–21.
2. *Гутнов Ф. Х.* Тяжело быть аланом? // Дарьял. 1991. № 1. С. 227–238.
3. *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев и ингушей / отв. ред. С. А. Арутюнов. М. : Наука, 2004. 240 с.
4. *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Труды Государственного исторического музея. 1948. Вып. 17. С. 5–55.
5. *Крупнов Е. И.* Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1947. Вып. 15. С. 116–125.
6. *Крупнов Е. И.* История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в. [рукопись] // Архив Института археологии РАН. Ф. 13. Д. 59.
7. *Крупнов Е. И.* К истории Ингушии // Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 77–90.
8. *Крупнов Е. И.* К историко-археологическому изучению Грозненской области // Известия Грозненского областного института и музея краеведения. 1948. Вып. 1. С. 51–62.
9. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия / под ред. В. И. Марковина, Р. М. Мунчаева. М. : Наука, 1971. 207 с.

10. Наука сегодня. Ежегодный справочник. Вып. 17. М. : Знание, 1989. 320 с.
11. Николаева Д. А. Власть и общество на Северном Кавказе. 1920-е — 1930-е гг. Историографический обзор // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 12. URL : <https://human.snauka.ru/2012/12/2094> (дата обращения: 14.05.2024).
12. Сампиев И. М. Современное кавказоведение: проблемы и пути их решения // Вузовское образование и наука : сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. (Магас, 20 декабря 2029 г.). Магас : Ингушский государственный университет, 2017. С. 96–98.
13. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политики на Северном Кавказе в XX веке. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
14. Яковлев Н. Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши // Северо-Кавказский горский институт. Записки : сборник. В 2 т. Ростов н/Д. : [б. и.], 1928. Т. 1. С. 195–204.
15. Яндиев М. А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 496 с.

Ruslan Z. SAGOV,

Senior Researcher, Department for Ethnology,
Ingush Scientific Research Institute for Humanities, Magas, Russia,
aroslan@mail.ru

The History of Ingushetia in 20th-Century Caucasus Studies Discourse: Trends and Problems

The author examines the challenges of objectivity in the study of the history of the Ingush people in the 20th century, linking them to political influence during both the imperial and Soviet periods. A general historiographical overview of several works on the history of Ingushetia is provided. It is emphasized that historical scholarship was often distorted to suit current ideological objectives, leading to the formation of mythologized concepts such as the “Nakh community”. Particular attention is paid to the biases in the works of some researchers, as well as the influence of state ideology on the formation of scholarly views. The author concludes that it is necessary to revise existing historiographic approaches and develop a new, more objective methodology for studying the history of Ingushetia and the North Caucasus as a whole.

Keywords: Ingushetia, North Caucasus, Nakh community, Vainakhs, Ingush, Alans, peoples of the North Caucasus.

*М. И. Кругликова**

Поэтическое, историческое и культурное пространство Кавказа в творчестве Велимира Хлебникова**

В статье рассмотрены периоды жизни на Кавказе футуриста, «Колумба новых поэтических материков», Председателя Земного шара, яркого представителя русского авангарда В. В. Хлебникова. Первое путешествие поэта в горы Кавказа приходится на 1903 г. Он после окончания гимназии отправляется в составе геологической экспедиции в Дагестан. Второе путешествие в Дагестан приходится на лето 1909 г. После этого путешествия Хлебников примыкает к литературному направлению русского авангарда. Помимо прочего, отслеживаются путешествия Велимира Хлебникова 1920–1921 гг.: Баку — Персия — Тегеран — Баку — Железноводск — Кисловодск — Пятигорск.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, футуризм, Кавказ, культура, история, быт, поэтика, «пение гор», гора Богдо.

Один из самых необычных литераторов в истории России Велимир Хлебников (Виктор Владимирович Хлебников) родился 9 ноября 1885 г. Он — выдающийся и непознанный создатель нового поэтического языка, математик, мыслитель, пророк, представитель русского авангарда. В 2025 г. мы отметили 140-летний юбилей со дня его рождения.

Кавказ в творчестве Виктора Владимировича занимает особое место. Рожденный в калмыцких степях, увлеченный естественными науками, орнитологией, географией и устройством земли, поэт много путешествовал и исследовал, оставляя свои впечатления в дневниках, очерках, поэмах и стихах. Он был «поэтом-странником», пытающимся найти, по собственным словам, «истинную правду жизни» [4].

В данной статье мы рассмотрим историческое и культурное пространство Кавказа в творчестве Виктора Владимировича, прочувствуем

* КРУГЛИКОВА Мария Игоревна, преподаватель кафедры русской филологии и литературного творчества Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия, maria881990@inbox.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 134. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

поэтику гор дикой природы далеких краев, наполненных колоритом, историческим бытом и богатейшим культурным наследием. Классическая культура и культура Кавказа как ее микромир, по словам исследовательницы И. В. Калус [2, с. 119], воплощают всю глубину и многогранность человеческого бытия. Поэт удивительным образом сочетал в своем созидательном деле материальное и идеальное бытие, можно сказать, он не разделял эти два понятия, так как был вне времени и пространства, сам себя называл «будетлянином», поэтом будущего.

Первое путешествие поэта в горы Кавказа приходится на 1903 г., когда гимназистом он отправляется в составе геологической экспедиции в Дагестан. Посодействовал путешествию в солнечные края отец для исцеления сына от затянувшегося воспаления легких.

Юношу покорила величественная красота гор. В письме родным он напишет: «...Здесь чудесный край, великолепный воздух и птицы поют задушевно. Я живу в том месте, где когда-то воевал Шамиль. А еще тут красивые девушки и прекрасные юноши. Они восхитительно танцуют...» [3].

Второе путешествие в дагестанский аул Гуниб приходится на лето 1909 г. Правда в письме матери поэт пишет о поездке в Сванетию: «У нас в Университете (откуда я по каким-то причинам еще не исключен) организуется экскурсия на Кавказ — охотники, филологи, пешком по Сванетии» [3]. Стоит отметить, что хлебниковедами мало изучен факт пребывания поэта на Кавказе в 1909 г., поэтому пока можно лишь опираться на письма, архивные документы и произведения, созданные поэтом в тот период.

В Гунибе В. В. Хлебников знакомится с искусным охотником Уса-Гали, мужчиной лет 30 из бедной горской семьи. Позже поэт посвятил ему краткий очерк: «Охотник Уса-Гали», в котором рассказывается, как охотник воспитывает соколов, без труда приручает горных орлов.

Здесь же, в кавказском селе, В. В. Хлебников знакомится и влюбляется в сестру Уса-Гали, Асият. Поэта покорила красота девушки, вот что он записывает в дневнике: «Очень красивая дивчина. Не знаю, встречу ли когда-нибудь похожую на нее. Стан у нее, как наша русская береза, стройная и величавая» [5].

Позже появились прозаические произведения: «Суровая прелесть гор», «Жители гор». В этих произведениях поэт показывает великолепную, насыщенную смыслами картину, которая отражает не только красоту природы, но и исторические события.

Так, в очерке «Жители гор» поэт упоминает о сибирском хане Кучуме и его походах, что показывает нам безупречные знания футуриста в области истории, а «Суровая прелесть гор» отправляет в путешествие по горным аулам, расщелинам, которые поэт именует «губы пропастей, соединенные поцелуем». А вот так В. В. Хлебников характеризует местных женщин-горянок: «Смелый взор жен сквозь прорезь черной ткани — я был в Дагестане» [5].

Тематика гор в поэзии В. В. Хлебникова встречается во многих его произведениях и берет свое начало с юности поэта: легендарная, «поющая» за счет скопления множества пещер, через которые поет ветер, священная гора буддистов Богдо в поэме «Хаджи-Тархан». Поэма содержит в себе целый исторический ряд мировых событий. Хаджи-Тархан — это средневековый город Золотой Орды, а после ее распада — Астраханского ханства. Поэту настолько нравились эти дивные края, что в письмах к родным он неоднократно приглашал их переезжать с Астрахани в «райские места».

Период 1920–1922 гг. — самый интересный период творчества «позднего Хлебникова». В октябре 1920 г. В. В. Хлебников переехал в Баку, где попал в круг бакинских футуристов и поступил на службу в отделение РОСТА. 2 ноября 1920 г. поэт пишет письмо родным следующего содержания: «Пишу вам это письмо из Баку. Мой адрес: “Баказроста”, Баку (Бакинское отд. Кавказо-Российского телеграфного агентства), улица Милютинская, дом Соединенного банка. Раньше я жил в Харькове, Ростове, на Северном Кавказе около Армавира и Петровска. Сейчас очень хорошо, но здесь немного дороговато» [3]. В Баку поэту жилось непросто, и в одной из записей в дневнике он отметил, мол, в Баку плохо, вот в Дагестане тепло и хорошо.

Стоит обратить внимание на то, что в письмах из жаркого Баку В. В. Маяковскому, В. Э. Мейерхольду и В. Д. Ермилову футурист пишет о найденных им законах времени, о «Весне чисел», прикладывает свои расчеты «падения государств» и о том, что есть предвидение будущего, но об этом он пишет так: это «предвидение будущего хранится за стеною моего молчания» [3]. Надо сказать, рецепция современниками-литераторами чрезвычайно важна для автора.

Подробнее об этой проблеме читаем у И. В. Гречаник [2, с. 22], рассматривающей изучение синхронных литературных текстов на примере отечественной литературы XIX–XX вв. Читаем в письме В. Э. Мейерхольду: «Я добился обещанного переворота в понимании времени,

захватывающего область нескольких наук, и мне необходим мандат для напечатания моей книги. Что если мне выслать его сюда в Баку? Это был бы удачный выход из положения. Книга уже готова и написана языком уравнений. Это полотно, где одна только краска — число. Надеемся увидеться уже после выхода ее в свет» [3].

«Поздний», так называемый «кавказский период» В. В. Хлебникова считается одним из самых значимых. Поэт будто подводит итоги, приводит в структурный вид свои изыскания и открытия, видит и чувствует в горах «образ Вершины Мира», «снимает с себя чалму Эльбруса и кланяется мощам Москвы» [5].

«Знамя Председателей Земного Шара, всюду следующее за мной, развеивается сейчас в Персии. 13/IV я получил право выезда, 14/IV на “Курске” при тихой погоде, похожей на улыбку неба, обращенную ко всему человечеству, плыл на юг к синим берегам Персии» [3], — напишет поэт в письме сестре Вере 14 апреля 1921 г.

Уезжая из Баку, В. В. Хлебников занялся изучением биографии персидского пророка Мирза-Баба и подготовил внушительный материал «Мирза-Баб и Иисус».

Из-под пера поэта после посещения Персии, Тегерана и возвращения вновь в Баку выходит «Иранский цикл». В нем стоит обратить внимание на небольшое поэтическое произведение «Дуб Персии», которое отражает оригинальное авторское понимание времени — в образе дуба как хранителя мудрости и знаний: «Подымает дуб столетние цветы»; показывает события времен татаро-монгольского ига, а именно нашествие Батые на Персию: «Но помнит шепот тех ветвей напев времен Батые» [6].

Золотую осень футурист встречает в Пятигорске, правда, приезд стал настоящей пыткой: «Ехал семь дней из Баку в Пятигорск, по дороге ограбили и около Хасавюрта выбросили из вагона» [3].

С трудом его узнали, когда осенью 1921 г. В. В. Хлебников появился в здании Пятигорского РОСТА: больной, босой и голодный.

Вспоминает друг поэта Ольга Самородова: «Хлебников постучался к нам глубокой ночью после того, как, простившись, ушел совсем из Железноводска (“ушел” я здесь употребляю в буквальном смысле, он ушел пешком). На вопрос, в чем дело, он ответил просто, что вернулся проститься с нарзаном. Он любил в лесу одно место, где был нарзаный источник. Источник был плохонький, никакого сооружения вокруг не было: просто из железной трубки нарзан бил сильной струей в большую каменную чашу и оттуда стекал вниз, на землю. К этому источнику лю-

били мы бегать по утрам купаться. Вечерами там собирались коровы, козы, возвращавшиеся домой. Им нравился вкус нарзана. Вот с этим нарзаном и вернулся проститься Хлебников, вспомнив о нем после того, как ушел уже за верст 10–15 от Железноводска. Наутро он снова ушел, и на этот раз навсегда» [6].

Работал на Кавминводах поэт чрезвычайно много, постоянно что-то переписывал, рвал, вычислял.

В Пятигорске В. В. Хлебников чувствует небывалый творческий подъем, только в ноябре 1922 г. им написано шесть поэм: «Настоящее», «Ночной обыск», «Шествие осеней Пятигорска», «Берег невольников», «Переворот в Владивостоке» и «Прачка», а также несколько стихотворений: «Сегодня Машук как борзая», «На родине красивой смерти-Машуке».

Поэт, вдохновленный красотой курортного Пятигорска, пишет знаменитую поэму «Шествие осеней Пятигорска». В ней наряду с традиционными поэтическими средствами автор широко использует звуковые, фактурные и цветовые ассоциации, что создает уникальный метафорический строй произведения. Метафора органического роста реализуется через ветвящиеся «древopodobные» образы, пронизывающие не только отдельные произведения, но и все творчество в целом [4].

Впечатленный красотой гор-лакколитов Пятигорья, поэт показывает ту самую экспрессию дивной золотой осени. В поэме наблюдается стремительная динамика: от плавного восхода солнца к осеннему ветру, нагоняющему темные тучи. Во второй части поэмы идет описание природы города Пятигорска. Возникает один из частых мотивов хлебниковской поэзии — тема птиц и то самое «пение гор»:

*В светлом бору, в чаще малинника
Слушать зарянок
И желтых овсянок.
Жилою была
Горная голоса запись [5].*

Метафоры одна за другой стремительно ложатся в «непослушные» «хлебниковские» рифмы.

Ярко прослеживаются мотивы гор: «горбились серые горы», «Бештау грубой кривой», «Две Жучки, Курган Золотой, Машук и Дубравный». В черновике поэмы возле этой строчки «Две Жучки» Велимир Хлебников нарисовал контуры этих гор, а «Две Жучки» — это народные названия гор Юца и Джуца.

В заключение стоит отметить, насколько творчество В. В. Хлебникова имеет огромное значение не только для литературы, но и для развития русской культуры в целом. В поэтике Кавказа у футуриста много обращений к мировым историческим событиям, которые создают уникальное наследие с оригинальным стилем и своеобразной манерой выражения, что делает творчество В. В. Хлебникова уникальным.

Использованная литература:

1. *Гречаник И. В.* Проблемы изучения и преподавания современной литературы // Литература в школе. 2011. № 9. С. 20–22.
2. *Калус И. В.* Пути сохранения традиционных духовно-нравственных и эстетических ценностей в современной литературе, ориентированной на классический идеал // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. IX междунар. науч. форума (Кабардинка, Геленджик, 21–24 сентября 2023 г.). Краснодар : Институт Наследия, 2023. С. 119–120.
3. *Пахитнов Е. Е.* 116 писем Велимира Хлебникова // Проза.ру [Сайт]. URL : <https://proza.ru/2015/06/30/476?ysclid=m5bl0ffywkw487812560> (дата обращения: 21.12.2024).
4. *Поповский А. А.* Метафора органического роста и ее текстопорождающая роль в творчестве В. Хлебникова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10. СПб., 2006. 16 с.
5. *Самородова О.* Поэт на Кавказе // Звезда. 1972. № 6. С. 183–194.
6. Поэт, прозаик и мыслитель Велимир Хлебников // ГБУ «Редакция республиканских литературных журналов “Соколенок” и “Литературный Дагестан”» [Сайт]. URL : <https://litdag.ru/news/poet-prozaik-i-myislitel-velimir-khlebnikov/> (дата обращения: 21.12.2024).

Maria I. KRUGLIKOVA,

Lecturer, Department of Russian Philology and Literary Creativity,
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, maria881990@inbox.ru

The Poetic, Historical and Cultural Space of the Caucasus in the Works written by Velimir Khlebnikov

The paper examines the periods of life in the Caucasus of the futurist, “Columbus of the new poetic continents”, Chairman of the Globe, a prominent representative of the Russian avant-garde Velimir V. Khlebnikov. The poet’s first trip to the Caucasus

mountains was in 1903. After graduating from high school, he went on a geological expedition to Dagestan. The second trip to Dagestan took place in the summer of 1909. After this journey, Khlebnikov joined the literary trend — the Russian avant-garde. Among other things, Velimir Khlebnikov's travels of 1920–1921 are tracked: Baku–Persia–Tehran–Baku–Zheleznovodsk–Kislovodsk–Pyatigorsk.

Keywords: Velimir Khlebnikov, futurism, Caucasus, culture, history, everyday life, poetics, “singing of mountains”, Mount Bogdo.

Н. В. Ламосова*, **О. А. Леусян****

Екатеринодарский педагог Ф. В. Андерсон и его университетский наставник профессор А. П. Павлов***

В статье делается попытка охарактеризовать истоки успешной педагогической деятельности Фёдора Васильевича (Вильгельмовича) Андерсона (1873–1933?), оставившего яркий след в истории кубанской педагогики и ставшего одним из самых любимых и уважаемых учителей для многих поколений школьников Екатеринодара/Краснодара. Среди его воспитанников — выдающиеся ученые-естественники Н. Н. Богданов-Катъков, С. Г. Крыжановский, Е. С. Птушенко и др. Как представляется авторам, определяющее влияние на формирование Ф. В. Андерсона-педагога оказали учеба на естественном отделении физико-математического факультета Императорского Московского университета и деятельность его любимых университетских наставников — выдающихся ученых, профессоров А. П. Павлова и В. И. Вернадского. Особое внимание уделяется характеристике личности и педагогических воззрений А. П. Павлова, которые были воплощены в жизнь Ф. В. Андерсоном.

Ключевые слова: Ф. В. Андерсон, А. П. Павлов, В. И. Вернадский, Московский университет, 1-я Екатеринодарская мужская гимназия, естествознание.

* ЛАМОСОВА Наталья Вячеславовна, кандидат педагогических наук, специалист по культурно-просветительской деятельности Музейного научного совета Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, Санкт-Петербург, Россия, nata.lamosova@mail.ru.

** ЛЕУСЯН Ольга Александровна, независимый исследователь, Череповец, Россия, avallon09@yandex.ru.

*** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 148–149. DOI : 10.34685/NI.2024.26.33.004.

Фёдор Васильевич (Вильгельмович) Андерсон с 1901-го по 1920-е гг. преподавал естествознание и географию в 1-й Екатеринодарской мужской гимназии, затем работал в школах Краснодара. На основании музейных и архивных источников, материалов из личных архивов его родных авторам удалось в основном реконструировать его биографию [8, с. 89–110], поэтому в данной работе мы не будем останавливаться на ней подробно. Не станем акцентировать внимание и на взаимоотношениях Фёдора Васильевича с В. И. Вернадским, оказавшим, несомненно, решающую роль в формировании научного мировоззрения педагога. На наш взгляд, они в достаточной степени освещены в указанной работе.

Данная статья ставит целью охарактеризовать личность профессора (затем академика) А. П. Павлова, его педагогические идеи, а также попытаться определить, как эти идеи нашли свое воплощение в деятельности Ф. В. Андерсона.

В 1895 г. Фёдор Андерсон окончил Орловскую губернскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (первоначально он планировал поступить на медицинский факультет, но получил отказ) [20, л. 11–12]. Отметим, что в аттестате зрелости Андерсона в списке изучавшихся им предметов естествознание не значится, поскольку в мужских классических гимназиях в результате образовательных контрреформ 1870–1880-х гг. оно не преподавалось как отдельный курс.

В середине 1890-х гг. физико-математический факультет ИМУ переживал один из самых ярких периодов в своей истории. В это время здесь преподавали ученые с мировыми именами, знакомившие студентов с самыми передовыми научными идеями своего времени. «...Соединение имен... было созвездием; такого соединения превосходных специалистов не встретил я на филологическом факультете...; лишь на нем понял я высоту преподавания, пошедшего впрок, — у нас, на естественном», — так охарактеризовал атмосферу естественного отделения того времени Б. Н. Бугаев (писатель Андрей Белый), хорошо знакомый с этой уникальной академической средой, так как его отец, выдающийся математик и философ Н. В. Бугаев, не только сам преподавал на факультете, но и почти 8 лет (с перерывом) был его деканом [1, с. 433]. В этом «созвездии» — физиолог И. М. Сеченов, ботаники К. А. Тимирязев и И. Н. Горожанкин, физик А. Г. Столетов, географ, антрополог и этнограф Д. Н. Анучин, геолог А. П. Павлов и минералог В. И. Вернадский, зоологи М. А. Мензбир и Н. Ю. Зограф, биолог

А. Н. Северцов, химики В. В. Марковников и Н. Д. Зелинский и многие другие выдающиеся ученые.

Профессор А. П. Павлов (1854–1929) сам окончил физико-математический факультет Московского университета. Он был учеником Г. Е. Щуровского, первого профессора геологии и минералогии ИМУ, занимавшего эту кафедру около пятидесяти лет. Именно благодаря Григорию Ефимовичу геология стала для Алексея Павлова его главным жизненным выбором. После окончания университета с золотой медалью из-за отсутствия вакантного места на факультете он работал два года в Твери, где преподавал естествознание (с привлечением сведений об анатомии и химии) и географию в Тверской женской учительской школе имени П. П. Максимовича и естественную историю, физику и химию в реальном училище, читал публичные лекции по химии для горожан. В реальном училище молодой педагог разработал собственную программу преподавания указанных дисциплин. Особое внимание он уделил организации кабинета естествознания, оборудованию физического кабинета и химической лаборатории, сумев добиться выделения на эти цели огромной по тем временам суммы в 20 тысяч рублей. Стараниями Алексея Петровича библиотека училища пополнялась учебниками и научной литературой. На своих уроках в обоих учебных заведениях он придавал большое значение наглядности, сочетая ее с научностью изложения (причем большую часть пособий изготавливал сам), а также природоведческим и геологическим экскурсиям. За короткое время Павлов стал любимым учителем, блестящим педагогом, сумевшим поставить преподавание естествознания на высокий уровень и пробудить к этому предмету живейший интерес у учащихся. Он принимал самое активное участие в жизни своих учеников, неизменно проявляя при этом педагогические чутье и такт. С особым вниманием Алексей Петрович относился к своим ученицам — будущим народным учительницам, которые должны были транслировать своим ученикам полученные знания (см.: [4, с. 27] [7, с. 119–125]).

В Твери Павлов проработал два учебных года, поскольку в 1880 г. Г. Е. Щуровский пригласил его занять место хранителя геологического и минералогического кабинета Московского университета. Алексей Петрович вернулся в Москву, неразрывно связав с этого времени свою жизнь с любимой *alma mater*. Заведуя геологическим кабинетом*, он

* Во время учебы в университете в геологическом кабинете проходил практикум Ф. В. Андерсона, избравшего своей специализацией геологию и минералогию.

вместе со своей женой, выдающимся палеонтологом М. В. Павловой, активно способствовал обогащению его коллекций и превращению в настоящий музей, который в 1926 г. получил имя М. В. и А. П. Павловых. Кабинет/музей стал местом, где студенты проходили практикумы, приобщались к научным исследованиям. Вместе с В. И. Вернадским он добился строительства для Геологического и Минералогического институтов/музеев ИМУ специального здания.

После защиты в 1886 г. докторской диссертации Алексей Петрович был избран профессором, в 1916 г. — академиком и около 40 лет возглавлял кафедру геологии и палеонтологии. За эти годы он воспитал десятки выдающихся ученых, составивших основу знаменитой московской («павловской») геологической школы, ставшей крупнейшей в стране. Среди его учеников такие известные ученые, как А. П. Иванов, А. Д. Архангельский, А. А. Чернов, М. М. Пригоровский, Г. Ф. Мирчинк, А. Н. Мазарович, В. А. Варсанофьева, О. К. Ланге и многие другие.

Важную роль А. П. Павлова в своем становлении отмечали даже бывшие студенты-естественники ИМУ, избравшие иную специализацию, — уже упоминавшийся Б. Н. Бугаев и знаменитый генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский, называвший А. П. и М. В. Павловых в числе своих основных учителей [19, с. 12]. Известный зоолог А. Д. Некрасов (однокурсник Ф. В. Андерсона со 2-го курса) в своих воспоминаниях писал, что Павлов «пользовался популярностью как прекрасный лектор» и проводил «прекрасные» же геологические экскурсии в окрестностях Москвы [10]. О доброжелательном отношении и помощи, оказанной ему А. П. Павловым в разработке вопросов гелиобиологии, писал в своих воспоминаниях и А. Л. Чижевский [22, с. 504–506].

Алексей Петрович являлся почетным членом многих российских и зарубежных научных обществ, принимал самое активное участие в международных геологических конгрессах. Список наиболее значимых его научных трудов насчитывал более 150 работ по стратиграфии, палеонтологии, четвертичной геологии, вулканологии, тектонике, геоморфологии, инженерной геологии, геологии Луны, истории геологических знаний, прикладной геологии. «Своим» его считают физикогеографы, почвоведы, биологи и даже археологи. До сих пор не утратили своей актуальности работы ученого по стратиграфии верхней юры и нижнего мела Поволжья и средней части Европейской России, палеонтологические исследования, связанные с изучением аммонитов, белемнитов и двустворчатых моллюсков. Именно он первым предложил термин

«антропоген» (антропоцен) для наименования геологической эпохи, на протяжении которой человек постепенно превращается в геологический фактор, меняющий облик планеты [9, с. 48].

Литература о жизни и деятельности А. П. Павлова насчитывает десятки наименований. Наиболее обстоятельная работа написана его ученицей, ставшей первой женщиной — доктором геолого-минералогических наук в СССР, В. А. Варсанофьевой [3]*. Педагогические идеи Павлова и методики его преподавания подробно характеризовал в своей работе известный историк естествознания Б. Е. Райков [15]. Научному наследию Алексея Петровича и его роли в развитии геологии посвящены и труды современных исследователей (см.: [2] [3] [15] [17] [18]) и др.

Необходимо сказать еще об одной особенности А. П. Павлова — о его способности ценить и тонко чувствовать природу, о чем писал и В. И. Вернадский: «А[лексей] П[етрович] не был только кабинетным ученым, он не мог не общаться с природой, в ней он творчески мыслил. Он обладал при этом огромным пластическим чувством охвата природы в пространстве и времени, столь важным для геолога, творил на месте. Он не был кабинетным ученым, он был натуралистом, творящим в свободной, вне рамок природе, с нею непрерывно связанным» [5, с. 175].

Будучи ученым с мировым именем, Алексей Петрович всю свою жизнь активно интересовался не просто вопросами преподавания естествознания в начальной и особенно в средней школе, но шире — проблемами постановки среднего образования в России, считая это делом государственного значения. В этой сфере к 1890-м гг. назрел серьезный кризис.

К примеру, общеизвестные проблемы в сфере гимназического образования — господство бюрократизма, игнорирование индивидуальных особенностей учащихся, насаждение «классических» языков в ущерб остальным предметам и т. д. — имели следствием слабый общий уро-

* Кроме этой работы, В. А. Варсанофьева посвятила А. П. Павлову следующие труды: Алексей Петрович Павлов (1854–1929) // Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / под ред. С. И. Вавилова. М.; Л.: Гостехиздат, 1948. Т. 1. С. 445–453; Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества [распространения политических и научных знаний] в Москве. М.: Правда, 1951. 24 с.; Алексей Петрович Павлов // Отечественные физико-географы и путешественники нашей страны / ред. Н. Н. Баранский. М.: Учпедгиз, 1959. С. 491–500 и др.

вень студентов, подготовить из которых хороших специалистов было проблематичным, что не могло не сказаться на общем развитии страны.

Профессор А. П. Павлов использовал все возможности, чтобы изложить свои взгляды на пути выхода из этого кризиса, обосновать необходимость введения в гимназиях научно обоснованного курса естествознания — публиковал статьи в журналах «Вестник воспитания», «Естествознание и география» и других подобных изданиях, участвовал в работе Педагогического общества и Московского Педагогического музея, выступал на учительских съездах и т. д. Так, в 1898 г. он выступил в Педагогическом обществе при Московском университете с большой речью «Об источниках естественно-исторических познаний» [13, с. 1–16], охарактеризовав в ней знания и навыки, которые дает учащимся знакомство с природой и ее явлениями. В 1901 г. он был избран председателем 1-го съезда учителей естествознания Московского учебного округа, на котором представил доклад «Курс мироведения в младших классах средних учебных заведений», где впервые предоставил набросок комплексного курса, названного им мироведением [11, с. 434–442]. Он считал, что этот курс должен включать в себя комплекс знаний по естествознанию, географии и космографии. Говоря о преподавании естественных наук, ученый отмечал, что естествознание должно быть обязательным предметом в средней школе для всех возрастов.

Когда в 1899 г. в связи с учреждением Комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе (т. н. «боголеповской комиссии») министр народного просвещения Н. П. Боголепов обратился к попечителям учебных округов с предложением созвать при округах соответствующие совещания профессоров и преподавателей, А. П. Павлов сразу же активно включился в эту работу.

По мнению ученого, школа должна отвечать задачам той исторической эпохи, которую она переживает; в общеобразовательной средней школе должны быть уравновешены предметы естественно-научной, математической и гуманитарной групп; в основу общеобразовательной средней школы должно быть положено развитие интереса, уважения и любви к науке как к средству познания истины.

Работа «боголеповской комиссии» и совещаний при учебных округах не привела к каким-то реальным результатам. В марте 1901 г. Н. П. Боголепова, погибшего в результате покушения, на посту министра народного просвещения сменил П. С. Ванновский, осуществивший ряд преобразований в программах классических гимназий, касающихся пре-

подавания древних языков и расширения преподавания других предметов, в том числе и естествознания. Но из-за разногласий с императором, прослужив всего год на посту министра, Ванновский подал в отставку, и работа созданной им комиссии была свернута [6, с. 353–358].

Несмотря на неудачу этих попыток модернизации системы образования, А. П. Павлов и в дальнейшем продолжил отстаивать необходимость ее решительного реформирования. В 1905 г. он опубликовал в одном из педагогических журналов большую работу «Реформа среднего образования» (в 1908 г. она была издана отдельным изданием), где выступал противником классической школы с ее изучением двух древних языков, защищал реальное образование и необходимость знакомства учащихся со своей страной, ее природными богатствами и культурой. В основе образовательной системы, по его мнению, должно лежать глубокое «уважение к науке и правде», школа должна формировать у учащихся «...научный склад ума, навык к наблюдению природы и человеческих отношений и к беспристрастным из них выводам...». Наилучший путь умственного развития школьника — «путь самостоятельного размышления, <...> самая важная задача школы дать учащемуся метод, указать ему путь, научить думать и учиться». Таким образом, работа в области естествознания должна быть основана на самостоятельности учащихся, то есть должна быть живой, активной и опираться на собственные наблюдения и выводы учащихся; научность преподавания достигается не нагрузкой учащихся слишком трудными и непонятными для них вопросами, а подбором изучаемого материала согласно требованиям психологии и педагогики. Например, в младших классах средней школы знания в области естествознания должны приобретаться путем непосредственного наблюдения природы и простых опытов; учитель, постепенно развивая у детей наблюдательность и воображение, вырабатывает у них элементарные приемы научного мышления; в этом возрасте целесообразно естественные науки объединить в один предмет («мироведение»). В средних классах учащиеся уже способны систематизировать ранее полученные разрозненные знания и понимать более сложные явления, поэтому им преподаются отдельные предметы, но при этом должно сохраняться понимание их взаимосвязи. В старших классах у школьников «пробуждается стремление объединить все знания и впечатления в цельное мировоззрение и выработать программу жизни», умственная работа становится интенсивней, а учащиеся способны к более глубоким обобщениям; «...если дело поставлено иначе, если ум

учащегося не работает активно над реальными предметами, если в преподавании личный и деятельный элемент отсутствует, естествознание утрачивает свою высокую образовательную силу» [14, с. 24–37].

В 1916 г., когда министр народного просвещения П. Н. Игнатьев предпринял последнюю (и самую решительную) в истории Российской империи попытку реформировать систему образования, Алексей Петрович выступил в поддержку реформы: «Духу и задачам современной исторической эпохи может соответствовать только такая школа, в которой изучение природы поставлено достойным образом, школа, развивающая в учащихся любовь и уважение к науке, к правде, научный склад ума, школа, приучающая к систематическому труду и в то же время дающая известный простор проявлению индивидуальных склонностей учащихся и не игнорирующая естественных запросов юношеского возраста, среди которых стремление к познанию природы и ее законов играет немало важную роль» [12, с. 21].

Павлов придавал особое значение личности школьного преподавателя. В. И. Вернадский подчеркивал, что он «...являлся одним из немногих энергичных и ярких сторонников идеи <...> подготовки в университетах учителей средней и народной школы, считая это дело одной из основных целей университетского преподавания» [5, с. 174].

Среди учеников А. П. Павлова, кроме вышеназванных выдающихся ученых, были и те, чьи имена остались главным образом в памяти их непосредственного окружения, но на кого Алексей Петрович оказал огромное влияние как талантливый педагог, «заразил» своими педагогическими идеями. Среди тех, кто полностью разделял его взгляды на вопросы образования в России и важность преподавания в школе естественной истории, был и Фёдор Васильевич Андерсон. На втором году обучения в университете он определился со своей специализацией в пользу минералогии и геологии, его наставниками в этом стали А. П. Павлов и В. И. Вернадский. С ними впоследствии он большую часть жизни старался поддерживать связь, о чем свидетельствуют письма, сохранившиеся в фондах ученых в архиве Российской академии наук.

Фёдор Андерсон окончил университет в 1900 г., одновременно с началом работ по подготовке реформы средней школы. Первым местом его работы стала Московская пробирная палата, куда он попал по протекции В. И. Вернадского [8, с. 94], но уже в следующем году он круто поменял свою судьбу и отправился в Екатеринбург. Думается, что это было связано как раз с тем обстоятельством, что именно в 1901 г.

начали осуществляться некоторые преобразования в мужских гимназиях, нацеленные на возвращение в гимназический курс естествознания. В Кавказском учебном округе (КУО) этот процесс проходил довольно активно [21, с. 604–634], но проблема была в подготовленных преподавателях. В КУО не имелось своего университета, и педагогов естествознания приходилось искать в других учебных округах. Возможно, именно с подачи А. П. Павлова Фёдор Васильевич и стал первым преподавателем естествознания в 1-й Екатеринодарской мужской гимназии. Продолжая дело своего учителя, он также считал, что успех в процессе обучения зависит от того, какие отношения складываются между учителем и учениками, и делал ставку не на авторитарный, а на демократический стиль общения между ними.

Естественно-исторический кабинет, который спроектировал и создал Ф. А. Андерсон в новом здании гимназии в Екатеринодаре, был настоящим музеем с богатыми природоведческими, минералогическими, геологическими коллекциями, гербариями и пр. Кроме того, он был оснащен приборами и оборудованием для опытов и научной работы учащихся. Отметим, что, по воспоминаниям его родных, часть коллекций и оборудования приобреталась за счет средств самого педагога. В гимназии имелась оранжерея с разными растениями, в том числе и тропическими, живой уголок, работал кружок «Птичник», через который прошли сотни учащихся. Все это было создано Фёдором Васильевичем для того, чтобы заинтересовать детей своим предметом, привить им навыки исследовательской работы, воспитать способность самостоятельно мыслить. Большое внимание он уделял природоведческим экскурсиям и экспедициям учащихся, в том числе и по сбору энтомологических материалов. Один из таких примеров — экспедиции в разные места Кубанской области и Ставропольской губернии, в одной из которых совместно с ним принимал участие его ученик Николай Богданов-Катьков, ставший впоследствии известным ученым-энтомологом.

Как когда-то А. П. Павлов в Твери, Фёдор Васильевич занимался популяризацией естествознания в Екатеринодаре. Он был членом ОЛИКО и других просветительных организаций, сотрудничал с местными музеями, проводил для желающих экскурсии и лекции в своем школьном музее. Андерсон пользовался любой возможностью для расширения своих знаний, выписывая огромное количество научной и учебной литературы, наглядных пособий. Своеобразным памятником екатеринодарскому учителю может считаться Первомайская (Чистяков-

ская) роща в Екатеринодаре, которая была расширена во время праздника древонасаждения, устроенного им в 1911 г.

Ф. В. Андерсон непосредственно участвовал в подготовке съезда учителей естествознания КУО, который должен был пройти в 1909 г. в Екатеринодаре (к сожалению, независимо от него съезд не состоялся). Сам он старался принимать участие в различных курсах для учителей, в 1910 и 1913 гг. участвовал в работе XII (декабрь 1910 — январь 1911 г., Москва) и XIII (июнь 1913 г., Тифлис) съездов русских естествоиспытателей и врачей. Во время работы XII съезда Фёдор Васильевич вновь встретился со своими университетскими преподавателями, так как именно А. П. Павлов и В. И. Вернадский руководили секцией геологии и минералогии, в которую он записался. Несомненно, по инициативе Алексея Петровича при секции работала подсекция по обсуждению педагогических вопросов. В фонде А. П. Павлова в АРАН хранится отчет Ф. В. Андерсона о его работе во время съезда.

Необходимо сказать и о том, что благодаря педагогическому таланту Фёдора Васильевича из стен 1-й Екатеринодарской мужской гимназии, по словам уже вышеупомянутого Н. Н. Богданова-Катькова, вышло немало естествоиспытателей и врачей. Напомним имена ихтиолога С. Г. Крыжановского, альголога Л. И. Волкова, орнитолога Е. С. Птушенко. Имена других еще предстоит установить.

Таким образом, мы смело можем говорить об определенной преемственности в педагогической работе Ф. В. Андерсона от его университетских преподавателей и в первую очередь от А. П. Павлова. В своей деятельности он был последователем педагогических идей выдающегося ученого, воплощая их на практике, воспитал сотни учеников, глубоко любящих природу и все живое, и тем самым надолго остался в их памяти.

Использованная литература:

1. *Белый А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания : в 3 кн. М. : Худож. лит-ра, 1989. Кн. 1. 543 с.
2. *Валькова О. А.* Бои за историю геологии: Неизвестное письмо В. И. Вернадского к В. А. Варсанофьевой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. С. 159–173.
3. *Валькова О. А.* Интервью с историком науки: вопросы, которые не были заданы. Материалы к биографии Веры Александровны Варсанофьевой

- (1889–1976) // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 1. С. 100–127.
4. *Варсанофьева В. А.* Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. Второе испр. и доп. изд. М. : Изд. Московского общества испытателей природы, 1947. 392 с.
 5. *Вернадский В. И.* Памяти академика Алексея Петровича Павлова // Собр. соч. в 24 т. Т. 14: Памяти ученых. Письма А. Е. Ферсману / науч. ред. и сост. Э. М. Галимов. М. : Наука, 2013. 506 с.
 6. *Днепров Э. Д.* Российское образование в XIX — начале XX века. Т. I: Политическая история российского образования. М. : Мариос, 2011. 648 с.
 7. *Ильина Т. А.* Школа Максимовича. Исследования и материалы. Тверь : Кн. клуб, 2010. 181 с.
 8. *Ламосова Н. В., Леусян О. А.* Учитель, ученики, эпоха: жизнь и педагогическая деятельность Федора Васильевича Андерсона // Наследие веков. 2024. № 2. С. 89–110.
 9. *Марков К. К.* Новейший геологический период — антропоген // Природа. 1953. № 3. С. 48–62.
 10. *Некрасов А. Д.* Картины жизни студента-естественника Московского государственного университета второй половины девяностых годов XIX в. // Естественное отделение Императорского Московского университета в 90-е годы XIX века : сб. воспоминаний / авт.-сост. Е. Ю. Жарова. М. : РУСАЙНС, 2024. С. 50–98.
 11. *Павлов А. П.* Курс мироведения в младших классах средних учебных заведений // Голиков В. И. Методика естествоведения в главнейших ее представителях и историческом развитии в нашей общеобразовательной школе — средней и низшей: пособие для учащихся в сред. низш. и нач. шк. М. : К. И. Тихомиров, 1902. С. 434–442.
 12. *Павлов А. П.* Мысли, чаяния и опасения по поводу предстоящей реформы среднего образования в России. М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1916. 66 с.
 13. *Павлов А. П.* Об источниках естественно-исторических познаний // Естествознание и география. 1899. № 1. С. 1–16.
 14. *Павлов А. П.* Реформа среднего образования. М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1908. 60 с.
 15. Павловская геологическая школа / авт. колл. : Стародубцева И. А., Бесуднова З. А., Пухонто С. К., Соловьев Ю. Я., Иванов А. В., Милановский Е. Е., Ржонницкая М. А., Семихатов М. А., Лазарев С. С., Лобачева С. В.; отв. ред. Ю. Я. Соловьев. М. : Наука, 2004. 211 с.
 16. *Райков Б. Е.* Алексей Петрович Павлов // Живая природа. 1929. № 13–14. С. 360–366.

17. Стародубцева И. А. Алексей Петрович Павлов — штрихи к портрету // Проблемы региональной геологии: музейный ракурс : матер. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения основателя Моск. геол. шк. акад. А. П. Павлова (1854–1929) и почет. акад. М. В. Павловой (1854–1938) (Москва, 1–3 декабря 2004 г.). М. : Акрополь, 2004. С. 61–65.
18. Стародубцева И. А. История организации и проведения геологических экскурсий в окрестностях Москвы // История наук о Земле : сб. ст. М. : ИИЕТ РАН, 2008. Вып. 2. С. 336–346.
19. Тимофеев-Ресовский Н. В. Очерки. Воспоминания. Материалы / под ред. Н. Н. Воронцова. М. : Наука, 1995. 394 с.
20. Центральный государственный архив Москвы. Ф. 418. Оп. 309. Д. 30.
21. Циркуляр попечителя Кавказского учебного округа. 1901. № 7. Тифлис : [Б. и.], 1901.
22. Чижевский А. Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания / сост., вступит. ст., коммент., подбор илл. Л. В. Голованова. М. : Мысль, 1995. 734 с.

Nataliya V. LAMOSOVA,

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Specialist in Cultural and Educational Activities, Museum Scientific
Council, Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University,
Saint Petersburg, Russia, nata.lamosova@mail.ru

Olga A. LEUSYAN,

Independent Researcher, Cherepovets, Russia,
avallon09@yandex.ru

**Yekaterinodar Teacher Feodor V. Anderson
and His University Mentor Professor Alexey P. Pavlov**

The paper attempts to characterize the origins of the successful pedagogical activity of Fyodor Vasilyevich (Wilhelmovich) Anderson (1873–1933?), who left a vivid mark in the history of Kuban pedagogy and became one of the most beloved and respected teachers for many generations of schoolchildren in Yekaterinodar/Krasnodar. Among his students are outstanding natural scientists Nikolay N. Bogdanov-Katkov, Sergey G. Kryzhanovsky, Evgeny S. Ptushenko, and others. As it seems to the authors, the determining influence on the formation of Fyodor V. Anderson, a teacher, was

influenced by his studies at the Natural Sciences Department of the Faculty of Physics and Mathematics of the Imperial Moscow University and the activities of his favorite university mentors, prominent scientists, Professors Alexey P. Pavlov and Vladimir I. Vernadsky. Special attention is paid to the characterization of the personality and pedagogical views of A. P. Pavlov, which were brought to life by F. V. Anderson.

Keywords: *Fyodor V. Anderson, Alexey P. Pavlov, Vladimir I. Vernadsky, Moscow University, Yekaterinodar 1st Men's Gymnasium, natural sciences.*

О. В. Спачиль*

Материалы к биографии Д. Т. Савельева, земского врача и друга А. П. Чехова

Статья посвящена Дмитрию Тимофеевичу Савельеву (1857–1909), однокласснику А. П. Чехова, выпускнику Таганрогской гимназии, однокурснику по Московскому университету. Земский врач, служил в немецкой колонии Ольгенфельд, станице Тифлисской Кубанской области, в слободе Больше-Крепинской Таганрогского округа, Малоярославце; умер во время эпидемии сыпного тифа в селе Амвросиевке Таганрогского округа. Дружба Д. Т. Савельева с А. П. Чеховым длилась, пока смерть не разлучила близких товарищей. Судьба Д. Т. Савельева — яркий пример тягот, лишений, неустроенности, через которые проходил обычный земский врач на рубеже XIX–XX вв. в Российской империи. Близкие отношения с А. П. Чеховым и его семьей дали возможность найти ряд материалов о Д. Т. Савельеве в обширной литературе о писателе.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Д. Т. Савельев, Таганрогская Александровская гимназия, медицинский факультет Императорского Московского университета, станица Тифлисская Кубанской области, земские врачи.

Гимназические годы. В восьмом, выпускном классе Таганрогской Александровской гимназии среди одноклассников А. П. Чехова значились В. И. Зембулатов и Д. П. Савельев. Как отмечал гимназический товарищ писателя М. Ф. Волкенштейн, в старших классах сформировалось несколько ученических объединений, причем Чехов состоял в кружке, получившем название «Земские врачи». По свидетельству мемуариста, наиболее близкими друзьями будущего писателя в этот период были Савельев, Зембулатов, Кукушкин, Зиберов и Краса, все они после окон-

* СПАЧИЛЬ Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, spachil.olga0@gmail.com.

чания гимназии выбрали медицинский факультет Московского Императорского университета [10, с. 55]. Впоследствии жизненные пути чеховских одноклассников тесно переплелись, сохранив прочные связи на долгие годы.

Выбор названия кружка «Земские врачи» отражал актуальные общественные тенденции того периода. Как отмечают исследователи, земская медицина в России 1860–1880-х гг. находилась на этапе становления. Инициированная в рамках земской реформы, последовавшей за отменой крепостного права в 1861 г., система земского самоуправления предполагала решение широкого круга социально-хозяйственных вопросов. Хотя «Положение о земских учреждениях» (1864) не включало медицинское обслуживание — попечение о народном здравии — в перечень обязательных земских повинностей, эпидемиологическая угроза и высокая смертность сельского населения стимулировали развитие земской медицины. В результате расходы на здравоохранение в некоторых уездах достигали 40 % земских бюджетов [15, с. 7].

Г. И. Россолимо, знакомый с чеховским кругом со студенческих лет, оставил выразительные характеристики друзей писателя. В своих воспоминаниях он подчеркивал, что оба товарища сохраняли к Чехову теплые дружеские чувства, сложившиеся еще в гимназические годы. Особое внимание мемуарист уделяет контрасту между внешностью и характерами друзей: «полный невысокий степняк-хуторянин В. Зембулатов» и «высокий мечтательный казак Д. Савельев». Примечательно, что, несмотря на погруженность Чехова в литературную среду и проявившийся творческий талант, его дружба с гимназическими товарищами оставалась неизменно прочной. Как отмечает Россолимо, это объяснялось глубокой связью писателя с родной средой, сохранившейся на протяжении всей его жизни [14, с. 429–430].

В истории семей Чеховых и Савельевых наблюдается значительное сходство. Подобно Павлу Егоровичу Чехову, отец Савельева — Тимофей Савельевич — также происходил из крепостных крестьян. В дальнейшем оба — и П. Е. Чехов, и Т. С. Савельев — занялись предпринимательской деятельностью. Как отмечает таганрогский историк П. П. Филевский, Тимофей Савельевич Савельев получил первоначальные навыки поварского искусства будучи крепостным мальчиком у графов Шереметевых, где служил поваренком при придворном поваре. Впоследствии он находился на службе у местного помещика Фурсова, пользовавшегося его расположением. Накопив небольшие средства, занялся работой при

таганрогских клубах и гостиницах, а также арендовал снабжение Общественного Собрания, или так называемого русского клуба. Члены клуба высоко ценили его и охотно доверяли ему буфетное обслуживание. Это был добродушный и жизнерадостный старик, охотно делившийся воспоминаниями о великолепии прежней жизни. Он был лично знаком со многими представителями петербургской аристократии и охотно рассказывал о них различные истории, однако без сатирического подтекста, поскольку относился к знати с глубоким почтением. В быту он отличался непрактичностью: предоставлял членам клуба кредит, который зачастую оставался неоплаченным, и никому не отказывал в помощи. Когда его старший сын Дмитрий, начавший обучение в кладбищенской церковно-приходской школе, окончил гимназию, вся семья переехала в Москву (они поддерживали близкие отношения с А. П. Чеховым) [16, с. 161].

В отношении переезда семьи в Москву данные П. П. Филевского требуют уточнения: как будет показано далее, семья Савельевых переехала в Москву не сразу после окончания Дмитрием гимназии, а по меньшей мере год спустя.

Согласно исследованию А. Г. Алферьевой, Т. С. Савельев наряду с содержанием клубного буфета в течение нескольких лет арендовал буфет в городском саду, а также выступал в качестве организатора музыкальных мероприятий, отвечая за работу оркестра. Хотя прямых свидетельств о привлечении Дмитрия к продаже лимонада в отцовском буфете не сохранилось, он, подобно Антону Чехову, воспитывался в атмосфере обсуждений торговых операций, налоговых сборов и проверок предпринимательской деятельности [1, с. 33].

Дмитрий, являвшийся старшим сыном в семье (род. в 1857 г.), имел братьев Гавриила, Герасима, Николая и сестру Наталью. Между ним и Антоном Чеховым существовали общие увлечения и круг общения. Если Чехов участвовал в любительских театральные постановках в доме Дросси, то Савельев проявлял активность на литературных вечерах в гимназии, где, в частности, представил доклад «Характеристика «Гамлета Щигровского уезда» (по Тургеневу)».

Материальное благополучие семьи Савельевых в Таганроге порой вызывало зависть среди сверстников. Как отмечает А. Г. Алферьева, в январе 1875 г. некий Д. Суховетченко в письме к П. Филевскому отказался от участия в любительском спектакле, мотивируя это отсутствием свободного времени: «Я человек такой, который только собственным

трудом <...> может проложить себе дорогу. <...> Я не Савельев, который имеет у батюшки своего довольно кругленькую сумму <...> и потому может оплатить все, что ему вздумается» [1, с. 33]. Конфликты усугублялись соперничеством за внимание местных девушек, тем более что Д. Т. Савельев отличался привлекательной внешностью.

Особенно тесные отношения связывали молодых людей с дочерьми нотариуса И. И. Блонского — Ариадной и Евгенией. Семья Блонских, проживавшая по соседству с Чеховыми на Конторской улице, пользовалась уважением в городе не только благодаря профессиональным заслугам главы семейства — известного своей компетентностью и порядочностью юриста, но и благодаря его супруге Александре Ивановне (урожденной Стрельневой), дочери профессора медицины Харьковского университета. Она славилась разнообразными талантами, включая занятия фотографией, художественной вышивкой и садоводством. Впоследствии Д. Т. Савельев вступил в брак с одной из дочерей Блонских — Евгенией, которая в 1910 г. оставила воспоминания о знакомстве с А. П. Чеховым в 1874–1875 гг. во время подготовки совместного с гимназистами концерта*.

Согласно мемуарным свидетельствам Е. И. Савельевой (урожденной Блонской), их квартира располагалась в непосредственной близости от морского спуска, который из-за своей крутизны редко использовался извозчиками, зато зимой становился популярным местом для катания на санях среди местной молодежи. Антон Павлович со своими товарищами регулярно присоединялся к этим зимним забавам. «Мы с сестрой Ариадной тоже брали санки, и начинались гонки. Бывало, по несколько часов проводили мы на ледяном спуске и нам всегда бывало очень весело. Гимназисты курили, мы приносили им спички, за что они везли наши санки в гору, а затем скатывали вниз. Дружно мы тогда жили» [2, с. 148].

Как отмечает в своем исследовании И. И. Бондаренко, семья Блонских представляла собой примечательное явление в социальной жизни Таганрога. Все сестры отличались привлекательной внешностью. Получив гимназическое образование, они впоследствии удачно вышли за

* Воспоминания Е. И. Савельевой (Блонской) об А. П. Чехове были переданы И. И. Бондаренко дочерью Савельевых Е. Д. Руокко и частично опубликованы в главе «Сверстники» книги И. И. Бондаренко «Следы его жизни. Книга о Чехове» на страницах 144–150 [2].

муж, прожив жизнь плодотворно и принося пользу окружающим: «были удачливы в замужестве и счастливы, с пользой для людей прожили свои жизни» [2, с. 145]. Эти слова находят подтверждение в творческом наследии Серафимы Иасоновны Блонской (1870–1947) — выпускницы Императорской Академии художеств, чьи живописные работы и сегодня занимают достойное место в экспозиции Таганрогского художественного музея, продолжая вызывать искреннее восхищение у ценителей искусства.

Студенты Императорского Московского университета. Стремление государства обеспечить широкие слои населения, особенно в сельской местности, доступом к квалифицированной медицинской помощи обусловило необходимость реформирования системы подготовки врачей. Требовалось, с одной стороны, поддерживать уровень образования в соответствии с мировыми научными стандартами, а с другой, гарантировать, что выпускники медицинских учебных заведений смогут сразу приступить к самостоятельной практике. Ключевую роль в подготовке высококвалифицированных медицинских кадров играл медицинский факультет Московского университета. Если в XVIII — начале XIX в. большинство российских врачей получали образование в Германии и зачастую были этническими немцами, то к концу XIX в. основную часть медицинских специалистов составляли уже выпускники Московского университета. Как отмечал выдающийся хирург Н. В. Склифосовский в своей вступительной речи на I съезде Пироговского общества в 1885 г., земский врач стал «центральной фигурой российской медицины» [5, с. 52–53].

В августе 1879 г. группа молодых людей из Таганрога прибыла в Москву, чтобы поступить на медицинский факультет Московского университета. Среди них был А. П. Чехов, который приехал 8 августа, а вскоре к нему присоединились Д. Т. Савельев и В. И. Зембулатов, поселившиеся в доме Чеховых в качестве квартирантов. Как отмечает в своих воспоминаниях Михаил Павлович Чехов, на следующий день из Вятки приехал некий человек, который привез с собой своего сына, юношу деликатного, как девушка. Этого молодого человека звали Николай Иванович Коробов. Согласно воспоминаниям, материальное положение семьи несколько улучшилось с появлением жильцов. Однако доход от сдачи комнат оставался незначительным, поскольку Евгения Яковлевна Чехова устанавливала минимальную плату и обеспечивала квартиран-

тов полноценным питанием. Тем не менее это позволило разнообразить и увеличить объем семейного рациона [19, с. 53].

Осенью того же года вся семья переехала в новый дом на Грачевке, в квартиру Савицкого, где разместились следующим образом: Зембулатов и Коробов заняли одну комнату, Савельев — другую, Николай, Антон и Михаил — третью, мать и сестра — четвертую, а пятая служила общей гостиной. Поскольку отец семейства Павел Егорович Чехов в тот период жил отдельно у купца Гаврилова, по воле обстоятельств его место в семье занял Антон, став, по сути, главой дома, «как бы за хозяина» [19, с. 53].

Как свидетельствует переписка А. П. Чехова, привлечение пансионеров рассматривалось как важный источник дохода для семьи. В одном из писем А. П. Чехов сообщает семье, живущей в Москве, о планах привезти пансионера, который будет выплачивать 20 рублей ежемесячно. При этом писатель отмечает недостаточность данной суммы, учитывая высокую стоимость жизни в Москве и традицию его матери обеспечивать жильцов полноценным питанием. В качестве контраста он приводит пример преподавателей, взимавших 350 рублей, но при этом содержавших своих учеников в крайне стесненных условиях [20, т. I, с. 30]. Дополнительным источником дохода стала стипендия в размере 25 рублей ежемесячно, назначенная Чехову Таганрогской городской управой [8, с. 19].

Период обучения Чехова в университете (1879–1884) совпал с важными историческими событиями [8, с. 19], хотя в его переписке этого времени они почти не нашли отражения. Как отмечают исследователи, А. П. Чехов поступил в университет за две недели до принятия народолюбцами решения о цареубийстве и окончил его через месяц после закрытия «Отечественных записок» при Александре III [17, с. 77]. Этот период характеризовался подъемом общественного движения в России, особенно революционного, поражение которого Чехов впоследствии наблюдал.

Основное внимание Чехова в эти годы было сосредоточено на учебе, литературной работе (создании рассказов для юмористических изданий) и интенсивной культурной жизни. Он регулярно посещал театры и концерты, участвовал в традиционных студенческих празднованиях (Татьянин день), поддерживал творческие контакты с будущими известными художниками — И. Левитаном, М. Нестеровым, Ф. Шехтелем, К. Коровиным, которые в тот период также были студентами.

О студенческой жизни Д. Т. Савельева сохранилось меньше документальных свидетельств, однако можно с уверенностью утверждать, что он, как и его земляки, был активным участником московской студенческой жизни. Особенно тесными были его отношения с А. П. Чеховым: молодые люди не только совместно использовали учебные материалы, но и делились предметами гардероба. Известно, в частности, что Чехов брал у Савельева сюртук для посещения свадьбы студента И. В. Еремеева в Воскресенске. Хотя на старших курсах земляки уже не проживали совместно, их дружеские связи оставались прочными.

Важным событием в биографии Савельева стало заключение брака 29 июля 1882 г. в таганрогской Скорбященской церкви с Евгенией Ивановной Блонской, дочерью коллежского секретаря. Однако финансовые трудности вынудили молодоженов расстаться в начале учебного года: Савельев вернулся в Москву для продолжения обучения, тогда как его супруга осталась в Таганроге. Чеховым из родного города был привезен гостинец от Митрофана Егоровича Чехова — маслины, переданные через Д. Т. Савельева. Как отмечалось в семейной переписке: «Нам нечем вас полакомить кроме посылаемых через г. Савельева маслин. Очень ему благодарны, что он взялся их доставить вам» [16, с. 333].

В 1883 г. семья Савельевых переезжает в Москву, однако этот переезд сопровождается серьезными трудностями. В начале 1884 г. (январь — первая половина февраля) после продолжительной болезни умирает мать Д. Т. Савельева. В этот сложный период А. П. Чехов оказывает другу материальную и моральную поддержку: передает 15 рублей для оплаты церковных треб («иереям, дьяконам»), организует совместный обед для обсуждения похоронных хлопот, на который приглашает и их общего друга В. И. Зембулатова: «Обязательно приходи обедать. Тащи обедать и Макара <В. И. Зембулатова>. Наварю для вас солонины с хреном. Чем раньше придете оба, тем приятнее будет моей семье» [20, т. I, с. 102].

Особый интерес представляет ответное письмо Чехова Е. И. Блонской (жене Д. Т. Савельева), выражавшей беспокойство о состоянии мужа после смерти матери: «...Вообще судьба держит себя мерзко по отношению к Вашему мужу, и он умно делает, что держит себя героем. Я уважаю в нем эту выносливость» [20, т. I, с. 105]. Завершая письмо, Чехов сообщает о скором отъезде Савельева в Таганрог, что свидетельствует о продолжающейся связи между семьями даже в этот трудный период.

Переписка между Д. Т. Савельевым и А. П. Чеховым позволяет реконструировать некоторые аспекты жизни молодого медика во время его пребывания в Таганроге. Как следует из писем, Д. Т. Савельев вместе с В. И. Зембулатовым активно участвовал в культурной жизни города, в частности посещал спектакли малороссийской труппы под руководством Кропивницкого. Особенно сильное впечатление на него произвела постановка «Наталки Полтавки», о чем он сообщает Чехову с выражением искреннего восторга: «Нет слов выразить восторга и того впечатления, какое я вынес от представления...» [16, с. 343–344].

Помимо культурных мероприятий, письма Д. Т. Савельева содержат сведения о его интенсивной подготовке к выпускным экзаменам. Как он сам отмечает: «...Проштудировал “Физиологию”, “Гистологию”, “Рецептуру” и даже “Токсикологию”» [16, с. 346]. В приписке к одному из писем супруга Савельева, Е. И. Блонская, обращается к Чехову с просьбой прислать недавно изданный сборник «Сказки Мельпомены», что свидетельствует о литературных интересах в их кругу общения.

Как явствует из переписки, особую значимость представляет письмо Д. Т. Савельева от 15 сентября, составленное в ответ на обращение А. П. Чехова. В данном документе Савельев выражает искреннюю удовлетворенность возможностью оказать другу даже незначительную, по его собственному признанию, услугу — напомнить городской управе о необходимости перечисления стипендиальных выплат за завершающуюся учебную треть. Особо подчеркивается факт отправки денежных средств 12 сентября [16, с. 347]. Данный эпизод демонстрирует не только финансовые аспекты жизни студентов того периода, но и систему взаимопомощи, сложившуюся между земляками.

После возвращения в Москву для завершения обучения на медицинском факультете Д. Т. Савельев столкнулся с существенным ухудшением материального положения. Как следует из его письма к А. П. Чехову от 30 ноября 1884 г., Савельев находился в крайне затруднительном финансовом состоянии и обращался к другу с просьбой помочь найти дополнительные источники дохода, выражая готовность работать даже за скромное вознаграждение в виде жилья и питания [16, с. 350–351]. В письме подробно описывается тяжелая экономическая ситуация семьи Савельевых. Его отец, получавший скромное жалованье в размере 50 рублей в месяц, смог перевести сыну лишь 25 рублей, оставив себе минимальную сумму в 5 рублей. При этом Савельев с тревогой отмечал, что его зависимость от отцовской помощи негативно отражается

на благосостоянии других членов семьи — двух сестер и младшего брата Коли, чьи условия жизни вследствие этих финансовых затруднений становились крайне тяжелыми [16, с. 350–351].

В год окончания университета эпистолярные источники свидетельствуют о тесных дружеских отношениях между А. П. Чеховым и Д. Т. Савельевым, которые проявлялись, в частности, во взаимной заботе о здоровье. Как следует из переписки, Савельев не только оказывал Чехову медицинскую помощь, но и сообщал о состоянии его здоровья своей супруге Е. И. Блонской (Савельевой). В новогоднем поздравлении, направленном Чехову, Блонская выражала обеспокоенность его самочувствием, связывая недомогание с чрезмерной учебной нагрузкой и призывая к более умеренному режиму занятий [16, с. X].

В ответном письме от 2 января 1885 г. Чехов благодарил за поздравление и проявленное участие, однако выражал сомнение в обоснованности утверждений об «усиленных занятиях» как основной причине нездоровья. Тем не менее, как показывают документальные свидетельства, интенсивная учебная и литературная деятельность действительно негативно отразилась на состоянии здоровья молодого писателя. В декабре 1884 г. у Чехова в течение трех дней наблюдалось кровотечение из горла, что он в письме к Н. А. Лейкину описывал как серьезное препятствие для профессиональной деятельности — невозможность писать и планировать поездки. При этом Чехов с характерной иронией отмечал неэффективность лечения, которое проводили его коллеги-медики, а причину кровотечения объяснял лопнувшим сосудом [20, т. I, с. 136].

Жизнь земского врача. Ольгенфельд. Станица Тифлисская Кубанской области. Согласно письму А. П. Чехова от 5 апреля 1887 г., во время своего пребывания в Таганроге писатель посетил Е. И. Савельеву, супругу своего бывшего сокурсника Д. Т. Савельева. Из описания следует, что семья проживала в крайне стесненных условиях — в ветхом флигеле на Конторской улице, где две небольшие комнаты вмещали две кровати и детскую колыбель [20, т. II, с. 60–62]. Чехов отмечал значительные перемены во внешности Савельевой, указывая на ее заметно похудевший вид и, вероятно, подавленное эмоциональное состояние, связанное с разлукой с мужем. Д. Т. Савельев в этот период проходил службу на Кавказе, где, по словам Чехова, вел холостяцкий образ жизни. Особое внимание в письме уделено их дочери, унаследовавшей отцовские черты характера — жизнерадостность и раннее развитие речевых

навыков [20, т. II, с. 60–62]. Дополнительные биографические сведения позволяют уточнить, что после рождения дочери Евгении (23 марта 1885 г.) в семье появилось еще двое детей — сыновья Сергей и Валентин. Примечательно, что Евгения Дмитриевна Савельева прожила долгую жизнь и скончалась лишь в 1963 г.

Согласно сохранившейся переписке, к 1888 г. семья Тимофея Савельевича Савельева возвратилась из Москвы в южные регионы России. В письме от 1 апреля 1888 г. А. П. Чехов, отвечая на полученное послание (содержание которого остается неизвестным), выражал благодарность за проявленное внимание и сообщал о планах посещения Ростова не ранее июня, отмечая при этом изменение первоначального намерения навестить Дмитрия (Митю) Савельева в апреле [20, т. II, с. 227]. Ответное письмо Тимофея Савельевича от 28 апреля 1888 г. содержит важные биографические сведения о профессиональной деятельности членов семьи. Дмитрий (Митя) Савельев занимал должность земского врача в Ростовском округе, однако испытывал значительную профессиональную нагрузку. Сам Тимофей Савельевич работал буфетчиком в таганрогской гостинице «Лондон», принадлежавшей купцу Кобылину. Остальные члены семьи были рассеяны по различным регионам России [16, с. 413].

После завершения обучения в университете Д. Т. Савельев получил назначение на должность врача в немецкую колонию Ольгенфельд (современный поселок Южный), расположенную вблизи Таганрога [6]. Согласно воспоминаниям его дочери, Евгении Дмитриевны Савельевой, в этот период семья поддерживала тесные связи с А. П. Чеховым. В своих мемуарах она отмечала, что Чехов, будучи близким другом ее отца, неоднократно посещал их в Ольгенфельде. Особое внимание в воспоминаниях уделяется увлечению писателя охотой во время этих визитов [2, с. 147].

После кратковременного пребывания в немецкой колонии Ольгенфельд, где Д. Т. Савельеву удалось некоторое время пожить совместно с семьей, последовало его новое назначение — в станицу Тифлисскую Кубанской области. Данный перевод повлек за собой очередную вынужденную разлуку с супругой и детьми, оставшимися в Таганроге. Следует отметить, что почтовая связь между этими населенными пунктами отличалась значительной продолжительностью — корреспонденция доставлялась в течение 9–12 дней.

Станица Тифлисская (современное название — Тбилисская, переименована в 1936 г.) занимает стратегически важное положение на

возвышенном правом берегу реки Кубани. Населенный пункт расположен в 100 километрах к северо-востоку от Екатеринодара (современный Краснодар), что определяло его значение как форпоста в системе казачьих поселений региона [7, с. 45]. Станица Тифлисская занимает особое место в культурно-историческом контексте Северного Кавказа, что подтверждается ее упоминанием в круге чтения А. С. Пушкина. Как отмечает кубанский исследователь Н. Веленгурин в монографии «Дорога к Лукоморью» [3], поэт во время своего пребывания на Кубани в 1820 г. проявлял глубокий интерес к казачьей истории и быту, что нашло отражение в его пометах на экземпляре книги генерал-майора И. Л. Дебу — участника военных кампаний на Кавказской линии в 1810–1816 гг.

Демографические данные свидетельствуют о значительном росте населения станицы Тифлисской в пореформенный период. Согласно статистическим источникам, в 1864 г. здесь проживало 2613 человек, включая 625 жителей хуторов. К 1894 г. численность населения увеличилась до 4906 человек, среди которых 1490 составляли иногородние. Наибольший демографический рост наблюдался к 1912 г., когда на территории станичного юрта насчитывалось 1119 дворов (включая хозяйства иногородних) с общим населением 7727 человек, в том числе 2091 иногородний [22, с. 468]. На период профессиональной деятельности Д. Т. Савельева в станице (конец 1880-х — начало 1890-х гг.) можно предположить следующие демографические показатели: общая численность населения — около 6000 человек; количество дворов — приблизительно 900. Особый интерес представляет сравнение с общероссийскими нормами организации земской медицинской помощи. Как отмечают исследователи, в 1905 г. типичный врачебный участок в земской России характеризовался следующими параметрами: радиус обслуживания — 16–17 верст; количество прикрепленного населения около — 25 000 человек [7, с. 422]. Однако, как и повсеместно в земской практике, местный врач сталкивался с характерными системными проблемами: чрезмерной нагрузкой (при меньшей абсолютной численности населения плотность расселения оставалась низкой), значительными расстояниями между населенными пунктами, сезонными затруднениями в передвижении (особенно в период распутицы), а также хроническим дефицитом медикаментов и ограниченными возможностями лекарственного обеспечения.

Как отмечают исследователи, хотя участковый принцип организации медицинской помощи с созданием стационарных учреждений был заложен в основу Земской реформы с самого начала, потребовалось око-

ло двадцати лет для его полномасштабной реализации как оптимальной модели земского здравоохранения [7, с. 422]. Прибытие Д. Т. Савельева в станицу Тбилисскую хронологически совпало с начальным этапом практического воплощения этой программы, направленной на обеспечение сельского населения Российской империи квалифицированной и систематической медицинской помощью. Данный период характеризовался как значительными достижениями в создании сети врачебных участков, так и объективными трудностями становления новой системы медицинского обслуживания в сельской местности. Период (1864–1890) в развитии земской медицины исследователи определяют как этап «разъездной системы оказания медицинской помощи» [7, с. 422], когда врачи были вынуждены постоянно перемещаться между пациентами. Эта практика, с одной стороны, позволяла охватить медицинским обслуживанием значительные территории, с другой, существенно ограничивала возможности оказания квалифицированной помощи из-за отсутствия стационарных учреждений и необходимого оборудования.

Профессиональная деятельность Д. Т. Савельева в станице Тифлисской сопровождалась существенными организационными сложностями. Помимо высокой нагрузки, связанной с необходимостью обеспечения медицинской помощью многочисленного населения, врач столкнулся с полным отсутствием необходимой материальной базы. В письме А. П. Чехову от 22 апреля 1889 г. Савельев отмечал крайне низкий уровень развития медицинского дела в регионе: «Медицинское дело совсем тут в зародыше...», — подчеркивая необходимость преодолевать многочисленные препятствия при полном отсутствии профессионального сообщества. Несмотря на эти условия, за полтора года работы ему удалось организовать аптеку и начать строительство небольшой больницы, что, как он отмечал, должно было облегчить работу его преемников [9, с. 117].

Эпистолярное наследие и документальные свидетельства демонстрируют глубокое взаимопонимание, сложившееся между Д. Т. Савельевым и А. П. Чеховым. А. П. Чехов, будучи практикующим врачом, обладал глубоким пониманием профессиональных трудностей, характерных для медицинского сообщества своей эпохи. В пьесе «Дядя Ваня» А. П. Чехов в образе земского врача Михаила Львовича Астрова раскрывает глубинные профессиональные и экзистенциальные кризисы, характерные для медицинских работников земской медицины. Монолог доктора Астрова, являющийся художественным обобщением чеховских

наблюдений, с документальной точностью передает условия труда: постоянная физическая и эмоциональная нагрузка («от утра до ночи все на ногах»), отсутствие личного времени («ни одного дня не было свободного»), эмоциональное выгорание («чувства как-то притупились») и профессиональные травмы (случай с умершим под хлороформом стрелочником) [21, т. XIII, с. 63–64]. Особое значение имеет описание работы во время эпидемии сыпного тифа, где А. П. Чехов через своего героя фиксирует антисанитарные условия сельской медицины: переполненные избы с больными, находящимися в одном помещении с домашними животными, полное отсутствие элементарных гигиенических условий.

В условиях земской медицины второй половины XIX в. врач зачастую мог рассчитывать лишь на помощь военного фельдшера, чья профессиональная подготовка и моральные качества оставляли желать лучшего. О несостоятельности таких «специалистов» красноречиво свидетельствуют как ранние чеховские рассказы «Хирургия» (1884) и «Сельские эскулапы» (1882), так и более позднее произведение «Неприятность» (1888).

В последнем из названных рассказов земский врач Григорий Иванович Овчинников оказывается в безвыходном положении: он лишен возможности уволить некомпетентного фельдшера, несмотря на полное осознание его профессиональной непригодности. В отчаянии герой восклицает: «Да разве я могу его прогнать? Вы тут сидите и думаете, что в больнице я у себя хозяин и делаю все, что хочу! Удивительно, как вы все рассуждаете! Разве я могу прогнать фельдшера... <...> Что я могу сделать, если земство ставит нас, врачей, ни в грош, если оно на каждом шагу бросает нам под ноги поленья?» [21, т. VII, с. 153].

Эта реплика отражает системную проблему: административная беспомощность врачей усугублялась равнодушием земств, которые не обеспечивали медицинские учреждения квалифицированными кадрами.

Даже мировой судья, персонаж того же рассказа, признает, что замена одного фельдшера другим не решит проблему, поскольку уровень подготовки и нравственности этих «средних людей» — тех, кто «ушел от народа, но не дошел до интеллигенции», оставался крайне низким:

«Прогоните, а на его место сядет другой такой же, да еще, пожалуй, хуже. Перемените вы сто человек, а хорошего не найдете... Все мерзавцы <...> С этим злом надо мириться. Я должен вам сказать, что в настоящее время честных и трезвых работников, на которых вы можете положиться, можно найти только среди интеллигенции и мужиков, то есть среди

двух этих крайностей — и только. <...> Весьма трудно поэтому найти честного и трезвого фельдшера, писаря, приказчика и прочее. Чрезвычайно трудно!» [21, т. VII, с. 154].

Таким образом, чеховские произведения не просто фиксируют бытовые зарисовки медицинской практики, но и вскрывают глубинные социальные противоречия, обусловленные недостатком образованных кадров и неэффективностью управленческих механизмов в земской медицине.

Из станицы Тифлисской Кубанской области Д. Т. Савельев регулярно писал Чехову и передавал просьбы станичников о высылке его произведений с наложенным платежом. Так, в письме от 17 января 1889 г. Савельев отмечал, что с радостью следит за творческими достижениями школьного друга, хотя и вынужден узнавать о них лишь из газет: «Никак не могу нарадоваться твоим успехам на литературном поприще, о каковых приходится узнавать только лишь по рецензиям в газетах». Одновременно он передал просьбу их общей знакомой А. И. Пеховской, также проживавшей в станице, выслать ей полное собрание сочинений Чехова. Помимо этого, Савельев просил прислать для себя несколько практических изданий: «Руководство по свекловодству», «Руководство к изучению стенографии», а также два настенных календаря Н. П. Карбасникова. В завершение письма он поздравил Чехова с именинами, выразив пожелание, чтобы в наступающем году писатель был удостоен не скромной академической премии в 500 рублей, а гораздо более значительной суммы — 5000 рублей.

4 февраля 1889 г. А. П. Чехов посетил книжный магазин «Нового времени», располагавшийся на Неглинном проспекте. Целью визита стало выполнение просьбы своего корреспондента Д. Т. Савельева, обратившегося к писателю с просьбой о приобретении определенных изданий. Как следует из ответного письма Чехова от того же числа, магазин А. С. Суворина обязался отправить заказанные Савельевым книги (включая «Руководство по свекловодству» и «Руководство к изучению стенографии») и календари Н. П. Карбасникова 6 февраля [20, т. III, с. 142]. В том же письме Чехов сообщает, что не может в полной мере удовлетворить просьбу их общей знакомой А. И. Пеховской, желавшей получить все его произведения. Писатель объясняет это тем, что два сборника — «В сумерках» и «Рассказы» — полностью распроданы и в данный момент готовится их переиздание. Чехов заверяет, что как только новые тиражи будут отпечатаны, он незамедлительно выполнит просьбу Пеховской [20, т. III, с. 141–143].

Особый интерес представляет содержащееся в письме приглашение, которое Чехов адресует Савельеву. Писатель, планировавший снимать дачу в имении Линтваревых под Сумами (Полтавская губерния), предлагает другу провести вместе неделю на летнем отдыхе. В этом предложении звучат ностальгические ноты: «Не захочешь ли пожить у меня недельку на даче? Я был бы рад, а семья и подавно. Старину бы вспомнили» [20, т. III, с. 141–143].

В ответном письме от 22 апреля 1889 г. Д. Т. Савельев выражает благодарность Чехову за оказанное внимание и подтверждает получение ранее заказанных книг. При этом корреспондент высказывает сожаление по поводу затянувшегося процесса переиздания чеховских произведений, на что ранее ссылался писатель, объясняя невозможность сразу выполнить просьбу их общей знакомой А. И. Пеховской [9, с. 117].

Савельев подтверждает свое намерение принять приглашение посетить чеховскую дачу в Полтавской губернии, однако ставит это в зависимость от предварительного визита самого писателя в Тифлисскую станицу в начале июня. В шутилой форме он обыгрывает географический выбор Чехова, проводя параллель с Н. В. Гоголем, также связанным с Полтавщиной: «Нет ли чего символического в твоём намерении поселиться на даче в Полтавской губернии? Не хочешь ли ты сделаться Гоголем в конце концов, после того как тебя Григорович сравнил с Тургеневым, а “Неделя” — со Л. Толстым?» [9, с. 117]. В письме содержится просьба практического характера. Савельев передает убеждение своего товарища Рахлина в том, что Чехов, благодаря своим петербургским связям с влиятельными лицами, мог бы помочь с получением выгодной должности. Он настоятельно рекомендует писателю иметь это в виду и по возможности содействовать трудоустройству: «...если это так, то наматай себе это на ус и постарайся снабдить местечком...» [9, с. 117].

Д. Т. Савельев посылал к А. П. Чехову своих знакомых, и Чехов не отказывал тем, кто приезжал к нему по рекомендации друзей. Как свидетельствуют эпистолярные источники, Чехов, как правило, не отказывал таким просителям. Характерный пример подобного взаимодействия зафиксирован в ноябре 1891 г., когда к писателю обратился воронежский учитель И. С. Греков. В письме от 4 ноября 1891 г. Греков, ссылаясь на рекомендацию их общего знакомого Д. Т. Савельева, просил Чехова оценить его литературные опыты. В своем обращении Греков использовал эмоциональную формулировку: он не просто про-

сил, но умолял писателя не отказать в помощи, подчеркивая, что готов при необходимости приехать в Москву или выслать рукописи почтой [11, с. 78]. Чехов отреагировал на просьбу положительно, выразив готовность ознакомиться с произведениями Грекова. Однако, как следует из последующих воспоминаний самого просителя, реализовать этот план не удалось из-за внезапно возникших обстоятельств, вынудивших его срочно покинуть Москву [9, с. 352–353].

Продолжение медицинского служения в Области Войска Донского. Переписка А. П. Чехова с Д. Т. Савельевым позволяет проследить профессиональный путь последнего как земского врача. В письме от 11 февраля 1893 г. Чехов сообщает И. И. Островскому о судьбах их общих знакомых: Савельев служит земским врачом в Области Войска Донского, а Зембулатов работает врачом на Курской железной дороге [20, т. V, с. 169–170].

Зимой 1895/1896 гг. Савельев провел рождественские каникулы в Мелихове, что зафиксировано в дневнике П. Е. Чехова. Записи отмечают его приезд 27 декабря 1895 г. при температуре -10°C и отъезд 29 декабря в более сильный мороз (-18°C утром) [13, с. 128]. 1 января 1896 г. Савельев отправился в Таганрог после новогодней службы в церкви села Васькино [13, с. 130].

Весенняя переписка 1896 г. содержит характерные бытовые детали. 8 апреля Чехов в шуточной форме откладывает поездку на юг, ссылаясь на слухи о «лютой зиме» [20, т. VI, с. 137]. Савельев в ответном письме от 24 апреля, написанном из Ростова-на-Дону, описывает весеннее пробуждение природы и приглашает Чехова посетить его в начале мая [12, с. 397].

Справочник «Вся Область Войска Донского на 1900 год» зафиксировал Савельева в должности земского врача 2-го участка в слободе Больше-Крепинской [16, с. 610–611]. Однако к 1903 г. в письмах звучат ноты профессионального разочарования. 14 августа Чехов выражает готовность помочь старому другу, вспоминая о несостоявшейся встрече [19, т. XI, с. 240]. В ответном письме от 4 сентября Савельев, описывая свою дочь, окончившую гимназию и готовящуюся к замужеству, приглашает Чехова отведать домашней вишневки [16, с. 665].

Особый интерес представляют жалобы Савельева на условия земской службы. Он характеризует 18-летнюю практику как «донкихотство», отмечая перегруженность (до 90 амбулаторных больных в день) при от-

сутствии перспектив профессионального роста [1, с. 35]. Как отмечает сам Д. Т. Савельев, эти свидетельства перекликаются с образами врачей в чеховской прозе («Чайка», «Дядя Ваня»), демонстрируя типичные проблемы земской медицины.

В эпистолярном наследии Д. Т. Савельева особого внимания заслуживает его подробное описание условий земской врачебной практики в Малоярославце. В письмах Чехову он сообщает, что занимает должность заведующего уездной земской больницей на 40 коек с ежедневным амбулаторным приемом, нагрузка на который в праздничные дни достигает 90 пациентов, а месячный показатель превышает 1000 посещений. Несмотря на формальное признание его заслуг со стороны руководства, Савельев с горечью констатирует непосильный характер такой работы, ведущей к профессиональному выгоранию [1, с. 35].

Параллельно с профессиональными трудностями в переписке раскрываются и личные обстоятельства земского врача. С тоской он пишет о вынужденном одиночестве в «убогой квартире», в то время как его семья осталась в Таганроге. Единственным светлым событием в этот период становится известие об успешном окончании таганрогской гимназии дочерью и ее замужестве с учителем Е. Д. Руокко [1, с. 35].

Последнее известное письмо Савельева к Чехову датировано 4 февраля 1904 г. Вернувшись в родные места, он приглашает писателя на благотворительный спектакль в пользу Красного Креста, где сам принимал участие. В этом приглашении звучит ностальгическое желание вместе вспомнить юность. Однако тяжелое состояние здоровья Чехова сделало эту встречу невозможной [1, с. 35].

Смерть Д. Т. Савельева, последовавшая через пять лет после кончины А. П. Чехова (15 июля 1904 г.), была зафиксирована в некрологе, опубликованном 16 февраля 1909 г. в газете «Таганрогский вестник». Как свидетельствует автор заметки — врач П. Черевков, Савельев скончался в слободе Амвросиевке, заразившись сыпным тифом при исполнении профессиональных обязанностей [18, с. 3].

Некролог представляет значительный интерес для исследователей истории земской медицины, поскольку содержит важные биографические сведения и характеристику профессиональной деятельности покойного. Согласно тексту, вся жизнь Савельева прошла в сельской местности среди крестьянского населения. Автор подчеркивает, что только искренняя преданность медицинскому делу и сострадание к пациентам могли мотивировать врача работать в тяжелых условиях провинциаль-

ной глубинки, сопряженных с материальными лишениями и интеллектуальной изоляцией [18, с. 3].

Особое внимание в некрологе уделено профессиональным и личностным качествам Д. Т. Савельева. Отмечается его отзывчивость, простота в общении и доступность для пациентов. Подчеркивается самоотверженность, с которой врач, невзирая на усталость и собственное недомогание, спешил на помощь больным. Несмотря на тяжелые условия работы, включавшие постоянные разъезды и борьбу с эпидемиями, Савельев сохранял жизнерадостность и профессиональный энтузиазм [18, с. 3].

Трагизм ситуации, по мнению автора некролога, усугублялся тем, что, погибнув «еще полным сил и здоровья», земский врач не оставил никаких средств для содержания семьи. Особой критике подвергается позиция Донского земства, не предусматривавшего пенсионного обеспечения ни для самих врачей, ни для их семей [18, с. 3].

Публикация некролога в официальном издании «Таганрогский вестник» свидетельствует о значительном общественном статусе Д. Т. Савельева в регионе. Сам факт появления пространного материала, посвященного кончине земского врача, в ежедневной политико-общественной газете указывает на признание его заслуг перед местным сообществом [18, с. 3].

Особую драматичность ситуации придавали обстоятельства гибели медицинского работника — смерть от сыпного тифа, полученного при исполнении профессиональных обязанностей в период эпидемии. Этот трагический случай актуализировал в общественном сознании вопрос о социальной защите медицинских работников, рискующих жизнью при оказании помощи населению [18, с. 3].

Анализ текста некролога позволяет реконструировать социальные ожидания от представителей медицинской профессии в начале XX в. В созданном автором образе идеальный врач предстает как бескорыстный подвижник, готовый жертвовать личным комфортом и безопасностью ради помощи пациентам. Однако подтекст публикации содержит и горькую иронию: общество требовало самоотверженного служения, но не обеспечивало даже минимальных социальных гарантий, как отмечает автор, Донское земство не предусматривало пенсионного обеспечения для семей погибших медиков [18, с. 3].

Эта ситуация находит параллели в литературных образах чеховских героев-врачей. В частности, земской врач Кирилов из рассказа «Враги»

(1887) и доктор Дымов из «Попрыгуни» (1891) воплощают тот же тип медицинского работника, ставящего профессиональный долг выше личных интересов. Сходство литературных образов и реальной биографии Д. Т. Савельева подчеркивает типичность описываемой социальной проблемы для российской провинции конца XIX — начала XX в. [18, с. 3].

Послесловие. Евгения Дмитриевна Савельева — та самая дочь, о которой А. П. Чехов с теплотой писал в письме от 5 апреля 1887 г., отмечая, что она «вся в папеньку: много смеется и уже прекрасно говорит», впоследствии стала женой Евгения Давидовича Руокко и жила в Киеве [4, с. 50].

Ценные биографические сведения о судьбе дочери Д. Т. Савельева содержатся в ее письме к М. П. Чеховой от 1953 г., впервые опубликованном А. Г. Головачевой. Из документа следует, что к 1953 г. семья Евгении Дмитриевны проживала в Молотове (ныне Пермь). В письме сообщается, что из таганрогской ветви Савельевых, помимо автора письма, в живых оставался ее брат Валентин. Особый интерес представляет упоминание о шестилетнем правнуке Мите, который уже в столь юном возрасте проявлял интерес к творчеству Чехова [4, с. 50].

Военный период семья Руокко провела в эвакуации на Урале, где оба супруга работали учителями. Евгения Дмитриевна преподавала русскую литературу, уделяя особое внимание творчеству А. П. Чехова — читала лекции о его произведениях и ставила с учениками одноактные пьесы писателя [4, с. 50].

Ответное письмо М. П. Чеховой от 26 ноября 1953 г. содержит важные биографические детали: «Я хорошо знала Вашего отца. Он жил у нас в Москве в годы студенчества в качестве пансионера в нашей семье». Однако в отношении просьбы о новых сведениях об Антоне Павловиче сестра писателя отмечала: «Мне трудно выполнить: уж очень много написано о нем и в трудах чеховедов, и в различных воспоминаниях» [4, с. 50].

Дружеские отношения между А. П. Чеховым и Д. Т. Савельевым, как свидетельствуют архивные материалы, сохранялись на протяжении всей жизни, невзирая на превратности судьбы. В этом контексте особый интерес представляет чеховское признание в письме к А. С. Суворину: «Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей. Отсюда следует, что если завтра мы в глазах добрых знакомых покажемся обыкновенными смертными, то нас перестанут любить, а будут только сожалеть» [20,

т. 3, с. 78]. Д. Т. Савельев принадлежал к тем редким людям, которые ценили в Чехове не только выдающегося писателя, но и простого человека — одноклассника, сокурсника и верного друга [4, с. 50].

Использованная литература:

1. *Алферьева А. Г.* Таганрогское окружение Чехова: Д. Т. Савельев // Вехи Таганрога. 2010. № 41–42. С. 33–35.
2. *Бондаренко И. И.* Следы его жизни. Книга о Чехове. Ростов н/Д. : Ростовское кн. изд-во, 1992. 184 с.
3. *Веленгурин Н.* Дорога к Лукоморью. Краснодар : Краснодарское кн. изд-во, 1976. С. 37–38.
4. *Головачева А. Г.* Таганрожцы: истории и судьбы (по материалам Дома-музея А. П. Чехова в Ялте) // А. П. Чехов: пространство природы и культуры : сб. матер. междунар. науч. конф. (Таганрог, 11–14 сентября 2013 г.). Таганрог : Лукоморье, 2013. С. 45–51.
5. *Горелова Л. Е., Суровцева Т. И.* Роль медицинского факультета Императорского Московского университета в развитии земской медицины // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 2. С. 52–54.
6. *Граур О. В., Куликов В. А.* История и этнография немецких поселений в Таганрогском округе // Вехи Таганрога. 2005. № 26. С. 8–10.
7. *Губанова Г. В., Шеметова Г. Н., Рябошапка А. И.* От земских традиций к современной общей врачебной практике (обзор) // Саратовский научно-медицинский журнал. 2016. Т. 12. С. 421–428.
8. *Катаев В. Б.* Чехов и Московский университет // А. П. Чехов — воспитанник Московского университета. М. : ИПО «У Никитских ворот» ; изд-во «Литературный музей», 2015. С. 3–27.
9. *Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Том второй. 1889 — апрель 1891.* М. : ИМЛИ РАН, 2004. 824 с.
10. *Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Том первый. 1860–1888.* М. : Наследие, 2000. 512 с.
11. *Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Том третий. Май 1891–1984.* М. : ИМЛИ РАН, 2009. 624 с.
12. *Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Том четвертый. Книга первая. 1895–1896.* М. : ИМЛИ РАН, 2016. 712 с.
13. *Мелиховский летописец: Дневник Павла Егоровича Чехова.* М. : Наука, 1995. 267 с.
14. *Россолимо Г. И.* Воспоминания о Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1986. С. 428–438.

15. Сорокина Т. С. Земская медицина — приоритет России // Земский врач. 2010. № 1. С. 7–10.
16. Таганрог и Чеховы. Таганрог : Лукоморье, 2003. 732 с.
17. Трахтенберг Л. А. Общественная жизнь Москвы в 1879–1884 годах // А. П. Чехов — воспитанник Московского университета. М. : ИПО «У Никитских ворот» ; изд-во «Литературный музей», 2015. С. 28–78.
18. Черевков П., врач. Памяти врача Д. Т. Савельева // Таганрогский вестник. 1909. № 43. С. 3.
19. Чехов М. П. Вокруг Чехова. Е. М. Чехова. Воспоминания. М. : Худож. лит., 1981. 335 с.
20. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. М. : Наука, 1974–1983.
21. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. М. : Наука, 1974–1983.
22. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар : Эдви, 1997. 560 с.

Olga V. SPACHIL,

Cand. Sci. (Languages of the Peoples of Foreign Countries
(Germanic Languages)), Assoc. Prof., Kuban State University, Krasnodar,
Russia, spachil.olga0@gmail.com

**Materials for the Biography of Dmitriy T. Savelyev,
Zemstvo Doctor, Friend of Anton P. Chekhov**

The paper is dedicated to Dmitry T. Savelyev (1857–1909), a classmate of Anton P. Chekhov, a graduate of the Taganrog gymnasium, and a fellow student at Moscow University. Zemstvo doctor, he served in the German colony of Olgenfeld, stantitsa Tiflisskaya, Kuban oblast, in the settlement of Bolshe-Krepinskaya, Taganrog district, Maloyaroslavets; died during a typhus epidemic in the village of Amvrosievka, Taganrog District. The friendship of D. T. Savelyev with A. P. Chekhov lasted until death separated close comrades. The fate of D. T. Savelyev is a vivid example of the hardships, deprivations, and instability that an ordinary zemstvo doctor went through at the turn of the 19th–20th centuries in the Russian Empire. Close relations with A. P. Chekhov and his family made it possible to find a number of materials about D. T. Savelyev in the extensive literature about the writer.

Keywords: Anton P. Chekhov, Dmitriy T. Savelyev, Taganrog Alexander Gymnasium, Faculty of Medicine of the Imperial Moscow University, stanitsa Tiflisskaya, Kuban oblast, zemstvo doctors.

Н. Л. Шурик*

Альбом «Ейск в 1918 году» как отправная точка в реконструкции биографии русского художника-педагога Сергея Николаевича Гросицкого**

В статье на основе архивных документов, музейных экспонатов и других источников предпринимается попытка реконструкции биографии Сергея Николаевича Гросицкого — забытого русского художника, выпускника Строгановского училища, члена Московского общества художников «Жар-цвет», педагога, работавшего на Кавказе в конце XIX — первой четверти XX в.

Ключевые слова: Российская империя, русская живопись и акварель в конце XIX — первой четверти XX в., художественное образование до 1917 г., художник Сергей Николаевич Гросицкий, комета Галлея, Батум, Армавир, учебные заведения на Кавказе, Общество для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета, Московское общество художников «Жар-цвет».

В Государственном каталоге музейного фонда РФ (далее Госкаталог) под № 52723361 значится альбом с акварельными миниатюрами (рис. 1), подписанными художником С. Гросицким. Данный экспонат под названием «Альбом С. Гросицкого» находится в фондах Ейского историко-краеведческого музея имени В. В. Самсонова (инвентарный номер ХГ-148). В этот старинный альбом с фотографиями, по всей вероятности еще в дореволюционное время, были вклеены миниатюрные акварели размером (согласно данным Госкаталога) 8,5×3,5 см, датированные 1918 г. На титульном листе альбома имеется название «Город Ейск в 1918 году. Акварели С. Гросицкого» (рис. 2).

Пятнадцать миниатюр, за исключением одного натюрморта с надписью из молитвы «Отче наш», содержат изображения видов Ейского залива, уголков Ейска, нехитрого быта местного населения. Все работы художника отличаются тонкостью рисунка и колористического исполнения.

* ШУРИК Наталья Леонидовна, кандидат исторических наук, директор галереи искусств «Кубань в лицах», Краснодар, Россия, lasta1966@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 277–278. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

Рис. 1. Альбом «Ейск в 1918 году», обложка.
Ейский историко-краеведческий музей имени В. В. Самсонова. Фото автора

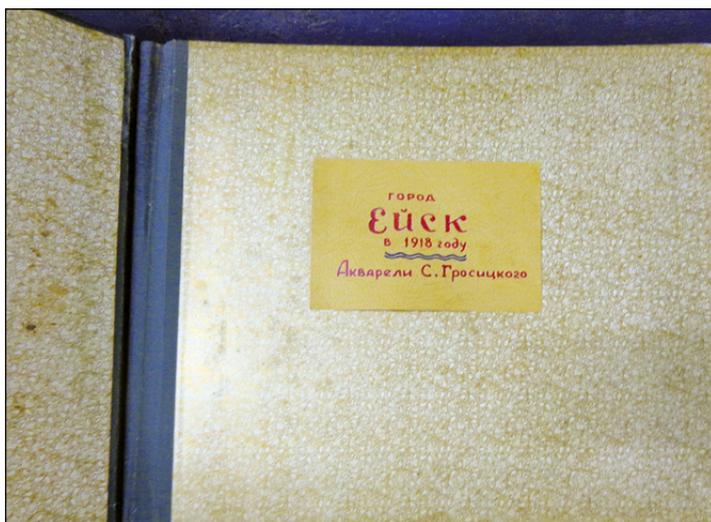

Рис. 2. Альбом «Ейск в 1918 году», титульный лист.
Ейский историко-краеведческий музей имени В. В. Самсонова. Фото автора

Впервые акварели С. Гросицкого были опубликованы известным ученым, уроженцем и исследователем Ейска Евгением Александровичем Котенко (1930–2012) в его книге, посвященной основателю города графу М. С. Воронцову [9].

Обращение в Ейский музей 14 лет назад с целью узнать сведения об авторе акварельных работ не дало результатов. Никто из музейных сотрудников не смог пояснить что-либо о художнике, но сообщили сведения о времени и обстоятельствах поступления альбома. Он был куплен на местном блошином рынке известным ейским врачом А. Я. Вейнбергом в 1930-е гг., находился в его собрании, а после кончины коллекционера подарен музею его дочерью.

Два года назад на сайте двух московских аукционных домов появились схожие с ейскими акварели и несколько живописных произведений с видами Ейска, Керчи, Коктебеля, Ялты, Батума. На них была та же подпись «С. Гросицкий». Как пояснили работники одного из аукционных домов, все предложенные произведения происходят из семьи художника, а точнее были выставлены вдовой племянника супруги Сергея Николаевича Гросицкого. Позже удалось установить, что работы были выставлены родственниками второй жены художника.

Какую информацию удалось получить у наследницы работ через посредничество аукционного дома? Во-первых, полные данные имени живописца — Сергей Николаевич Гросицкий. Во-вторых, о том, что Сергей Николаевич, как и его родной брат Николай, были выпускниками Императорского Московского технического училища. Информация относительно образования, как оказалось позже, была ошибочной. К сожалению, до сих пор она сопровождает все работы С. Н. Гросицкого в сети Интернет.

Удалось узнать также год и место кончины Сергея Николаевича — 1933 г., Москва, и то, что художник похоронен на Ваганьковском кладбище. Наследница (имя ее осталось неизвестным) поделилась также семейным фотоархивом. Это фотографии художника и его второй супруги Гросицкой Александры Алексеевны (урожденной Любимовой). Из этого источника стало известно, что на рубеже веков художник проживал на Кубани в Армавире. И то, что он был одним из первых радиолюбителей в России, а также то, что ему удалось зарисовать пролеты кометы Галлея в мае 1910 г.

Подтверждение этой информации пришлось искать в технической литературе. В книге В. В. Рюмина, инженера-технолога и редактора

журнала «Электричество и жизнь», под названием «Чудеса современной электротехники» есть указание на то, что обложку и работы, использованные в качестве иллюстраций, выполнил С. Н. Гросицкий [11]. Книга вышла при жизни художника в 1916 г. в Николаеве. Это было солидное 256-страничное издание. Второе дополненное переиздание книги последовало через год, что, вероятно, можно объяснить ее большой популярностью. В ней С. Н. Гросицкому была отведена та же роль [12].

О том, что С. Н. Гросицкий запечатлел комету Галлея именно в небе над Армавиром, можно узнать в книге уже позднего советского времени Н. А. Беляева, К. И. Чурюмова «Комета Галлея и ее наблюдение» [1, с. 113]. В ней опубликованы две работы С. Н. Гросицкого, изображающие, как следует из подписей, пролеты кометы Галлея над Армавиром 8 мая и 13 мая 1910 г. Впрочем, армавирский историк и краевед С. Н. Ктиторов считает, что комета запечатлена С. Н. Гросицким не над Армавиром. Где именно это произошло — требует уточнения.

Известно, что, кроме Сергея Николаевича, ее пролет смогли зарисовать и другие художники, но в Крыму: М. В. Васнецов, сын В. М. Васнецова в Ялте, К. Д. Покровский в Алушке и Ялте, С. И. Белявский в Симеизе.

Как С. Н. Гросицкий оказался на Кубани в Армавире? Информацию об этом удалось обнаружить в Государственном архиве Краснодарского края (далее ГАКК) в фонде под номером 427 под названием «Смотритель училищ в войске Черноморском Дирекции училищ Кавказской области и коллекция документов попечителя Кавказского учебного округа». В нем содержится 2099 дел за 1807–1919 гг.

Из них удалось узнать, что в 1898 г. к управляющему Кавказским учебным округом К. П. Яновскому поступило ходатайство некоего Н. Зверева. Ходатайство касалось устройства на работу в одно из учебных заведений Батума на должность учителя чистописания, черчения и рисования выпускника Строгановского центрального училища технического рисования (относилось к ведомству Министерства финансов) Сергея Николаевича Гросицкого (диплом № 874). Таким образом, мы находим опровержение информации о том, что художник окончил Императорское Московское техническое училище.

В упомянутом ходатайстве о молодом выпускнике Н. Зверев пишет, что знает его с «очень хорошей стороны». В одном из документов ГАКК мы узнаем год рождения Сергея Николаевича — 1876 [5, л. 21 об.], а также информацию о времени окончания учебного заведения — 1898 г.

[5, л. 4 об.]. Далее из документов ГАКК узнаем о том, что с этого же года Гросицкий был принят на работу и преподавал в качестве учителя чи-стописания, черчения и рисования в Батумском ремесленном училище, работал в Батумском женском Мариинском училище, а также Батумской мужской гимназии. В документах есть характеристика на С. Н. Гросицкого, данная директором одного из учебных заведений Л. Семеновым (вероятно, ремесленного училища): «Как преподаватель он заслуживает всяческой похвалы, преподавание рисования поставлено им образцово» [5, л. 24 об.].

Тем не менее после девяти лет работы в Батуме семья Гросицких вынуждена была сменить место жительства и переехать в Армавир. Переезд был обусловлен дороговизной жизни в Батуме и тем, что художник узнал, что как совместитель он будет уволен из Батумской мужской гимназии. Об этом имеется информация в одном из писем Гросицкого, датированных 1906 г., на имя попечителя Кавказского учебного округа [5, л. 21]. Но поводом к отъезду была попытка учинить скандал материю одной из воспитанниц. Случилось это в 1907 г. Она обратилась к начальнице Батумского Мариинского училища с утверждением, что учитель Гросицкий делал ее дочери непристойные предложения. Руководством Кавказского учебного округа инспектору народных училищ Мачавариани было поручено проведение тщательного расследования, которое доказало невиновность Сергея Николаевича [5, л. 24]. И все же С. Н. Гросицкий уезжает на Кубань.

Уже с 1 сентября 1907 г. он был принят на работу учителем рисования в Армавирскую мужскую гимназию. Документов армавирского периода в ГАККе немного. Зато имеются очень интересные воспоминания об учителях Армавирской мужской гимназии одного из воспитанников — Александра Васильевича Чернова. Вот как тепло он вспоминает своего учителя: «Сергей Николаевич Гросицкий запомнился мне лучше других. Будучи сам художником-акварелистом, он ежегодно на каникулах уезжал в разные места: на море, в горы, в среднюю полосу России, и привозил осенью хорошие новые этюды. Свои этюды он сам заправлял под стекло и окантовывал. Весь низ одного из шкафов в рисовальном классе был занят его работами. Свои этюды он показывал редко и только избранным ученикам...». Среди них был и автор воспоминаний. Он также описывает кабинет рисования: «Сергей Николаевич организовал рисовальный класс по образцу классов художественных училищ. На полках, выступавших одна над другой, покрытых серой тканью, стояли самые

разнообразные предметы натюрморта: кувшины, горшки, чашки, вазы, искусственные цветы, гипсовые головы, руки, ноги, уши, носы, настоящие черепа человека и лошади, стоял целый человеческий скелет и многое другое... Для старших учеников в углах стояли приготовленные для натюрмортов статуэтки на фоне цветных покрывал с красивыми складками, живые цветы и т. п. Для любителей лепки были специальные столики с карнизами, в ящиках размоченная серая глина. Скульптурные работы были накрыты тряпками, чтобы не высохли до окончания. Сергей Николаевич учил, как надо делать алебастровые формы с готовых скульптур, как разрезать их и отливать в формах гипсовые скульптуры... Начиная с четвертого класса я и Лева Попов стали постоянными посетителями рисовального класса и серьезно относились к урокам рисования» [2]. Отношение к ученикам у Гросицкого было доверительным. Ученики чувствовали это его добросердечие и тянулись к нему: «Времени, отведенного на уроки рисования, нам было недостаточно. Учитель доверял нам ключ от рисовального класса, и мы с Левой могли ходить туда в любое свободное время. Мы бывали там не только на большой перемене и на “пустых” уроках, но и пропускали некоторые уроки, особенно Закон Божий...» [2].

Надо отметить, что ученик Сергея Николаевича Гросицкого повествует о событиях, происходивших в Армавирской гимназии с 1912 по 1917 г., а его тесное общение с учителем рисования пришлось на 1916–1917 учебный год. Он пишет в своих воспоминаниях: «Свержение самодержавия и Февральская революция застали нас в пятом классе гимназии... Зимой 1917–1918 гг., когда белые начали наступление на Северный Кавказ, я уехал из Армавира в Георгиевск» [2].

От времени преподавания на Кубани в фондах Армавирского краеведческого музея сохранился дружеский шарж С. Н. Гросицкого на коллег-преподавателей Армавирской мужской гимназии, исполненный им в 1913 г. (номер в Госкаталоге 35674554).

Итак, вероятнее всего, Гросицкий проработал в Армавире как минимум до Октябрьского переворота, т. е. не менее 10 лет. Об этом косвенно свидетельствует и его «Ейский альбом» 1918 г. В это время летом он посетил Ейск, занятый белогвардейцами. Здесь он запечатлел тихую неспешную жизнь старой провинциальной России, корабли с андреевским флагом на флагштоке. Только они у пристани ейского порта и привносят некоторое движение в размеренную жизнь города, далекого от революционных столиц.

С 1 сентября 1911 г. за успехи в преподавательской работе в течение значительного времени С. Н. Гросицкий был переведен из коллежских ассессоров в надворные советники, о чем есть публикация в официальном издании империи — «Сенатских ведомостях» [13, с. 747]. Других каких-либо более поздних документов о кубанском периоде жизни С. Н. Гросицкого отыскать не удалось.

Революционный вихрь пронесся и над семьей Сергея Николаевича. Его дочь, о которой нам достоверно известно из документов ГАКК, Юлия Сергеевна (в замужестве Терентьева) (1902–1969) оказалась в эмиграции в Париже. О ее матери и первой жене художника известно немного. Например, что звали ее Мария Яковлевна Гросицкая. Известно также, что в батумский период жизни в 1907 г. она обучалась на акушерских курсах в Москве [5, л. 24–24 об.].

Не исключено, что история с ученицей в Батумском Мариинском училище могла повлиять на отношения в семье Гросицких. На эту мысль наталкивает тот факт, что в годы, когда С. Н. Гросицкий жил и работал в Армавире, его супруга жила в Москве. Информацию об этом удалось найти в адресных книгах Москвы, где она обозначена как акушерка [3, с. 669; 4, с. 1920]. Самый поздний документ с именем Марии Яковлевны Гросицкой, который удалось обнаружить, — это заметка в журнале «Новый зритель» за 1924 г., в которой она упоминается уже в качестве дипломированного косметолога на Кавказских Минеральных Водах [14, с. 10].

О жизни самого С. Н. Гросицкого в послереволюционные годы можно судить пока только по сохранившимся акварельным работам и небольшому числу этюдов, исполненных маслом. Второй половиной 1920-х гг. датированы его крымские работы. В эти годы он побывал в Керчи, Коктебеле, Ялте. Возможно, что именно в этих поездках он познакомился с жившими тогда в Крыму М. А. Волошиным и К. Ф. Богаевским, художниками московского объединения «Жар-цвет». В 1929 г. С. Н. Гросицкий принимал участие в последней выставке этого объединения.

Достоверно известно о двух адресах проживания художника в Москве. В документах ГАКК есть один из них — собственноручно написанный: «Москва. грузины. тупик. дом Сумбул» [5, л. 4 об.]. Это дом, в котором родилась бабушка Сергея Николаевича — Елизавета Николаевна Гросицкая (урожденная Сумбул) (1824–1909). Об этом уникальном доме и семье Сумбул долгие годы собирал архивные документы

двоюродный племянник Сергея Николаевича Константин Борисович Гросицкий, любезно поделившийся ими для этой статьи. Знакомство в 2024 г. с «летописцем» семей Сумбул и Гросицких (как по-доброму называют Константина Борисовича родственники) и получение от него огромного массива документов и материалов значительно продвинули исследование жизни С. Н. Гросицкого.

Дом в упомянутой выше Грузинской слободе столицы построил дед Е. Н. Гросицкой по отцу, первый из Сумбулов в Москве — Яков (Асан) Антонович Сумбул (1742–1822). Елизавета Николаевна вышла замуж за овдовевшего Леона Феликсовича Гросицкого (1800–1859). В этом браке родилось трое детей, в том числе отец С. Н. Гросицкого — выпускник и кандидат юридического факультета Императорского Московского университета (далее ИМУ), в будущем коллежский секретарь, московский судебный следователь, прокурор города Владимира с 1869 г., Николай Леонович (1847–1881).

Овдовев, Елизавета Николаевна вернулась в дом отца с детьми, старшему из которых Николаю было на тот момент 12 лет (18). Отец С. Н. Гросицкого прожил всего 34 года, оставив жену Марию Сергеевну (урожденную Александрову) с четырьмя малолетними детьми — погодками Елизаветой, Сергеем и Николаем шести, пяти и четырех лет. Младшей Софии, когда не стало отца, был всего год. Это объясняет, почему Сергей Гросицкий жил в родовом доме у Пресненских прудов у бабушки Елизаветы Николаевны. Отсюда, будучи выпускником Строгановского училища, он уезжал на Кавказ в Батум.

В семейном архиве К. Б. Гросицкого хранится копия свидетельства на получение дворянского титула Сергеем Николаевичем на основании дворянского титула отца. Подал он заявление на получение дворянства довольно поздно, в 1910 г. Заявление подавалось на него и дочь Юлию Сергеевну. Из свидетельства Московского Дворянского депутатского собрания, подписанного 1 сентября 1910 г. по старому стилю московским губернским предводителем дворянства А. Д. Самариным, становится известной не только дата получения дворянского титула, но и точные даты рождения художника и его дочери. С. Н. Гросицкий родился 11 (24) сентября 1876 г. Метрическое свидетельство о его рождении было выдано Костромской духовной канцелярией. А его дочь Юлия родилась 9 (22) сентября 1902 г., вероятно, в Батуме, поскольку метрическое свидетельство было выдано Грузино-Имеретинской конторой Святейшего правительствующего синода.

За время жизни С. Н. Гросицкого в Закавказье и на Кубани его родные перебрались в другой московский дом № 4 по улице Малой Бронной.

Дом был построен известным московским архитектором К. К. Гиппиусом в 1902 г. по заказу «Общества для пособия нуждающимся студентам» при Императорском Московском университете. Дом имел статус доходного дома общества. Родной брат бабушки С. Н. Гросицкого — известный российский юрист-цивилист Эспер Николаевич Сумбул (1835–1896) был одним из первых членов этого благотворительного общества и его председателем с 1892 г. вплоть до своей кончины в 1896 г.

К 25-летию общества была издана книга, рассказывающая о его деятельности. По ее данным Э. Н. Сумбул дольше всех состоял в обществе — 23 года, делая ежегодные пожертвования в кассу [8, с. 100]. Доходный дом на Малой Бронной давал возможность благотворительному объединению помогать нуждающимся студентам, например оплачивать обучение. В хорошие годы удавалось освободить пятую часть студентов от платы за учебу. Кроме того, на деньги общества удавалось осуществлять и другие виды помощи студентам, к примеру, выдавать ссуды, пособия, назначать стипендии. Надо отметить, что после кончины Эспера Николаевича в память о его больших заслугах на государственном поприще «Обществом для пособия нуждающимся студентам» была учреждена стипендия его имени.

Во дворе дома на Малой Бронной была устроена столовая для студентов, в которой неимущие могли по карточкам получать бесплатный обед. В этой столовой также работали родственники С. Н. Гросицкого.

Итак, вплоть до конца жизни С. Н. Гросицкий проживал в доходном доме «Общества для пособия нуждающимся студентам». Этот адрес указан в каталоге выставки объединения «Жар-цвет», проходившей в Москве в 1929 г. [7, с. 5]. Объединение, возникшее через шесть лет после Октябрьского переворота, зиждилось на старых традициях мирискусников, выдвигая в качестве программы «композиционный реализм на основе художественного мастерства». Искусство Сергея Николаевича замечательно вписывалось в эти установки. Подтверждением этому является портрет выдающегося русского ученого экономиста, экономико-географа, агронома и родоначальника сельскохозяйственной статистики, профессора А. Ф. Фортунатова (1856–1925) кисти Гросицкого (рис. 3), хранящийся в фондах музейного объединения «Музей Москвы» [6].

В «Жар-цвете» состояли художники не только из двух столиц, но и из Малороссии, Крыма. Возможно, что С. Н. Гросицкий попал в объединение благодаря путешествиям по Крыму.

В вихре первого десятилетия послереволюционного хаоса художники, радевшие за нравственную основу искусства, проводившие в жизнь общепризнанные идеалы, уходившие корнями в дореволюционную эпоху с ее прочной верой в Бога, искали друг друга и объединялись, чтобы найти некую утраченную гармонию. С. Н. Гросицкий был одним из полусотни художников и экспонентов «Жар-цвета». Выставка 1929 г. была последней в истории этого объединения. На ней художник представил три произведения: «Амстердам», «Окрестности Батума в сырую погоду» и «Коктебель близ Карадага» [7, с. 5].

Как точно подметила одна из исследователей «Жар-цвета», окончание деятельности объединения совпало с «политическим наступлением на срединные силы, когда рубеж октябрьского десятилетия завершил период терпимого к ним отношения. В жизнь вступало новое поколение..., неотягощенное очарованием минувшего. Идеология разрушения “старого мира получила карт-бланш”» [10].

Кончина С. Н. Гросицкого пришлось на начало жестокой борьбы с религией, массового уничтожения храмового зодчества. На одном из поздних этюдов художника, написанных из окна его квартиры на Малой Бронной, непоруганный Храм Большого Вознесения (Вознесения Господня у Никитских ворот) изображен на фоне яркого весеннего неба.

В эти годы С. Н. Гросицкий уже был женат на А. А. Любимовой, у наследников которой сохранилась фотография, присланная им в Мо-

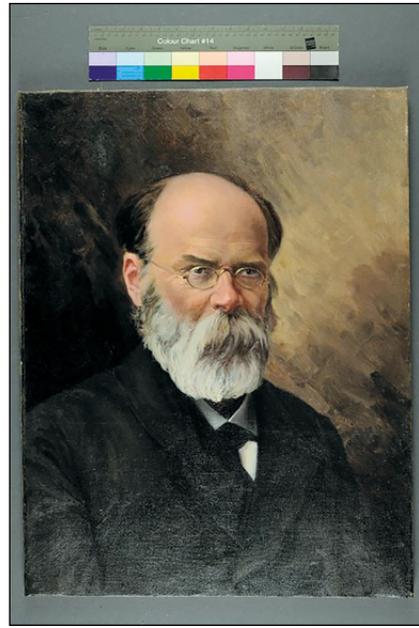

Рис. 3. С. Н. Гросицкий. Портрет профессора А. Ф. Фортунатова (1856–1925), музейное объединение «Музей Москвы». Фото автора

скву из Батума в 1930 г. С какой целью художник приезжал на Кавказ за три года до кончины? Это вопрос, на который пока нет ответа. В вышеупомянутой семье сохранился фотопортрет С. Н. Гросицкого, на обороте которого рукой жены поставлена дата его ухода: «26 июня 1933 г. два часа дня».

Научному биографическому исследованию о жизни замечательного русского художника и педагога, на долю которого выпали разные времена из истории России — и светлые, и трагические, еще предстоит быть написанным. Остается надежда увидеть его новые работы, документы и материалы.

Использованная литература:

1. *Беляев Н. А., Чурюмов К. И.* Комета Галлея и ее наблюдение. М. : Наука, 1985. 271 с.
2. Воспоминания А. В. Чернова. Рукопись // Личный архив С. Н. Ктиторова, Армавир.
3. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1911 год: 18-й год изд. (42-й г. изд.). М. : Суворин «Новое время», 1911. 872 с.
4. «Вся Россия»: Рус. адрес. и справ. кн. ф-к, з-дов, торг.-пром. и администрации: Адрес-календарь на 1912 год: Год изд. 8/29. М. : Я. П. Крюков, 1912. LVI с., 5124 стб.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 427. Оп. 2. Д. 426.
6. Государственный каталог музейного фонда РФ. № 34835048.
7. «Жар-цвет», общество художников (Москва). Каталог выставки. 1929. Выставка картин Общества художников «Жар-цвет». Московское общество художников «Жар-цвет». М. : Издание О-ва художников «Жар-цвет», 1929. 13 с.
8. *Иванцов А. А.* Историческая записка о деятельности Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета за 25 лет его существования (1874–1898). М. : типо-лит. В. Рихтер, 1899. 115 с.
9. *Котенко Е. А.* Основатель Ейска Воронцов. 2-е изд., испр. и доп. Ейск : ЮгПолиграф, 2009. 320 с.
10. От «Мира искусства» к «Жар-цвету» // Алексеева Л. К. Цвет винограда. Юлия Оболенская и Константин Кандауров. URL : <https://document.wikireading.ru/hMzi8PKcyE?ysclid=m5wm3712ht497872172> (дата обращения: 02.02.2025).

11. Рюмин В. В. Чудеса современной электротехники: Применение электричества во всех отраслях человеческой деятельности / обл. работы худож. С. Н. Гросицкого. Николаев : Электричество и жизнь, 1916. 256 с.
12. Рюмин В. В. Чудеса современной электротехники: Применение электричества во всех отраслях человеческой деятельности / обл. работы худож. С. Н. Гросицкого. 2-е изд., доп. Николаев : Электричество и жизнь, 1917. 300 с.
13. Сенатские ведомости. 1913. № 96. 29 нояб.
14. Эрманс В. На Кавминводах. Курортные наброски // Новый зритель. 1924. № 28. С. 10.

Natalya L. SHCHURIK,
Cand. Sci (Theory and History of Culture and Art),
Director, “Kuban in Faces” Art Gallery, Krasnodar,
Russia, lasta1966@mail.ru

**An Album “Yeysk in 1918” as a Starting Point
in Reconstructing the Russian Artist
and Teacher Sergey N. Grositsky` Biography**

An album from the collections “Yeysk in 1918” in the Yeysk Museum of Local Lore as a starting point in the reconstruction of the biography of the Russian artist and teacher Sergei N. Grositsky. Based on archival documents, museum exhibits and other sources, the article attempts to reconstruct the biography of Sergei N. Grositsky, a forgotten Russian artist, a graduate of the Stroganov College, a member of the Moscow Society of Artists “Zhar-tsvet”, a teacher who worked in the Caucasus in the late nineteenth and first quarters of the twentieth centuries.

Keywords: *The Russian Empire, Russian Painting and Watercolor in the Late 19th-First Quarter of the 20th Century, Art Education before 1917, Artist Sergey N. Grositsky, Halley’s Comet, Batumi, Armavir, Educational Institutions in the Caucasus, Society for the Benefit of Needy Students of the Imperial Moscow University, Moscow Society of Artists “Zhar-tsvet”.*

К. Г. Ачмиз*

История аграрного образования на Кубани в трудах академика А. Х. Шеуджена**

В статье анализируются труды известного ученого-агрохимика, академика РАН Асхада Хазретовича Шеуджена, посвященные истории аграрного образования на Кубани. Особое внимание уделено монографии «Флагман аграрного образования России: срез эпохи». Показаны исследовательские приоритеты А. Х. Шеуджена. Отмечен его интерес к судьбам видных представителей аграрной науки, их роли в воспитании специалистов сельского хозяйства, обеспечивающих решение продовольственной проблемы, развитие и процветание России.

Ключевые слова: А. Х. Шеуджен, Краснодарский край, Республика Адыгея, аграрное образование, Кубанский государственный аграрный университет.

Известный ученый России, доктор биологических наук, профессор, академик РАН Асхад Хазретович Шеуджен является автором многочисленных монографий, учебников и учебных пособий. Вклад его в сельскохозяйственную науку весьма значителен и признан научным сообществом в России и за рубежом. Он является известным специалистом по возделыванию и культивированию риса, предложил принципиально новую агробιοхимическую классификацию химических элементов, сформулировал и обосновал «закон соответствия культуры земледелия уровню социально-экономического развития общества». Этот перечень вклада академика в отечественную науку можно продолжить. На протяжении нескольких десятилетий он, помимо основной работы, занимается историей науки и историей своего народа — адыгов (черкесов). По этим направлениям научной деятельности у него есть монографии и другие издания энциклопедического характера, которые также расширяют наши познания в данных научных отраслях. Жизнь и творчество многих

* АЧМИЗ Казбек Гучипсович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Россия, kazbek.achmiz@mail.ru.

** Статья подготовлена по материалам доклада на X международном научном форуме «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». Тезисы доклада опубликованы: Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М. : Институт Наследия, 2024. С. 14. DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

выдающихся ученых отражены в многотомном сборнике «Энтузиасты аграрной науки», выпускавшемся А. Х. Шеудженом с 2003 по 2022 г.

Биография А. Х. Шеуджена подробно изложена в ряде научных и научно-популярных трудов (см.: [1] [2] [3] [18]). В данной статье рассматривается вклад Асхада Хазретовича в исследование истории аграрного образования на Кубани. Особое внимание уделено монографии «Флагман аграрного образования России: срез эпохи» (2024) [16].

Выпускник Кубанского сельскохозяйственного института (КСХИ) А. Х. Шеуджен является одним из авторитетных историографов родного вуза. Он автор нескольких обобщающих трудов по истории аграрного образования (см.: [7] [8]), монографий, посвященных истории возглавляемой им кафедры агрохимии (см.: [12] [14]), биографий организаторов науки и образования, среди которых основатель кафедры агрохимии академик ВАСХНИЛ Александр Александрович Шмук (1886–1945) (см.: [5] [9]), легендарный ректор КСХИ-КубГАУ академик РАН Иван Тимофеевич Трубилин (1931–1914) [13], научный руководитель А. Х. Шеуджена академик РАН Евгений Павлович Алешин (1931–2014) [15], профессоров, воспитавших несколько поколений специалистов-аграриев (одна из последних работ посвящена Аврааму Павловичу Джулау (1904–1984)) [11].

Уникальной представляется книга «Частицы их знаний искрятся в каждом из нас» [17], где воспроизведены найденные порой с большим трудом сведения о жизненном пути и научных достижениях всех без исключения студенческих преподавателей автора. Очерки, как правило, сопровождаются фотографиями.

Монография «Флагман аграрного образования России: срез эпохи» вышла через два года после столетия КубГАУ. Ни в коей степени не дублируя содержание юбилейного обобщающего труда [4], А. Х. Шеуджен сосредоточился на подготовке ученых агрономов в прошлом и настоящем и значительно обогатил многочисленные сюжеты, лишь обозначенные в книге «Кубанский государственный аграрный университет: столетие первое».

Военная терминология, использованная в названии книги А. Х. Шеуджена, полностью соответствует содержанию. В обиходе этим термином военно-морского флота называют командующего крупным соединением военных кораблей, а также корабль (флагманский), на котором находится командующий и на котором поднимается его флаг. Ведь КубГАУ являлся не только ведущим учебным заведением СССР, а теперь России, но и своего рода научным кораблем, с помощью ко-

тогого решались и решаются важнейшие хозяйственно-политические задачи для всей страны.

Следует особо подчеркнуть, что с первых дней образования Адыгейской (Черкесской) автономной области (1922) горцам выделялись места для получения сельскохозяйственного образования в Кубанском сельхозинституте и других учебных заведениях Северного Кавказа. По инициативе Ш. Г. Хакурате Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) была принята развернутая программа экономического и культурного развития национальных областей Северо-Кавказского региона. В ней предусматривались следующие мероприятия: «Подготовить кадры специалистов для развивающейся промышленности национальных областей из рабочих и бедняцко-среднеяцких слоев, решительно вовлекать националов в промышленность с тем, чтобы обеспечить прочную базу для укрепления пролетарского руководства в национальных областях, обеспечить в ближайшие 2 года численное преобладание рабочих-националов в промышленности автономных областей, в городах Краснодаре, Владикавказе и Грозном организовать курсы для горцев по подготовке к поступлению на рабфаки, увеличить число горцев в учебных группах Майкопского лесного техникума» [10, с. 314, 315]. Аналогичные мероприятия были разработаны для подготовки квалифицированных дипломированных специалистов для сельского хозяйства. В Краснодаре, который до 10 апреля 1936 г. был административным центром автономной области, в Адыгейском учебном городке, кроме Адыгейского педтехникума, действовали отделения, где готовились специалисты для сельского хозяйства, средний медицинский персонал, культработники.

В октябре 1930 г. было принято решение «Об организации Адыгейского сельскохозяйственного техникума в Краснодаре», создание которого «считать своевременным и необходимым». Техникум начал свою деятельность с 15 октября 1931 г., занятия проходили в Адыгейском учебном городке [6, л. 152]. Можно предположить, что первыми учащимися этого техникума стали те 60 чел., которые были набраны на колхозный факультет на основании решения ОК ВКП(б) от 2 августа 1930 г.

Отметим, что для Республики Адыгея этот университет стал настоящей кузницей подготовки дипломированных специалистов для сельского хозяйства. При подборе руководящих кадров в партийно-государственные органы, особенно в сельской местности, на протяжении десятилетий преимущественным правом пользовались те работники, которые имели высшее профильное образование. Подавляющее число

руководителей колхозов и совхозов Адыгеи, первые секретари райкомов КПСС, включая и многолетнего руководителя Адыгеи Н. А. Берзегова, и М. С. Хута, председателя Адыгейского облисполкома (1968–1980), и первого Президента Адыгеи А. А. Джаримова, имели дипломы выпускников Кубанского агроуниверситета. Выпускниками КубГАУ являются более 90 % агрономов и других работников этой отрасли в Адыгее. Всех их отличает высокий профессионализм, умение принимать самостоятельные решения и выходить победителем из труднейших ситуаций, в которых порой оказывается эта отрасль, даже в результате стихийных бедствий.

Вернемся к монографии А. Х. Шеуджена. Книга состоит из пяти разделов. Первый — «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина: история и современность» — отличается информационной насыщенностью и в достаточно полном объеме отражает тот путь, который прошел университет через «калейдоскоп» различных реорганизаций за годы своего существования. В книге помещены содержательные очерки о руководителях КубГАУ. Самый большой по объему, с подробной оценкой вклада в науку и в развитие аграрного образования России, посвящен Ивану Тимофеевичу Трубилину. Очерк озаглавлен «Ректор — легенда». А. Х. Шеуджен сравнивает его деятельность с геотформирующими процессами на Земле, которые меняют ландшафты, двигают материки и тектонические плиты, в результате которых возникают горы и моря [16, с. 45].

Второй (обширный, около 200 страниц) раздел «Агрономический факультет: Частицы их знаний искрятся в каждом из нас» посвящен его месту и роли в жизни аграрного университета. В университете, кроме институционально специализированных кафедр, работают кафедры, дающие фундаментальные знания в области высшей математики, физики, общественных дисциплин (философии, политэкономии), иностранных языков. Многолетний опыт функционирования Кубанского агроуниверситета, как и других сельхозинститутов страны, убедительно свидетельствует о том, что без знания вариационной статистики, теоретической механики, начертательной геометрии и машиностроительного черчения выпускник вуза будет неполноценным специалистом. Без знания вариационной статистики, к примеру, которая является частью математической статистики, невозможно эмпирически распределить количественные признаки в статистической совокупности при создании новых сортов различных культур.

В разделе подробно рассмотрен круг вопросов, которые решают 38 кафедр этого факультета, и даны научные характеристики около

120 представителей профессорско-преподавательского состава, которые осуществляют учебный процесс. Многие из них составляют золотой фонд российской академической науки.

Заметим, что такие же содержательные очерки, а их в этом разделе около 120, посвящены и другим преподавателям КубГАУ, оставившим свой яркий след в истории агрофака и памяти многотысячного студенчества. Дать им всем характеристику практически невозможно в небольшой статье. Но пройти мимо колоритной фигуры первого доктора сельскохозяйственных наук среди адыгов, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Нуха Ахмедовича Тхагушева мы не можем. Он закончил с отличием Черноморский сельхозтехникум виноделия, виноградарства и садоводства (1929 г.), позднее поступил в Краснодарский институт виноделия и виноградарства, который также окончил с отличием (1939 г.). Работал на различных партийно-государственных должностях в своем родном Шапсугском (ныне Лазаревском) районе. Участник Великой Отечественной войны, работал заведующим военным отделом Кагановичского районного комитета ВКП(б) г. Краснодара. После войны он переходит на постоянную работу в Кубанский СХИ. После защиты докторской диссертации Нух Ахмедович возглавлял с 1957 по 1978 г. кафедру плодородия в институте, затем, с 1978 по 1983 г., был профессором этой кафедры. Его кандидатская и докторская диссертации навечно связаны с возрождением на Кубани старых черкесских садов, культивированию которых уделял постоянное внимание выдающийся селекционер страны И. В. Мичурин.

«Мне довелось быть слушателем лекций и публичных выступлений Нуха Ахмедовича, — пишет А. Х. Шеуджен. — Это дает мне основание сказать, что он был не только выдающимся ученым, но и превосходным педагогом: лекции отличались новизной и доходчивостью» [16, с. 231].

Следующий раздел монографии А. Х. Шеуджена «Кафедра агрохимии — ровесница Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина» объемом свыше 160 страниц состоит из трех параграфов, в которых подробно освещается деятельность ученых, руководивших кафедрой в разные годы (9 человек), его профессорско-преподавательского состава, начиная с довоенных лет (8 человек) и тех, кто пришел на работу в послевоенные годы и позже (1945–2015 гг.) — 26 человек, а также в последнее десятилетие — 14 человек.

Последний параграф раздела «Кафедра сегодня» открывается замечательными словами Дейла Карнеги (1888–1955): «На свете есть

только один способ побудить кого-либо что-то сделать..., и он заключается в том, чтобы заставить другого человека захотеть это сделать. Помните — другого способа нет» [16, с. 420]. Этому правилу, полагаем, следовал и следует коллектив не только этой кафедры, но и всего агроуниверситета за весь вековой путь своего существования.

Весьма содержательным, информационно-насыщенным представляется материал следующего раздела: «Диссертационный Совет по биологическим, сельскохозяйственным и техническим наукам». В разделе поэтапно изложено становление системы научной и педагогической аттестации.

11 ноября 2022 г. Высшая аттестационная комиссия Министерства науки и образования РФ утвердила состав Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Кубанском государственном аграрном университете имени И. Т. Трубилина в составе 25 членов. Диссертационный Совет возглавил академик РАН, доктор биологических наук, профессор А. Х. Шеуджен. Совет наделен полномочиями присваивать ученые степени кандидата и доктора наук по следующим семи научным специальностям и трем научным направлениям, в том числе: 4.1.3. Агрохимия, агропочвоведение, защита растений и карантин растений (биологические науки, сельскохозяйственные науки); 4.1.5. Мелиорация, водное хозяйство и агрофизика (технические науки).

В разделе приведены интересные сведения о ходе защиты диссертаций отдельными аспирантами и соискателями этого высшего учебного заведения, в частности В. С. Пустовойта на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук на тему «Селекция подсолнечника на повышенную масличность, методы селекции, результаты, перспективы». Докторская степень этому выдающемуся ученому была присуждена ВАК СССР без защиты диссертации.

Заключительный раздел монографии А. Х. Шеуджена, озаглавленный «На службе науки и образования: СКПИ-КубГАУ», представляет собой очерки об ученых и преподавателях, не включенные в предыдущие разделы. Здесь более 170 очерков — ярких и емких по содержанию, научной характеристике и оценке вклада этих преподавателей в становление и развитие учебного заведения, подготовку высококвалифицированных кадров для сельского хозяйства для всего Юга России.

Подводя итоги, заметим, что академику А. Х. Шеуджену удалось воссоздать летопись одного из ведущих учебных заведений аграрного профиля высшего образования в России и выразить ему искреннюю

благодарность за столь титанический научный труд. Такая литература в современных условиях очень нужна нашему обществу, особенно подрастающему поколению. Она способствует сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формирует достоверные и научно обоснованные исторические знания в целях выработки научного понимания прошлого и настоящего России, является одной из основ общероссийской государственной идентичности и коллективной исторической памяти, служит надежным заслоном против умаления и принижения роли России в мировом сообществе.

Полагаем, что монография академика РАН А. Х. Шеуджена «Флагман аграрного образования России: срез эпохи» в полной мере отвечает целям и задачам государственной политики РФ в области исторического просвещения, способствует популяризации достижений отечественной сельскохозяйственной науки, сохранению памяти о выдающихся личностях, внесших существенный вклад в развитие науки и аграрного образования Кубани и России в целом, формирование активной гражданской позиции работников АПК, в первую очередь студентов и преподавателей.

Использованная литература:

1. *Алексеевко Е. В.* Академик А. Х. Шеуджен — человек силы. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2024. 118 с.
2. *Ашинов Ю. Н.* Асхад Шеуджен — первый среди адыгов академик Российской академии наук. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2024. 72 с.
3. *Еремеева А. Н., Коваленко Т. В.* «Круг» академика А. Х. Шеуджена как внеинституциональное краеведческое объединение Юга России // *Наследие веков.* 2017. № 4. С. 93–102.
4. *Еремеева А. Н., Маркова О. Н., Краев И. Т.* Кубанский государственный аграрный университет: столетие первое. Краснодар : Традиция, 2022. 496 с.
5. *Еремеева А. Н., Шеуджен А. Х.* Александр Александрович Шмук. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2020. 192 с.
6. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 244.
7. *Трубилин И. Т., Шеуджен А. Х., Онищенко Л. М.* История аграрного образования на Кубани. Майкоп : Афиша, 2006. 244 с.
8. *Трубилин И. Т., Шеуджен А. Х., Онищенко Л. М.* Кубанский госагроуниверситет на рубеже двух веков. Краснодар : Кубанский гос. аграрный ун-т, 2011. 137 с.

9. Харченко П. Н. Жизнь в науке и наука жизни Александра Шмука. Рец. на кн.: Еремеева А. Н., Шеуджен А. Х. Александр Александрович Шмук. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2020 // Наследие веков. 2020. № 4. С. 96–98.
10. Шахан-Гирей Хакурате: портрет на фоне времени / авт.-сост. К. Г. Ачмиз. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2018. 436 с.
11. Шеуджен А. Х. Авраам Павлович Джулай. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2024. 111 с.
12. Шеуджен А. Х. Дорога длиной в сто лет. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2021. 340 с.
13. Шеуджен А. Х. Иван Тимофеевич Трубилин. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2021. 212 с.
14. Шеуджен А. Х. Кафедра агрохимии Кубанского госагроуниверситета в потоке времени. Краснодар : КубГАУ, 2009. 784 с.
15. Шеуджен А. Х. Мой учитель — академик Алешин. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2018. 216 с.
16. Шеуджен А. Х. Флагман аграрного образования России: срез эпохи: монография. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2024. 604 с.
17. Шеуджен А. Х. Частицы их знаний искрятся в каждом из нас. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2021. 344 с.
18. Шапацев А. К., Бондарева Т. Н., Онищенко Л. М. Асхад Хазретович Шеуджен: ученый, педагог. Краснодар : КубГАУ, 2012. 104 с.

Kazbek G. ACHMIZ,

Dr. Sci. (National History), Chief Researcher, Head, Department for History, Adyge Republican Institute for Humanitarian Research, Maykop, Russia, kazbek.achmiz@mail.ru

History of Agrarian Education in Kuban Region in the Works written by Academician Askhad Kh. Sheudzhen

The paper analyzes the works written by Askhad Kh. Sheudzhen, the famous agricultural chemist, academician of the Russian Academy of Sciences, dedicated to the history of agricultural education in Kuban region. Particular attention is paid to the monograph “Flagship of Agricultural Education in Russia: a Cross-Section of the Era”. The research priorities of A. Kh. Sheudzhen are shown. His interest in the fates of prominent representatives of agricultural science, their role in the education of agricultural specialists who ensure the solution of the food problem, the development and prosperity of Russia are noted.

Keywords: Askhad Kh. Sheudzhen, Krasnodar Territory, Republic of Adygea, agricultural education, Kuban State Agrarian University.

МЕМУАРНАЯ ЭССЕИСТИКА

О жизни и быте, ценностях и системе взаимоотношений, материальной и духовной культуре одного двора старого Краснодара вспоминает коренной житель города Вартан Григорьевич Кукуян (Тер Даниэл), кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, а в настоящее время — священник Армянской апостольской церкви, несколько лет служивший настоятелем церкви святых Саака Партева и Месропа Маштоца. Ностальгически описанное автором локальное социокультурное пространство двора, обусловившее специфику повседневной жизни, реконструирует утраченные сегодня контексты локальной идентичности Краснодара.

*В. Г. Кукуян (Тер Даниэл)**

Дворы моего детства (Краснодар 1950–1960-х годов)

На примере жизни одного двора Краснодара 1950–1960-х гг. выявлена духовная составляющая городского быта; в доступной словесности форме описано соотношение душевного и духовного в повседневной жизни советских людей первого послевоенного десятилетия. Автор отмечает, что синтез религиозного (духовного) и научного (рационального) подхода к пониманию происходящих процессов дает возможность адекватно ответить на существующие и вновь возникающие вызовы, которые ставят человечество на грань выживания.

Ключевые слова: воспоминания, Краснодар 1950–1960-х гг., духовная жизнь, повседневность, коммуникативное пространство.

Исследование культурного наследия как в прошлом, так и в настоящем сталкивается с недостаточно глубоко понимаемой христианской антропологией, которая утверждает, что человек — трехсоставная

* КУКУЯН Вартан Григорьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Краснодар, Россия, derder@list.ru.

сущность: тело, душа, Дух. Если первые две составляющие человека более-менее понятны и поддаются научному исследованию, то третью составляющую (Дух) мы можем познавать лишь путем сопряжения своей духовной составляющей с духовной составляющей окружающих нас людей и явлений.

Дворы моего детства — это мир, который стремительно покидает нас, не оставляя за собой ощутимых следов. Я пишу «моего детства», а не «нашего», потому что при сходной материальной и душевной атмосфере времени, в данном случае 50–60-х гг. прошлого века, духовная атмосфера существенно различается даже у близко находящихся друг к другу описываемых объектов.

Наш двор по ул. Орджоникидзе, 26 и прилегающие к нему дворы имели прекрасные кирпичные фасады. Кроме этого, весь наш двор и часть дома по ул. Орджоникидзе, 22, то есть через двор в сторону ул. Фрунзе, были двухэтажные. Особенностью двора, где мы жили, было то, что он был двухэтажным со всех сторон, словно мини-петербургский колодец. Такие дворы сохранились в основном в исторической части города. Именно такая архитектура и красивая арка, соединявшая двор с улицей, подали нам идею своеобразной, а с точки зрения сегодняшнего дня, пророческой игры, но об этом ниже. В этом дворе квартировало 19 или 20 семей, теперь всех не вспомнишь. Жили люди дворами, и соседние дворы были хоть и хорошо знакомые, близкие, но другие, со своей, как сейчас сказали бы, аурой.

Домостроителем и домовладельцем на пересечении улиц Базарной (ныне Орджоникидзе) и Медведовской (Кирова) был один из богатейших купцов Екатеринодара Никифор Гордеевич Кононенко. Известный благотворитель, купец первой гильдии, занимавшийся торговлей бакалейными товарами, гласный Екатеринодарской Городской Думы, потомственный почетный гражданин, член правления Кубанского исправительного приюта, почетный попечитель 10-го мужского училища, товарищ Кубанского окружного Императорского Российского общества спасения на водах. Никифор Гордеевич безвозмездно передал участок земли и здание начальной школе, в которой обучали более 80 учеников. На центральной улице Красной он построил два двухэтажных особняка, которые выгодно сдавал в аренду [1, с. 101–104].

Н. Г. Кононенко в начале 1900-х гг. имел на территории нашего двора два земельных участка и два здания стоимостью более 6 тысяч рублей. Затем к 1912 г. эта собственность перешла к мещанке Решетни-

ковой Наталье Сафроновне и крестьянину Чепаксину Ивану Матвеевичу [8]. В советское время — в начале 1920-х гг., в ходе национализации и муниципализации, весь двор и здания были изъяты у последнего собственника — Пантель-Оглы Христофора Георгиевича [7, л. 9].

Более подробную информацию о дворах нашего района первой трети XX в. можно получить из источников, хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края. Мы же вспомним ту ауру, в которой довелось жить мне и моим сверстникам. Большинство краснодарцев в послевоенные годы, вплоть до начала осуществления домостроительной программы Н. С. Хрущева, жили дворами. Каждый двор включал в себя от пяти-семи до двадцати семей, как наш. На периферии небольшого тогда Краснодара было, конечно, много частных домостроений, но двор как особая организация жития людей преобладал в нашем городе.

Двор, в котором мы жили, отличала еще одна особенность. Прямо в угол нашего дома, соединяя в единое целое перекресток улиц Орджоникидзе и Кирова, был вписан овощной магазин, над которым нависал довольно просторный балкон семьи Роговых: дяди Пети, тети Наташи и их сыновей Володи и Бориса. Боря часто при хорошей погоде возлежал на раскладушке на спине с перекрещенными на груди руками.

— Боря, почему ты перекрещиваешь руки, как Наполеон, когда спишь на балконе?

— Ну не как покойнику же мне складывать руки, а вдоль тела как-то убого. А во-вторых, вы же знаете, что я одним глазом поглядываю вниз, что там творится.

Действительно, как только у входа в магазин появлялся свежий товар, Боря сразу оповещал весь двор, чтобы наши, как всегда, первыми заняли очередь! Очередь за продуктами нынче явление редкое, а тогда нас ненавидели не только жители соседних дворов, но и других кварталов и улиц. Теперь с высоты прожитых лет я понимаю, что заведующий нашим магазином был шустрый человек и умело снабжал свой магазин свежими овощами, фруктами и другими дефицитными товарами. Наши дворовые всегда оказывались первыми у его ворот, да еще занимали очередь тем, кто замешкался, или более близким жильцам из соседних дворов. Это всегда вызывало зависть и безрезультатное стремление ограждать нас от первенства в «нашем магазине». Впрочем, какой-то глубокой ненависти и злобы не было, и люди всегда шли навстречу, если видели или чувствовали, что стоящему сзади действительно очень надо; малень-

кий ребенок один дома, или кто-то болен, или с ночной смены не успел «очухаться» (хорошее народное слово).

В минуты покоя и загишья мы, мальчишки, использовали толстые деревянные двери закрытого складского подвала для игры в ножички: кто лучше и точнее попадет ножом в цель, чтобы нож обязательно вонзился и остался в двери. Магазин и склад были буквально обложены деревянными ящиками, которые периодически вывозили, но они вновь появлялись на прежнем месте. Вечерами молодежь часто сидела на этих ящиках и балагурила, пока не начиналась очередная подвижная игра. Нам никто не запрещал сидеть на этой стороне допоздна. Но нас всех тянуло на угол противоположной стороны. Там так же, как у магазина на нашей стороне, угол срезали солидные ступени, сделанные под мрамор, красиво ограниченные с двух сторон, плавно спускавшиеся к закругленным столбикам внизу широкими низкими перилами, по которым можно было кататься как с горки или сидеть сверху и на нижних столбиках. Ступени этой лестницы вели к высокой чугунной богато декорированной и навеки закрытой двери. Когда-то за этой дверью, по рассказам самых старших, была аптека, но даже они ее едва помнили. Для нас, молодых, эта дверь была входом в другой неведомый и недоступный людям мир. Такая сказочная аура усиливалась тем, что взрослые, спокойно реагировавшие на наши долгие вечерние посиделки на ящиках возле магазина, в мгновение менялись, завидев кого-нибудь из детворы на этих ступеньках. Улица сразу наполнялась именами: Володя, Витя, Варган, Сережа, Таня, Кука, домой! А к тем, кто постарше, были обращены упреки: «Борис, Игорь, ну сколько вас, ребята, можно просить: не собирайтесь на этих порожках»... У этих страхов были не только мистические переживания, но и вполне реальное основание. Когда мне было года три, на этих порожках убили нашего молодого соседа, и этот страх жил в сердцах наших бабушек, мам и даже пап. Как бы там ни было, нас неизменно влекло к запретному плоду. Тут же мы знакомились и с варягами, прибывавшими к нам в гости или по какому-либо делу из разных мест огромной планеты — Краснодара. Не на ящиках же встречать гостей, в самом-то деле!

Однако посмотрим, чем и как жил наш двор. Глубокая арка нашего дома и дома на противоположной стороне улицы, прямо напротив нашего, придавала солидность домам обладателям такой архитектурной детали, но дом напротив был двухэтажным только с улиц Орджоникидзе и Кирова, внутри двора — одноэтажные хибары. Это выгодно выделя-

ло наш дом-двор и утверждало его первенство «на краю». «Краем» называлась территория значительно более обширная, чем один или даже несколько дворов, охватывая порой несколько кварталов.

Справа от арки посетителей нашего двора встречала высокая дверь квартиры № 1 семьи Сучилкиных: тетя Оля — красивая, статная женщина; ее сын дядя Саша, токарь высокой квалификации, работавший на заводе им. Седина; ее невестка Мария Леонтьевна, учительница русского языка и литературы, член партии; и внук Сережа, с которым, кроме соседства и дружбы, нас связывал факт рождения в один день — 25 июня и в один час — 5 часов дня, только он был ровно на год младше, увидев свет в 1951 г.

К нам во двор вел еще один вход, с улицы Кирова. Массивные литые чугунные ступени вели к солидной двери, которая открывалась не так часто и вела по лестнице на второй этаж, где жили Роговые и Хамутовы. Нина Петровна Хамутова была врачом, а Петр Афанасьевич Роговой — полковник в отставке. Внизу узкий длинный коридор тянулся мимо каморки бабы Поли Лыковой — Полины Сергеевны, она была тесно связана с нашей семьей и в первые годы моей детской жизни каждый Новый год переодевалась в Деда Мороза и приходила поздравлять меня. Все это придумала моя мама, а баба Поля прекрасно исполняла свою роль. Я Деду Морозу стишок, а то и два, а Дед Мороз мне и другим членам семьи подарки. Радовалась вся семья, но в пять или шесть лет, сейчас не вспомню, я узнал голос бабы Поли и детство закончилось. На краю ее называли, за глаза, конечно, «Полина, трахнутая на голову». О причинах такого странного и неприятного прозвища я узнал много лет спустя во времена хрущевской «оттепели». Дело в том, что баба Поля работала маляром и была членом партии. Однажды она поскользнулась и упала со стремянки, стоя на которой, белила потолок в чьей-то квартире, ушибла голову, попала в больницу, а когда выздоровела и вышла из больницы, положила партбилет на стол секретарю райкома и пошла в церковь. Шел 1948 год, то есть она фактически «покупала себе путевку в Магадан или еще куда подальше». По непонятным причинам ее не тронули. Этого уникального для того времени события как будто и не было. «Бог уберег», — она сказала мне однажды, когда я со свойственным мне любопытством пытался докопаться до истины. Осталось только прозвище, которое громко, тем более при ней, никто не произносил. И это было не проявлением деликатности, а вполне очевидным легко «читаемым» страхом: как бы чего не вышло. Именно баба Поля ускорила совершение

важного события в моей жизни. В 1957 г. меня крестили. Я был если не последним, то одним из последних краснодарских армян, кого крестили в нашей церкви. Вскоре церковь закрыли в связи с ускорением темпов построения коммунизма в СССР, а в 1960 г. разрушили под предлогом борьбы с шашелем. Хотя наша деревянная церковь незадолго до этого была капитально отремонтирована силами прихожан и никаких жучков в недрах ее стен не было.

Рядом, в комнате попросторнее, жила Елена Максимовна, мы, детвора, ее побаивались. А после тяжелой и мучительной смерти Елены Максимовны туда заселилась семья Гапкаловых: Коля — классный сантехник и рыбак, его жена Валентина и две маленькие дочки Ира и Оксана, которая родилась уже в нашем дворе. Эти две комнаты когда-то занимал брат моей мецмайрик (бабушки) Искуи, мецхайрик (дедушка) Заре. Он был отличный сапожник и владел четырьмя комнатами и большущей кухней, пока Советы его не уплотнили, отобрав две из четырех комнат. Коридор выходил на светлую веранду перед сравнительно большой квартирой, где жила большая родня Гребеннюков. На сегодняшний день я помню только Алика (Олега или Сашу), во дворе толком никто и не знал, какое у него настоящее имя, и его жену Нину. Алик был туговат на ухо, но мастер на все руки — Кулибин, называли его во дворе. Остальная родня из этой квартиры всплывает в памяти, как тени. Старший, отец Алика и его брата, кажется Виктора, и дочери (Гали или Светы?), был военный, и о нем помнится только то, что он постоянно говорил: «Я за фамилию спокоен, у меня два сына». У сыновей родились девочки, у дочери — два сына.

А напротив веранды через двор — наша квартира!

К моменту моего рождения в нашей уже давно уплотненной квартире проживали моя мецмайрик (бабушка) Искуи Кукуян, ее сын, мой отец Григорий (Гарегин) Вартанович, его жена (моя мама) Азадуи (Аза) Аракеловна и я. Лидирующую роль в семье играла мецмайрик Искуи (Устина Сергеевна). Она была любящей, властной, бесстрашной. Прекрасно готовила и рада была научить этому искусству всех желающих. Ее подруга бабушка Вартуи, которая часто бывала у нас в гостях, порой выговаривала ей:

— Искуи, зачем ты всех учишь готовить? Это же твои будущие конкуренты.

— Вартуи, они никогда не смогут готовить лучше меня, а если кто-то сможет, так слава Богу, появятся достойные продолжатели.

Каждый день в нашем доме было полно народа. Мецмайрик готовила огромную кастрюлю первого, которая опустошалась в течение дня, и три разных вторых на вечер, когда приходили гости. Для любимого внука готовилось отдельно четвертое блюдо. При этом держала она капризного внука в «ежовых рукавицах».

На нашем краю жили два авторитетных вора. Я это не помню, знал только по рассказам старших. Они говорили: «Пока мы здесь, вывешивайте свое белье без страха, никто не украдет!». Так оно и было. Каждый раз проходя мимо нашего двора и завидев мою мецмайрик, они уважительно спрашивали у нее: «Здравствуйте, Устина Сергеевна! Всё в порядке? Есть вопросы? Говорите, не стесняйтесь», на что моя бабуля отвечала: «Иди с миром, сынок. Все хорошо». Так мне рассказывали много позже, когда этих ребят уже не было, а мне было лет пять-шесть. Много можно еще рассказать об этой уникальной женщине, но это требует отдельного повествования.

Черeda родственников, прошедших через наше жилище, частично разъехалась, кто-то к моему взрослению уже завершил свой земной путь. Формат материала не позволяет подробно остановиться на этой интересной семье, но кое о чем еще будет сказано.

Над нами жили тетя Дуся — типичный представитель всезнающих бабулек, которых молодежь называла в своем кругу «самосудами». Ее дочь тетя Клара — красивая женщина, работала медицинской сестрой, у нее был сын Валерка, которого за несмываемый сильный загар мы прозвали негром.

Прямо напротив арки жили дядя Манук (Ваня) по фамилии или Манукян, или Мкртычан, и его жена тетя Шура. Говорили, что дядя Ваня в молодости работал клоуном в каком-то передвижном цирке. Он часто показывал нам по вечерам с помощью своих рук и полотенца разные фигурки на белой стене, и это нас забавляло. В моем глубоком детстве, но я это помню, дядя Ваня впрягался в двухколесную арбу и перевозил людям разные вещи с рынка к их дому.

Под прямым углом к квартире дяди Манука во двор выходили окна тети Мили с мужем и их внучкой Людой, которая была чуть младше меня. Он всегда ходил в костюме и со скромной, но красивой палкой, потому что хронал. Потом они переехали на другую квартиру в полуквартале от нас по улице Кирова, но оставались частью нашего сообщества. А в квартиру въехала семья Чернявских и быстро включилась в жизнь двора. Их сын Витя — невысокого роста, года на три младше меня, был

очень гибким и спортивным. Все ему прочили успехи в гимнастике. Но потом его семья переехала на улицу Пушкина ближе к историческому факультету, на котором позже я учился. Несколько раз пытался найти Витю, но безуспешно. В их квартиру въехала другая семья из трех человек: муж, жена, кажется Людмила, и их дочь, но больше ничего я о них не помню.

Прямо над Чернявскими жила прекрасная девушка Аня, снимала квартиру. Мы нравились друг другу. Ее день рождения приходился на начало января, то есть на зимнюю сессию, и она переносила отсечение, пока я не сдам последний экзамен. Слева от ее комнатки жили Ковальчуки — тетя Шура, ее муж дядя Валя, если не ошибаюсь, и их дочь Наташа на год младше Сергея Сучилкина. А справа от Аничкиной каморки по второму этажу жили сестры Крючковы. Одна из них была учительница, и после каждого праздника, когда дети приносили ей цветы, она продавала их. Тогда нам, и взрослым, и детям, это очень не нравилось, только много лет спустя я понял, что делала она это от очень скудной жизни.

Под Крючковыми жил Игорь Кравченко с женой и дочкой Таней. Была и мама Игоря, но она рано умерла, и я ее плохо помню. Их квартира как бы охраняла нашу арку изнутри. Игорь, как говорят моряки, ходил на торговом судне, он видел мир и рассказывал нам, в каком порту на какие товары какие цены. Побывал и в Париже, выдался случай, и мы узнали, что по чем в одной из культурных столиц мира. Много лет спустя, когда я преподавал историю в Краснодарском художественном училище, одной из моих учениц стала Таня Кравченко, его дочь. Талантливая девушка.

По другую сторону арки со двора на втором этаже жили две семьи Годуновых. Смутно помню бабушку Катю, мать тети Тамары, ее дочь Таню, по отцу Теплому. Таня была старше меня на четыре года. И она была главной затейницей многих наших игр. Кроме того, у них часто бывали сестра тети Тамары — тетя Лида, брат дядя Боря и его дети — Витя, мой ровесник, и Таня — Кука, почему ее так называли, не знаю, но это милое прозвище ребенка осталось за ней на всю жизнь. С Витей мы были добрые приятели. Другая семья — Езоновых: тетя Наташа, ее муж дядя Петя и их сын Виктор, ровесник самого авторитетного среди нашей молодежи Бориса Рогового. У дяди Пети был велосипед с моторчиком, мотоциклы в те годы были в редкость. Он — заядлый рыбак-«промышленник», богатый, как правило, улов реализовывал среди соседей нашего и ближайших дворов, за что все ему были весьма

признательны. Женидьба их сына стала целым событием в узких кругах нашего и соседних дворов. В наш двор вошла жена Виктора Рита, позже их дети Люда и младшая Наташа. Женидьба в глазах Виктора поставила его выше всей молодежи на краю. Его первый выход с женой на публику ознаменовался приветствием: «Привет, пацаны!» Это относилось и к Борису Роговому, который был старше Виктора. Таким образом, Виктор нарушил негласную возрастную субординацию среди молодежи нашего двора. Однако, кроме иронических улыбок и беззлобных насмешек, этот поступок ничего не вызвал. Вот так кратко я описал все квартиры, кроме одной, которая была в коридоре с Чернявскими, стена в стену с тетей Шурой и дядей Мануком — Ваней.

Как же жил наш, да и другие дворы 1950–1960-х гг.? Отвечая на этот вопрос, нужно отметить две формы организации жизни краснодарских дворов: первая — формально государственная, и вторая — стихийно общественная. Признаками первой были ее откровенная формальность и очевидная оторванность от реальной жизни дворового сообщества. Избирался дворовой комитет из трех-пяти человек на три года, который, в свою очередь, избирал своего председателя, хотя реально комитет мог оставаться бессменным многие годы. Я помню только одного председателя тетю Наташу Роговую, на долю которой, кроме многих других формальных забот, выпала организация по поручению домоуправления (жилищно-эксплуатационной конторы) обсуждения жильцами двора опубликованной во всех газетах «Программы строительства коммунизма в СССР».

Это «обсуждение» надолго осталось в памяти подрастающего поколения нашего двора. В один из дней августа 1961 г. тетя Наташа Роговая на правах председателя дворового комитета собрала всех, кто в это время не был занят на работе, и, рассадив на скамеечки, принесенные с собой каждым участником собрания, объявила, что будет читать проект Программы КПСС, опубликованный в центральных газетах и с которым все по идее должны были уже быть знакомы. Все приготовились слушать. Мы, мальчишки и девчонки двора, рассевшись на ступеньках лестницы тети Дуси, смотрели сверху вниз на наших старших, в основном женщин, которые притихли, внимая голосу председателя, дворкома. Тетя Наташа развернула многополосную по такому случаю газету «Правда» и начала читать.

Текст давался нелегко как читающей, так и слушающим. Мы же зорко наблюдали, чувствуя своими детскими сердцами, что будет что-то интересное. Уже через двадцать минут нудного чтения первая женщина,

пользуясь тем, что тетя Наташа все внимание направляла на неудобоваримый тяжелый текст, тихо встала и, забрав свою табуретку, ушла. Вслед за ней потянулись и другие, еще через 7–10 минут площадка нашего двора опустела. Оставались одни табуретки, которые большинство оставляло на месте, чтобы не привлекать внимание оратора. Последним встал дедушка Киркор, друг нашей семьи, который приехал из села Гайкадзор из-под Анапы лечить сильно ухудшившиеся слух и зрение. Ему было 89 лет. Махнув рукой, дедуля с сильным акцентом сказал: «Да! Много эщѣ дэл есть на свѣтѣ», — и ушел. Тут наша команда не выдержала и стала смеяться в голос.

Тетя Наташа подняла голову и увидела перед собой пустые табуретки, взглянула на нас и как-то осторожно возле бедра, махнув рукой, собрала пышную газету и, подобрав табуретку, не глядя на нас, ушла. Программа построения коммунизма в одной отдельно взятой стране в нашем дворе была обсуждена и принята к сведению.

В возрасте 9–13 лет мы еще не задавались вопросами, откуда берутся анекдоты, нам было просто весело в этом театре абсурда. Я подробно описал этот эпизод только потому, что он ярко иллюстрировал пустоту большинства мероприятий, спускавшихся сверху на головы жильцов нашего и других дворов.

Вторую форму организации жизни двора я называю «стихийно общественной», но в ней было гораздо больше смысла, потому что она отвечала потребностям и нуждам дворовых, хотя порой на каких-то этапах вызывала непонимание части двора и возникающие из-за этого бурные разногласия. Одним из наиболее ярких примеров такой стихийной, идущей снизу деятельности были инициативы моего отца. Человек очень активный, он все время стремился улучшать быт нашей семьи и по возможности всего двора. Так, задолго до осуществления всеобщей газификации кубанской столицы в нашей семье появилось газовое отопление и газовая плита для приготовления пищи. Мы пользовались баллонным газом.

Соседи долго с недоверием смотрели на нашу квартиру, куда раз в месяц привозили баллоны, заряженные газом. «А не взорвется у Кукуянов что-нибудь к общей беде?» Года два-три спустя, когда газификация охватила весь Краснодар, опасения и недоверие канули в Лету. Папа проявил инициативу и добился, в конце концов, ее осуществления, чтобы дворовые совместно, общими усилиями и материальными вложениями, замостили земляной пол нашего двора кирпичом. А сколько было до

осуществления этого проекта разговоров, споров и даже мини-скандалов. Потом результатом все были довольны. Однако когда папа пошел дальше и выдвинул идею заасфальтировать наш двор задолго до того, как асфальтовое покрытие улиц и дворов нашего города стало обыденным явлением, опять появились голоса против. Кто-то не хотел тратить денег, кто-то считал заасфальтированный двор роскошью. Потом, когда дело было сделано, иные откровенно радовались, тем более что они принимали участие в осуществлении этого замысла, другие соседи, бурча под нос что-то невнятное, тоже благодарили Гришу, так звали моего папу Гарегина (Григория) Вартановича Кукуяна.

Он же посадил два дерева во дворе и несколько по периметру двора с улицы. Вообще сажать деревья было его любимое занятие. Но все его инициативы встречали у большинства наших соседей поначалу неприятие и только потом: «Спасибо, Гриша!».

Об отце можно было бы написать отдельную статью, но он был не единственным, кто формировал лицо нашего двора. Выше уже говорилось об Алике (Саше) Гребенюке — золотые руки, сделает, починит что угодно, прекрасно играл на гитаре. Телевизоры были тогда редкостью, первый появился у нас, второй — у Алика (Саши). И до того как они появились практически во всех квартирах, народ собирался либо у нас, либо у Гребеннюков, даже когда телевидение распространилось, привычка собираться вместе у одного экрана сохранялась долго.

У Алика (Саши) комната была просторнее, и там мы, особенно молодежь, собирались смотреть футбол. Первенство Европы по боксу транслировалось из Берлина, и мы, выставив наш телек экраном во двор, могли все вместе болеть за земляка Сашу Изосимова. Однажды возникла драматическая ситуация — Саша нанес последний удар противнику сразу с завершающим звуком гонга. В воздухе повис вопрос: кто был первым — он или гонг? Если гонг — это ужас! Саше не дадут золотую медаль, хотя он был явно сильнее противника на протяжении всего боя.

Тогда не было видеозаписей, судейское совещание длилось «вечность». Наш двор, как и весь город, как и вся страна, замерев, прервав дыхание, ждал решения судейской коллегии. Но к тому моменту в семи из десяти, тогда их было десять, весовых категорий уже одержали верх наши ребята. Видимо, и эта ситуация тоже склонила чашу весов на сторону явно более сильного Александра Изосимова. Боже!!! Что творилось во дворе!!! Это чувство коллективизма было важной чертой дворов тех лет. И радости вместе, и ссорились полдвора на полдвора. Порой очень

скоро уже нельзя было понять и различить, кто зачинщики ссоры и в чем суть вопроса. Однако чаще жили мирно и радостно.

Это было послевоенное время надежд на мир и победу коммунизма в нашей стране, а затем и во всем мире. Если инициаторами внутридомовых преобразований выступали чаще представители среднего возраста — наши отцы, то скрепляющей основой дворового единства была молодежь. В известном смысле дети и юность двора принадлежали всему двору, и каждый взрослый не только имел право, но и обязан был направлять и руководить жизнью молодежи. При этом у нас были довольно широкие права, и мы этим активно пользовались.

Большую часть свободного времени проводили на улице. Играли, так сказать, в игры широкого пользования. Жмурки: играющие становились в круг, и ведущий по кругу произносил считалку, на каждом слове указывая на отдельного человека: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, а ты кто будешь такой?». Тот, на кого выпадало последнее слово, должен был жмуриться, маяться, т. е. стать лицом к стене, на которой был нарисован большой квадрат — кон, и, замурив глаза, считать до 20. Остальные в это время прятались. Сразу после цифры 20 маявшийся говорил: «Кто не спрятался, я не виноват. Иду искать!». Открывал глаза и всех, кого находил, должен был «застукать», т. е. подбежав к кону, ударить об него ладошкой и сказать: «Стук за Таню! Стук за Сашу!». И так далее. Если обнаруженный успевал опередить того, кто маялся, и, подбежав к кону, ударить ладошкой и крикнуть: «Стук за себя!», это давало ему право прятаться и в следующем раунде. Последний из застуканных начинал маяться. Если маявшийся не смог никого застукать, он опять маялся. Слегка повзрослев, мы особенно любили эту игру, потому что по ходу ее можно было спрятаться с понравившейся тебе девочкой и поцеловаться. Иногда использовали более короткую считалку: «Индия, Китай, скорее вылетай!».

Мы играли также «в чижика», «в дука», «в жостку», конечно, «в войнушку». В этой игре баталии разворачивались еще до начала игры, мы страстно выясняли вопросы: «Кто за наших? Кто за немцев?». Тут считалочкой дело не обходилось. Жостка считалась у взрослых игрой шпаны, и они всячески препятствовали этому нашему увлечению. Описание самых популярных игр дается по окончании основного текста.

Кроме вышеназванных широко распространенных игр, в нашем дворе были игры, которые сегодня назвали бы авторскими. В них играли

наши дворовые, иногда привлекая ребят из других дворов. Таня Годунова, ее отеческую фамилию практически не употребляли, поскольку ее отца мы не знали, придумывала учебно-воспитательные игры: «в школу», «испорченный телефон». Еще одна игра была неавторская, в нашем дворе чаще всего ее заводила Таня, которая пробовала играть «в семью», но эту игру дружно и жестко пресекали родители. Тогда мы не могли понять почему, осознание пришло много позже.

Однажды Таня выдала каждому из нас нарукавные повязки, на которых красовались три большие буквы «Д Т К». В субботу и воскресенье, а иногда экстренно мы выходили с этими повязками во двор и наводили порядок и чистоту, в другие дни сами вызывались помогать взрослым — что-то купить, отнести-принести, переставить и т. п. Повязки при этом были обязательным атрибутом. Взрослые радовались и удивлялись, особенно когда ради помощи другим, даже людям с улицы, мы жертвовали участием в наших любимых играх. Весь двор спрашивал, что значат буквы на наших повязках. Мы упорно молчали, это была наша тайна. Разгадал ее время спустя Борис, он был старше всех нас и отбрыкивался от этой игры, ссылаясь на то, что его главная миссия следить за движениями в нашем овощном магазине и вовремя оповещать двор о завозе свежих продуктов. В один из дней он вышел во двор и, оглядев нас, собравшихся трудиться, и всех взрослых, которые оказались в это время во дворе, торжественно, но с лукавой улыбкой громогласно объявил: «Я знаю, что означают эти три буквы!» — и медленно, победоносно глядя на всех, начал раскрывать смысл слов, скрытых аббревиатурой и твердо хранимый нами в тайне: «Д — Дворовая, Т — Тимуровская, К — Команда!». Это нас опечалило и поколебало наш энтузиазм, но Борис тут же встал в наши ряды и активно начал помогать: «Не люблю непонятки, это лишает меня целенаправленности, но когда я понял шифр, то очень обрадовался, и вот я с вами!».

И все-таки раскрытие тайны не прошло бесследно, утрата ее превратила нашу игру в рутину, а потом и вовсе свела на нет. Две другие игры придумал я. Первая из них носила камерный характер, и играли в нее всего несколько человек из разных дворов нашей улицы. В наши дни особенно была актуальна борьба за ядерное разоружение. Об этом постоянно писали газеты, говорили по радио и вещали по молодому виду коммуникации — по телевидению. Я же очень любил географию и мечтал о глобусе, когда мой папа, приехав из очередной командировки в Москву, привез мне сногшибательный подарок — дефицитный в те

времена домашний глобус. Я только с ним и возился. Вдруг придумал: на глобусе микроскопически живет весь мир и его можно в масштабе увеличивать вплоть до реальных размеров. Я мог видеть улицы и проселки городов и деревень, наблюдать за жизнью людей в самых отдаленных странах и континентах.

И у меня с друзьями родилась идея найти на карте места, где расположены базы с ядерным оружием, и уничтожить их все. Больше других активничали я и Миша Сантуринов, живший через три двора, увлекся этим и Боря Роговой, для меня первый после родителей, а в чем-то и прежде них авторитет. Базы на таком глобусе найти нетрудно, но как их уничтожить, не нанеся непоправимых потерь землянам. Думали, гадали... Эврика! Надо взять базу с глобуса, увеличить ее до ощутимого размера и раздавить как клопа. Проблема была лишь в том, до какого масштаба можно и нужно увеличить эти базы, чтобы не навредить уже людям, реально находящимся на Земле? Чуть позже возник еще один принципиальный вопрос: уничтожать только базы потенциального противника или все, включая отечественные?

Этот вопрос обсуждался очень активно. Все мы были за то, что наши базы надо сохранять, так как для построения светлого коммунистического будущего нам нужен был ощутимый прочный щит от возможных нападков врагов. И только Борис, который и поднял этот вопрос, считал, что сохранение хотя бы одной ядерной базы будет создавать прецедент для возрождения этого смертоносного оружия в других недружественных нам странах. Вопрос этот обсуждался несколько дней, в конце концов Борис, хотя и с трудом, смог убедить нас, что миру нужен мир. Не будет ядерного оружия, не будет необходимости в ядерном щите. Сейчас воспоминания об этом кажутся фантастически неправдоподобными, но так мы играли, не подозревая, что и в большом мире происходили подобные «игры», скрытые от глаз мировой общественности.

Другую игру, придуманную мной, сегодня вспоминаю как пророческую. Выше я уже говорил, что очень любил читать про географические открытия, путешествия, экзотические страны, но особенно любил читать про маленькие государства: Сан-Марино, Ватикан, Монако, Андорру, Лихтенштейн, Мальту, на фоне которых Люксембург казался великаном. И поскольку наш двор в ближайшем окружении был единственным двухэтажным со всех сторон колодцем, с красивыми воротами, глубокой аркой и квартирой № 1, в которой жил мой друг Сергей Сучилкин, у меня родилась идея создания маленького суверенного государства,

которое будет жить на доходы от туризма и продажи почтовых марок. Работать и учиться мы будем в СССР, въезд и выезд между нашими странами будет безвизовый. Высшим органом государственной власти был Совет двора, который избирал своего Председателя сроком на пять лет, по пятилеткам. Прочитав о прецеденте, созданном Ф. Д. Рузвельтом, и реакции на это политического руководства США, мы так же ограничили срок пребывания на посту Председателя совета двора двумя сроками, не более. Между нами, детьми, государственные должности распределялись гласно, взрослых назначали на те или иные должности, не уведомляя их, просто для полного соответствия правительственным должностям большого государства. Председателем правительства хотели назначить Петра Афанасьевича Рогового, но его сын Борис Роговой уже занимал две должности: министра финансов и министра культуры, потому что учился в педагогическом институте на художественно-графическом факультете и отвечал за выпуск оригинальной валюты нашего государства, а его старший брат Володя Роговой надзирал за общим порядком и был шефом милиции. Решили не концентрировать много власти в одной семье.

Председателем правительства назначили дядю Ваню (Манука) как старейшего члена нашего двора. Сергей Сучилкин и его бабушка тетя Оля руководили пограничной службой. Таня Годунова была министром просвещения. Варган Кукуян — министром по делам национальностей, иностранным делам и туризму. Витя Чернявский руководил спортом, Виктор Езонов — связями с общественностью, а его папа дядя Петя отвечал за рыбное хозяйство. Мария Леонтьевна Сучилкина, Сережина мама, была Председателем совета профсоюзов нашего двора. Нина Михайловна Хомутова — министр здравоохранения. Тетю Дусю, которая жила над нами, единогласно назначили Председателем КГБ, потому что она знала всё про всех. «Тетя Дуся, что у меня в жизни новенького?» — иногда «с подколом» спрашивал я, возвращаясь вечером после учебы домой, глядя, как она озирает с высоты второго этажа наш двор. Ее внук Валера как самый молодой руководил пионерской и комсомольской организациями. Папе досталась должность министра по делам строительства и благоустройства двора.

Конечно, взрослые не знали о своем назначении на высокие должности, да и о том, что мы уже отдельное государство. Иначе нам бы всем сильно досталось. Все должности и всех участников сейчас и не вспомнишь. Игра наша продержалась почти целый учебный год и по-

том сама собой сошла на нет. Много лет спустя в наши дни я вспомнил про нее и, глядя, как распадается огромная держава, подумал: «Вот тебе и предвидение?!».

Можно вспоминать и другие игры нашего дворового детства, но однажды папа купил нам, уже подросткам и юношам, теннисный стол, чтобы мы «не болтались по улицам», и все игры обнулились, как это стало модно говорить, правда, по другому поводу, в десятые годы нынешнего столетия. Недолго играли дворовые, вскоре стала играть вся улица, а затем приходили друзья друзей, и уже даже мы — дворовые становились в длинную очередь, чтобы сыграть свою партию «на вылет». Это был звездный час Юры Мхитарова, он жил во дворе № 7 на противоположной стороне улицы и играл божественно. Вскоре пришлось вводить ограничения игр одним и тем же победителям. Сначала ограничились до семи, а потом до пяти партий подряд, после чего победитель должен был становиться в общую очередь.

Постепенно менялись наши интересы, увлечения, да и двор в целом как бы распозался по отдельным квартирам. Все меньше становилось общих дворовых застолий, моя мецмайрик (бабушка) Искуи (Устина Сергеевна) по-прежнему готовила каждый день много вкусной еды, на ее вкусности как всегда приходило много друзей, но это были уже гости нашей семьи, соседние квартиры также постепенно обособлялись. Даже возникавшие порой соседские ссоры перестали походить на прежние битвы «полдвора на полдвора» и заканчивались уже не общим застольем, а тихим примирением или затаенной обидой, а то порой и злобой. Все реже приглашали мецмайрик или папу в качестве третейских судей на соседские разборки. Каждый имел свой телевизор, футбол и бокс уже смотрели в семейном одиночестве. Подобные процессы происходили повсеместно, неслучайно популярные в те годы юмористы Тарапунька и Штепсель, русский и украинец, много шутили на тему о разобщающем людей телевидении.

Последнее совместное мероприятие, которое я помню, было трехдневное поминание завершившего свою жизнь К. Е. Ворошилова. Правда участвовала в этом в основном молодежь в квартире Алика (Саши) Гребеннюка. Я уже учился на третьем курсе Кубанского государственного университета, занятия проходили во вторую смену. Когда второго декабря 1969 г. по темноте я вернулся с занятий и собирался зайти домой, за моей спиной появился Боря Роговой. «Вартанчик, — услышал я его вкрадчивый голос, — умер Климент Ефремович Ворошилов». «Ну так

и...?». «Прошу...», — Боря двумя руками картинно указал на квартиру Гребеннюков напротив, там в окне мелькали уже знакомые фигуры.

Домой я пришел в два часа ночи, но все знали, где и по какому поводу мы собрались. Назавтра повторилось то же самое. Третью ночь я пытался избежать, потому что предстоял серьезный семинар. Увы! Из гребеннюковской квартиры вышли все ребята и увлекли за поминальный стол. Поминки проходили своеобразно: и честь отдавали выдающемуся политическому и военному деятелю, и едва уловимый юмор присутствовал в наших разговорах о заслугах Климента Ефремовича и его жизни. Сегодня я бы назвал эти три поминальных вечера предтечей анекдотов про другого героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева, а тогда это было как-то и само собой и в то же время как-то странно необычно. Впрочем, как бы то ни было, но трехдневные проводы Климента Ефремовича Ворошилова остались в моей памяти последним большим застольем нашего дружного двора.

Воспоминания выстраиваются в бесконечный образ жизни, которая была, есть и будет независимо от нашей памяти и даже нашего телесного пребывания на этой грешной Земле. Вдруг открывается одна простая истина, что мы уже пребываем в Вечной жизни. Исследовать духовную составляющую жизни крайне трудно, так как ее проявления при всем их огромном влиянии на всю обозримую жизнь едва уловимы. Привычный инструментарий исследования оказывается вдруг как-то слаб и ничтожен в стремлении исследовать и понять место и роль Духа в нашей жизни. Количественные методы, которыми оперирует классическая наука, не только не раскрывают всей глубины исследуемого явления или процесса, но искажают его и порой ставят человечество на грань своего существования.

Например, когда мыслители Древней Греции стремились дойти до глубинной сути материи, ее конечной точки, они остановились на понятии «атом» — неделимый. Это была последняя точка материальности, за которой скрывался иной мир. Любопытство ученых Новейшего времени привело к расщеплению атома. Перед человечеством открылись новые, едва постижимые умом свойства материи. Открывшаяся бездна исторгла из себя атомную энергетику, опасную не только своими чудовищными возможностями уничтожения мира, но и так называемый «мирный атом» представил людям серьезнейшую опасность для их выживания. Люди не остановились на этой духовно постигнутой ими границе «атом неделимый» и в жажде количественного познания перешагнули границу дозволенного и вступили на путь самоуничтожения.

Примеры можно приводить из многих других областей, и все они ведут нас к тупику исчезновения, поскольку не наполнены и не окрашены духовным качественным содержанием. Возвращаясь к воспоминаниям о нашей прошлой ушедшей жизни, мы должны не ностальгировать об исчезнувшем «золотом веке», а учиться извлекать из прошлой жемчужины гармонии и чистой влаги жизни, которые пронизывают невидимо нашу жизнь и наполняют ее иным глубинным содержанием: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. / И корова будет пастись с медведицей, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. / И младенец будет играть над норою аспиды, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. / Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» [3].

Тогда это перестанет восприниматься как библейская утопия и коммунизм перестанет быть жутким убежищем вождей тоталитаризма, предстанет пространством гармоничных отношений человека с человеком, людей с природой, Космоса с Земным бытием. Где даже возникающие конфликты будут решаться за дружеским столом, станут частью Вселенской Гармонии. Но когда это произойдет, какие трагические события будут предшествовать столь масштабным по содержанию переменам, вряд ли можно сказать лучше, чем открывается нам в книге пророка Исаии: «И будет в тот день: остаток Израиля и спасшиеся из дома Иакова не будут более полагаться на того, кто поразили их, но возложат упование на Господа, Святаго Израилева, чистосердечно. / Остаток обратится, остаток Иакова — к Богу сильному. / Ибо, хотя бы народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится; истребление определено изобилующею правдою; / ибо определенное истребление совершит Господь, Господь Саваоф, во всей земле» [3].

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать, что хотя мы были людьми безбожного XX в., получившими жесткое атеистическое воспитание, Дух не умирал в наших сердцах, Дух входил в нашу душевную и телесную жизнь и сохранял наши человеческие лица. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» [2]. «Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» [6].

Правила некоторых игр

1. Чижик. Вырывают узкую, достаточно глубокую, сантиметров 15 в длину, лунку. Поперек лунки кладут ровную, не очень тонкую, но и не очень толстую палочку сантиметров 15 — это чижик. У каждого игрока своя, тщательно оберегаемая, длинная, не очень толстая палка. Каждый по очереди подходит к лунке и старается выбить чижика подальше от лунки и так, чтобы тот игрок, который мается, не поймал чижика. Первого мающегося выбирают по считалочке, далее его меняет тот, чей чижик последним попал в руки мающегося. Победителем считается игрок, который дальше всех забросил чижика и тот не был пойман мающимся.

2. Дука. Дук — деревянный, хорошо обработанный со всех сторон цилиндр с ровными торцами сантиметров 20 в высоту и сантиметров 3–5 в диаметре торцов. Дук тщательно оберегался и хранился, как правило, у одного из авторитетных игроков. Хотя порой если очень хотелось играть, а дука под рукой не было, в ход шла консервная банка, но это унижало достоинство игравших. Вообще в уличных играх отблеском отражалась этика лагерного мира. Дук ставился в центр двух или трех вычерченных окружностей, одна больше другой. И, отступив от дука на шаг-полтора, прочерчивались перед ним прямые параллельные полосы семь или девять. Расстояние между полосами полшага. Первого мающегося по традиции выбирали считалкой. «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет. Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой». Тот, на котором считалка заканчивалась, начинал маяться. Все с длинными мощными палками выстраивались у самой дальней от дука линии, стараясь его сбить, да так, чтобы и дук вылетел в сторону за прочерченные круги, и палка бросавшего не осталась в поле этих кругов. Если игроку не удавалось сбить дук, то он должен был ухитриться и добежать до своей палки и стать на нее ногой, это его защищало от мающегося. Если дук сбивали, все должны были бежать к центру, где стоял дук, и палкой своей застучать себя. Если мающийся кого-то застукивал, то тот начинал маяться. Игра возобновлялась. Тот, кто сбил дук, переходил на одну полосу вперед. Остальные сбивали с прежней линии. Тот, кому удавалось пройти все линии и не быть застуканным мающимся, объявлялся победителем.

3. Жостка. Несколько лоскутов жесткой ткани сшивались вместе, обрезались кругом в размер чуть больше раскрытой ладони, к центру пришивали груз — кусочек свинца, тяжелую пуговицу или что-то подобное. Жостка готова. Игра была очень простая: поднимая перед собой ногу боком — так, чтобы ступня была сбоку снаружи, надо было как можно дольше подбрасывать жостку, удерживая ее постоянно перед собой в состоянии полета. Побеждал тот, кто дольше других ее подбрасывал, не роняя на землю. При всей несложности правил игра требовала хорошей физической подготовки, но у добропорядочных родителей почему-то считалась игрой шпаны и под разными предлогами нам не разрешали в нее играть. Надо сказать правду, что в жостку иногда играли на деньги. Возможно, это вызывало негативную реакцию у родителей.

Было много и других игр, но это требует отдельного изучения.

Использованная литература:

1. Бардадым В. П. Архитектура Екатеринодара. Дом купца Кононенко. Краснодар : Лебедев Ю. Ю., 2009. С. 101–104.
2. Евангелие от Иоанна // Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Московская Патриархия, 1992.
3. Книга пророка Исаии // Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Московская Патриархия, 1992.
4. Мирный И. А. Прошлое и настоящее улиц города. Екатеринодар — Краснодар: краткий топонимический словарь. Краснодар : Книга, 2012.
5. Планы города Екатеринодара — Краснодара // ГАКК. Фонд карт. Д. 128.
6. Послание апостола Павла к Римлянам // Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Московская Патриархия, 1992.
7. Список владельцев муниципализированных и демунципализированных домов по городу Краснодару. 1920–1924 гг. // ГАКК. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
8. Списки лиц и учреждений, имеющих право участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы за 1901–1920 гг. // ГАКК. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 45, 45а.

Vardan G. KUKUYAN (Ter Daniel),

Cand. Sci. (General History), Independent Researcher, Krasnodar, Russia,
derder@list.ru

**The Yards of My Childhood
(Krasnodar, 1950s–1960s)**

Using the example of life in a single courtyard in Krasnodar in the 1950s–1960s, the spiritual component of urban life is revealed; in accessible literary form, the relationship between the mental and spiritual in the everyday lives of Soviet people in the first post-war decade is described. The author notes that the synthesis of religious (spiritual) and scientific (rational) approaches to understanding ongoing processes makes it possible to adequately respond to existing and emerging challenges that are pushing humanity to the brink of survival.

Keywords: memoirs, Krasnodar, 1950s–1960s, spiritual life, everyday life, communicative space.

Научное издание

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК РЕСУРС
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

Сборник научных статей
по итогам X международного научного форума

Ответственный редактор:
И. И. Горлова

Корректор: *Т. В. Соболева*
Компьютерная верстка: *О. В. Ключенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2
e-mail: info@heritage-institute.ru